

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Философия и социология; культурология

Научный журнал

№ 3(4)

Киров
2009

Главный редактор

В. С. Данюшенков, доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнзблюд,

доктор исторических наук, профессор (зам. главного редактора);

А. А. Харунжев,

кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);

Т. Я. Ашихмина,

доктор технических наук, профессор;

Е. М. Вечтомов,

доктор физико-математических наук, профессор;

А. А. Мосунова,

доктор психологических наук, доцент;

М. И. Ненашев,

доктор философских наук, профессор;

С. М. Окулов,

доктор педагогических наук, профессор;

В. А. Поздеев,

доктор филологических наук, доцент;

В. Ф. Юлов,

доктор философских наук, профессор;

Н. Н. Ярыгин,

кандидат философских наук, доцент

Ответственные за выпуск:

Е. В. Митягина,

кандидат социологических наук, ст. преподаватель;

Н. И. Поспелова,

кандидат искусствоведения, доцент;

М. С. Судовиков,

кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редактор Ю. Н. Болдырева

Компьютерная верстка – Л. А. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ненашев М. И.</i> О восприятии реальности	6
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
<i>Полуян Н. Н.</i> Идеи гносеологии Владимира Базарова	13
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
<i>Борозинец Г. А., Витязев А. К.</i>	
О половой дифференциации, сексе и любви в производстве человека	18
<i>Дьяченко Л. И.</i> Аспекты сущности геронтологии в контексте социально-философского анализа ...	21
<i>Маслов В. М.</i> Основы технологического мониторинга в философии виртуальной реальности	24
<i>Михайлова Т. А.</i> Аутопойэзис как способ моделирования психических и социальных систем	30
<i>Муравьев В. В.</i> Религия и общественная психология	35
<i>Патырбаева К. В.</i> Особенности современной системы производства и организации труда в XXI в.	40
<i>Ситникова Е. И.</i> К.-О. Апель об этическом измерении истории и политики	44
<i>Соколов А. С.</i> Антропологические предпосылки формирования социальной философии как формы логического знания	49
<i>Шетулова Е. Д.</i> Об анализе сущности отчуждения	55
<i>Шумилов В. К.</i> Теория и методология общественного развития	60
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Попов А. А.</i> Инновационная культура предпринимателя	65
<i>Муругова В. В., Шафигуллина Ю. В.</i> Механизм формирования социальной ответственности студентов в условиях современного вуза	69
<i>Емшанов А. А.</i> Процесс формирования исторического прошлого	76
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	
<i>Сыфроятников О. И.</i> Историсофия Ф. М. Достоевского	80
<i>Богданова Л. А.</i> Современный российский танец в поиске культурной самоидентификации	84
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Ожогина Ю. В.</i> Этические принципы и проблема формирования ценностно-нормативного сознания молодежи в условиях глобализации	88
<i>Дьяченко И. В.</i> Социологические исследования: социокультурный анализ рекламы кино	92
<i>Лазуткина Т. В.</i> К вопросу генезиса языка музыки	97
<i>Хабидулина Л. Ф.</i> Интенции романтического в духовной культуре человека XIX–XX столетий	101
<i>Григорьева Н. И.</i> Современный человек в пространстве виртуальной, гипер- и расширенной реальности	105
ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА	
<i>Ситникова Е. И.</i> К.-О. Апель о языке как форме экзистенции и предмете философии	111

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Махиянова А. В.</i> Специфика классических подходов социологии к изучению социализации личности и их применение в современных условиях	116
---	-----

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Панасенко К. Е.</i> Региональная система образования: проблемы и перспективы	119
<i>Прохорова М. В.</i> Административный капитал в системе хозяйственной деятельности	122
<i>Тесленко И. В.</i> Бизнес-культура в России: социологический взгляд	126
<i>Туркулец С. Е.</i> Античный образ достойного существования (социально-правовой аспект)	130
<i>Шихова Е. П.</i> Период ожидания ребенка как специфический этап в жизненном цикле семьи	137
<i>Аношкин А. А.</i> Самопрезентация российских предпринимателей: «Мы не менеджеры новой формации»	142

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Нифонтов С. А.</i> К вопросу о значении заработной платы для мотивации профессионального развития молодых промышленных рабочих	146
<i>Ружа В. А.</i> Формирование патриотизма у студенчества: социологический анализ	150

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Целетидис Н. В.</i> Развитие межкультурных связей в глобальной компьютерной сети Интернет (анализ молодежных интернет-ресурсов)	155
<i>Коржавин П. Б.</i> О виртуальных выставках как современном социокультурном явлении	158
<i>Джичоная М. А.</i> Компьютерные телекоммуникации в процессе создания учебного культурного пространства при обучении иностранному языку	161
<i>Наумов Ю. В.</i> Макрокультурный кризис в наследии Ф. Ницше и В. Соловьева	164
<i>Мелехина М. Б.</i> «Зырянский текст» К. Ф. Жакова: постановка вопроса	171
<i>Киреева О. В.</i> Истоки городской культуры Западной Европы и Древней Руси	175
<i>Орлова С. В.</i> Танец с вещью (традиции и новаторство)	181
<i>Витель Е. Б.</i> Массовая музыкальная культура: истоки гедонизма	186
<i>Букланс Д. Г.</i> Коммуникативное пространство игры КВН	189
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	193

CONTENTS

- Nenashev M. I.* On perception of reality
- Poluean N. N.* Ideas of gnosiology of Vladimir Bazarov
- Borozinets G. L., Vityazev A. K.* On gender differentiation, sex and love in production of man
- Dyachenko L. I.* Some essential aspects of gerontology in the context of philosophical and cultural analysis
- Maslov V. M.* The foundations of technological monitoring in the philosophy of virtual reality
- Mikbailova T. L.* Autopoyezis as a way of modeling psychic and social systems
- Muravyov V. V.* Religion and social psychology
- Patyrbaeva K. V.* Characteristics of modern production systems and organization of labor in the XXI century
- Sitnikova E. I. K.-O.* Apel on ethical dimension of history and politics
- Sokolov A. S.* Anthropological backgrounds of the social philosophy genesis as a form of ontological knowledge
- Sbetulova E. D.* On the problem of analysiing the essence of alienation
- Shumilov V. K.* Theory and methodology of social development
- Popov A. A.* The innovation culture of a businessman
- Sbafigullina Y. V., Murugova V. V.* Mechanism of forming students' social responsibility in modern higher education
- Emsbanov A. L.* The process of formation of the historical past
- Syromyatnikov O. I.* Historiosophy of F. M. Dostoevsky
- Bogdanova L. A.* The russian contemporary dance: in search of cultural self-identification
- Ozhogina Y. V.* Ethical principles and the problem of shaping normative and value consciousness of youth in the conditions of globalization
- Dyachenko I. V.* Sociological research: social and cultural analysis of film advertising
- Lazutina T. V.* On the problem of genesis of the language of music
- Khabibulina L. F.* Trends of the romantic in spiritual culture in XIX–XX centuries
- Grigorieva N. I.* Modern person in a space of virtual, hyper- and augmented realities
- Sitnikova Ye. I.* Apel on language as the form of existence and the subject of philosophy
- Makhiyanova A. V.* Specificity of classical approaches of sociology to studying personal socialization and their application in modern conditions
- Panasenko K. Ye.* Regional system of education: problems and prospects
- Prokhorova M. V.* Administrative capital in the system of human capital
- Teslenko I. V.* Business culture in Russia
- Turkulets S. E.* The ancient ideas of worthy existence (socio-legal aspect)
- Shibova E. P.* The period of expecting a child as a specific stage in the family life-cycle
- Anoshkin A. A.* Russian entrepreneurs' self-presentation: "We're not modern-style managers"
- Nifontov S. A.* On significance of wages for motivation of professional development of young industrial workers
- Ruzha V. A.* Developing patriotism of students: a sociological analysis
- Tselepidis N. V.* Development of intercultural contacts in the global computer network – the internet (an analysis of youth's most popular internet resources)
- Korzhavin P. B.* On virtual exhibitions as a sociocultural phenomenon
- Dzhichonaya M. A.* Computer telecommunications as a means of creating educational cultural space in the process of foreign language training
- Naumov Yu. V.* Macrocultural crisis in F. Nietzsche's and V. Solovyov's heritage
- Melekhina M. B. K. F.* Zhakov's "Zyrianian text": grounding the problem
- Kireyeva O. V.* The origins of urban culture of Western Europe and Old Rus
- Orlova S. V.* Using a household item in a dance (traditions and innovations)
- Vitel Ye. B.* Mass musical culture: the origin of hedonism
- Buklans D. G.* The communicative space of the game KVN

О ВОСПРИЯТИИ РЕАЛЬНОСТИ

Представим помещение, в котором находятся два человека интеллигентного вида, и у них достаточно времени для отвлеченных рассуждений. Это могут быть грибки в привокзальном зале ожидания или двое в больничной палате или в гостиной особняка перед потрескивающим камином...

Первый. ...Есть очевидные вещи, в которых бессмысленно сомневаться. Например, очевидно и несомненно, что я нахожусь в данный момент в этой комнате и передо мной вот это окно, за которым по небу плывут облака... И все это – реальность.

Второй. Хорошо. Но, согласитесь, что некоторые утверждения все же не могут считаться несомненными. Например, что за Плутоном движется по орбите еще одна планета, входящая в Солнечную систему, назовем эту планету Трансплутоном. Дело в том, что некоторые особенности орбиты Плутона позволяют делать такое предположение. Так вот, утверждение, что существует такая планета, настолько же несомненно, как и утверждение, что перед Вами находится вот это окно?

П. Я думаю, что утверждения, что я сейчас нахожусь в комнате и передо мной вот это окно, несомненны, а утверждение о существовании Трансплутона нуждается в доказательстве.

В. Итак, несомненно то, что не нуждается в доказательстве. А в доказательстве не нуждается то, что Вы непосредственно видите перед собой. Вывод: то, что Вы видите непосредственно перед собой, например это окно, несомненно существует.

П. Достаточно вообще находиться, неважно, перед глазами или в другом месте. Находиться означает занимать определенное место в пространстве, а это уже признак реального существования. Поэтому если нечто уже где-то находится, т. е. буквально – где-то можно его найти или обнаружить, даже неважно где, значит – существует.

В. Это так. Но для нас существенно, что речь идет о том, что я вижу непосредственно перед собой. Если вижу непосредственно перед собой, значит, несомненно существует, – вот с чего мы начали. Трансплутон Вы не видите непосредствен-

но перед собой, значит, утверждение о его существовании нуждается в доказательстве.

П. Пусть будет так.

В. А если Вы что-то видите как отражение в зеркале, то есть не непосредственно? Например, видите в зеркале меня, входящего в комнату. Вы, конечно, не размышляя, повернетесь и поздороваетесь со мной. Так как в данном случае тоже несомненно, что я вхожу в комнату, если перед Вами прямо в зеркале отражение меня, входящего в комнату. Есть посредник – зеркало, поэтому, строго говоря, нет непосредственного восприятия. И все равно, является ли несомненным то, что я вхожу в комнату в силу того, что непосредственно видите не меня, а мое отражение?

П. К чему Вы клоните?

В. Я хочу нащупать градицию между несомненным и требующим доказательства. С одной стороны, несомненно, что передо мной окно комнаты, и, с другой стороны, отнюдь не несомненно, что существует Трансплутон. Можно ли сказать, что между этими утверждениями имеется непрерывный переход по степени несомненности? Например, в качестве промежуточного звена можно выставить утверждение, что в соседней комнате кто-то на самом деле сейчас играет на пианино, а не по радио. Все-таки, скорее всего, на самом деле, так как вот уже второй раз сбился, но, может быть, это радиопостановка и так задумано по сценарию. Второй вариант более сомнителен. Но можно зайти в комнату и разобраться, то есть однозначно выяснить, что там на самом деле. Тогда степень несомненности зависит от легкости или трудности доказательства.

Но, может быть, переход от сомнительного к несомненному не непрерывен, а происходит скачком, т. е. дискретен? Есть, с одной стороны, совокупность точно несомненных утверждений; например, то, что в данный момент я нахожусь в комнате, причем сижу, а не стою или лежу; говорю громким голосом, а не шепчу; в комнате в этой стене есть окно, а в той – дверь. Я цитирую по памяти начало статьи английского философа Джорджа Мура «Достоверность». А с другой стороны, есть совокупность утверждений разной степени сомнительности: от максимальной до минимальной, но все равно так или иначе сомнительные. И можно провести между обеими совокупностями утверждений качественную границу.

Итак, континуум или дискретность? Утверждение о том, что передо мной окно, – несомненно

или лишь минимально сомнительно? Если несомненно, то получается, что критерий несомненности состоит в том, чтобы непосредственно вот сейчас видеть это перед собой.

П. Ну, вообще говоря, мало ли что именно я сейчас вижу перед собой. У Биттлз в песне “Let it be” идет речь о том, что когда у меня неприятности, в мой час темноты мать Мария приходит ко мне, говоря мудро: пусть будет так, let it be. Очевидно, что персонаж, о котором идет речь в песне, непосредственно видит перед собой мать Марию. Однако ясно, что речь идет о видении, то есть воображаемом образе. Я согласен, что то, что мы видим перед собой, может быть галлюцинацией или ошибочно принято не за то, что есть. Брошенное на кресло пальто можно принять в полумраке за сидящего человека. Но в данный момент для меня несомненно то, что я нахожусь в комнате и передо мной окно, и это не галлюцинация. И каждый человек, как правило, прекрасно отличает галлюцинацию от действительного восприятия, а не проводит жизнь в терзаниях – не галлюцинация ли то, что перед ним.

Иными словами, в предложенной Вами дилемме – континуум либо дискретность – я выбираю дискретность.

Да и подумайте сами, если допустить, что *все* утверждения сомнительны, пусть и в разной степени, а значит, нуждаются в доказательстве, то ведь и при доказательстве какого-либо положения придется опираться на утверждения более или менее сомнительные, иных-то у нас нет, и какое же это доказательство? В конечном счете мы не сможем и различать утверждения более сомнительные от менее сомнительных. Все будет одинаково сомнительно, а ведь это не так. Утверждение о Трансплутоне сомнительно, а утверждение, что в этой комнате есть окно, несомненно.

В. Очень хорошо! Что ж, рассмотрим ближе вариант с дискретностью: одни утверждения несомненны, а другие в той или иной степени сомнительны и нуждаются в доказательствах. Ваше обращение к классике в музыке дает и мне повод обратиться к философской классике, к одному месту в работе Эдмунда Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Там идет речь об особенностях действительного, а не воображаемого восприятия.

Гуссерль приводит пример. Допустим, я вижу вот этот стол. Я хожу вокруг него, меняя свое

положение в пространстве, – при этом сознаю присутствие вот этого стола как того же самого. Однако мое восприятие стола постоянно меняется. Восприятие стола есть некий поток.

Мы воспринимаем вещь как реальную благодаря тому, что ее восприятие непрерывно изменяется, «нюансируется», пишет Гуссерль. Это восприятие через проекции-нюансы выражает саму сущность пространственно-вещного, которое принципиально может быть дано лишь посредством нюансирования.

Итак, действительное восприятие вещей отличается от воображаемого тем, что постоянно меняется. Мы смотрим на дерево и видим, как блеск его листьев становится иным, мы объясняем: солнце заходит или тень набежала, мы сами сдвинулись с этого места и т. д. Но суть именно в нюансировке. Образ девы Марии не нюансируется непрерывно, и его нельзя обойти кругом. Поэтому он всего лишь образ.

П. Очень хорошо! Мы получили, опираясь на Гуссерля, критерий действительного существования вещей – изменчивость восприятия во времени. Вещь остается той же самой, но мы воспринимаем ее в каждый момент времени несколько иной. Вот, пока мы разговаривали, облака, которые я вижу на небе в окне, сменили свою форму, они нюансируются. И эта изменчивость не зависит от меня самого, хотя эту изменчивость именно я воспринимаю.

И Вы, глядя на то же облако, воспринимаете его несколько иначе, хотя бы потому, что сидите левее и, возможно, зрение Ваше отличается по остроте от моего. И хотел бы подчеркнуть, что изменчивость восприятия вещи от нас самих не зависит. Не по нашему заказу она становится чуть светлее, а потом темнее.

Однако необходимо уточнить! Гуссерль говорит о нюансировании *восприятия* реальной вещи, которая сама по себе остается той же самой. На самом деле восприятие вещи нюансируется, потому что нюансируется *сама реальность*, даже оставаясь той же самой. Меняется освещение листьев дерева, в данной комнате стало темнее, потому что наступает вечер. Это – объективные изменения самой вещи, и они отражаются в изменении восприятия вещи.

В. Важное уточнение! Однако о реальном-то изменении вещи мы судим все-таки на основании нашего *восприятия*. Наше восприятие и есть ос-

нова всех наших утверждений относительно мира. То, как вещи даются нам в сознании, – а другим способом они нам не даны, – и является основанием для утверждений о свойствах вещи. *Восприятие* девы Марии не нюансируется, поэтому мы имеем дело с видением. А *восприятие* облака в окне нюансируется, поэтому мы и говорим, что видим, то есть воспринимаем, реальное, изменяющееся прямо на глазах облако.

Вы воспринимаете вот это помещение как комнату, поэтому говорите, что видите комнату. А представитель племени из джунглей Амазонки не увидел бы комнаты, но обнаружил бы замкнутое пространство непонятной формы, потому что не знаком с геометрией Евклида, с ее плоскостями, параллелепипедами и т. п. И наша беседа ему показалась бы шумом, издаваемым существами в странных одеяниях, но похожих на людей. Да и не только ему. Наша беседа о восприятии реальности показалась бы шумом человеку, который восемь часов в день закручивает гайку на конвейере, а вечером сидит с банкой пива перед телесериалом.

П. Вы хотите сказать: чтобы увидеть в этой комнате комнату, нужно быть европейски образованным человеком.

В. Правильнее сказать: чтобы увидеть комнату в том, что Вы сейчас якобы непосредственно видите перед собой, нужно уже иметь представление о комнате. Мы видим то, о чем уже имеем представление. В 20-е гг. в том, что воспринимали как Божий храм, вдруг увидели помещение для хранения картофеля, потому что у тех людей отсутствовало представление о Божьем храме.

Итак, наше восприятие – отправной пункт для утверждений о реальности. Но само восприятие определяется тем, что мы готовы увидеть через очки своей культуры – европейской, восточной, христианской, атеистической и т. д.

П. Отлично! А реальность сама по себе, вне нашего восприятия, которое всегда, таким образом, социокультурно оформлено, есть кантовская непознаваемая вещь-в-себе. Начали с Гуссерля, а пришли к старому доброму Канту.

В. Гуссерль, кстати, опирается на Канта, хотя и называет его непознаваемую вещь-в-себе противосмысленной. Он считал, что в своем восприятии мы имеем дело с реальными вещами, как они есть.

Другое дело, что мы можем заслонять от себя то, что есть, тем, что непосредственно видим, это

я ввожу теперь другого классика – Мартина Хайдеггера.

П. Вы хотите сказать, что имеется различие между тем, что есть, и тем, что мы видим? Но мы начали с того, что непосредственно видим то, что есть! Я непосредственно вижу сейчас комнату, то есть то, что реально есть. И согласитесь, что пусть это и помещение, а я как европеец, вижу комнату, а тот парень с Амазонки увидел бы что-то иное, – но данное помещение и делалось-то с самого начала в виде комнаты, и задумано было в виде комнаты, так же, как то помещение для хранения картофеля первоначально строилось все-таки для встречи с Богом.

В. Дело в том, что *непосредственно* мы видим не комнату, взгляд наш непосредственно упирается в стены, покрытые краской, а точнее, в саму краску, а еще точнее – в пыль, которая лежит на этой краске. Но наше воображение достраивает то, что непосредственно видит наш глаз; или скажу грубее: то, что отпечатывается на сетчатке нашего глаза, – до комнаты. Подобно тому, как воображение достраивает круг, отливающий красным, который мы видим *непосредственно*, – до яблока. Или непосредственно видим на сцене, как пожилая тетка на балконе спрашивает мужчину тоже не первой молодости, как он сюда пробрался. И для чего? А тот сообщает, что его перенесла сюда любовь [Шекспир В. Ромео и Джульетта / пер. Б. Пастернака]. Однако воображение достраивает «то, что непосредственно видим», до пыльной встречи юных влюбленных. Но мы можем заслонить то, что *есть*, тем, что *видим непосредственно*.

П. Отлично! А восприятие того, что *есть*, определяется той культурой, в которую мы при нашем рождении оказываемся заброшенными. Про заброшенность – это снова Мартин Хайдеггер. И мы опять возвращаемся к старому доброму Канту и непознаваемой реальности самой по себе.

В. Я потом покажу, что возвращение к Канту не обязательно и что мы все же познаем то, что есть.

Но я хотел бы вернуться к различию между тем, что мы знаем несомненно, и тем, что нуждается в доказательствах. Для этого обратимся к Людвигу Витгенштейну, австрийскому философу XX в., современнику Гуссерля.

В своей работе «О достоверности», написанной как обсуждение упомянутой статьи Мура, он пы-

тается найти критерий, отличающий утверждения о достоверном и несомненном, от тех, которые нуждаются в фактической проверке. Те и другие утверждения с логической точки зрения выглядят одинаково, те и другие утверждают нечто о фактах. И в то же время интуитивно ясно, что между ними есть четкое различие. Но это – интуиция. Однако существует ли формальный признак, отличающий несомненное от того, что требует проверки?

П. Очевидно, что одни утверждения нуждаются в доказательствах, хотя бы в виде указания на опыт, а другие не нуждаются в доказательствах. Мы действительно это уже говорили.

В. Я попробую воспроизвести логику рассуждений Витгенштейна, которого, кстати, многие считают гениальным, его работы составили эпоху в европейской философии XX в. Он различает утверждение о существовании конкретной планеты (например, Сатурна) и утверждение о существовании земли задолго до нашего рождения или о том, что вот это – моя рука. Неверно, указывает он, что с переходом от планеты Сатурн к моей руке ошибка делается лишь менее вероятной. В каком-то пункте ошибка становится невозможной.

Критерий состоит в том, что в противном случае пришлось бы допустить, что мы заблуждались в *каждом* нашем утверждении о вещах и любое когда-либо сделанное нами утверждение ошибочно. Иными словами, если каждое утверждение может быть, хотя бы как возможность, ошибочным, тогда все наше знание сомнительно.

П. Ну, правильно! Однако этот критерий говорит лишь о том, что по крайней мере часть утверждений безусловно достоверны. Но он не говорит, какие именно утверждения безусловно достоверны. А о том, что часть утверждений достоверны, потому что иначе ничего нельзя было бы обосновать и вообще все было бы сомнительным, мы тоже уже говорили. Таким образом, пока Витгенштейн рассуждает, как мы с Вами. Для этого не нужно быть гением, нужно лишь иметь свободное время.

В. Интересно, что в одном месте Витгенштейн сравнивает себя со старой дамой, которая то и дело что-то теряет и вынуждена искать то очки, то связку ключей, то есть он осознавал, что ходит по кругу в своих рассуждениях. Итак, какой же критерий позволит нам четко очертить круг утверждений о безусловно достоверном?

Критерий состоит в том, что то, что безусловно есть, является условием *нашей реальной жизни*. Поэтому для нас оно безусловно *есть*. Слова Витгенштейна: бессмысленно задаваться вопросом, как долго уже существует Земля, поскольку всякое изменение уже происходит на *ней*. И то, что мы называем исторической очевидностью, указывает на то, что Земля существовала задолго до нашего рождения; в пользу же противоположной гипотезы нет *ничего*.

П. Я так понимаю, что ключевым здесь является выражение «условие нашей жизни». Если то, о чем мы утверждаем, является необходимым условием того, чтобы мы вообще могли существовать и действовать, в том числе и утверждать, то ясно, так сказать, априори, без апелляции к опыту, что соответствующие утверждения истинны. Например, утверждение, что в данном помещении находится приемлемый для дыхания воздух, априори истинно, так как в противном случае мы не могли бы вообще делать сейчас какие-либо утверждения, в том числе и о воздухе.

Мне опять приходит в голову параллель с Кантом. Он вводит априорные формы рассудка и созерцания как условия возможности всеобщих и необходимых суждений в математике и естествознании. Евклидово трехмерное пространство есть априорная форма нашего созерцания. Иными словами, пространство не есть свойство самих вещей, но есть свойство нашего сознания в качестве способности воспринимать вещи в пространстве. Эта форма созерцания обеспечивает восприятие *всех* вещей таким образом, что параллельные не пересекаются, сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым углам, тела притягиваются силой, обратно пропорциональной именно квадрату расстояния между ними и т. д. Для нас все вещи предстают в евклидовом пространстве, потому что так устроено наше сознание. Но, в таком случае, каковы вещи сами по себе, вне нашего сознания, мы не знаем.

В. Вы сейчас опять упрекнете меня в том, что мы так и не ушли от кантовской непознаваемой вещи-в-себе.

П. Я устал это делать!

В. И все же пока я буду двигаться в этом направлении, чтобы в результате уйти от кантовской непознаваемой вещи-в-себе раз и навсегда.

П. Жажду это увидеть!

В. Витгенштейн вводит понятие «форма жизни». Вводит мельком, не разворачивая в определе-

ния, подобно тому, как Гуссерль вводит в своих поздних работах понятие «жизненный мир». Я назову это другим словом – культура. Существуют разнообразные человеческие культуры, или формы жизни: европейская, исламская, культуры так называемых примитивных народов... И условия существования культуры, как именно данной, оказываются тем, которые для данной культуры несомненно существуют как очевидный факт.

П. Ну правильно! Для средневековой культуры, архитектура которой, по выражению Питирима Сорокина, была Библией в камне, земля, на которой обитал человек, созданный по образу и подобию Божьему, не могла не находиться в центре мира. Поэтому монахи спорили с Галилеем не в силу невежества, а потому что принятие геоцентризма было одним из условий существования данной культуры в качестве именно данной культуры.

У Джона Локка, английского философа начала эпохи Просвещения, есть слова о вере, которая максимально достоверна, независимо от того, согласуется ли она с обычным опытом людей и нормальным ходом вещей. Потому, что этот вид веры определяет наш духовный мир, поэтому исключает всякие колебания. Имеется в виду божественное Откровение. И как мы не можем сомневаться в нашем бытии, так не можем сомневаться в истинности откровения, исходящего от Бога.

Но ведь можно взять исламскую культуру, для которой несомненным является то, что сказано в Коране.

Таким образом, несомненное есть, так сказать, переменная величина. Для средневековья представлялось несомненным то, что Земля – центр Вселенной, а сама Вселенная создана для восхваления человеком мудрости Божьей. Для культуры нового времени несомненно то, что Земля – это затерявшаяся на окраине Млечного пути планета. А фигуры, оказавшиеся на стыке культур, будут попадать со своим пониманием того, что несомненно, в ситуации Джордано Бруно и Галилео Галилея.

Вообще говоря, я сейчас пересказываю с некоторыми вариациями идеи Николая Данилевского и Освальда Шпенглера. Попробую процитировать по памяти место из «Заката Европы» Шпенглера.

Человечество – фантом. Устраним его, и перед нами предстанет ансамбль культур с собственными идеями, собственными страстями, собственной жизнью, чувствованиями и собственной смертью. Есть расцветающие и стареющие культуры,

как есть молодые и старые дубы, но нет человечества. Дальше он говорит о несоизмеримости этих культур, об их замкнутости на себя и непрозрачности друг для друга.

В. Здесь также приходят в голову слова Хайдеггера в работе «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим». О том, что сама беседа именно на европейском языке (в частности, немецком) разрушает возможность объяснить европейское понимание эстетического восточному человеку. И если язык – это дом бытия, то европейцы живут совсем в другом доме, чем восточный человек.

П. Или все же существуют некоторые вещи, которые понятны всем культурам и во все времена? Которые несомненны, так сказать, по-настоящему. Например, что вот это моя рука и в окне плывут вот эти облака.

В. Вполне можно, по крайней мере гипотетически, представить культуру, для которой человеческие тела не являются дискретными. Например, Ваша рука не обрывается там, где заканчиваются пальцы. Она продолжается в бесконечность, по пути соединяясь с другими телами, а то, что мы видим в качестве «моей руки», есть лишь временное сгущение, так сказать, уплотнение некой непрерывной материи или поля, которые можно видеть духовным зрением. И в этой материи нет ни «моего», ни «твоего».

П. Мне хочется еще раз повторить, что это или Кант, или сплошной релятивизм, утверждающий относительность любой истины. Помните у Блеза Паскаля? Справедливость и несправедливость меняются с переменной климата, и то, что считается истиной по эту сторону Пиренеев, является заблуждением по другую их сторону.

Тогда давайте рассуждать последовательно. Ведь каждое поколение даже внутри своей культуры видит мир по-другому, чем предыдущее, поэтому имеет свое собственное несомненное – собственные идеи и страсти, собственную жизнь, чувствования и смерть. И несомненное каждого класса и каждого индивида не совпадает с несомненным другого индивида и другого класса. Сюда можно добавить, что даже отдельный человек в разных своих состояниях (вспомним скептиков) склонен считать несомненным тоже разное. Как говорится, утро вечера мудренее, а сытый голодному не товарищ.

А я все же буду снова и снова утверждать то, с чего начал. Есть положения, в которых бессмыс-

ленно сомневаться: нахожусь в этой комнате, а за окном по синему небу плывут вот эти белые облака... И это – реальность.

В. А у меня, по-вашему, получается снова чистый Кант – познаем явления нашего сознания, или, чтобы быть ближе к теме разговора, явления, значимые для той или иной частной культуры, но не познаем вещи сами по себе. Не правда ли? Однако на самом деле для Канта существует одно сознание на всех. Все видят мир одинаковым, если, и это необходимо уточнить, речь идет не о мнениях, а о научном взгляде на мир. И нет китайского, или индийского, или европейского естествознания, так же, как нет пролетарского или буржуазного. Нет науки Петрова и науки Иванова. Для каждого человека, каждого класса и каждой культуры вещи трехмерны и евклидовы и подчинены причинно-следственным отношениям. Поэтому и возможна наука как всеобщее и необходимое знание о мире.

Но так как логически возможны другие геометрии – рассуждает далее Кант (и действительно, потом, уже после Канта, были построены неевклидовы геометрии Римана и Лобачевского), то должно быть какое-то основание, чтобы реальный мир был именно евклидов. И вот этим основанием является структура нашего сознания, которая одна на всех. Поэтому все мы воспринимаем мир евклидовым. И не знаем, каков мир сам по себе.

Согласитесь, что это все-таки не то, что каждая культура и поколение и каждый индивид воспринимает мир по-своему. Иными словами, Кант точно не релятивист. И вот здесь я хотел бы выйти на очень важные мысли по поводу нашего восприятия реальности.

П. Которые опять приведут к Канту.

В. Теперь не приведут. Я буду опираться на идеи Юрия Лотмана о соотношении языка и внеязыковой реальности. С этих идей начинается его последняя книга «Культура и взрыв». Вначале их кратко сформулируем.

Язык создает свой мир, и одним из важнейших оказывается вопрос перевода содержания языковой системы на внеязыковую, запредельную для языка реальность. Здесь возникают два следствия. Первое – необходимость более чем одного языков для отражения запредельной реальности. Второе – неизбежность того, чтобы реальность не охватывалась ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью.

Минимальной работающей структурой является наличие двух языков, неспособных по отдельности охватить внешний мир. Эта неспособность не недостаток, но условие существования, ибо диктует необходимость *Другого* (другой личности, другого языка, другой культуры, в политике – независимой от власти оппозиции).

П. Или необходимость иметь два глаза, чтобы видеть вещи объемными.

В. Прекрасно! Поэтому, пишет Лотман, представление о возможности выбора или построения одного какого-то языка, якобы наилучшим образом выражающего реальность, должно быть заменено образом спектра одинаково необходимых языков.

Далее он пишет о взаимной непереводаемости или ограниченной взаимной переводаемости языков, и важно, что эта непереводаемость их друг друга как раз и является условием адекватного выражения в языке внеязыковой реальности.

П. Здесь можно вспомнить слова Хайдеггера, которые Вы приводили: если язык – дом бытия, то европейцы живут совсем в другом доме, чем восточный человек.

В. Переключка налицо. Но Лотман добавил бы, что это различие – совсем другой дом – является условием, чтобы оба языка вместе, или скажем иначе так – в диалоге между собой, адекватно отражали реальность.

Применим ход мысли Лотмана о языке к соотношению культур – этих особых машин по восприятию реальности (как выразился бы Мераб Мамардашвили, может быть, самый интересный российский философ конца XX в.) и – самой реальности. Именно многообразии (ансамбль!) несоизмеримых между собой культур с собственными идеями и страстями, собственными жизнью и чувствованиями, в конце концов с собственной смертью, есть гарантия того, что человечество в целом верно воспринимает внешнюю реальность.

Проведем также параллель с принципом дополтельности в квантовой физике. Свойства микромира можно выразить и описать лишь на языке наших инструментов познания – экранов, датчиков, синхрофазотронов, которые являются частями нашего макромира. Этот язык распадается, с одной стороны, на язык волновых свойств, а с другой – на несовместимый с ним язык квантовых свойств. Одни и те же объекты микромира в эксперименте предстают либо как волны, либо как

кванты, потому что сам микромир является по отношению к нашему миру другой реальностью. И вот эта двуликость описания показывает, что нами схватывается что-то несомненно реальное в микромире, настолько реальное, что мы используем свойства микромира для практических целей – лазеры, цифровое телевидение, ядерное оружие...

Согласитесь, что это уже не Кант, так как речь идет о познании, причем вполне адекватном, пресловутой вещи-в-себе, находящейся по ту сторону нашего сознания.

С Вашего позволения, предлагаю на этой оптимистической ноте остановиться.

П. Да, сделаем передышку, чтобы размять ноги...

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 130.122

Н. Н. Полюян

ИДЕИ ГНОСЕОЛОГИИ ВЛАДИМИРА БАЗАРОВА

В статье рассматриваются гносеологические идеи Владимира Базарова, одного из важнейших представителей русского эмпириокритицизма, в сравнении с идеями Эрнста Маха.

In letter gnosiological ideas of Vladimir Bazarov, one of the major representatives of Russian empiriocriticism, in comparison with Ernst Mach's ideas are considered.

Ключевые слова: эмпириокритицизм, опыт, физическое и психическое, картина мира, познание.

Keywords: empiriocriticism, эмпириокритицизм, experience, physical and mental, a picture of the world, knowledge.

Владимир Александрович Базаров (настоящая фамилия – Руднев, 1874–1939) – русский публицист, просветитель, экономист, философ. Учился на физико-математическом факультете Московского университета, позже получил философское образование уже в университете Берлина. С 1895 г. состоял в социал-демократическом движении. В 1922–1930 гг. работал в Госплане СССР, занимался переводами философской и художественной литературы, в частности Базарову (совместно с И. И. Скворцовым-Степановым) принадлежит перевод на русский язык «Капитала» К. Маркса. В годы репрессий дважды арестовывался в 1930 и в 1937 гг., погиб в заключении.

В данной статье нас будут интересовать исключительно философские воззрения этого безусловно разностороннего и исключительно одаренного человека.

Если мы обратимся к его статьям, посвященным философской тематике, то убедимся, что по преимуществу они носят острый полемический характер. Можно выделить три основных направления критики Базарова-философа: во-первых, против «пассивно- созерцательной, идеалистической метафизики» и «отвлеченного идеализма» (contra Кант, Бердяев, Булгаков, Струве и др.); во-вторых, против «субстанционалистского», «иерогли-

фического» материализма (Аксельрод, Плеханов); в-третьих, против «самокопийного» материализма или, говоря другими словами, против «теории отражения» В. Ленина. К этим основным направлениям можно добавить критику некоторых положений эмпириокритицизма Маха и Авенариуса, несмотря на то, что основные положения именно этой философии Базаров принимает за исходные в развитии собственной философской мысли и считает именно критический позитивизм ведущим направлением в философии науки начала XX века. Нам представляется небезынтересным выделить те положения, которые характеризуют собственные взгляды Базарова и составляют основу именно его подлинной философии.

Для решения данной задачи мы рассмотрим идеи двух работ Базарова, а именно: «Мистицизм и реализм нашего времени» и «Материал коллективного опыта и организующие его формы». Обе статьи вышли в свет еще до революции 1917 года. Вообще следует отметить, что в годы «перестройки», в конце 80-х гг., были переизданы лишь некоторые экономические работы Базарова. Что же касается статей по философской тематике, то ни одна из них не была переиздана. Кроме того, как указывает в своей статье, посвященной творчеству Базарова, В. С. Клебанер, не появились пока и серьезные исследования, посвященные этой важной части его наследия [3; с. 76]. Этот момент также учитывался при написании данной статьи.

Сначала выделим несколько положений, которые, по нашему мнению, выражают философские воззрения В. Базарова прежде всего в области гносеологии. Эти положения следующие:

1. Принципиальная однородность физических и психических элементов мира, или единство мира опыта.

2. Познание есть постоянно развивающийся процесс дифференциации природы.

3. Проблема объективности знания, или обязательный коллективный характер опыта.

4. Познание есть орудие организма в борьбе за существование.

Рассмотрим каждое положение подробнее.

1. Базаров, бесспорно, относит себя к направлению философского эмпиризма, в основе которого лежит отрицание принципиальной пропасти между физическим и психическим, то есть и физическое, и психическое включают в себя извест-

ное общее содержание, известные общие элементы и характеризуются различными типами сочетания этих элементов. По сути, речь идет о той монистической тенденции, которой эмпиризм начала XX века отличался, с одной стороны, от старого английского эмпиризма Беркли и Юма, который видел в элементах опытного мира только ощущение или впечатление и потому приводил своих сторонников или к скептицизму, или к вере в сверхопытную божественную реальность. С другой стороны, эта монистическая тенденция составляла главную особенность эмпиризма по сравнению с другими философскими течениями того времени и, вместе с тем, как пишет Базаров, «главную причину той интенсивной, априорной враждебности, с которой относятся к эмпирикам представители наиболее модных философских школ» [1; с. 145].

Попытаемся выяснить, что же представляет мир как данность по Базарову, на чем основываются его взгляды и какие он приводит доказательства и аргументы.

Во-первых, Базаров вслед за Махом и Авенариусом берет за исходный пункт своих рассуждений так называемый «наивный реализм», то есть естественное мировоззрение обычного человека, и предлагает просто исправить его «наивность» в тех частях, где она противоречит более точному методическому наблюдению. Он приводит пример: конкретная лампа на конкретном столе есть полностью реальная лампа, то есть ни в цвете ее покрытия, ни в ее формах, ни в одном конкретном ее свойстве нельзя отыскать ничего «моего». Она реально находится вне меня, то есть даже не вне некоего «познающего я», а вне того комплекса элементов эмпирического мира, который зовется «моим телом». Таким образом, для Базарова приемлемый исходный пункт «наивного реализма» заключается в констатации реальности видимых и вообще чувственно воспринимаемых вещей. В дальнейшем же «наивный реализм» предполагает, что существует некое «я» как неизменная субстанция, скрывающаяся в теле. И получается, что в различных философских системах методически развиваются те противоречия, которые изначально уже включены в этот тезис. По сути, те же самые рассуждения мы видим у Авенариуса в «Человеческом понятии о мире».

Но вернемся к примеру с лампой. Если надавить на один глаз, лампа раздвоится, если закроем оба глаза, то она вообще исчезнет, то есть мир претерпевает ряд изменений, закономерно (Базаров пишет: «функционально») связанных с изменениями в органах наших чувств. Но вот с полки упала книга и разбила лампу. Очевидно, что этот ряд превращений мира от изменений наших органов не зависит. Здесь сразу же напрашивается аналогия с мыслью Эрнста Маха. В «Анализе ощущений» он пишет, что раз мы определенный комп-

лекс элементов, например лампу, рассматриваем в связи с изменениями наших органов чувств, то мы получаем «психический» комплекс элементов. А когда мы исследуем тот же самый комплекс с точки зрения изменений, не зависящих от перемен в наших органах чувств, мы получаем комплекс «физический». И Базаров вслед за Махом пишет, что «тут нет и намека на дуализм мира, а есть только условное методологическое расчленение в интересах удобства анализа» [2; с. 27].

Таким образом, Базаров вслед за «критически-позитивистами» утверждает, что существует однородность единого мира опыта. В то же время с точки зрения познающего интеллекта физический и психический миры совершенно разнородны: например, к физическим материальным предметам применимы основные познавательные функции, как то: расчленение на элементы, сочетание элементов и, в особенности, измерение и предвидение. Область психического есть по преимуществу область качественных превращений и как таковая не поддается познавательно-практической обработке. Базаров пытается опровергнуть это мнение, опираясь, с одной стороны, на некоторые идеи школы психофизики Фехнера, а с другой стороны, на собственные опытные данные и наблюдения. По сути, вопрос, которым задается Базаров для своего исследования, можно сформулировать так: в чем состоит разница между количественной измеримостью пространственных данных и неколичественной, а только качественной сравнимостью всех остальных элементов опыта?

В результате, привлекая данные из области психологии, физики, математики, Базаров приходит к выводу, что между пространственными величинами и другими элементами нашего опыта нет той принципиальной разницы, которую усматривает здесь, например, Бергсон и другие психологи и философы. К непространственным многообразиям применимы те же самые акты сравнения и измерения, которые мы применяем только к расстояниям. Из непространственных элементов можно создавать построения, совершенно аналогичные геометрическим (звуковая геометрия, геометрия цвета), так как пространство, точно так же, как звук, цвет, теплота и т. п., есть «совокупность качественно различных элементов». Базаров пишет: «В основе таких построений лежит всегда непрерывный качественный переход, которому в области пространства соответствует линия, рассматриваемая не как законченная фигура, а как процесс движения точки. Только там, где переход эмпирически не осуществим, где элементы “диспарантны” (звук – цвет – вкус), никакая геометрия немыслима» [1; с. 182]. Именно благодаря этому геометрия, по мнению автора, должна излагаться как совершенно отвлеченная, логическая дисциплина, изучающая многообразие вообще, а евклидова гео-

метрия, например, рассматриваться как конкретный, частный случай абстрактной «пангеометрии». Тем не менее далее Базаров пишет, что мы не сможем добиться полной познавательной равноправности пространственных и всех остальных элементов нашего опыта, то есть мы не избавимся от необходимости выдвигать пространство на первый план в наших познавательных операциях. И прежде всего потому, что именно пространственные преобразования существенно важнее для нашей человеческой практики. Здесь, согласно Базарову, выступает в качестве определяющего момента «практицизм» человеческого разума, который выражается в том, что «из нескольких возможностей одинаково согласных с сущностью вещей фактически развивается та, которая наиболее важна для организма в его жизненной борьбе, которая дает организму орудие для приспособления среды к своим потребностям» [1; с. 183–184], но об этом мы еще скажем подробнее ниже.

В начале раздела мы привели тот критерий, которым пользуется Мах для различения физического и психического опыта. В общих чертах с ним соглашается и Базаров, однако указывает на его недостаточность. Возьмем для примера те изменения, которым подвергаются твердые тела, перемещаясь в пространстве. Представим себе движущийся деревянный куб: сторона, видимая нами в известный момент как точный квадрат, по прошествии определенного времени наблюдается нами в виде ромба. Точно такое же изменение формы может испытывать гуттаперчевый куб, растягиваемый соответствующим образом. Почему тогда в первом случае превращение квадрата в ромб мы считаем только кажущимся, а во втором случае относим его в область реальных физических изменений? В обоих случаях мы можем отвлечься от изменений в наших органах чувств и установить объективную закономерность процесса в сфере физических изменений, так как формы деревянного куба меняются в строгой функциональной зависимости от изменения расстояния, то есть пространственных элементов. А так как, с точки зрения Маха, эти элементы не принадлежат к сфере нашего «чистого созерцания», но входят в состав физического мира, то, очевидно, мы имеем дело с настоящим физическим процессом, не говоря уже о гуттаперчевом кубе, где и так все ясно.

Поэтому Базаров пишет: «Критерий Маха дает вполне удовлетворительную руководящую нить только в том случае, когда заранее известно, что данный процесс имеет и физическую, и психическую сторону. Для того чтобы отличать от физических только психические процессы, критерий этот мало пригоден, и прежде всего потому, что он слишком теоретичен, слишком созерцателен, слишком удален от потребностей человеческой практики» [1; с. 189–190].

Учитывая вышесказанное, Базаров выдвигает свой критерий, более тесно связанный с практикой и который мог бы применяться не только к движению предметов, но и ко всем вообще случаям, когда нам приходится различать действительные изменения и только кажущиеся. Эта формула такова: «Действительное или физическое изменение может быть компенсировано только путем соответствующего преобразования вне нас находящихся предметов; кажущееся, исключительно психическое изменение компенсируется изменениями нашего организма» [1; с. 191].

Вернемся к примеру с кубом. Получается, что изменения деревянного куба мы рассматриваем как психический факт, потому что мы всегда можем «компенсировать» его, приведя наше тело в то же самое положение относительно куба, в каком оно находилось до наступления изучаемого факта. Наоборот, чтобы «компенсировать» изменения гуттаперчевого куба, необходимо совершить «внешнюю работу» по отношению к самому кубу или окружающим его вещам (например, к аппарату, который его растягивает). И это изменение рассматривается как физически реальное.

В итоге, согласно Базарову, нет элементов, которые были бы объективными или субъективными как таковыми, всякий элемент может быть в одних сочетаниях субъективным, в других – объективным, то есть Базаров в общем и целом рассматривает мир как изначальную данность в виде единства опыта.

2. Если в понимании мира, как он нам дан, Базаров в общих чертах принимает точку зрения эмпириокритицизма, то его гносеология начинается с критики теории «чистого описания», сторонники которой (Мах, Авенариус) считают, что познание – это лишь констатация раз и навсегда данного, а задача ученого состоит в как можно более точном описании данного нам в опыте материала, и не более того.

Базаров этот взгляд полностью не приемлет, он пишет: «Уже с первого взгляда очевидно, что констатацией данного или хотя бы комбинированием дело не ограничивается. Познание постоянно открывает новые, неизвестные дотоле явления и зачастую в таких областях, которые, казалось, давно уже описаны самым чистым и тщательным образом» [2; с. 30]. И далее: «Формула: заметили и описали – ровно ничего не объясняет или очень смутно описывает процесс открытия» [2; с. 31]. В соответствии с этой формулой механизм научного открытия выглядит очень просто: какое-то конкретное явление существовало и ранее, но не замечалось или не сознавалось; теперь его заметили и описали. Но закономерно возникает вопрос: что это значит – существовало, но не сознавалось, или каким образом это неосознаваемое бытие превращается в сознаваемое. Это и есть, по мнению Ба-

зарова, основная проблема теории познавательного творчества.

И далее автор обращается к проблеме так называемого «бессознательного», которое во многих психологических и метафизических конструкциях обычно мыслится как нечто качественно отличное от всех чувственно воспринимаемых вещей эмпирического мира. Между тем Базаров считает, что ничего «качественно» отличного в бессознательном по сравнению с сознательным нет. Он пишет: «Бессознательное дано нам совершенно так же, как и сознательное; оно отличается лишь тем, что не оставляет следа в нашей памяти. Именно поэтому мы не имеем о нем никакого представления, ибо представлять значит вспоминать... Сознательное превращается в бессознательное, потому что мы отвлекаем от него внимание, сосредоточившись, например, на своих мыслях. Но, справедливо, очевидно и обратное: мы превращаем бессознательное в сознательное, фиксируя его в акте своего внимания» [2; с. 31]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что для Базарова «акт внимания» является элементарным познавательным актом, основой всякого познавательного творчества, он сам пишет об этом: «Обращать внимание значит опознавать».

И здесь еще более оказываются неправы сторонники теории «чистого описания», для которых мир есть законченное данное, а задача познания – описать это данное точно и экономно. Во-первых, экономичное описание всегда, как правило, вредит его точности и детальности, а во-вторых, познание – это не фиксация уже данного сходства и различия в уже данных предметах. Более того, сами эти предметы в процессе «опознания» впервые выделяются из хаоса неопознанного или, как говорит Базаров, впервые «дифференцируются» от всего остального содержания мира. Далее мы у него читаем: «Не мы познаем, то есть отражаем, описываем, символизируем предметы, данные нам до этого описания, а предметы “даются” или “создаются” для нас (то есть, для нашей памяти) только в творческом акте познания. Все данное есть в то же время созданное» [2; с. 32].

В истории познания грандиозные перевороты являлись часто результатом лишь небольшой перемены в способах «дифференцирования» явлений природы. Например, революция, совершенная в мире небесных тел Коперником, состояла только в том, что пункт наблюдения был мысленно перенесен с Земли на Солнце, то есть изменение только лишь пункта наблюдения в состоянии существенно преобразовать наблюдаемую картину или явление.

Подводя итог, мы можем сделать вывод: согласно Базарову, абсолютно неправы те позитивисты – сторонники «чистого описания», которые склонны рассматривать данный нам мир как завершенное целое. Природа не дана нам как некое

связанное единство, целостность мира не предположение, а задача познавательного процесса. Поэтому Базаров сравнивает природу с бумагой, исчерченной вдоль и поперек бесчисленными сливающимися контурами нарисованных одна на другой картин. Акт познания выделяет в этом беспорядке линий те, которые принадлежат одному и тому же рисунку. Мы вынуждены искать новые связи, перестраивать системы понятий в связи с тем, что конкретные факты перестают укладываться в наши познавательные конструкции. Но приближаемся ли мы тем самым к истинной реальности, к пониманию объективного единства природы? Базаров считает, что вопрос этот нелеп. Каждая познавательная конструкция истинна в своих пределах, а так как перспективы «дифференцирования» природы безграничны, то не предвидится конца и познавательным открытиям и переворотам.

3. Этот момент во взглядах Базарова представляется одним из наиболее значимых, так как и здесь мы находим несовпадения с философской концепцией представителей «второго позитивизма». Дело в том, что даже в измененном виде, приспособленный к потребностям познавательной практики, критерий Маха, о котором речь шла в первом разделе, не отвечает на один чрезвычайно важный вопрос: как выделяется из потока опыта, первоначально не дифференцированного, не физического и не психического, цельный, непрерывный в своих изменениях физический мир?

Мах и Авенариус ведут речь только о познающем индивидуе, нигде нет упоминания местоимения «мы». Но не трудно убедиться, что в действительности из одних только «моих» представлений, то есть фактически «дифференцировавшихся» как функция «моего» организма, никакого единства мира ни в пространстве, ни во времени сложить невозможно.

Возьмем вслед за Базаровым сначала не мир в целом, а только маленькую частичку мира, непосредственно наблюдаемую нами в данный момент, и посмотрим, как конструируется непрерывность, например, пространства. Представим, что перед нами раскинулся лес. Картина этого леса в нашем представлении никоим образом не ограничивается теми линиями и формами, которые нам непосредственно видны с данного пункта наблюдения. Для того чтобы представить себе лес сплошь заполняющим пространство, мы должны присоединить к непосредственно данному массу гипотетических элементов, то есть целый ряд таких предполагаемых представлений, которые никогда не были «нашими», или, как говорит Базаров, никогда не «дифференцировались в непосредственном восприятии как функция нашего организма». Мы не думаем, например, что деревья в глубине леса состоят только из тех вершин, которые нам видны; мы «представляем» себе деревья, дополненные остальными

частями, так как иначе они не заполняли бы сплошь «нашего» трехмерного пространства.

Если даже вещь находится вне нашего восприятия, критериями, позволяющими убедиться в ее существовании, будут являться восприятия других существ, организованных аналогично с нами. Если другой человек видит данную вещь в то самое время, когда мы ее не видим, и если опыт показывает, что всякое существо, снабженное аналогичным зрительным аппаратом, неизбежно увидит эту вещь, находясь в том же положении, как этот «другой человек», то вещь существует объективно; в противном случае она только наше представление. Таким образом, бытие материальной вещи вне поля наших чувств мыслится как необходимость известных сознательных представлений у любого нам подобного существа, находящегося одновременно с нами в ином, чем мы, положении.

Получается, что единство «моей» картины мира, единство «моего» опыта не имело бы места, если бы в нем участвовали только «данные» мне «высказывания» других людей. Единство достижимо лишь в том случае, если на место высказываний подставлены гипотетически соответствующие им «чужие» представления как таковые, то есть представления, «дифференцируемые» другими человеческими организмами. Прежде чем воспринять другого человека как «вещь» физического мира, мы должны уже исходить из равнозначности нашего и чужого опыта, а предположение, что данные мне предметы совершенно также даны другим людям, является необходимой предпосылкой познания.

В чем же Базаров видит значение коллективного характера опыта? Главным образом в том, что равнозначность единичных опытов является исходным фактом наших познавательных операций, и в то же время она представляет требование организовать раздробленные, индивидуальные переживания в единую систему опыта. И только эта предпосылка позволяет конструировать физический мир как целостный, непрерывный процесс изменений. Базаров пишет, что «на почве индивидуального опыта целостная картина мира была бы совершенно не достижима, а наше познание носило бы “ключевой” характер».

4. С биологической точки зрения Базаров рассматривает познание как орудие организма в борьбе за существование. Его рассуждения строятся следующим образом: процесс «опознания» возникает там, где организм сталкивается с внешней средой, природой. Он оказывается вынужденным избегать ее вредных влияний или адаптировать ее к своим потребностям. В относительно развитом об-

ществе эта борьба с природой носит характер планомерного труда или производства. Базаров говорит об этом так: «Производственный труд – вот первый источник творчества познавательных ценностей» [2; с. 43]. Познание «дифференцирует» мир там, где не хватает звеньев для построения определенного решения, основные черты которого уже намечены непосредственной борьбой с природой, то есть производственным процессом. Но далее Базаров делает оговорку, что «если познание как таковое заинтересовано в отыскании объединяющих опыт звеньев, это не значит, что продукты его деятельности всегда оказываются такими звеньями» [2; с. 44]. Базаров хочет сказать, что часто случается так, когда научные открытия разрушают прочно установившиеся законы и зависимости. Но это только пробуждает необходимость найти новую более широкую в своей основе закономерность, которая позволит управлять вещами не только в рамках старых законов, но и вопреки этим законам.

Таким образом, согласно Базарову, мы опознаем лишь такие факты, которые имеют отношение или к нашей непосредственной борьбе с природой, или к системе познавательных конструкций, созданных в связи с этой борьбой, а факты, стоящие вне этих двух областей, нами вообще не «дифференцируются». Получается, что процесс познания, его направленность определяется, с одной стороны, интересами практики (борьба с природой), а с другой стороны, теорией (установление или разрушение общих связей опыта).

Для раскрытия целостной картины следовало бы также остановиться на отношении автора к вопросам социализма и коллективного сознания, на понимании им таких категорий, как пространство, время, причинность, формальные законы логики и т. д. Кроме того, в его работах содержатся интереснейшие мысли в области психологии. Хочется надеяться, что воззрения русского философа Владимира Александровича Базарова, которого кто-то называет марксистом, кто-то махистом, получат заслуженное осмысление и освещение как в научной, так и в энциклопедической и учебной литературе.

Примечания

1. Базаров В. А. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма: сборник первый. СПб., 1909.
2. Базаров В. А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма. М., 1910.
3. Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. 2004. № 6.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316:613.885

Г. А. Борозинец
А. К. Витязев

О ПОЛОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ, СЕКСЕ И ЛЮБВИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуется зависимость жизни общества от половой жизни: полового состава населения, половой дифференциации и аутоидентификации. При этом обращается внимание на проникновение товарно-денежных отношений в половую жизнь, что предопределяет становление материнского труда наемным.

The article deals with the dependence of social life on sexual life, that is: the gender structure of the population, its sexual differentiation and autoidentification. In this connection certain attention is paid to the penetration of commodity-money relations into sexual life, which predetermines making the maternal labour mercenary.

Ключевые слова: половая дифференциация в биологическом и социальном смыслах, отделение секса от репродуктивного поведения, становление материнского труда наемным.

Keywords: sexual differentiation in biological and social sense, separation of sex from reproductive behaviour, making the maternal labour mercenary.

Тема половой дифференциации в обществе актуальна в связи с тем, что от данной дифференциации зависит воспроизведение традиционных половых отношений и рода человеческого. Особую актуальность она приобретает в связи с институционализацией гомосексуальных отношений и дефицитом рождаемости в некоторых странах.

Надо сказать, официальное признание каким-либо государством права на гомосексуальные отношения и брак – это не только результат сексуальной революции в мире, но и огромный задел в преобразовании общественной жизни. Если данные отношения широко войдут в общественные практику и сознание и получат доминирование, проблема рождаемости приобретет дополнительную остроту для поиска нового алгоритма ее решения.

При анализе либерализации половых отношений, снятия запрета на гомосексуализм обращает на себя внимание то, что расширение морально-правовых норм на эти отношения, по сути, означа-

ет завершение отделения секса и потребности в нем от репродуктивного поведения и потребности в детях у индивидов, превращение секса в гедонические отношения и средство половой идентификации. В сущности, либеральные законодатели признаются в объективности процесса половой дифференциации, в его независимости от человеческого сознания – в том, что половая потребность определяет самосознание человека, а не наоборот, хотя, как известно, из этого правила бывают исключения.

Говоря о сексе и о потребности в нем, можно привести следующие их определения. Секс – это совокупность телесных, психических и социальных процессов и отношений, в основе которых лежит и посредством которых удовлетворяется половое влечение, либидо [1, с. 267]. А. М. Свядош считает, что половое влечение (потребность) получило название *либидо* по предложению З. Фрейда. Он также предлагает выделять в процессе развития (дифференциации) полового влечения (половой потребности) эротический и сексуальный этапы. Если сексуальное влечение (потребность), по его мнению, завершает половое развитие и является влечением к половому акту, то эротическое влечение (потребность) – это желание не только духовного, но и телесного контакта; нежности, ласки [2, с. 6]. Существует мнение, будто у большинства женщин влечение к половому акту (сексу) появляется лишь после того, как они испытали оргазм – полное, всестороннее удовлетворение половой потребности при половом сношении. Данное обстоятельство, надо заметить, указывает на то, что, хотя при дифференциации половой потребности как потребности в продолжении рода секс отделился от репродуктивного поведения по целеполаганию и целидостижению, его не следует понимать чисто механистически. Это не только физический, но и психический и даже социальный акт, поскольку он в определенных случаях может запрещаться обществом.

В общем, обнаруживая половую потребность (влечение) и процесс ее удовлетворения (половое поведение) в половой жизни, о последней можно сказать то, что первоначально, у первобытного индивида, она выражала его бессознательную потребность в сохранении рода, которая вместе с потребностью в индивидуальном самосохранении входила в состав потребности в самосохранении в широком смысле или сохранении жизни в целом.

Животное не осознает потребности в продолжении и сохранении рода так, как это делает человек, и, следовательно, не выделяет ее из половой потребности. Человек, в отличие от животного, хорошо осознает ее и благодаря этому дифференцирует половую потребность аналитически и реально, в мышлении и поведении, нацеливаясь на получение удовольствия от полового акта, в одном случае, и на получение зачатия – в другом. Он планирует свою половую жизнь и потому выбирает себе партнера для ее ведения сообразно с вышеобозначенными целями. При этом он волен создавать семью, сожительствовать или прибегать к услугам публичных заведений, благодаря существованию которых обнаруживается не только товарность секса, но и обособленность его от половой любви как духовной или психической привязанности субъекта к идеалу мужчины или женщины. Поскольку половой идеал формируется у человека не товарно-денежным способом, о товарности любви не может быть и речи. О формировании полового идеала нельзя также говорить как о чисто субъективном и чисто объективном процессе, поскольку, с одной стороны, он зависит от сознания индивида, с другой – нет. Считая объективную сторону формирования любви биолого-психологической, субъективную сторону ее можно назвать социально-психологической. Иными словами, осознавая биологическую составляющую половой любви как систему половых ценностей, врожденного вкуса к типу полового партнера и вплетая ее в систему других ценностей как моды, общественного мнения, человек осознает образ своего идеального полового партнера, а с ним – образы идеальной половой любви и идеальной половой жизни. При этом реальный партнер становится для него средством достижения интеграционной суммы идеалов, а также состояния полной, всесторонней удовлетворенности половой потребности – своеобразного блаженства. И это обстоятельство указывает на то, что не всегда благо имеет вещную природу. Всегда ли является благом половая любовь – вопрос, требующий специального рассмотрения, поскольку понятие блага, а также и благополучия (социального здоровья) не распространяется на жизнь животных.

Говоря о любви животных, можно согласиться с мнением, что у стоящих на нижних ступенях эволюции животных любви не существует [3, с. 247]. Так, самки-пауки часто пожирают после совокупления своих самцов, если те не успевают тотчас убежать от них.

Любовь в собственном смысле обнаруживается у животных, начиная с птиц. При этом выявляется, что у самок между половым и материнским инстинктами (потребностями, влечениями) существует антагонизм, всецело сводящийся к преобладанию последнего. Возможно, по этой причине

любовный инстинкт у самцов развит сильнее. Во время парования птиц самец кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда [3, с. 279].

У женщин часто наблюдается то же самое: любовный инстинкт их всецело подчинен материнству. Кроме того, в связи с тем, что во времена дикости человек не имел времени любить – он должен был постоянно бороться за свое существование – любовь его была чисто животной (биологической) и состояла в удовлетворении одних грубых половых инстинктов [3, с. 287], составляющих инстинкт сохранения рода. Объясняя половую дифференциацию первобытных людей только половым способом их размножения (репродуктивное поведение здесь не рассматривается в качестве труда по производству человека), следует сказать, что эта дифференциация является чисто эволюционной в биологическом смысле. Общество в то далекое время не только почти не управляло процессом труда, что тратился на воспроизводство человека, но и не помышляло о научном подходе в регулировании рождаемости. Зависимость жизни общества от размножения людей, полового состава населения и его половой аутоидентификации – от половой жизни – отчетливо обнаружилась лишь в наши дни в связи с вялотекущей депопуляцией, дефицитом рождаемости в высокоразвитых европейских странах. Угроза депопуляции, вырождения белой расы здесь обнажила проблему половой аутоидентификации человека и с легализацией гомосексуализма открыла социальную детерминированность половой дифференциации, а также и потребности в продолжении рода – появление этой потребности не только на уровне жизни отдельных разнополых особей-индивидов, но и на уровне жизни общества в целом.

Благодаря этому обстоятельству можно сказать, что в простых, малоразвитых обществах, племенах, в отличие от современных обществ, социальные факторы редко подавляют рождаемость, так как иначе люди в них выродились бы. Появление же в размножении человека социальной составляющей мы связываем с развитием материальной и духовной культуры, труда. Дело в том, что климатический вызов природы обусловил появление труда – производства средств существования и человека: существа, готового к социальной жизни. С возникновением профессионального образования стало ясно: социальное производство человека состоит в его подготовке к труду. При этом как-то забылось о биологическом образовании человека, не об онтогенезе в целом, а о той его части, которая относится к зачатию и внутриутробной жизни: к жизни до рождения. Развивая борьбу за жизнь, посредством труда удовлетворяя и тем самым стимулируя потребность человека в самосох-

ранении, но не в продолжении рода, общество тем самым подавляло проявление биологического стереотипа полового поведения. Ведь потребности в самосохранении и продолжении рода связаны обратно-пропорциональной зависимостью, а биологическое производство человека (зачатие, вынашивание беременности и роды) хотя и стало трудом, признается лишь в случаях суррогатного материнства. При этом остатки устоявшихся патриархальных и религиозных традиций тормозят развитие репродуктивного труда, хотя существование публичных домов, приданого и калыма, а теперь и найма суррогатных матерей указывает на проникновение товарно-денежных отношений (капитализма) в половую сферу. И если обращение к услугам публичного дома знаменовало куплю-продажу только секса – труд проституток, – то калым и приданое при сватовстве говорили о купле-продаже детородных услуг – о труде матери. Эмансипация женщин и сексуальная революция значительно разрушили старые, патриархальные отношения в области брака и подготовили почву для создания новых. Благодаря этому в развитых странах удовлетворение потребности в сексе либерализовалось, тогда как удовлетворение потребности в детях – нет. Поскольку труд кровно-родственных матерей не стал наемным и универсальный эквивалент не коснулся стоимости сугубо женского, детородного труда, не была преодолена дифференциация труда на мужской и женский. Женщина не могла получать денежного вознаграждения за репродуктивный, детородный труд и тратить его на приобретение средств существования. Она была вольна лишь в свободное от него время зарабатывать на жизнь в сфере материального производства. И данное обстоятельство позволяет думать о том, что сексуальная революция и эмансипация женщин не привели к полному социальному равенству мужчин и женщин. Кроме того, рынок, сформировав на основе сексуальной потребности спрос на эротическую и порнографическую продукцию, начал развивать соответствующее предложение, образуя круг. Порочность этого круга состояла в том, что избыточная социальная стимуляция врожденной эротико-сексуальной потребности у женщин фертильного возраста подсознательно приводила к подавлению материнского инстинкта: изменяла естественный баланс потребностей в сексе и детях в сторону доминирования первой над второй. Секс стал торжествовать над материнством во многих случаях.

Как показывают наблюдения, нечто подобное возникает и в мире животных. Известно, что половое возбуждение в период течки делает злыми тех самок, которые обыкновенно отличаются кротостью. В результате, например, коровы и кошки

отгоняют от себя в это время своих телят и котят, которых незадолго до этого ласкали [3, с. 290].

В свете этих наблюдений можно полагать, что социальное детерминирование биологических потребностей состоит не только в создании особых (искусственных) условий для их опосредованного удовлетворения, но и в искусственной стимуляции. Так, потребность в самосохранении как естественных средствах существования, превратясь благодаря труду в потребность в искусственных средствах существования, начала не только удовлетворяться, но и развиваться в процессе создания этих средств, то есть в процессе труда. Потребность людей в самосохранении обернулась массовым спросом на блага, продукты производства средств существования, тогда как потребность в сохранении рода не превратилась в такой же массовый спрос на детей. Труд в процессе своего исторического развития оказался стимулом неравномерного развития производства жизни. Производство человека в своем развитии отстало от материального производства. Материнство не стало распространенной и престижной профессией, не получило должного социального стимулирования. В результате оно стало исчезать, а роль матери стала вытесняться ролью труженицы на ниве материального производства. Снижение рождаемости в развитых странах вплоть до дефицита – лишнее тому подтверждение.

В общем, можно думать, что белое население в современных цивилизованных странах, и в том числе России, исчезает вместе с материнством. Причина этого исчезновения – в особенности дифференциации труда – основы производства жизни на современном этапе. Материнский труд как труд исключительно женский, имея конкретно-особенную форму, не получил общественной формы – двойственности и поэтому не стал удовлетворять общественную потребность в детях.

Выходом из сложившейся демографической ситуации в постиндустриальных обществах может стать появление профессионального материнства (наёмного материнского труда). Профессиональность кровно-родственного материнства, существование договорных отношений между государством и женщинами, решившими посвятить свою жизнь материнству, – то, что необходимо для управления рождаемостью, общественным воспроизводством человека.

Примечания

1. Сексология: энциклопедический справочник по сексологии и смежн. обл. Минск, 1993. С. 351.
2. Свядоц А. М. Женская сексопатология. М., 1988. С. 176.
3. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: сочинения. М., 1998. С. 528.

УДК 613.98:128

А. И. Дьяченко

АСПЕКТЫ СУЩНОСТИ ГЕРОНТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Статья направлена на рассмотрение одной из важных проблем – необходимости разработки философско-культурологических аспектов геронтологии. Старение – это генетически детерминированный биологический процесс, однако не менее важна социокультурная среда.

The article aims to consider one of the major issues – the need to develop philosophical and cultural aspects of gerontology. Though ageing is a genetically determined biological process, the importance of socio-cultural environment is obvious.

Ключевые слова: геронтология, старение, старость, философско-культурологический аспект, гуманизм.

Keywords: gerontology, ageing, old age, philosophical and cultural aspects, humanism

Существуют разные точки зрения относительно времени возникновения и развития науки геронтологии. Ясно одно: эволюция геронтологии осуществлялась в тесной связи с прогрессом биологии и медицины и была обусловлена прежде всего биологической потребностью увеличения продолжительности жизни людей. В современном мире период старения привлекает к себе все большее внимание в ученой среде в связи со значительным увеличением среднего возраста жизни человека и, как следствие, существенным постарением населения во многих странах. Известно, что уже к середине XX в. средний возраст жизни впервые достиг 60 лет и более.

Безусловно, старение является биологическим процессом и достижения в области биogerонтологии чрезвычайно важны. В настоящее время уровень развития молекулярной биологии приближает геронтологию к пониманию механизмов старения и замедления этого процесса. По мнению профессора М. Зейна, благодаря клонированию клетки человеческого организма «мы стоим на пороге того времени, когда вечная жизнь станет реальностью» и «может длиться от 200 до 500 лет» [1, 38]. В то же время согласимся с мнением отечественного геронтолога Л. Гаврилова, который, анализируя вопрос об отсутствии абсолютного предела длительности жизни, отмечает, что он «выходит за рамки биологии продолжительности жизни и даже биологии в целом. Действительно, поскольку эта проблема затрагивает мировоззрение людей, она может иметь философское и общенаучное значение, занимая достойное место среди та-

ких фундаментальных вопросов, как, например, вопрос о конечности и безграничности Вселенной» [2, 112]. О необходимости взаимосуществования теории (философии) и практики (медицины) указывают современные исследователи. В частности, И. В. Давыдовский, «медицинский философ и патолог», как его назвал ученый в области антропологии Б. А. Никитюк, «одним из первых осудил ситуацию, при которой медицина фактически выпала из плодотворного “перекрестного опыления” университетских наук, что снизило теоретическую углубленность многих ее разработок» [3, 13–18].

Таким образом, необходимо отходить от практиковавшегося долгое время в науке сведения старости лишь к биопсихическим процессам и игнорирования духовно-нравственной составляющей феномена старости. Однобокий подход к проблемам, как показывает историческое наследие, ни к чему хорошему не приводит. Старость – это не только биологическое состояние угасающего организма, так как человек, обладая разумом, является единственным существом, осознающим свою смертность, так же, как и собственное старение. Следовательно, для понимания механизмов старости недостаточно достижений биogerонтологии, необходимо изучение социокультурных аспектов. Исследователь в области геронтологии Н. А. Рыбакова отмечает: «Человек же – не просто биосоциальное и даже не биопсихосоциальное, но культурно-историческое существо. И вся его жизнь, включая и её биосоциальные аспекты, развертывается в рамках определенной картины мира» [4, 4]. Сложившееся в науке противоречие – перекос геронтологического знания в сторону естественнонаучного направления – обусловило необходимость осуществления исследования в данной области. Назрела необходимость философско-культурологического поворота в геронтологическом знании; современная ситуация требует поиска и разработки новых подходов, содержания, структуры, сущности, функций геронтологического знания. Это позволит осуществить новые подходы к решению проблем старости, и не только в биологическом аспекте. На данный момент приходится констатировать, что философские (духовно-нравственные) проблемы старости во многом еще ждут своей разработки и решения. Безусловно, теоретическая работа проводится, но она явно нуждается в продолжении.

В своей работе «Теоретическая биология» выдающийся ученый, один из основоположников теоретической биологии, Э. С. Бауэр, разработал «принцип устойчивого неравновесия» (внутренней энергии) живой системы. Благодаря дедуктивно-аналитическому методу, не имея современных научных знаний о механизмах накопления энергии в живых организмах, Бауэр опередил время и смог приблизить свои естественнонаучные изыскания к

философскому пониманию бытия человека. Философия Бауэра послужила базой для рефлексии общего жизненного пути старшего поколения в рамках исторически сложившейся картины мира. Исследователи признают, что теория Бауэра имеет некоторые неточности с точки зрения современной науки, однако в целом «принцип устойчивого неравновесия верен в эволюционном смысле» [5, 36]. Бауэр утверждал идею о стремлении к неравновесности живой системы (организма человека) посредством накопления энергии, где «при всяком изменении состояния окружающей среды живая система производит работу, направленную против наступления равновесия при этих измененных условиях, т. е. служащую для поддержания работоспособности системы» [6]. Развивая теорию Бауэра, можно рассматривать живой организм (человека) как открытую, сложную, неравновесную систему, в которой координирующую роль выполняет нервная система. Нарушения в деятельности нервной системы губительно действуют на весь организм в целом. Чем интенсивнее идет процесс разрушения, тем больше клеток с нарушениями функциональной активности, тем интенсивнее протекает старение и выше вероятность смерти. По мнению ученого, живая система (организм человека) может существовать вечно. Все зависит от сохранения мотиваций головного мозга. Чтобы живая система оставалась в функционирующем состоянии, необходимо поступление информации извне (окружающей среды).

Исследования, проведенные уже после смерти Бауэра, показали, что в высокоорганизованных системах самоорганизация определяется постоянством информационных потоков, что, в свою очередь, определяет продолжительность жизни – функциональное долголетие. Рассматривая этот принцип применительно к нашей теме, можно утверждать, что информационное воздействие на организм может как разрушать, так и поддерживать его в нормальном состоянии. Обществу необходимо способствовать созданию условий для нормального протекания периода старения. Под условиями подразумеваются не только факторы телесной организации, но, что не менее важно, – духовной, психической. Важно принятие обществом мудрости старших поколений, которая может служить стимулом и фактором развития современного общества. Важен и обратный процесс, так как быть принятым – одно из основных потребностей человека, по А. Маслоу. Чувства одиночества и депрессии часто сопровождают человека в старости. Вместо удовлетворенности достигнутым в жизни человек доживает оставшиеся дни без поддержки и признания своей полноценности. Иногда чувства долга и вины заставляют брать на себя заботу о престарелых людях. Но зачастую вместо того, чтобы помочь им сохранить по возможности самостоя-

тельность, проявить самодисциплину, забота выливается в чрезмерную опеку и ограничение самостоятельности.

Следуя утверждению Бауэра, в старости происходит неоправданное накопление энергетических ресурсов, под которыми подразумевается не только физическая, но и эмоциональная энергия. Поскольку в преклонном возрасте существует проблема расходования эмоционального потенциала (в силу разных обстоятельств он расходуется медленнее), у человека закономерно возникают проблемы с налаживанием отношений с внешней средой. Отсюда появляются все негативные характеристики – ворчливость, раздражительность, брюзжание и др. Кроме того, с возрастом велика вероятность накопления отрицательной информации, что может превысить порог устойчивости живой системы. Не секрет, что «все болезни идут от нервов», а нарушения психики, в свою очередь, приводят к сбоям в работе информационных систем и организма в целом.

Основная задача живой системы (человека) заключается в сохранении функциональной активности центральной нервной системы (психическое здоровье), для этого необходимо сохранять предел возможностей живой системы (организма человека) на необходимом уровне, в «границах приспособляемости» (по Э. Бауэру): «Вытекающее из нашего принципа свойство, что в известных пределах законы движения живой материи не подвергаются нарушениям при различных состояниях внешней среды, мы называем приспособлением живых систем» [6]. В этом случае функциональное (деятельное) долголетие возможно. В противном случае долголетие возможно, но совершенно на качественно другом уровне бытия – как обуза близким старого человека и проблема для общества.

Конечно для нормального, здорового старения организма гены также играют важную роль, однако, как уже утверждалось, важны условия, в которых происходит процесс старения: «старость производна не только от генетического кода, но, главным образом, от общественных отношений» [7, 168].

Философско-культурологические исследования старости показали, что в древности средняя продолжительность жизни была невысокой и, кроме того, уровень развития общества в силу ряда причин не обеспечивал человеку возможность дожить до старости (данные Э. Роскета) [8, 383]. В следующий, относительно короткий исторический промежуток времени, старость символизировала переход на качественно новый, социально значимый, престижный период. К шестидесяти годам XX в. продолжительность жизни увеличилась, и долголетие перестало быть уникальным, самоценным явлением. Историческая трансформация в конечном итоге привела к возникновению другой проблемы – неприятия, боязни старости и старения,

конфликту поколений. Это, в свою очередь, способствовало утрате межпоколенных взаимодействий, разрушению традиционной семьи. Можно констатировать, что в современных семьях нет места старости, а семья – это общество в миниатюре. Исключением является восточная цивилизация, в частности культуры Китая, Японии, где еще сильны традиции даосизма, конфуцианства.

Современные люди, пишет в своей статье В. А. Кутырев, «становятся более деловыми и интеллектуальными (по крайней мере пока)». «Но механичнее, теряя способность к сопереживанию и любви; становятся более активными и функциональными, но отчужденными, анестезированными, теряющими чувство жизни; роботообразными». Забота о близких, милосердие, гуманизм в современной реальности не популярны. Покупается и продается все, вплоть до семейных отношений, оформленных партнерскими контрактами. «Против “рыночного фундаментализма” выступил даже Дж. Сорос» (отмечает автор), подвергнув критике современное бездушное общество. «Обездушивание мира коррелятивно его обескультуриванию». Причиной потери духовности В. А. Кутырев, со ссылкой на М. Вебера, называет «капиталистический дух» или экономическое общество, основой которого является потребительское, эгоистическое отношение к миру. Экономическому обществу соответствует и «новый тип человека – Homo economicus». «Экономизм – это когда через призму рентабельности рассматривается практически все, что существует, и экономика из системообразующего фактора превращается в систему в целом» [9, с. 56–66]. Ориентация лишь на материальные потребности не позволит решить многочисленные проблемы, стоящие перед человечеством, если не сказать больше – это тупиковая ситуация, о которой предупреждали еще философы-экзистенциалисты Франции и Германии. Истинное бытие человека опирается на идеи и ценности, самореализацию и творчество, не сопрягающиеся с повседневной рутинной, основанной на выгоде.

Тема гуманизма окончательно утратила свою популярность в постперестроечный период и стала восприниматься как «прекраснодушие» и «утопизм», утверждает В. А. Лекторский, автор статьи «Идеалы и реальность гуманизма». Проведя анализ существующего критического отношения к гуманизму, автор выделил причины неприятия гуманизма в том контексте, в котором мы привыкли его воспринимать: «Рассуждения на эту тему очень часто воспринимаются либо как прекраснодушие, утопизм, не имеющий отношения к реальной жизни, либо как сознательное вуалирование негуманной и антигуманной действительности, либо как оправдание той системы идей, которая несет серьезную ответственность за катастрофическое положение современной России». Конечно, речь не идет об

отказе от социально-культурных идеалов, гуманизма в частности – без этого невозможно цивилизованное существование, и мы вернемся в эпоху варварства в его худших проявлениях. Речь идет о «переосмыслении старых принципов», выработке нового понимания гуманизма, новой концепции человека и его возможностей (человека, а не роботообразной машины). Жизнь человечества неизбежно связана с «поворотом к духовности». Автор подчеркивает важность решения этой проблемы для нашей страны, находящейся в условиях серьезных трансформаций, в том числе и культурных [10, с. 22–28].

В начале XXI в. появились новые подходы к решению традиционных геронтологических вопросов. Исследователи наконец пришли к мнению, что старость – это не только биопсихический, но и духовный процесс взросления человека, противостоящий физическому истощению жизненных сил. Фундаментальные философские категории жизни и смерти стали тесно переплетаться с достижениями естественной науки. Обобщая эти достижения, философия разрабатывает такие аспекты, которые не поддаются строго научному анализу точных и естественных наук, но, тем не менее, являются логически обоснованными. Уже И. Кант в философии видел средство продления жизни людей, «привносящее интерес в нашу духовную жизнь», «препятствующее застою жизненных сил». «Моральная, практическая философия является», по словам Канта, «также универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении» [11, с. 298].

В современных исследованиях глубокое развитие получили проблемы формирования новой антропологии, философии неоклассического гуманизма, которым посвящены работы Г. П. Меньчикова. По его мнению, «сущность неоклассического гуманизма состоит в том, что человек здесь рассматривается: а) с позиции жизни как абсолютной ценности, в собственном человеческом надфункциональном бытии, в качестве человека, высшей ценностью бытия, а не в качестве какой-либо функции бытия, вещи, средства; б) рассматривается целостно, а не дробно; в) рассматривается реалистично, а не утопически, не модально – желательного-нежелательного, идеологически» [12, с. 183].

Нужно понимать, что отношение к старости задается в культурной картине мира, в рамках которой человек выстраивает свою индивидуальную линию жизни; старость – это результат всей предшествующей истории человечества. Человек умирает философски, но продолжает жить как культурное существо.

Кроме того, концепция нового гуманизма должна способствовать решению проблемы преодоления существующего стереотипа как у старшего

поколения о себе, так и у нас о старых людях; созданию условий для реализации потенциала на основе накопленного опыта и пришедшей с годами мудрости; предоставить возможность для активной, творческой старости, что повысит самооценку и самочувствие. Творческая деятельность является важнейшим фактором, противостоящим инволюции личности, доказано исследователями (об этом работы М. Елютиной, Э. Чекановой, В. Альперовича) [7, с. 13]. Должно пройти время и смениться не одно поколение, чтобы люди привыкли к старости и осознали, что старость может быть красивым, творческим, благодатным периодом (при наличии деятельности и возможности самореализации). Появившиеся в последние годы философские исследования старости как раз обращают внимание на её конструктивные аспекты, формируют положительный образ старшего поколения.

На наш взгляд, новая гуманистическая позиция должна стать основой современной геронтокультуры – общей культуры отношения общества к старшему поколению. Конечная цель геронтокультуры – достижение активного, творческого долголетия, что возможно не только на биологической, но и социокультурной основе. Необходима выработка новой гуманистической позиции в отношении старшего поколения, и философия должна играть в этом вопросе особую – ведущую роль.

Примечания

1. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология В 15 т. Т. 9. Возрасты человеческой жизни. М.: Инфра-М, 2005. С. 38.
2. Гаврилов А. А., Гаврилова Н. С. Биология продолжительности жизни. М.: Наука, 1991. С. 112.
3. Никитюк Б. А. Валеологическая антропология и восстановительная медицина // Спортивная биология и медицина в повышении качества жизни: XXI век: сб. науч. тр., посвящ. 30-летию кафедр нормальной анатомии и спортивной медицины МГАФК / под ред. П. К. Лысова. М.: Советский спорт, 1999. С. 13–18.
4. Рыбакова Н. А. Феномен старости: монография. М.: Псков, 2000. С. 4.
5. Бауэр Э. С. Теоретическая биология / сост., примеч. Ю. П. Голикова; вступ. статья М. Э. Бауэра и Ю. П. Голикова. СПб.: ООО Росток, 2002. С. 36.
6. Там же. С. 297–352.
7. Елютина М. Э., Чеканова Э. Е. Социальная геронтология. Саратов, 2001. 168 с.
8. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М.: Прогресс, 1981. С. 383.
9. Кутырев В. А. Духовность. Экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 56–66.
10. Лекторский В. И. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 22–28.
11. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 298 с.
12. Меньчиков Г. П. Основы антропологии: традиции и новации. Казань, 2006. С. 183.
13. Альперович В. Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.

УДК 004.946:101.8

В. М. Маслов

ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В ФИЛОСОФИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В собственном смысле виртуальная реальность (ВР) – это технологическая реальность, воспринимаемая человеком как реальная реальность.

Философский анализ ВР должен включать технологический мониторинг современной ВР. Технологический мониторинг ВР позволяет предположить, что полная ВР, которая может стать базисом человеческой цивилизации, возможна.

In the proper sense of word, virtual reality (VR) is technological reality which one takes for actual reality. Philosophical analysis of virtual reality must include technological monitoring of modern VR. Technological monitoring of VR allows supposing of possibility to be full form of VR which pretends to be basic of the human civilization.

Ключевые слова: виртуальная реальность (ВР), технология, мониторинг, реальность, иллюзия, виртуальное будущее человечества, постчеловек, футурология, технологический прогресс, виртуальный мир, Вторая жизнь.

Keywords: virtual reality, technology, monitoring, reality, illusion, virtual future of mankind, post-man, futurology, technological progress, virtual world, Second Life.

В собственном смысле слова виртуальную реальность (ВР) можно определить как технологическую реальность, воспринимаемую реальной реальностью (РР). Правомерность и перспективность данного понимания ВР, точнее, выбор именно такого понимания из множества других представляемый о виртуальности получает все более весомое теоретическое подтверждение [1, 2]. Другое дело, что сущность ВР не может быть отражена только в плане общих, философских рассуждений. Претензия ВР стать основополагающим феноменом человеческого будущего базируется на технологическом уровне [3] и перспективах развития современной ВР. В условиях, когда полная ВР еще не создана, всегда правомерен скептический вопрос, возможно ли вообще появление подобной, судьбоносной ВР, не идет ли речь в философской теории ВР о несбыточном фантоме? Требуемое гармоничное сочетание общеполитического анализа и технологического знания ВР соотносит ситуацию с известными отношениями между теорией и практикой, отсюда технологический мониторинг современной ВР нужно понимать как своеобразный критерий истины для философской теории ВР. Попытка создания основ данного технологического мониторинга и осмысления первых его результатов представлена ниже.

© Маслов В. М., 2009

Создание полноценной ВР требует усилий специалистов в области психологии, социологии, культурологии, философии, физиологии, программирования, электронной визуализации, искусственного интеллекта, средств связи, материаловедения, нанотехнологий, биотехнологий... Стремление фиксировать все достижения современных технологий ВР, даже если это позволит сделать чья-либо компетентность, очевидно, усложнит анализ и, весьма вероятно, затруднит целостное восприятие ситуации. Следовательно, нужно выделить небольшое количество аспектов, проблем ВР, которые были бы достаточно понятны и могли бы позволить проводить общий технологический мониторинг ситуации. Нам кажется, что к таковым относятся: проблема общей направленности ВР; проблемы обеспечения адекватного РР зрения, слуха, обоняния, осязания или тактильных ощущений, движения, межиндивидуального взаимодействия в ВР; проблема обеспечения жизнедеятельности и невозможности отличить ВР от РР. Представим информацию по всем перечисленным пунктам.

Общая направленность ВР. Мы воспринимаем мир не глазами, ушами, кожей и другими органами чувств, а в конечном счете мозгом. Органы чувств только доносят до него информацию, которую мозг человека должен определенным образом идентифицировать, сконструировать другими словами, «сенсорное знание не есть предметное знание» [4]. Для нашего случая это означает, что сенсорная информация может прийти к человеку как обычным путем, через органы чувств, так и путем подачи ее в любом месте нервного канала связи органов чувств с мозгом или непосредственно в сам мозг. Отсюда вытекает возможность двух направлений развития ВР: внешнего и внутреннего. Внешнее направление нацелено на создание ВР, образцом которой выступает традиционное взаимодействие человека с миром. Внутреннее направление нацелено на создание ВР, доносимой человеку либо через нервные каналы связи его органов чувств с мозгом, либо непосредственно в сам мозг. О чем-то подобном, при осмыслении ВР (фантоматики), писал уже С. Лем, выделяя «периферическую фантоматику» (воздействует на «периферию» человеческого тела, на нервные окончания, не вторгаясь непосредственно в глубокие мозговые процессы) и «центральную фантоматику» («непосредственно воздействует на определенные участки мозга») [5]. Лему принадлежит также яркий пример самой возможности внутреннего направления развития технологий ВР: «Были записаны на магнитофон все импульсы, проходящие по двигательным нервам собаки, когда она бежала. Затем собаке перерезали спинной мозг, в результате чего у нее были парализованы задние лапы. Когда к нервам парализованных лап были поданы записанные ранее импульсы, парализованная часть туловища “оживила”

и начала делать такие движения, которые совершает при беге здоровая собака. Если скорость импульсов изменялась, изменялась также быстрота движений» [6].

Можно предположить, что в ходе развития внутренних технологий ВР будет интенсивно использоваться так называемый «центр удовольствия», найденный в мозгу человека, и ему подобные феномены. Но вряд ли в рамках ВР эти центры могут быть задействованы напрямую вне определенной сюжетной линии, создаваемой творцами ВР. При прямом и простом стимулировании, раздражении центра удовольствия, все трудности, связанные с созданием ВР, становятся бессмысленными, и речь фактически должна идти о технологическом обеспечении специфической формы наркомании.

В современной футурологической литературе представлены варианты того, какими сегодня видятся внутренние формы ВР. По Р. Курцвейлю, «к 2029 г. мы будем уметь конструировать нанороботов, способных проникать внутрь наших капилляров и путешествовать по мозгу, изучая его изнутри... это даст нам возможность отражать все, что происходит внутри его... это позволит выйти на реинжиниринг мозга, чтобы понять основные принципы его функционирования... можно направить в мозг миллиарды этих нанороботов с тем, чтобы они разместились у каждого нервного волоска, исходящего от всех наших органов чувств. Если вы захотите остаться в подлинной реальности, они будут просто сидеть на своих местах. Если вы захотите войти в ВР, они начнут подавать сигналы...» [7]. Для П. Б. Ллойда образы «Матрицы» легко трансформируются в конкретную технологию ВР: «Множество защищенных тонюсеньких проводов вводится новорожденному в голову через биопорт. Когда эти электроды достигнут полости черепа, их защитная оболочка раскрывается и похожие на пушистые одуванчики тонкие электродные нити расплазуются по мозгу, мягко проникая в кору развивающегося головного мозга. Вложенные оболочки открывают разветвляющуюся структуру нитевидных электродов. По мере приближения к поверхности мозга каждый экранированный провод освобождает тысячи более мелких электродов. У ребенка в возрасте одного месяца в клетках головного мозга имеется сравнительно немного синаптических связей, так что тонкие электроды могут проникнуть в них без вреда для мозга. При помощи этих электродов, распределенных по всему человеческому мозгу, Матрица могла бы рассылать свои сенсорные сигналы по одному из двух адресов: в сенсорные порталы или глубже, внутрь лабиринта мозга» [8]. (После подобных примеров уместно привести еще один аргумент за необходимость специального технологического мониторинга ВР. Судьбоносный современный выбор между естественным, человеческим и

искусственным, постчеловеческим [9] через такие «эмоционально вызывающие» примеры уже не может восприниматься как что-то абстрактное и далекое.)

Общее сравнение склоняет мысль к признанию большей адекватности для сути дела внутреннего направления развития технологий ВР. Современные формы технических приспособлений для ВР вряд ли дадут человеку возможность воспринимать ВР как РР. Это связано хотя бы с тем, что виртуанавт может как-то задеть, тронуть, к примеру, видеофон, разрушая реальность ВР, хотя можно пофантазировать и помыслить некую идеальную виртуальную сферу, пространство, наполненное особым «виртуальным веществом, газом», способным идеально выполнять те функции, которые в прошлом обеспечивали видеофоны, перчатки данных, киберкостюмы.

Абстрактное, гипотетическое рассуждение о специфике внешнего и внутреннего направлений развития ВР связано с тем, что на сегодняшний день развитие внутреннего направления либо еще не началось, либо еще нет значимых, серьезных результатов в данной области. Этим нисколько не отменяется перспективность внутреннего направления развития ВР, но только подчеркивается уровень совершенства современных технологий ВР. Мы не можем получить ответов на важнейшие вопросы, какое из направлений в итоге окажется господствующим, насколько в них будут задействованы прямые влияния на центры удовольствия, фрустрации и т. д. Пока остается без научно обоснованного ответа возможность появления в действительности компьютерной программы, способной заставить человека воспринимать современную компьютерную реальность как РР (идея описана С. Лукьяненко в «Лабиринте отражений» [10]). В такой ситуации логично предположить, что многое из проблематики внешних и внутренних технологий развития ВР нам неизвестно даже на уровне футурологических размышлений.

Давая общую оценку уровня или качества этого технологического аспекта ВР, целесообразно обратиться к известной схеме развития технических объектов, предложенной Г. С. Альтшуллером. Изобретатель теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) в учении о возрасте технических систем выделял четыре этапа развития технических объектов.

Первый этап – появление технического объекта, когда происходит подбор собственных частей для образования весьма несовершенной, но «работающей без джок» технической системы (применительно к самолету это свершилось в 1908 г., когда была найдена основополагающая формула: у самолета должны быть неподвижные крылья и двигатель внутреннего сгорания). Второй этап – совершенствование этих частей и их взаимная согласованность, «исправление троек». Третий этап –

динамизация частей технической системы, части жестко определенные и жестко связанные друг с другом начинают изменяться и соединяться гибко и подвижно. Четвертый этап – переход к саморазвивающимся техническим системам [11]. Соотнося тематику общей направленности ВР с указанными этапами развития технических систем, можно сказать, что ВР еще не вышла на первый уровень или в строгом смысле ВР еще не стала техническим объектом (сравнительно с самолетостроением ВР в этом аспекте рассмотрения еще не покинула «стадию предварительных вопросов»: сколько у самолета должно быть крыльев, должны ли крылья быть жестко закреплены или следует брать за основу машущие крылья птиц и т. д.).

Зрение в ВР. Первый головной дисплей И. Сазерленда называли «дамкловым мечом» из-за его величины и тяжести. Еще в 1993 г. в области оценки качества изображения ВР подчеркивалось больше проблематичности, чем успехов. В частности, отмечалось, что ЭВМ до сих пор не научилась отделять вещь от ее тени, что приходится делать болезненный выбор между качеством изображения и натуральностью движения на экране. Фиксировалась проблема «тошнотворной зоны», возникающей при частоте подачи видеоизображения от 4 до 16 кадров в секунду (в кино частота смены кадров – 30 в секунду; человеческое зрение без проблем воспринимает показ слайдов), которая была нередкой для тогдашней ВР, чью работу обеспечивали сравнительно маломощные ЭВМ [12]. Горячо обсуждалась проблема достижения стереоскопического изображения (наши глаза видят мир чуть под разным углом, а мозг комбинирует данные ими изображения в одно трехмерное – эта проблему начали технически осваивать с 1920-х гг., но качество получаемых решений было весьма низким). До 1994 г. цена на шлем ВР доходила до десятков тыс. дол. Сегодня эти все проблемы так или иначе решены. Повсеместно предлагаются для продажи разнообразные виртуальные шлемы и виртуальные очки, диапазон цен для обычного потребителя колеблется от 2000 до 20000 тыс. р. Все эти продукты обеспечивают стереоэффект (используется технология Page Flip, при которой ЭВМ обрабатывает каждый кадр с двух позиций камеры, потом выводит картинку для левого, а затем для правого глаза одного и того же кадра, после чего следует картинка для левого глаза, но уже следующего кадра и т. д., человеческий мозг обладает некоторой инерцией и в течение долей секунды хранит изображение, которого уже нет, чем и достигается стереоэффект). Почти все модели миниатюрны, к примеру, виртуальные очки весят до 300 г (включая и трэкер – устройство для отслеживания поворота головы пользователя виртуальным шлемом или очками и обеспечения соответствующего изменения вида в ВР). Более дорогие

модели беспроводные и способны несколько часов работать на аккумуляторах. Качество предоставляемого ими изображения (частота обновления 100 Гц и разрешение 1024×768 пикселей) не уступает качеству картинки телевизионного вещания и художественных фильмов в кинотеатрах.

Слух в ВР. Согласно имеющейся информации проблема звука в ВР решена на адекватном для полной ВР уровне.

По крайней мере, и реклама, и впечатления людей, владеющих аудиосистемами ВР хорошего качества, сходятся в том, что «трехмерный звук получен». Эффект действий в ВР сопровождается всеми теми же звуками и звуковыми ощущениями, как если бы это было на самом деле.

Обоняние в ВР. Наполнение ВР соответствующими сюжету запахами – очевидная и нередко затрагиваемая тема. Но пока задача искусственной передачи, копирования, подконтрольной смены и замены запахов еще не решена. К примеру, использование химических аэрозолей для создания запахов вначале может привести к восторженным оценкам испытуемых, а потом на долгое время лишить их нос чувствительности к запахам. Очень трудно понять, как обеспечить требуемую тем или иным сценарием ВР смену запахов. Можно предположить, что данные проблемы найдут свое разрешение только на пути развития внутренних технологий ВР.

Осязание, или тактильные ощущения в ВР. История тактильной виртуальности начинается в 1987 г., когда в фирме Ж. Ланьера была создана первая виртуальная перчатка, DataGlove. Она была весьма несовершенна (определяла положение пальцев только относительно ладони, использование оптического волокна приводило к потере света, информации на изгибах) и стоила 12 тыс. дол. В конце 1990 – начале 2000-х гг. отмечается качественный прорыв в создании виртуальных перчаток, связанный с производством для массового рынка перчатки P5 Glove, стоимость которой сегодня составляет чуть больше 100 дол. Общее представление о качестве современных виртуальных перчаток дают характеристики профессиональных виртуальных перчаток (hi-end уровень) стоимостью более десяти тыс. дол. Подобной перчаткой является перчатка CyberGlove фирмы Immersion. В неё вмонтированы 22 датчиков изгиба, что позволяет полностью описать конфигурацию кисти, т. е. сделать виртуальное движение полностью аналогичным реальному. Существующие устройства обратной тактильной связи (CyberTouch), силовой обратной связи для пальцев (CyberGrip), обратной связи для всей руки (CyberForce) позволяют, к примеру, крепко охватив виртуальный штурвал, ощутить каждым пальцем его шероховатость и вибрацию от набирающей скорость виртуального самолета [13]. Очевидно, виртуальные перчатки только

один из элементов тактильной системы ВР. Другой ее элемент – это виртуальный костюм, обтягивающий все остальное тело человека, за исключением участков, покрытых виртуальными перчатками и видеофоном. Существующие технологии могут передавать через этот костюм разнообразные телесные ощущения, к примеру, создавать убедительные нагрузки на мышцы туловища и рук при поднятии и переворачивании тяжелого предмета [14].

Движение в ВР. Выстраивая информацию об освоении движения в ВР от простого к сложному, первый шаг на этом пути можно соотнести с созданием И. Сазерлендом головного дисплея, решившего проблему движения для головы, взгляда виртуанавта. Второй шаг был совершен с созданием в фирме Ж. Ланьера виртуальной перчатки, появление которой означало возможность движения в виртуальном пространстве рук виртуанавта. Третьим шагом можно назвать создание различных виртуальных мест, кресел – для танкиста, водителя автомобиля, летчика, дизайнера сложного оборудования в виртуальных «рабочих станциях». В подобных «виртуальных капсулах» с помощью различных приспособлений и механизмов можно симулировать множество видов сложных ощущений, возникающих при реальном движении, к примеру, различные перегрузки и вестибулярные ощущения, возникающие при тех или иных маневрах самолета. Четвертый шаг можно соотнести с общим развитием технологий виртуальных комнат. Первая подобная система – система CAVE – была создана в 1991 г. Она представляла собой куб размером 3×3 м., на стенки которого (кроме задней стенки, потолка и пола) с четырех проекторов проецировалась картинка, общие подходы и размеры данной комнаты стали определенным стандартом в этой области [15]. Современная, самая передовая комната ВкР – С6 – создана в университете американского штата Айова. Двадцать четыре цифровых проектора, в сопровождении восьми канальной звуковой системы с помощью 96 мощных графических процессоров подают изображение (100 млн пикселей) на все грани этой виртуальной комнаты. Внутри нее могут находиться несколько человек, обладающих возможностью простого перемещения в пределах данной комнаты (их движение отслеживается по беспроводной технологии). Пятым и последним шагом на этом пути можно назвать современные разработки, пытающиеся обеспечить виртуальную возможность любого человеческого движения. Надо отметить, что в данной области технических разработок технологий ВР Россия оказалась одним из первых. В 1995 г. братья Латыповы подали международную заявку на способ погружения человека в виртуальную среду, а в 1996 г. демонстрировали свою «ВиртуСферу» на Брюссельской выставке «Эврика», где были награждены серебряной медалью. Действия вирту-

аванта в «ВиртуСфере» аналогичны действиям белки в колесе, благодаря чему обеспечивается как угодно долгое виртуальное движение. Подобное этому техническое устройство позже было смонтировано в Англии, «Киберсфера» Дж. Эйра может вращаться в любом направлении благодаря воздушной подушке, обеспечиваемой компрессором [16]. На других технических принципах пытаются решить проблему движения в ВР японские специалисты из наукограда Цукуба. Для передвижения в ВР они используют группу подвижных плиток, формирующих бесконечную поверхность. Опытный образец CirculaFloor был изготовлен в 2004 г., максимальная скорость виртуанавта по прямой в этой ВР достигала 33 см/с (обычная средняя скорость движения 1,5 м/с) [17]. На сегодняшний день нет сообщений, что сложные действия (движения по лестницам, прыжок на 80-метровую глубину с использованием резинки, приносящий «странное ощущение пустоты в желудке») уже освоены разработчиками ВР или доказана невозможность подобного с использованием только внешних технологий ВР.

Межиндивидуальные взаимодействия в ВР. Можно говорить о трех направлениях развития межиндивидуального взаимодействия в ВР.

Во-первых, совершенствование возможности общего, коллективного взаимодействия. В середине 1990-х герой произведения «виртуальной трилогии» С. Лукьяненко – романа «Фальшивые зеркала» – задает вопрос: как смогли владельцы виртуальной игры обеспечить взаимодействие двадцати реальных игроков? Современное увеличение мощности ЭВМ, развитие средств связи смягчают данную проблему, хотя и сегодня она далека от решения. С качеством современного коллективного общения можно познакомиться через информацию о существующих виртуальных пространствах/мирах, примером которого является частный 3D виртуальный мир, Second Life, созданный в 2003 г. компанией из Сан-Франциско. Многочисленные посетители (для устройств постоянные посетители – это жители) могут видеть свой аватар и управлять им на экране своего монитора (аватар – это компьютерный образ, которым вы управляете и с которым себя отождествляете. Термин появился в 1980-х гг.). Клиенты Second Life посещают различные места виртуального пространства, они могут участвовать в различных виртуальных мероприятиях (показах, обсуждениях, играх). «Жизнь» в Second Life не предполагает полного погружения, качество изображения сравнимо с изображением в обыкновенных мультфильмах.

Во-вторых, совершенствование возможности создания межиндивидуального контактного взаимодействия. Современным примером и уровнем его можно взять разработки американского дизайнера Ф. Розеллы, представленные в 2005 г. Созданный

ею виртуальный костюм, или костюм ощущений, позволяет почувствовать прикосновения и объятия другого человека на расстоянии (с помощью мобильных сетей поступают данные о пульсе, температуре тела и прикосновениях одного человека, а потом воспроизводят на теле другого человека пульсацию, физическое давление и тепло настоящих объятий). Тестируемые пользователи рассказывали, что они чувствуют реальную жизненную энергию, любовь, счастье [17].

В-третьих, совершенствование искусственных персонажей, без которых полная ВР не может обойтись. В общем плане качество подобных искусственных персонажей зависит от разработок в области искусственного интеллекта. Примером современного уровня достижений в данной области может выступать виртуальная Вивьен, которая за определенную плату может «жить» в мобильном телефоне. Создатели Вивьен обкатали ее базу данных с помощью 70 тысяч вопросов, уделяя особое внимание теме любви и флирта. Вивьен не обладает программой распознавания речи – ей нужно писать текст. Отвечать она может как синтезированным голосом, так и выводом текста на экран. Уровень общения Вивьен может продемонстрировать следующий пример. Если вы купите ей абонемент на посещение престижного и модного фитнес-клуба, не факт, что она похвалит вас – Вивьен может и обидеться, спросив: «Разве у меня плохая фигура?» [18]

Обеспечение жизнедеятельности и невозможности отличить ВР от РР. Полная ВР должна обеспечить полную жизнь в ВР, причем по определению любую. К примеру, виртуальное питье и еда должны приносить реальные питательные элементы организму, заказанная клиентом ВР молодая виртуальная жизнь должна куда-то убрать старческий артрит. В современной технологической литературе о ВР нет информации о прогрессе в этой области. Отсутствует информация и о разработках по технологическому обеспечению того, чтобы ВР воспринималась как РР. Можно предположить, что прогресс здесь возможен только по пути внутреннего направления развития технологий ВР.

Проведенный технологический мониторинг ВР должен служить основой для оценки возможности ВР стать полной ВР и тем самым возможности ВР серьезно претендовать на важнейшую роль в будущей жизни человечества. Точнее, проведенный технологический мониторинг ВР позволяет сформировать свое понимание ситуации в рамках существующих оценок современного технологического уровня ВР.

Как любой сложнейший вопрос, вопрос возможности появления полной ВР приводит к формированию противоположных взглядов. В одном и том же сборнике можно прочитать, что «технологические препятствия к созданию чего-то подоб-

ного «Матрице» пугающе внушительны» [19] и что «технологические новинки «Матрицы» появятся через 30–40 лет» [20]. Проведенный нами технологический мониторинг ВР, показавший всю трудность однозначной оценки современного технологического уровня достижений ВР, с одной стороны, оправдывает само наличие противоположных взглядов, с другой стороны, указывает на их истоки. Обоснованно предположить, что пессимизм, скепсис в вопросе о возможности появления полной ВР связан с серьезным разрывом между ожиданием, желанием бытия полной ВР (подогреваемый художественными фильмами и книгами) и современными, весьма и весьма далекими от совершенства ее образцами (возможно, отмечаемое еще до нынешнего финансового кризиса падение продаж современных виртуальных продуктов – прямое следствие этого разрыва). Оптимизм в вопросе о возможности и скором появлении полной ВР опирается на совершенный в течение 20–30 лет колоссальный прогресс в области совершенствования технологий ВР. Очевидно также, что серьезность данных позиций зависит от скорости технологического прогресса вообще. Но все такие предположения по определению апеллируют к будущему, что выводит их за рамки верифицируемой информации. К примеру, Р. Курцвейль свое утверждение о ближайшем появлении ВР влетает в идеи о том, что прогресс в XXI в. будет превышать прогресс в XX в. в 20000 раз [21]. Критики Р. Курцвейля могли бы сослаться на данные об ошибочности ряда его предыдущих прогнозов [22].

Объективная неоднозначность данных о технологическом уровне современной ВР провоцирует уйти от однозначного выбора или стремиться к той или иной форме примирения противоположностей. Но серьезность проблемы не позволяет это сделать. Серьезность проблемы актуализирует известный выбор Б. Паскаля. По аналогии с этим классическим случаем можно сказать, что нужно считать возможность создания полной ВР более вероятным событием.

По крайней мере, ошибка в этом случае будет носить менее катастрофический характер, чем ошибка в случае отрицания подобной возможности (в данном случае мы закрываем для себя возможность понимания и влияния на свое будущее).

Положительный выбор также созвучен синергетическим, бифуркационным представлениям о современном мире.

Технологический мониторинг современной ВР оправдывает бытие и дальнейшее развертывание

философских размышлений о ВР. Последние, в свою очередь, должны рассматривать технологический мониторинг ВР, который должен перманентно фиксировать достижения в области современной ВР – важнейшим элементом теоретического осмысления ВР.

Примечания

1. Маслов В. М. Свобода и виртуальная реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 10. С. 7–18.
2. Маслов В. М. Субъективный идеализм и виртуальная реальность // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 28–33.
3. «Технологическое» (technology) более точно и перспективно, чем «техническое». См., например, Горохов В. Г. Предисловие редактора // Митчем К. Что такое философия техники? М., 1995. С. 6–7.
4. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980. С. 137–148.
5. Лем С. Сумма технологии. М., 1968. С. 277, 283.
6. Там же. С. 171.
7. Курцвейль Р. Слияние человека с машиной: движемся ли мы к «Матрице»? // Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице»: сб. М., 2005. С. 227–230.
8. Ллойд П. Б. Глюки в «Матрице»... и как с ними справиться // Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице»: сб. М., 2005. С. 125.
9. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 1997. С. 66–79.
10. Лукьяненко С. В. Лабиринт отражений. Фальшивые зеркала. Прозрачные витражи. М., 2005. 545 с.
11. Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука. М., 1979. С. 112–116.
12. Гамильтон Дж. Виртуальная реальность / Дж. Гамильтон, Э. Смит, Г. Мак-Уильямс, Э. Шварц, Д. Кэрри // Бизнес Уик. 1993. № 1. С. 31.
13. Афанасьев К. Компьютерные перчатки. Настоящее: <http://www.prorodot.ru/08/computers.ptrchatk3>.
14. Костюм «виртуанавта»: <http://www.icpt.su/?fl=3402doc=885>.
15. Николенко А. Отцы виртуальной реальности. часть 3: <http://www.vr2/otcy-vr-chast-3>.
16. Гаврилов Д. Виртуальная сфера братьев Латыповых // Наука и жизнь. 2000. № 4. С. 52–58.
17. Создан костюм для виртуального секса: <http://www.isza.com/news/?iterm=49068>.
18. Виртуальная жена Вивьен убалтывает мужчин: <http://www.membrana.ru/articles/telecom/2005/02/24/211400/.html>.
19. Гордон Э. «Матрица»: парадигма постмодернизма или интеллектуальное позерство? Часть II // Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице»: сб. М., 2005. С. 105.
20. Курцвейль Р. Указ. соч. С. 219.
21. Там же. С. 220.
22. My Disappointment at the Future – ImmInst Forums: <http://www.imminst.org/forum/mydisappointment-at-the-future-t17025.html>.

Т. А. Михайлова

АУТОПОЙЭЗИС КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Представлена попытка рассмотрения аутопойэзиса как способа существования систем. Это является основанием для объяснения коммуникации как способа воспроизводства общества. Коммуникация рассматривается в контексте концепции Н. Лумана, выделяющей общее между психическими и социальными системами. Аутопойэзис, будучи способом самоорганизации систем, является и способом их моделирования.

The article presents an attempt to study autopoiesis as a way of systems existence. This factor forms the ground for rendering communication as a way of society reproduction. Communication is described from N. Luhman's point of view. The common features of social and psychic systems are designated. Being a way of system self-organization, autopoiesis is simultaneously a way of their modeling.

Ключевые слова: аутопойэзис, самоорганизация, самореферентность, ино-референтность, конструктивистский дискурс, рекурсивность, коммуникация, информация.

Keywords: autopoiesis, self-organization, self-reference, alter-reference, constructivism discourse, recursiveness, communication, information.

Ренессанс системности в последние десятилетия сопряжен с исследованием систем в конструктивистском дискурсе, что предполагает, во-первых, обращение к анализу психических, нейробиологических и социальных систем; во-вторых, рефлексию относительно развития системности как парадигмы человеческого мышления; в-третьих, исследование проблемы сложности.

Крупнейший немецкий социолог Н. Луман, опирающийся на концептуальную базу конструктивизма, выделяет три сменяющие друг друга парадигмы: «Первая парадигма системно-теоретического мышления, “часть-целое”, встречается уже в сочинениях Аристотеля, которому принадлежит высказывание “Целое больше суммы своих частей”». Развитие термодинамики, биологии, психологии и социологии актуализирует возникновение другой парадигмы. «Ею стала вторая парадигма системно-теоретического мышления, парадигма “система – окружающий мир”, впервые четко сформулированная в термодинамике». Данная парадигма «была впервые масштабно использована в социологии Т. Парсонсом в разработке теории социального действия как системы и в теории общества, основанной на идее структурного функционализма в соединении с веберовской теоретической традици-

ей в отношении социального действия» [1]. Необходимо отметить, что данная парадигма коррелирует с теорией открытых систем, что объясняет ее активное использование биологами и психологами.

Возникновение третьей, современной, парадигмы связано с деятельностью Н. Лумана, объясняющего общество как всеобъемлющую систему социальных коммуникаций. Для этого используется теория самовоспроизводящихся систем, предложенная чилийскими нейрофизиологами Умберто Матураной и Франциска Варелой. «Эта новая парадигма системной теории – концепция самовоспроизводящихся систем – по своему теоретико-познавательному потенциалу выходит далеко за пределы предметной области биологии. Эта новая концепция, как в свое время парадигма открытых систем Парсонса, стала методом теоретической социологии, объясняющим самовоспроизводство общества, сохранение его идентичности» [2].

Теоретически обозначив контекст, в лоне которого происходило оформление системной теории общества немецкого социолога Н. Лумана, перейдем к цели статьи – рассмотрению базового принципа функционирования самовоспроизводящихся систем – принципа аутопойэзиса, исследованию его объяснительных возможностей. Осуществление этой цели позволит приблизиться к обоснованию теории Н. Лумана как новой системной парадигмы.

Центральное понятие «аутопойэзис» было предложено в 1973 г. двумя учеными – чилийским биологом У. Матураной и польским психологом Ф. Варелой. Изложение теории аутопойэзиса во многом напоминает замкнутый круг: введенные в систему понятий термины определяют смысл последующих представлений, проясняя в то же время свой собственный смысл по мере дальнейшего охвата текста. В этом проявляется неизбежная взаимозависимость таких ключевых понятий, как понятия автономности, кругообразности, цикличности, целостности, аутопойэзиса.

Определяя смысл аутопойэзиса, У. Матурана и Ф. Варела описывают способ организации системы, определяя ее как аутопойэтическую. Базовой единицей аутопойэзиса, согласно этим ученым, является живой организм как целое, существование и функционирование которого и составляет суть жизни. С. Цоколов так раскрывает это положение: «Жизнь есть эмерджентное, а не априорное свойство системы, свойство, порождаемое способом ее организации (который, собственно, и является предметом концепции Матураны), а не каким-то особым биологическим, живым, витальным свойством или элементом, через который феномен жизни может быть определен и объяснен. Это в корне отмежевывает системный подход Матураны от виталистических концепций и точек зрения, в которых жизнь провозглашается особой субстанцией» [3]. Обобщение эмпирических данных с по-

мощью теоретического кибернетического принципа логично подводит к понятию организационной закрытости как базовому теоретическому утверждению. Каждая автономная система является организационно закрытой.

Кибернетический смысл закрытости состоит в отсутствии у системы «входа» и «выхода», что означает протекание ее процессов по замкнутому циклу, разорвать который невозможно без утраты ее целостности. Любой продукт системы автоматически превращается в ее исходный цикл, то есть сырье. «Разрыв» цикла и есть по существу функция ее наблюдателя, наделяющего автономные системы согласно своим собственным представлениям атрибутами «входа» и «выхода».

Так, кстати, закладывается новая эпистемология сложного [4] с системным или организационным принципом во главе, суть которого – в акцентуации на челночном движении от частей к целому и от целого к частям. Голографический принцип [5] предполагает, что во всяком сложном явлении не только часть входит в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть. Причина и следствие замыкаются в рекурсивную петлю, о чем еще в середине века писал Норберт Винер [6].

Принцип рекурсивной петли доводит понятие регуляции до понятия самопроизводства и самоорганизации. Заметим, что рекурсивная петля – это генерирующая петля, в которой сами продукты становятся производителями и причинами того, что их производит. Принцип автоэкоорганизации (автономии/зависимости) состоит в том, что живые существа являются самоорганизующимися существами и, расходуя энергию ради поддержания автономии, проявляют зависимость от окружения. Поэтому их надо понимать как автоэкоорганизующиеся существа. Это выводит на диалогический принцип, суть которого – в установлении дополнительной, конкурентной, антагонистической связи между двумя противоположностями. Принцип повторного введения познающего во всякий процесс познания восстанавливает субъекта и отводит ему определенное место в пространстве.

Критически отвергнув классическую методологию с признанием единственности субъекта и неизбежным различием мышления и бытия, Н. Луман начинает с лингвистического поворота в философии. Он ставит под сомнение продуктивность эссенциалистского образования понятий. На вопросы типа «что такое общество», «что такое город», «что... есть...» [7] невозможно дать исчерпывающие ответы. Этот факт проблематизирует ситуацию, включая социолога благодаря этому типу вопросов «что?» в переформулирование вопроса «как возможны теории общества» вместо вопроса «что есть общество»? Аналогичным образом биолог останавливается перед вопросом «что есть жизнь?»

В дискурсе конструктивизма это – самонаблюдение второго порядка, суть которого состоит в том, что система является одновременно наблюдающей и наблюдаемой самой собой. Социология организует себя, таким образом, как аутопойэтическую систему, что означает опору на все ее наличные теоретические ресурсы. Поскольку теория общества формируется в обществе, то процесс наблюдения и описания подсистем современного общества, с помощью которых выявляются сходные структуры в различных областях, зависит от понятийных идеализаций.

Аргументационным основанием правомерности использования понятия аутопойэзиса как центрального понятия является факт функциональной автономизации и оперативной замкнутости важнейших подсистем общества. Круг замкнулся: своеобразие самовоспроизводящихся подсистем современного общества зависит от способа наблюдений и различений, посредством которых теория общества учреждает саму себя. «Понимание кругового, самореференциального и поэтому логически симметричного способа выстраивания этих систем подводит к вопросу о том, как же могут разрываться такие круги и выстраиваться асимметрии. Кто же скажет тогда, что является причиной, а что – следствием? Или еще радикальнее: что предшествует, а что появляется позднее, что происходит внутри, а что – вовне? Инстанцию, осуществляющую это размышление, сегодня часто называют “наблюдателем”» [8]. Наблюдать, по Луману, это значит просто различать и обозначать. С помощью понятия наблюдения учитывают то, что «различение и обозначение» являются одной-единственной операцией, в ходе которой производится и воспроизводится общество. Необходимо отметить, что именно благодаря этой операции производятся элементы аутопойэтической системы, а также формируется отношение системы к окружающему миру. Хотя все внешние отношения системы даны как неспецифические, но всякая спецификация отношения к окружающему миру предполагает собственную деятельность системы и ее конкретное историческое состояние как условие ее собственной деятельности. Иначе говоря, «всякая спецификация сама является формой, то есть различением; она состоит в выборе из самоконституированной области выбора (информации), и эта форма может образовываться в самой системе» [9]. Иначе говоря, в процессе эволюции систем общества был изобретен смысл как потенциальное богатство возможностей, являющихся базой для актуализации какой-то одной операции. «Аутопойэзис в его правильном понимании означает, прежде всего, порождение *внутрисистемной неопределенности*, которая может быть редуцирована лишь собственным структурным образованием системы. Это не в последнюю очередь объясняет то, что

системы общества изобрели медиум *смысл*, позволяющий учитывать этот открытый характер дальнейших определений во внутрисистемных операциях» [9]. В качестве таких собственных операций в системах выступают коммуникации, на долю которых и выпадает отбор смысловых форм.

Система не только на структурном, но и на операционном уровнях является автономной. Это раскрывается через понятие рефлексии из традиционной классической философии – рефлексивность как обращенность на самое себя. «Свои собственные операции система может конституировать, лишь подсоединяя их к другим собственным операциям этой же самой системы. Но этим еще не заданы все условия существования, так что следует еще раз повторить вопрос о том, как данную рекурсивную зависимость оперирования от него самого можно отличить от бесспорно сохраняющихся зависимостей от окружающего мира» [10]. Анализ специфики аутопойэтических операций, учитывая скудную объяснительную силу и ценность исходного понятия «аутопойэзис», вряд ли что-то прояснит без обращения к базовому понятию современной науки, являющемуся центральным в системной теории Лумана, – понятию коммуникации.

Отказываясь от онтологического способа объяснения общества с неизбежным поиском инвариантов бытия, а следовательно, от дифференциации на субъект и объект, Луман прибегает к эволюционной теории, основывающейся на понятии аутопойэзиса, как это было показано выше. Если «единицей (квантом жизни) является живущая (выживающая) особь, а не эволюционирующий вид» [11], то единицей общества является коммуникация. Коммуникация и есть та единственная операция, операция «различения и обозначения», с помощью которой производится и воспроизводится общество. «Аутопойэзис жизни являет собой единственное в своем роде биохимическое изобретение эволюции; однако из него не следовало, что должны были бы появиться также черви и люди. И то же самое относится к случаю коммуникации. Коммуникация, предполагающая аутопойэтическую операцию коммуникации, порождает общество, однако из этого еще не вытекает, какое именно это будет общество» [11].

С точки зрения Н. Лумана, общество состоит из коммуникаций-событий, которые сменяют друг друга во времени. «Структура общества представлена учреждениями, способными связывать эти мимолетные события, а принцип структурирования заключается в дифференциации коммуникаций [12]. Что принципиально нового в этой теории? Новизна очевидна: теория начинается с парадокса: люди уже не есть часть общества, к чему приучило нас классическое обществознание; они принадлежат его внешнему миру. Человек элиминируется социальной системой и помещается вовне, ее внешнее ок-

ружение, которое не имеет никаких границ, представляя безграничный горизонт системы. «Как целое, человек – реалья внешнего мира системы, он наблюдатель, строитель теорий. Однако любая сколько-нибудь универсальная теория общества принадлежит обществу (является следствием и тематизируется в процессе коммуникации) и в этом смысле обращена на себя саму, является самодержащей и самореференциальной “пьесой в пьесе”» [13]. Отсутствие центрального наблюдателя, к чьим описаниям бы присоединились другие, ведет к признанию множества наблюдателей, каждый из которых создает свою теорию из материала повседневности. Другими словами, «общество является крайним случаем поликонтекстуального самонаблюдения, крайним случаем системы, принужденной к поликонтекстуальному самонаблюдению и не действующей при этом подобно объекту, о котором можно иметь лишь одно-единственное истинное мнение, так что все остальные, отклоняющиеся взгляды должны рассматриваться как заблуждения» [14]. Все, что говорится, говорится неким наблюдателем. Тогда проблемой становится возможность самоописания общества. Исчерпывающие теории общества с их неизбежным погружением в сущность изучаемого предмета уходят в небытие. Следовательно, возникает проблема невозможности создания теории общества. Тавтологизация и парадоксализация как пути выработки дефиниции общества не продуктивны, ибо «нет такого места, с которого репрезентативным или даже определяющим для всех остальных частей общества могло бы описываться, что есть или же не есть общество» [15]. Проблема самоописания существует лишь в функционально дифференцированном обществе.

Дифференцирование возможно благодаря процессам референции (внешней) и самореференции – они действуют в операциях по коммуникации постоянно и с необходимостью, одновременно и соединенно. Так система в единстве внешней референции и самореференции (то есть «сравнивая» себя с внешней средой с самой же собой) приобретает свою обособленность и, таким образом, способность к операциональной закрытости своих процессов по переработке информации воспроизводимых ею элементов и структур [16]. Под закрытостью подразумевается у Лумана, как и у всех конструктивистов, не термодинамическая изолированность, а всего лишь оперативная замкнутость. Именно оперативная замкнутость есть условие возможностей собственных операций, сосуществующих одновременно друг с другом и состоящих в рекурсивных отношениях, что означает определенную онтологически существующую последовательность операций. Завершение одной операции есть условие возможности другой операции. Это и есть рекурсивные отношения, приводящие к дифферен-

циации систем, замыкание которых реализуется благодаря высококомплексным структурам, сосуществующим одновременно с окружающим миром. Операционная закрытость и есть результат такого рода рекурсивных отношений.

«Общество – это коммуникативно-закрытая система. Оно порождает коммуникацию через коммуникацию. Его динамика состоит в воздействии коммуникации на коммуникации и в этом смысле – в трансформации тех или иных актуальных различий и обозначений; она никогда не выражается в преобразованиях окружающего мира» [17]. Это означает, что общество является системой, определяющей себя полностью из себя самой и при помощи себя самой. Никакой внешний мир с его принудительным давлением и влиянием не способен определить общество. Только «коммуникация сама принимает решения (в случае необходимости – с помощью уточняющих вопросов или неприятия в расчет) по поводу своих собственных притязаний на определенность, а также смысла применения неопределенностей. И последний контроль над самоустановлением в измерении между определенным и неопределенным состоит в вопросе о том, что способствует продолжению, а что – прерыванию текущей коммуникации» [18].

Логично следует принципиально важный вывод: «общество может коммуницировать только в себе самом, но никак не с самими собой и не со своим окружающим миром. Оно порождает свое единство через осуществление коммуникаций в рекурсивном ретроспективном и предвосхищающем обращении к другим коммуникациям. Соответственно если в основу наблюдения им положена схема “система – окружающий мир”, то общество обретает возможность коммуницировать в себе самом, о себе самом или о своем окружающем мире, но никогда – с самим собой, никогда – со своим окружающим миром» [19].

Аргументом Лумана в пользу невозможности воплощения окружающего мира в самом обществе как системе, самого общества в нем самом является как раз постулирование возможности общества как аутопойэтической системы. Круг опять замкнулся: специфический круг операций воспроизводства системы связан с подобной замкнутостью общества как системы, о чем говорилось выше. Конечно, без окружающего мира, его присутствия в качестве объяснительного механизма функционирования системы, хоть и операционально-замкнутой, не обойтись. Без окружающего мира ничего не может произойти, он задействован как ответственный за часть необходимых причин, через которые система детерминирует собственные состояния как возможные для ее дальнейшего воспроизводства. Не трудно догадаться, что речь идет о производстве как одной из детерминант собственного состояния системы. Производство – воспро-

изводство, требующее различия внешнего и внутреннего, есть одна из бинарных оппозиций, без которых невозможно воспроизводство системы как системы, а следовательно, и ее границ. Без обозначения же границы чего-либо нельзя говорить и об идентификационных параметрах. В нашем случае такими идентификационными параметрами будут осетевленные операции системы. Последнее доказывает тезис о том, что только коммуникация может осуществлять коммуникацию и создавать ее элементы и структуры.

Выступая против привычного понимания коммуникации, в частности против тезиса о существовании автора как субъекта коммуникации, Луман рассматривает саму коммуникацию как аутопойэзис, то есть самоорганизующийся, самоосуществляемый процесс. Будучи общим принципом образования систем, аутопойэзис применительно к коммуникации как системному явлению предполагает выделение в ней трех следующих составляющих: информации, сообщения и понимания.

Коммуникация представляет собой три селекции этих составляющих. Информация представляет собой событие, которое, актуализируясь, теряет характер информации. Интерес к информации связан со стремлением к неожиданному. Информация является различием между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит или сообщается. Эффектом информации является степень вызванного ей различия, причем информация не может быть внесена в систему из окружающей среды. Она должна быть произведена в самой системе [20].

Процессы селекции связаны с отбором и различием. Если селекции не происходит (нет различия информации и сообщения), то имеет место голое восприятие, которое есть прежде всего психическое событие без всякого коммуникативного содержания. Это означает недоступность для системы коммуникации без дальнейшей селекции: нет понимания смысла, нет решения, нет коммуникации. Понимание является также селекцией: оно никогда не есть голое дублирование сообщения в нашем сознании. Оно присоединяется к предыдущему опыту коммуникации и становится предпосылкой соединения следующей коммуникации в самой коммуникативной системе. Это, собственно, и есть условие аутопойэзиса социальной системы: она сама вырабатывает свое собственное понимание (или собственное неправильное понимание) и в этих целях создает процессы самонаблюдения и самоконтроля. В обществе эту роль на себя берут media [21].

Вне коммуникации нет никакой информации, общения и понимания, так как она сама их вырабатывает в качестве круговой взаимной предпосылки. В этом смысле система коммуникации и является полностью закрытой системой, которая сама про-

изводит компоненты, из которых и состоит. Лишь коммуникация может осуществлять себя, контролировать и ремонтировать себя, она специфицирует свои элементы и структуру. Коммуникация не имеет никакой цели. Она происходит или не происходит – это все, что о ней можно сказать. Все коммуникации связаны с риском: будет ли сообщение и понятая информация приняты или будут отклонены. Она форсирует ситуацию решения, ибо коммуникация удваивает реальность, создавая два варианта решения: «да» – «нет». Этим самым принуждает к селекции. В этом и состоит аутопойэзис системы, которая и гарантирует себе свою продолжительность. Механизм возникновения и функционирования коммуникации может быть понят лишь благодаря различению сообщения и информации, также благодаря пониманию этого различия. Вследствие этого последующая коммуникация может соотноситься либо с сообщением, либо с информацией, причем эти операции осуществляются с помощью подсоединяющейся коммуникации, которая вновь и вновь воспроизводит дифференциацию сообщения и информации. Этот бесконечный процесс операционного осуществления коммуникации и есть воспроизведение замкнутости системы. «В зависимости от специфики способа ее наблюдения (от того, как она осуществляется, а именно через различение сообщения и информации) коммуникация воспроизводит дифференциацию закрытости и открытости. Итак, возникает система, которая на основе своей закрытости открыта в своих операциях для окружающего мира, ибо ее базовая операция ориентирована на наблюдение. Таким образом, «форма – дифференциация» сообщения и информации является для системы неизбежным условием аутопойэтического воспроизводства. В противном случае существовало бы одно лишь Больше – Не – Коммуницируем, завершение системных операций» [22].

Подводя предварительный итог, отметим важность рассмотрения формы коммуникация как позволяющей конструкции, с помощью которой становится возможной понимание содержания самой коммуникации. Формой коммуникации является различение самореференции и инореференции, так называемой двойной референции. Выше отмечалось: коммуникация как система есть единство трех моментов: информации, сообщения и понимания.

Из этого структурного единства становится понятной роль каждой составляющей коммуникации. Сообщение актуализирует возможность рекурсивного отнесения коммуникации к самой системе. Функция же информации как составляющей коммуникации – реферирование своего окружающего мира. Таким образом, артикулирование относительно основных функций сообщения и информации подводит к необходимому, уже очевидному выводу относительно структуры коммуника-

тивной операции системы. Данная структура сводится к форме в виде различения самореференции и инореференции. Именно посредством этой формы-структуры происходит интегрирование дифференциации системы и окружающего мира в систему. Далее дифференциация системы и окружающего мира предстает в системе в форме референтных направлений. Далее же проблема недостижимого в операциях окружающего мира смещается из операционной области в область познания. Система воспроизводит, таким образом, себя саму в воображаемом пространстве своих референций, причем с каждой коммуникативной операцией происходит обновление формы своего аутопойэзиса, то есть различения самореференции и инореференции. Аутопойэзис предстает, таким образом, как единство самореференции и инореференции.

Радикальный конструктивизм, объединяя различные концепции, теории, эмпирические обобщения, представляет некий «динамичный междисциплинарный контекст» [23], основной чертой которого является принципиальное отмежевание от всех форм традиционной эпистемологии, допускающей принцип соответствия знаний объективной реальности. Радикальный конструктивизм есть продолжение позиций античного скептицизма. Фон Глазерсфельд, основной классик радикального конструктивизма, называет такую позицию «эпистемологией без онтологии» [24].

Другой общей чертой этого направления является исследование аутопойэтической замкнутости, о чем говорилось выше. В этом смысле выводы данного направления представляют интерес для онтологических теорий новейшей философии, репрезентируя теории самоорганизации. Теории самоорганизации развивают И. Пригожин, Г. Хакен, Х. фон Ферстер (принцип порядка из хаоса), У. Матурана и Ф. Варела (принцип аутопойэзиса и самореферентности). Научные интересы приведенных выше ученых варьируются от термодинамики неравновесных процессов и кибернетики до биологии и психологии. Такой широкий спектр наук, репрезентирующих данное направление, объясняет и специфику избранного категориального аппарата. Поскольку в середине XX в. на роль лидера среди наук претендовала кибернетика как наука об управлении сложными системами, то ее понятия сыграли немаловажную роль в формировании конструктивистского дискурса. Информационная замкнутость, самореферентные системы, циклическая организация, рекурсивные операции – все это понятия кибернетики, «работающие» сегодня в конструктивизме, обоснование которых невозможно без базового понятия «аутопойэзис».

Примечания

1. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 6–8.
2. Там же. С. 9.

3. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: PHREN, 2000. С. 187.

4. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 24–96.

5. Югай Г. А. Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и революция в философии. Общая метафизика: учебное пособие с хрестоматией. М.: Крафт+, 2007. 400 с.

6. Винеф Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. 327 с.

7. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Изд-во «Логос», 2004. С. 60.

8. Там же. С. 71.

9. Там же. С. 69.

10. Там же. С. 68.

11. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО «Петрополис», 1994. С. 65.

12. Луман Н. Почему необходима системная теория // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО «Петрополис», 1994. С. 27.

13. Там же. С. 71.

14. Там же. С. 37.

15. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. М.: Социо-Логос, 1991. С. 207.

16. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 34.

17. Луман Н. Почему необходима системная теория // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО «Петрополис», 1994. С. 39.

18. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 38.

19. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО «Петрополис», 1994. С. 63.

20. Луман Н. Решения в информационном обществе // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО «Петрополис», 2000. С. 36.

21. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Изд-во «Логос», 2005. 280 с.

22. Луман Н. Решения в информационном обществе // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО «Петрополис», 2000. С. 42.

23. Цоколов С. Указ. соч. С. 16.

24. Там же. С. 31.

УДК 2:314.17

В. В. Муравьев

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Религии не устраняют страдания и несправедливость, они снижают остроту переживаний их восприятия. В древних цивилизациях компенсаторная функция религиозных комплексов была существенна для психического здоровья населения. Теодицея – универсальный компонент религии.

Religions can't eliminate sufferings and injustice. They help to accept them patiently. This function of ancient religions was an essential factor of population's spiritual health. Theodicy is a universal element of religion.

Ключевые слова: население, психика, религия.

Keywords: population, mentality, religion.

Явления духовной культуры, хотя их невозможно «потрогать руками», оказывают реальное влияние на показатели смертности и соматической заболеваемости. Еще более очевидно их влияние на психическое здоровье населения. Даже религия, призванная нести мир и покой, предлагать компенсацию за неудачи и унижения, оказывает на человеческую психику противоречивое воздействие. Давать своим последователям спасительное утешение в безвыходных ситуациях или превращать их в марионеток со сломленной волей – все это ее возможные роли.

Как показали З. Фрейд, Э. Дюркгейм и другие исследователи первобытного сознания, ранние религии придавали культурное содержание природным влечениям, инстинктам, поддерживая целостность первобытных сообществ. Бессознательная и осознанная враждебность, страх и ощущение беспомощности, агрессивность и действие полового инстинкта ограничивались и модифицировались воздействием запретов и ритуалов. Древние табу касались вещей и деяний, вызывавших амбивалентное отношение, желание и опасение, притяжение и отвращение. Немотивированность запретов, отсутствие объяснений и жестокость наказаний за их нарушение – свидетельства страха перед собственными неосознанными влечениями, ощущения угрозы, которые они представляли для сообщества. Фрейд обнаруживал двойственность чувств, совпадение любви и ненависти к одному и тому же объекту в основе всех значительных культурных образований [1, с. 210].

Имея в виду связанные с внутренними противоречиями и страхами утешительные искажения реального положения дел, Фрейд называл религию общечеловеческим навязчивым неврозом. Сле-

дую логике Фрейда, все первобытные люди были психически больны и эта болезненность сохранилась в культурах, исторически следующих за первобытной. В определенных обстоятельствах иметь навязчивые неврозы полезно, так как это предохраняет от депрессии и более серьезных психических расстройств: «...благочестивый верующий в высокой степени защищен от опасности известных невротических заболеваний: усвоение универсального невроза снимает с него задачу выработки своего персонального невроза» [2, с. 131].

В современных религиях на первый план выходят позитивные для человека качества богов, это в большей мере доброжелательные существа, вызывающие доверие. В первобытных верованиях преобладало восприятие сверхъестественных сил как жутких и иррациональных, их почитание было основано на стремлении отвести угрозы. Умилостивительные ритуалы и идея искупления возникли как следствие потребности уберечься, очиститься от воздействия тех факторов, разрушительному и непредсказуемому воздействию которых люди не могли противостоять. Ранние религиозные верования, как показали К. Маркс, З. Фрейд, Б. Малиновский и другие исследователи, компенсировали недостаток уверенности человека в своих силах и благоприятном исходе предпринимаемых действий. Они помогали преодолевать страх перед разрушительными природными силами и социальными противоречиями, болезнями и смертью, формировали чувство защищенности и давали объяснение фактам страданий.

Письменные источники древней Месопотамии позволяют нам судить о душевном состоянии населения, преобладавших настроениях, психических расстройствах. Психологический портрет жителя Месопотамии – это образ страдальца. Ужасы военных набегов, засухи и наводнения, деспотическое правление, подавлявшее индивидуальность и свободу человека, социальная нестабильность и несправедливость – все это факторы, травмировавшие психику людей. Молитвы к богам, вавилонские покаянные псалмы – собрание жалоб разбитых, сломленных судьбой людей. Литература Месопотамии передает настроения подавленности и безнадежности, переживания несправедливости происходящего в мире. В ней миром управляют капризные, эгоистичные, несправедливые сверхъестественные существа, действия которых необъяснимы и непредсказуемы. Все они в большей мере недоброжелательны к людям. «Гневная львица, да отойдет твое сердце. Разгневанный буйвол, да отойдет твоя злота», – так обращались к Иштар [3, с. 397]. В пантеоне шумеров появляется образ богаступника, каким являлся Энки. Но и его действия могли по непонятным причинам нести ущерб. В мифе об Адапе Энки помогает человеку избежать наказания, в то же время путем дезинфор-

мации лишает его возможности обрести бессмертие.

«Вавилонская теодицея», написанная жрецом Эсагилкиниуббибом в XI в. до н. э., может рассматриваться как квинтэссенция духовной жизни Месопотамии, выражение умонастроения, душевного состояния ее жителей. Страдающий праведник, почитавший богов неудачник, обойденный вознаграждением служивый человек – главный герой этой поэмы. Сиротство, болезнь, бедность, голод, унижение и тяжелые переживания от созерцания картин зла и несправедливости, торжествующих в обществе, – вот спутники жизни невинного страдальца. Судьба этого литературного героя была олицетворением жизненного пути и настроений реальных представителей древней цивилизации. В ассирийском «Заклинании солнца» I тыс. до н. э. тоска описана не просто как переживание человека, но как космическое явление. В нем мировая скорбь, как сеть, покрывает небо, убивает земных животных, гонит китов и рыб в глубины океана [3, с. 148].

Одной из функций религий эпохи цивилизаций было сглаживание социальных конфликтов, снятие социального напряжения. Эта функция осуществлялась путем формирования отношения людей к происходящим в их жизни событиям, проявлениям зла, лишениям и бедам как заданным свыше и потому неизбежным. Культурные центры Месопотамии были органами согласования, примирения корыстных интересов земледельцев и скотоводов, обычных граждан и аристократов, сельских жителей и горожан, государства и отдельных людей. Обиды, зло, причиненные одними людьми другим, вызывали ненависть и желание отомстить. Если индивиды принимали положение дел в обществе как установленное богом, ненависть и желание борьбы сменяла осмысленная покорность.

Судя по содержанию «Вавилонской теодицеи», жрецы использовали два способа оправдания общественных порядков. Первый: они являются осуществлением некоего замысла богов, недоступного человеческому пониманию. Второй: несправедливости и лишения временны, они будут устранены в будущем для твердых в вере [4, с. 203]. Тому, кто не потерял веру, даже лишившись всех благ, достатка, семьи, здоровья, Бог даст вдвое больше утраченного, утверждается в библейской «Книге Иова».

В египетском обществе существовали противоречия на почве социального неравенства, взаимная неприязнь элиты и подчиненного ей населения. Выражением настроений массового отчаяния и бессилия является текст «Речения Ипусера». Представляя картину разнообразных бедствий и разрушения общественного устройства, автор приводит высказывания людей своего времени: «Воистину: Большие и малые [говорят]: “Я желаю, чтобы я

умер». Маленькие дети говорят: «О, если бы он [отец] не дал мне жизнь» [5, с. 40]. Причины несчастий Египта Ипусер находил не только в современных ему конкретных обстоятельствах, таких, как ошибки управления и нападения врагов извне, но и в изначальной порочности человеческой природы, допущенной Ра.

Следует отметить, что неизбежные проявления враждебности, конфликты социальных групп и отдельных людей оценивались в египетской культуре как зло. Египтяне желали пользоваться уважением и признанием окружающих: «Не будь злым, прекрасна доброжелательность, продлевающая долголетие твоих памятников (людской) любовью к тебе», – сказано в наставлениях египетского правителя [6, с. 18]. Оказавшиеся на суде Осириса утверждали: «Я не совершал зла. Я не воровал. Я не был жадным. Я не убивал людей. Я не лгал. Я не сплетничал» [7, р. 44].

Одним из столпов индийской культуры было стремление к познанию и отысканию способов позитивного воздействия на сознание человека, его психику. Исследование состояний, видов и законов психической деятельности являлось одним из главных направлений развития древнеиндийской религии, философии и науки. Психическая деятельность рассматривалась индийскими мыслителями не только как свойство человеческих индивидов, но как атрибут мира, природы и сверхъестественных существ. Считалось, что психические начала возникли раньше материальных вещей. Различные сочетания, взаимодействие *гун* добродетели, воления и невежества определяли состояния материи и человека.

Понятие «*дхарма*» в одном из своих смыслов использовалось для обозначения позитивных качеств индивидов. К ним относились постоянство, снисходительность, смирение, неспособность к воровству, чистота, владение эмоциями, благоразумие, знание Вед, справедливость и сдержанность. Неумение управлять желаниями, жадность, гнев рассматривались как негативные качества. Они порождали стремление к порочным увлечениям, пьянству, доноситеству, насилию, вероломству, зависти, воровству и оскорблениям [8, с. 225, 236].

Человек несовершенен. Он находится во власти иллюзий и потому делает ошибки и склонен приносить вред окружающим. Его поведение подчинено стремлению к удовлетворению материальных потребностей, препятствующему правильному видению мира: «...чистое сознание мудрого живого существа покрывается его вечным врагом – вожделением, которое никогда не удовлетворяется и пылает, как огонь» [9, с. 205]. Постижению истины препятствуют состояния беспокойства, сомнения, утомления от повседневных житейских проблем. Особенно разрушительной для личности счи-

талась ненависть как окружающих, так и испытываемая самим индивидом к другим.

Одной из причин злобы, враждебного отношения к близким считалось страдание. Воспоминания о перенесенных в прошлом страданиях, стремление им сопротивляться и порождали ненависть. Другая причина возникновения ненависти – невозможность реализовать желания. Поскольку большинство людей находится в плену собственных материальных потребностей, их интересы постоянно сталкиваются, и в обществе царит взаимная враждебность.

В ведийскую эпоху пожелания подавлять в себе злобу распространялись главным образом на отношения между родичами. Ненависть к врагам, чужакам признавалась допустимой и оправданной богами. В буддийский период призыв преодолеть в себе стремление нанести вред окружающим распространяется на отношения к посторонним, врагам, всем существам, наделенным жизнью. Способность быть сдержанным, не отвечать злом на зло восхвалялась как одно из высших достоинств личности.

Призывы индийских мыслителей к терпимости и ненасилию не равнозначны проповеди любви. Моральный принцип любви к ближнему не был ментальной константой индийской культуры. Скорее признавалось важным выработать в себе нейтральное, лишенное эмоциональной окраски отношение к окружающим. Идеал личности в культуре буддийского периода – человек бесстрастный, безразличный к радости и страданиям, успехам и неудачам, друзьям и недоброжелателям. «Тот, кто относится одинаково к друзьям и врагам, остается невозмутим в чести и бесчестье, в жаре и холоде, в счастье и несчастье, славе и бесславии, кто свободен от оскверняющего общения, всегда молчалив и всем доволен, кто не заботится о жилище для себя, кто утвердился в знании и посвятил себя преданному служению – такой человек очень дорог мне», – говорил Кришна [9, с. 598].

Избегая конфликтов, следовало, как яда, опасаться и почестей. Наиболее важной в отношениях с окружающими была максимально возможная независимость от них: «Все зависящее от чужой воли – зло, все, зависящее от своей воли, – благо» [8, с. 160]. Совершенный человек в индийской культуре это – интроверт, погруженный в собственные размышления, отрешившийся от переживаний, укрытый от влияния людей щитом самообладания.

Китайцы относились к психическим нарушениям как к заболеваниям, которые лечатся как физические недуги. Такое понимание распространялось не только на тяжелые душевные расстройства, но и акцентуации, чрезмерные проявления каких-то переживаний. Даже негативные личные качества, скрытые мотивы безнравственного поведения, заб-

луждения, вызванные ошибками чувственного восприятия и мышления, расценивались как заболевания, для которых есть пилюли. Китайские ученые считали больным человека, который много ненавидит и мало любит, обижает беззащитных, не помнит о долге, из корысти забывает о справедливости, предпочитает, чтобы только его считали правым.

Особенно неблагоприятной для самого индивида и окружающих его людей считалась подверженность злобе и унынию. Их проявления, по-видимому, были широко распространены. Изучая и описывая историю Поднебесной, наполненную конфликтами, интригами, убийствами, войной всех против всех, Сыма Цянь восклицал: «Поистине велики злоба и ненависть меж людьми!» [10, с. 65]

Размышляя о причинах враждебности людей друг к другу, некоторые мыслители Китая, подобно современным этологам, предполагали, что человек зол, агрессивен по своей сути. Одна из глав сочинений Сюнь-цзы так и называется – «О злой природе человека». Злобность, завистливость, порочность даны людям от рождения, как глаза и уши. Понимание, что человеческая природа такая, и надо установить в качестве одного из принципов государственного управления. Рассуждая об этом, Шан Ян записал: «Если управлять людьми как добродетельными, то неизбежна смута и страна погибнет; если управлять людьми как порочными, то всегда утверждается образцовый порядок и страна достигает могущества» [11, с. 215].

Существовало и иное понимание происхождения агрессивности. Человек не рождается злым и мстительным. Эти качества он приобретает в общении с окружающими, их формирует неблагоприятный жизненный опыт. Как отмечено в одной из древних песен:

«Недобрых совсем не бывает вначале,

Но мало, кто добрым дожил до конца» [12, с. 91].

Мэн-цзы прямо утверждал, что человек по природе добр [13, с. 244]. Распри не являются неизбежным аспектом взаимодействия людей. Вражду, взаимную неприязнь можно и нужно устранить. Не страх и жестокое принуждение создают порядок и процветание. Великое благоденствие возникает лишь в атмосфере взаимного дружелюбия. Какие действия следует предпринять, чтобы в обществе утвердилась доброжелательность?

Великие учителя Китая предлагали, чтобы каждый, и правитель, и обычный человек, попытался изменить себя. Лао-цзы призывал на ненависть отвечать добром [14, с. 133]. Конфуций впервые в истории мировой культуры сформулировал «золотое правило» гуманного поведения: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» [15, с. 167]. Этот принцип следовало стараться проводить всегда: при крайней занятости, в нужде и даже во время еды. Учитель Кун понимал сложность этой задачи. Од-

ному из своих учеников он даже сказал, что добиться ее осуществления невозможно [15, с. 150]. Он считал «золотое правило» идеалом, который не может быть вполне реализован. Способностью приблизиться к нему обладали те, кто стремится к самоусовершенствованию, благородные мужи – *цзюнь-цзы*. Если немногочисленные *цзюнь-цзы*, те, для кого забота о народе важнее личного блага, занимают ведущие должности – государство движется к процветанию и всеобщему единению. Страна, в которой нет человеколюбивых, в которой никто не заботится об общих интересах, где чиновники и народ думают только о том, как «лучше устроиться», обречена погибнуть.

Даосы древности не придавали особого значения различению добра и зла, полагая, что они, как и все противоположности, могут преобразовываться друг в друга: «Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло» [14, с. 115]. Поэтому к окружающим надо относиться одинаково, не обращая внимания на их моральные качества: «Добрым людям я делаю добро, и недобрым также делаю добро» [14, с. 129].

Проблема человеколюбия, возможности бескорыстного и снисходительного отношения к любому индивиду, независимо от его социального положения, пола и возраста, была центральной в размышлениях Мо-цзы. Он и его последователи утверждали, что недостаток взаимной доброжелательности – корень всех бед в обществе: «Если рассмотреть, откуда начинаются беспорядки, то оказывается, что беспорядки возникают оттого, что люди не любят друг друга» [16, с. 192]. Озлобленность возникает потому, что любовь имеет частный характер: правитель любит свое царство и стремится нанести удар другим, главы семейств любят свои семьи и грабят другие. Такого рода частную любовь необходимо заменить всеобщей. Главным признаком всеобщей любви являлся ее бескорыстный характер. Бескорыстная любовь, доброжелательность к окружающим, не связанная с какими-либо собственными интересами, и есть человеколюбие. Она проявлялась в оказании помощи всем, кто в ней нуждается [17, с. 90].

Призывы Мо-цзы имели утопический характер. Действительность вынуждала китайских правителей отдавать предпочтение рекомендациям Шан Яна. Слабыми, неуверенными в себе, разобщенными и подавленными людьми легче управлять. Жалобы на несправедливое отношение, переживание покинутости, одиночества, выраженные во многих народных песнях, ясно свидетельствуют о том, что дружелюбие, бескорыстная любовь не имели большого распространения в Поднебесной. В текстах «Ши цзин» часто описываются печаль, горе и уныние [12].

Идеальным психическим состоянием считалась безмятежность духа. Размышляя над превратностями судьбы героев своих исторических книг, Сыма

Цянь заключал: «Жизнь и смерть равны... надо легко относиться и к успеху и к отставке; спокойно смотреть на потери и утраты» [10, с. 294]. В Китае спокойствие духа объявлялось одним из пяти проявлений счастья, наряду с долголетием, богатством, здоровьем тела и завершающей прожитую жизнь спокойной кончиной.

Объективным фактором безмятежности является отсутствие угроз жизни и благосостоянию: «Когда народу [живется] легко, тогда все люди спокойные» [18, с. 33]. Чтобы достичь внутреннего покоя, надо следить за тем, чтобы негативные и позитивные переживания не достигали крайнего проявления. Как и индийцы, китайские учителя призывали воздерживаться от чрезмерных выражений радости, гнева, печали, страха и удовольствия. Всякая неумеренность вызывает болезненное состояние. Следовало избегать хитростей и интриг, так как они разрушают в человеке чувство собственного достоинства.

Теодицея – универсальный компонент религии. Безвинные страдания праведных и осознание их несправедливости имели массовое распространение в древнем обществе. Поэтому история Иисуса Христа и учение Будды о тождестве бытия и страдания получили распространение в разных культурах. Религии не устраняют зло и несправедливость, они снижают остроту переживаний их восприятия. Способность религии примирить людей с обстоятельствами их жизни и друг с другом имела свои пределы. Тем не менее в цивилизациях, в духовной культуре которых естественный и сверхъестественный миры не отделены друг от друга, компенсаторная функция религиозных комплексов была существенна для психического здоровья населения. Идеологии Передней Азии и Египта предлагали своим последователям избавление

от негативных переживаний за счет изменения оценок неблагоприятных событий. В Индии и Китае в дополнение к этому сложились практики, системы приемов воздействия на психическое состояние, имевшие назначением обретение духовного равновесия.

Примечания

1. Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 1997.
2. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 94–143.
3. Ассиро-вавилонский эпос / пер. с шумерского и аккадского В. К. Шилейко. СПб., 2007.
4. Вавилонская теодицея // История Древнего Востока: тексты и документы. М., 2002. С. 202–206.
5. Речения Ипусера // История Древнего Востока. Тексты и документы... С. 38–47.
6. Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // История Древнего Востока: тексты и документы... С. 17–23.
7. Egyptian Religion // The Encyclopedia of Religion. By M. Eliade. 15 vol. Vol. 5. N. Y.; L., 1987. P. 37–54.
8. Законы Ману. Манавадхармашаstra. М., 2002.
9. Бхагавад-Гита. М.; Л., 1990.
10. Сыма Цянь. Исторические записки. Т. VII. М., 1996.
11. Шан цзюнь шу // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 210–223.
12. Шицзин. Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина. М., 1987.
13. Мэн-цзы // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. С. 225–247.
14. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. С. 114–138.
15. Лунь юй // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. С. 139–174.
16. Мо-цзы // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. С. 175–200.
17. Мо-цзы // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 66–99.
18. Гуань-цзы // Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 2. С. 14–57.

К. В. Патырбаева

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА И ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В XXI в.*

В работе представлены концепции современного труда; дан философский анализ его основной формы; выявлены функциональные связи между современным высокотехнологичным производством и сервисным сектором; рассмотрены особенности работника нового типа и организации труда.

In the paper the concepts of modern labor are presented, a philosophical analysis of its main form is carried out and the functional connection between the modern high-tech manufacturing and service sector is outlined; under consideration are also specific features of the new type of workers and peculiarities of labor organization.

Ключевые слова: труд, производство, постиндустриальная экономика, сфера услуг, субъект труда, организация труда.

Keywords: labour, production, postindustrial economy, service sector, subject of labour, organization of labor.

Исследование современного производства особенно актуально в условиях перехода к постиндустриальному способу развития, поскольку способствует глубокому и адекватному осмыслению природы трансформационных процессов в обществе и экономике.

Пожалуй, весь XX в. прошел под знаком перемен во многих областях человеческой жизни, включая социально-экономическую сферу. Описанием трансформаций в сфере труда занимались и занимаются различные ученые на протяжении всего прошлого века и в настоящее время. Единой концепции, всесторонне раскрывающей природу современного производства, не существует, поскольку сам объект исследования находится в процессе становления.

Размышления о формировании новой исторической формы труда можно встретить еще у К. Маркса, для наименования которой в подготовительных работах к «Капиталу» и третьем томе «Капитала» он использовал понятие *всеобщего труда*. Понятие *всеобщего труда* напрямую отнесено Марксом к науке и художественному творчеству [1], тогда как о формировании *всеобщего материального труда* Маркс напрямую не говорит, пред-

почитая называть новый тип материального производства *автоматизированным трудом*. Тем не менее намек на всеобщий характер автоматизированного труда в неявном виде можно обнаружить в третьем томе «Капитала» [2]. Предлагая современную трактовку наследия К. Маркса, В. В. Орлов делает вывод, что *автоматизированный труд* является *всеобщим материальным трудом*, «аналогичный индивидуализированному и в то же время целостному, относительно всестороннему научному труду» [3].

Далее становление нового типа труда осмыслось в рамках общественных наук на протяжении всего XX и начала XXI в. В середине XX в. появляются теории индустриального общества, в рамках которых исследовались особенности начального процесса автоматизации (теория «нового рабочего класса» Р. Блонера, работы Г. Маркузе). Трансформации в трудовой сфере не остались без внимания и в неомарксистских концепциях, предлагающих различную оценку сущности и последствий автоматизации. В частности, высказана позиция, что новый рабочий класс состоит из инженеров и техников, мастерство и знания которых становятся фрагментарными и рутинизированными, что автоматизированный труд характеризуется деградацией рабочих, снижением их квалификации и полной взаимозаменяемостью («тезис Брейвермана», нашедший широкую поддержку в «школе трудового процесса» Г. Сэлэмэна и П. Томпсона) [4].

В 70–80-е гг. XX в. в отечественной науке наблюдается пик работ, посвященных начальным этапам автоматизации (А. Н. Леонтьев, А. Е. Обухова, Р. Бароян, Г. А. Смолян, И. Ф. Кефели и др.) [5].

Дальнейшее развитие общества, структурные и функциональные изменения в производственной системе привели к появлению новых теорий, объясняющих их. Так, к середине 70-х гг. XX в. сложилась теория постиндустриального общества Д. Белла. Современное общество характеризуется Беллом как постиндустриальное, в экономике которого приоритет перешёл от преимущественного производства товаров к производству услуг, доминирующим производственным ресурсом является информация и знания, наука становится главной движущей силой экономики, наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность работника. В таком обществе главной формой труда является занятость в сервисном секторе, где осуществляется взаимодействие людей друг с другом [6]. Вслед за теорией постиндустриального общества как макрообобщающего концепта появился ряд более частных идей «нового общества» и «новой экономики», являющимися ее объяснительным наполнением. Это, прежде всего, теории «информационного общества» (Ф. Махлуп, Т. Умесао, М. Кастельс); идея «третьей волны» (О. Тоффлер); концепция

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Постиндустриальное общество и Россия. Стратегия развития». 08-03-82301 а/У.

«сетевого общества» (Дж. Ван Дайк, М. Кагель); консьюмеризм, или теория «общества потребления» (В. Торстен, С. Майлс); теория «сервисной экономики» (Т. Левитт); концепция «экономики знаний» (П. Дракер, Р. Манселл, Н. Стер).

Несколько обособленно стоит теория постэкономического общества В. А. Иноземцева, согласно которой сегодня происходит дематериализация труда, его постепенное элиминирование и замена творчеством [7].

Современным, динамично развивающимся концептом является идея креативной экономики, согласно которой «сервисную экономику» сменяет «креативная экономика», её ядро – креативные индустрии, а творческий труд в этих индустриях оказывается основным [8]. В подобном ключе данные вопросы рассматриваются и Р. Флоридой в его теории «креативного класса» [9, 10].

Рассмотренные исследования описали некоторые трансформационные сдвиги в современном производстве, однако за пределами внимания остались *структурно-функциональные связи* между различными отраслями хозяйства, *интеграционные процессы*, охватывающие материальное производство и сервисный сектор.

Начнем с определения основной формы труда как основы современного производства и ее особенностей.

По нашему мнению, основная форма труда должна быть глубинным основанием развития современного общества. Это должна быть форма материального труда, поскольку, как убедительно доказано академической (научной) философией, именно материальный труд, понимаемый как способность человека присоединять к своим сущностным силам сущностные силы природы, преобразовывать освоенные природные процессы в технологии преобразования среды и себя, является сущностью человека и глубинной основой исторического процесса в целом [11]. Следуя марксистской традиции, мы предлагаем использовать для наименования современной формы материального труда как синонимы различные термины, называя будущую форму труда *и автоматизированным, и научным* (точнее, *онаученным*), *и всеобщим трудом*. Термин «автоматизированный труд» отражает технологическую сторону современного производства. Представление о современном материальном труде как *научном, или онаученном*, отражает превращение науки *в важнейшую производительную силу* общества (прежде всего, *экспериментальной науки*, которая «срастается» с производством [12]). Наконец, понимание современного материального труда как всеобщего выражает его философский смысл, сущностное содержание. Всеобщность новой формы труда проявляется в том, что этот труд имеет в качестве своей субстанции всеобщие сущностные силы человека (тогда как предшествую-

щие формы труда, особенно машинный, «реализовывали» эту сущность частично, односторонне) [13].

Обозначим основные тенденции развития материального производства на современном этапе. *Во-первых*, современное материальное производство характеризуется наличием *трех основных форм материального труда* – ручного, машинного и автоматизированного – при ведущей роли последнего. *Во-вторых*, автоматизированному труду соответствуют сложная *автоматическая техника* и *высокие технологии (hi-tech)*. *В-третьих*, в автоматизированном производстве меняются *роль и функции человека (главной становится функция контроля, управления и принятия решений)*, развиваются *общие способности к труду и познанию*. *В-четвертых*, важнейшей тенденцией развития современной формы материального труда является его *универсализация*, связанная в тенденции с *преодолением разделения физического и умственного труда*, ликвидации стороны труда, непосредственно связанной с физическим трудом, выступающей как абстрактный труд. *В-пятых*, автоматизированный труд предполагает сохранение и усложнение биологической основы труда, проявляющейся в сокращении мышечных и возрастании нервных (психических) нагрузок на организм человека. Наконец, *в-шестых*, обозначенные тенденции приводят к изменениям в ценностной и мотивационной структуре работников и появлению новых принципов организации труда.

По нашему мнению, именно *автоматизированное производство* лежит в основе постиндустриального общества, тогда как классики постиндустриальной теории в качестве существенного признака выделяли рост *сферы услуг*, отмечая снижение роли *материального производства* в развитии общества. Рост сервисной сферы действительно имеет место в современной экономике, однако развитие сферы услуг не субстанционально, а обусловлено развитием материального производства и его потребностями. По нашему мнению, между развитием автоматизированного труда и ростом сервисного сектора экономики существует определенная связь. Сфера производства и сервисный сектор были связаны и на предшествующих этапах развития труда, однако на современном этапе социально-экономического развития *интеграционные тенденции* усиливаются. Сокращение занятости в промышленности не означает «ненужность» этой отрасли хозяйства для экономики. Важнейшая закономерность эволюции сферы услуг заключается в том, что она развивается не в изоляции от материального производства, а в интеграции этих видов деятельности, и от глубины интеграции во многом зависит эффективность современного хозяйства. По некоторым оценкам, в последние десятилетия XX в. взаимосвязь двух типов хозяйственной деятельности поднимается на новую ступень:

в новых технологиях универсального применения услуги и вещный продукт практически неразделимы, сливаются воедино [14, 15]. Речь идет прежде всего о той части сервисного сектора, которая называется «производственными услугами».

Также в условиях высокотехнологичного производства особое значение приобретают услуги, направленные на производство и воспроизводство субъекта труда, «человеческого капитала», высококвалифицированной рабочей силы, поскольку эффективное развитие экономики постиндустриального типа зависит от развития определенных способностей человека. Важный вывод, который делают современные экономисты, фактически состоит в том, что сначала надо «произвести» человека, а потом осуществлять производство. По словам Н. Иванова, современное производство – двухсекторная модель, рассматривающая производство человеческого капитала как промежуточную модель (тогда как второй «сектор» включает производство конечных материальных благ) [16]. Выделяют семь фондов формирования человеческого капитала: образование; подготовку и переподготовку кадров на производстве; науку; здоровье; мобильность; культуру [17]. Это означает, что в формировании человеческого капитала среди прочего участвует сфера общественных услуг. По сути, именно она производит и постоянно воспроизводит человеческий капитал в соответствии с потребностями современного высокотехнологичного производства, человека как социального материального существа.

В свое время В. В. Орловым была высказана идея о физкультуре и спорте как сфере материального производства, направленного на производство биологической основы человека как социально-интегрального существа [18]. По мнению В. В. Орлова, на современном этапе происходит развитие и дифференциация материального способа производства, включающего в себя, в качестве своей относительно самостоятельной отрасли, производство человеческого организма [19].

Развивая мысль В. В. Орлова, к сфере производства человека как социально-интегрального существа могут быть отнесены и физическая культура, и образование, и здравоохранение, и ряд индустрий креативного сектора экономики, которые играют особую роль в функционировании экономики постиндустриального типа.

При этом здравоохранение, физическая культура и спорт могут быть отнесены к материальному, а образование, культура – к духовному производству человека как интегрально-социального существа. Также в развитии духовных сущностных сил человека, по нашему мнению, участвует креативный (пятеричный) сектор экономики, включающий, согласно классификации ЮНКТАД, культурное наследие; искусство; медиа; культурный и рекреационный сервис, креативные НИОКР [20]. В

целенаправленном развитии духовных сущностных сил человека особое значение имеют социогуманитарные технологии (*high hume*), отражающие инструменты и технологии воздействия на человека и направленные на преобразование и развитие человеческого сознания [21].

Диалектическое единство этих двух специфических типов производства способствует гармоничному формированию духовной и материальной сторон субъекта труда постиндустриальной экономики и служит, по нашему мнению, важнейшей основой для универсализации функций работника, преодоления разделения физического и умственного труда, сближения их на новой основе.

Второе звено современного материального производства – производство конечных материальных благ – тесно связано со сферой научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). В новой экономике, как еще предсказывал К. Маркс, наука становится непосредственной производительной силой общества. Экономика постиндустриального типа, в основе которой лежит высокотехнологическое инновационное производство, ставится в прямую зависимость от развития научного потенциала. Наука органично «срастается» со вторым звеном современного материального производства, многократно его усиливая и раскрывая неограниченные возможности развития производства и, соответственно, человека и человеческой сущности.

Специфика постиндустриального способа производства накладывает отпечаток на субъект труда. По нашему мнению, можно выделить некое общее качество, объединяющее всех типов субъектов современного высокотехнологичного производства (на основе применения *high tech* и *high hume*). Таким качеством, по нашему мнению, является *креативность*. Определенные аспекты творческого характера труда и раскрыты в работах В. Л. Иноземцева. Среди современных зарубежных ученых, исследующих аналогичную проблематику, особое место занимают исследования Р. Флориды. Ссылаясь на словарь Вебстера, Р. Флорида отмечает, что креативность – это способность создавать значимые новые формы, которая имеет много измерений и проявляется в многочисленных формах как масштабная и непрерывная практика. Для обозначения людей, в деятельности которых особое значение имеет креативность, Р. Флорида вводит понятие «креативный класс». По мнению Р. Флориды, креативный класс состоит из «суперкреативного ядра» и «креативных профессионалов», к которому относятся в основном работники умственного труда (например, профессии в области программирования, инженерного дела, образования, управленческие профессии и пр.). Вслед за креативным классом следует «рабочий класс», состоящий преимущественно из производственных про-

фессий. Замыкают классификацию «обслуживающий класс» (профессии, связанные с общественным питанием, продажами, охранной деятельностью и пр.) и «сельское хозяйство» [22]. Согласно данной классификации за пределами креативного класса оказались все производственные профессии, что является, по нашему мнению, существенным недостатком данного подхода, несмотря на его эвристический потенциал. Действительно, материальный труд на протяжении исторического процесса имел различную творческую наполняемость. Так, ручной труд, особенно труд ремесленника, был «наполовину искусством», тогда как машинный тип труда, превративший человека в «придаток машины», содержал значительное число рутинных операций и обладал наименьшими возможностями для реализации творческого потенциала работника. Другое дело, когда речь идет о высокотехнологичном производстве на основе автоматизированного труда. Возможности творческой самореализации субъекта такого производства неоднократно демонстрировались в исследованиях отечественных и зарубежных ученых начиная с 70–80-х гг. прошлого века. Не раскрывая все аспекты креативности в ее преломлении к субъектам автоматизированного труда, назовем то, что обычно полагается центральным, а именно выполнение самой сложной производственной *функции контроля, управления и принятия решений*, которая никогда не может быть полностью автоматизирована, если необходимо сохранить управляемость производства. Для того чтобы эффективно выполнять эту функцию, субъект труда должен обладать колоссальным объемом знаний, т. е. быть компетентным, высококвалифицированным специалистом. Он должен знать и понимать производство «изнутри», что достигается в процессе образования и опыта работы. Появление автоматизированного производства открывает человеку огромные возможности преобразовательной деятельности, способствует универсальному развитию сущностных сил человека (материальных и духовных), означает рост свободы человека. В то же время управление сложными автоматизированными системами возлагает на человека огромную ответственность за качество труда, поскольку сбои в работе таких систем влекут за собой значительно более серьезные последствия, нежели поломка станка при машинном труде. По нашему мнению, современный материальный труд также обладает огромным творческим потенциалом и может быть отнесен к профессиям, требующим от работника креативности. Также мы полагаем, что креативность, творчество является действительной важнейшей особенностью современного труда, включая материальное производство и другие его современные формы, в том числе сервисный сектор, отдельные отрасли которого имеют глубокие функциональные связи с

временным высокотехнологичным производством, как это показано нами выше. Исследуя особенности «креативных профессионалов», Р. Флорида на основе исследований и статистических расчетов называет десять ключевых факторов труда, которые являются приоритетными для работников творческого труда (без ранжирования): интересная и ответственная работа; гибкие условия труда, стабильная рабочая обстановка и сравнительно гарантированная занятость; оплата; повышение квалификации; признание со стороны коллег; стимулирующий коллектив; работа увлекательного содержания; культура организации; местоположение и общество. Среди базовых ценностей креативных работников Р. Флорида выделяет индивидуальность, меритократию, разнообразие и открытость [23].

Особенности креативных профессионалов (или *knowledge workers*, «когнитариата», «работников, владеющих знаниями») требуют новых форм организации труда, поскольку традиционный подход (тейлоризм, фордизм) становится неэффективным в отношении работников нового типа. Несмотря на многообразие традиционных для эпохи индустриализма форм организации труда, их можно объединить понятием «групповая работа», в отличие от «командной работы», способной обеспечить эффективность труда креативного профессионала. Работа в команде предполагает, что ее члены разделяют полномочия, ответственность и возможности руководства, подотчетны все члены команды и команда в целом, распределяются результаты вознаграждения, присутствует высокая степень самоуправления. Благодаря этому именно работа в команде позволяет достичь синергетического эффекта сложения интеллектов и компетентностей [24].

Функционирование работников в новых формах организации труда ставит задачу разработки новых форм оплаты и новых методов стимулирования (мотивации) труда как форм управления творческими трудовыми человеческими ресурсами. При командной форме работы становится все сложнее оценить вклад каждого конкретного работника в создаваемый продукт, который (новое знание) сложнее усилий, затраченных на его производство (знания каждого конкретного работника). Это обстоятельство затрудняет и определение стоимости конечного продукта. Более того, традиционные экономические методы стимулирования труда (повышение заработной платы, премирование и т. п.) становятся бездейственными по отношению к современному креативному профессионалу, поскольку эффективность раскрытия интеллектуального потенциала в большей степени обусловлена условиями работы, отношениями в команде, коммуникативными навыками работников, носят не экономический, а психологический характер [25].

Основы нового менеджмента, адекватного постиндустриальным трансформациям, можно найти в работах представителей «теории человеческих отношений» (М. П. Фоллетт, Э. Мэйо, Ч. Барнард), которая во многом опередила свою эпоху [26]. Исследования продолжают и сегодня. Однако дальнейшее развитие постиндустриального производства ставит новые проблемы перед теорией управления, требуя принципов нового менеджмента для новой экономики.

Примечания

1. Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Соч. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. С. 36, 39.
2. Маркс К. Капитал. Т. III. Ч. 1. Соч. Т. 25. Ч. 1. М., 1969. С. 116, 265.
3. Орлов В. В., Васильева Т. С. Труд и социализм. Пермь, 1991.
4. Полякова Н. А. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.
5. Патырбаева К. В. Особенности развития современного типа труда: сб. ст. ежегодной открытой научно-практической конференции преподавателей Пермского института экономики и финансов: в 2 т. Т. 1. Пермь, 2008. С. 36–44.
6. Полякова Н. А. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
7. Иноземцев В. А. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 2004.
8. Creative economy. Report 2008: www.unctad.org/en/docs/ditc20082cer_en.pdf.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.
10. Florida R. L. The Flight of the Creative Class: the new global competition for talent. Collins. N. Y., 2005.
11. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь, 2005.
12. Орлов В. В. К проблеме структуры производства в постиндустриальном обществе // Новые идеи в философии. Вып. 17: в 2 т. Т. 1. Пермь, 2008. С. 63–68.
13. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь, 2005.
14. Сфера услуг: проблемы и перспективы развития. Том 1. Формирование сферы услуг / под ред. Ю. П. Свириденко. М., 2000.
15. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М., 2003.
16. Иванов Н. Человеческий капитал и глобализация // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 9. С. 19–31.
17. Там же.
18. Орлов В. В. К проблеме структуры производства в постиндустриальном обществе // Новые идеи в философии. Вып. 17: в 2 т. Т. 1. Пермь, 2008. С. 63–68.
19. Там же.
20. Creative economy. Report 2008: www.unctad.org/en/docs/ditc20082cer_en.pdf.
21. Попов А. В. Хайрутдинов А. Р. Региональное развитие как процесс реализации будущего территориальных общностей: Роль социогуманитарных технологий // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Кн. 1. Пермь, 2008. С. 314–319.
22. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.

23. Там же.

24. Еом Син Б. Команды и командная работа // Информационные технологии в бизнесе / под ред. М. Желены. СПб.: Питер, 2002. С. 557–567.

25. Патырбаева К. В. Факторы, определяющие организацию и оплату труда в автоматизированном производстве // Наука. Технологии. Инновации: м-лы всерос. научн. конф. молодых ученых. Ч. 4. Новосибирск, 2006. С. 146–148.

26. Ершов С. От тейлоризма к мэйоизму: эволюция форм эксплуатации наемного труда // Рабочий класс и современный мир. 1971. № 1. С. 22–29.

УДК 1(09)Гем[Апель]

Е. И. Ситникова

К.-О. АПЕЛЬ ОБ ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

В статье излагается социально-этическая концепция немецкого философа К.-О. Апеля, призывающая к таким формам социальной практики, которые способствовали бы постепенной реализации принципов идеального коммуникативного сообщества в реальном социуме.

The paper is devoted to socio-ethical conception of the German philosopher K.-O. Apel. It dwells upon such forms of social practice which would contribute to gradual realization of the principles of an ideal communicative association in a real society.

Ключевые слова: этика дискурса, историческая культура, моральное сознание, язык, коммуникация, институты дискурса.

Keywords: ethics of discourse, historical culture, moral consciousness, language, communication, institutions of discourse.

К.-О. Апель (род. в 1922 г. в Дюссельдорфе) принадлежит к числу тех философов, чьи идеи оказывают решающее влияние на развитие философской мысли в современной Германии. Его труды, среди которых прежде всего следует упомянуть «Трансформацию философии» (1973 г.) и «Дискурс и ответственность» (1988 г.), неизменно находятся в центре оживленной философской дискуссии, в которой Апель выступает как поборник принципов универсализма в противовес различным постмодернистским течениям.

Сама биография К.-О. Апеля показательна и типична для его поколения. В ней в полной мере нашли свое отражение те испытания, которые выпали на долю его современников. Две мировые войны, одну из которых Апель целиком пережил лично, служа офицером немецкой армии на Восточном фронте, дали философам этого поколения достаточно материала для этической рефлексии, основанной на практике жизни как в диктатор-

© Ситникова Е. И., 2009

ском фашистском государстве, так и в условиях бессильной демократии Веймарской республики. Опыт этих философов в осмыслении принципов современной демократии стал существенным вкладом в процесс выхода Европы из авторитарных и тоталитарных режимов и становления демократии в том ее виде, в котором она оформилась после Второй мировой войны и продолжает существовать сегодня. На формирование философских взглядов Апеля также существенное влияние оказал американский прагматизм, в особенности идеи Ч. Пирса, прежде всего его консенсусная теория истины и связанное с ней понятие бесконечного сообщества ученых как идеального «сообщества», вовлеченного в процесс теоретического и экспериментального исследования и для которого соглашение по поводу конечной истины представляется необходимой регулятивной идеей.

Философия Апеля прошла в своем развитии ряд этапов, последовательность которых связана с ориентацией, в частности, на философские учения Канта и Фихте. Среди философов, оказавших непосредственное влияние на Апеля, следует назвать М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна, работы которых были посвящены философским проблемам языка с точки зрения intersubjectivity. На основе критического анализа достижений предшественников и с помощью применения методологии трансцендентализма Апель создал собственную философию языка, которая служит основой осмысления социума, истории и этики дискурса.

Стремление соединить этику и историю является, безусловно, важной теоретической интенцией Апеля, а также результатом того влияния, которое оказала на него историко-герменевтическая традиция. Аисторичную деонтическую этику (Н. Макиавелли, И. Кант, Г. Гегель) он обвиняет в абстрактности и иррелевантности: у нее нет измерения времени и бытия, она существует в «безвоздушном», асоциальном пространстве. Для Апеля же ключевую роль играет сопряженность этических исканий с живой тканью социума.

«Априори языка указывает нам на случайно-историческое условие конвенциональной реализации intersubjectively значимых значений в определенных языках; а априори коммуникативного сообщества указывает нам на случайно-исторические условия принадлежности к историческому языковому, культурному и традиционному сообществу; оба этих случайно-исторических условия имплицитно хайдеггеровское экзистенциальное априори фактивности бытия в мире: предпосылки фактически существующего предпонимания мира и необходимого согласия с другими на основании случайно-исторического «фона» жизненного мира» [1].

Тем не менее именно ту версию исторически ориентированного обоснования этики, которая была связана с «лингвистико-герменевтически-прагмати-

ческим поворотом», он подвергает наиболее жесткой критике. Герменевтике, берущей начало в гуманистической традиции, принадлежала заслуга активации морального чувства путем осознания специфики и особенности морального сознания внутри каждой исторической культуры. Развитие этой тенденции привело, однако, к тому, что герменевтика вообще утратила универсальную точку опоры, масштаб для исторической и моральной критики. Для Гадамера естественно скорее непонимание, чем понимание: понимание может быть только *иным* [2]. Его учитель, Хайдеггер, ставит мышление в зависимость не только от бытия, но даже от временного явления бытия, задавая таким образом масштаб невиданного прежде *гиперисторизма*. Герменевтическая феноменология, утрачивающая в ходе «герменевтического круга» различие между нормами и фактами, лишается возможности предложить убедительное обоснование этического разума. Идущее от веберовской «понимающей» социологии признание плюрализма культурных норм выливается в концепции плюрализма языковых игр/жизненных миров в аналитической философии или в феноменологической социологии (А. Шютц, Г. Гарфинкель, Х. Меган) в полную капитуляцию перед задачей философского универсального обоснования и критики моральных систем.

Указанная неспособность большинства современных влиятельных философских направлений к обоснованию морального сознания привела Апеля в 60-х гг. к убеждению в необходимости «новой ориентации» философской герменевтики в направлении универсалистского трансцендентально-философского и одновременно нормативного измерения историко-реконструктивного мышления.

Попытку совмещения этического разума и историчности Апель также находит у Гегеля, который надеялся на основе признания историчности разума преодолеть дуализм теоретического и практического разума, характерный для кантовской философии. По мысли Гегеля, кантовская моральность в ходе исторического развития мирового разума не просто совмещается, но полностью «снимается» в понятии субстанциальной нравственности. Тем самым Гегель (пусть в гуманистической версии истории как развития «сознания свободы») поддался тому же «натуралистическому соблазну», который свойственен утопическому разуму. Но и сам механизм гегелевского опосредования, «хитрость мирового разума», в котором Апель видит аналог идеи божественного Провидения, не кажется Апелю рационально обоснованным. Гегелевское «снятие» моральности, в котором проявляется историко-романтический консерватизм XIX в., несет в себе отказ от принципа постконвенциональной морали. Но и индивидуализация морального принципа в посткантовской философии – как показывает неокантианская концепция «индивидуализи-

рующего метода в истории» – не позволяет включить историю в этику без того, чтобы не релятивизировать универсальное основание последней. Исходя из этого Апель ставит задачу совмещения в единой концепции кантовской и гегелевской парадигм. Если методами кантовского трансцендентализма можно обосновать безусловность морального принципа и деонтический характер этики, то гегелевская диалектика помогает опосредовать идеальный уровень морали и ее жизненный контекст, историю. Таким образом, Гегель в интерпретации Апеля дополняет Канта, а не наоборот.

Философское совмещение «этики принципов» и «субстанциальной нравственности» предполагает прояснение условий применения этики принципов в историческом контексте жизненного мира. Оно становится особенно актуальным тогда, когда достижение постконвенциональной морали становится исторической задачей общества, другими словами, когда исторические условия делают возможной реализацию постконвенциональной морали в культуре. Этика, синтезирующая основные ценные интуиции как Канта, так и Гегеля, должна служить специальной цели осуществления перехода от конвенциональной к постконвенциональной морали.

Повод к гипостазированию трансцендентально-начала философии дает сам Кант сохранением в своем учении реликтов метафизики («вещи в себе», «царства целей» и т. д.). Чтобы не поддаваться этому соблазну, понятие идеала, по Апелю, не должно утрачивать своей методологической функции регулятивной идеи. Универсальная идея норм, ведущих к дискурсивному согласию и объединяющих всех людей, – идея неограниченного коммуникативного сообщества – является предвосхищаемым ориентиром для направления движения.

Идеальное коммуникативное сообщество утверждает себя в качестве регулятивной идеи как раз тем, что позволяет критически узнавать все недостатки и сложности, которые встречаются в реальной человеческой коммуникации. Благодаря этой идее становятся опознаваемыми те черты реального коммуникативного сообщества, которые на деле приводят к искажениям условий коммуникации.

Высокая теоретическая ценность понятия реального коммуникативного сообщества для социальной философии подчеркивается тем, что именно в нем [реальном коммуникативном сообществе] общественная коммуникация оказывается фактически возможной и действительной. В нем она обретает полноту жизненной формы и практики. Реальное коммуникативное сообщество, в котором мы социализированы и существуем, обладает экзистенциальным значением, в отличие от идеальной абстракции. Кроме того, изучение реального коммуникативного сообщества подчиняется иному методологическому принципу, нежели изучение идеального, ибо оно как реальное и объективное яв-

ление поддается, в отличие от идеального, полноценному объективно-научному исследованию со стороны социальных наук. Тот или иной конкретный принцип этики, таким образом, должен быть выработан как результат приложения к конкретному контексту, к существующей традиции права и нравственности в определенной жизненной форме. Функция морального суждения заключается, соответственно, в том, чтобы применить дискурсивный принцип к контексту реального жизненного мира в данной конкретной ситуации. В ходе образования суждения моральный субъект должен исходить из существующих объективных обстоятельств, оцениваемых путем наблюдения, учета казуальных взаимосвязей, воображения, но руководствоваться он должен идеальным принципом дискурса.

Такое положение дел ведет к построению иерархической архитектоники дискурсивной этики, предполагающей определенную иерархию уровней дискурсов. Отсюда вытекает императив содействия развитию реального коммуникативного сообщества в таком направлении, чтобы в нем получали жизнь начала идеального коммуникативного сообщества. Необходимость учета последствий действия в историческом контексте впервые придает дискурсивному принципу действенность этики ответственности – в том смысле, в каком ее требовали от политики М. Вебер, противопоставляя этике убеждений, и Г. Йонас. Вместе с тем если в этике ответственности Г. Йонаса ставится акцент на принципе сохранения человеческого рода, оппонировавшем принципу эмансипации человечества, то Апель стремится задать в своей формулировке рамки для возможного осуществления обоих названных начал человеческого бытия.

Проблема соотношения трансцендентально-идеального и реального бытия пронизывает у Апеля все темы его философии – соотношение рефлексии и эмпирического познания, философии и науки, лингвистического анализа и герменевтики, идеального и реального измерений коммуникативного сообщества и т. д. Целерациональное и стратегическое поведение, столь активно критикуемое Апелем, получает моральное значение, будучи направленным на сохранение человеческого рода и укрепления начал постконвенционального морального развития. Стратегическая рациональность, подчиненная задаче реализации коммуникативной рациональности, меняет свой этически иррелевантный смысл и становится важным элементом этики ответственности. С этой точки зрения должна быть переоценена вся критика стратегического действия: апелевская этика является этикой стратегического действия, ограниченного моральным (дискурсивным) принципом [3].

В связи с этим Апель призывает находить между нормой этики убеждений (Кант) и нормой стра-

тегической ответственности (Вебер) место для третьей нормы, в смысле опосредования и сближения двух первых, которую он формулирует следующим образом: «Столько усилий в смысле свободного от стратегии достижения консенсуса, сколько возможно; столько стратегического упреждения на основе ответственной оценки рисков, сколько необходимо» [4].

Стратегический масштаб придает этике историческую динамику в направлении долгосрочных реформистских усилий, а также социальный акцент в смысле морально-стратегической политики. Кант игнорирует вопрос «Как возможна этика без жизненного опыта?», но Апель считает его необходимым и релевантным для дискурсивной этики. Он считает, что индивидуальная самореализация в смысле «правильной жизни» «не может быть заранее запрограммирована посредством принципа, но должна быть передана в качестве задачи индивиду (в известном смысле также коллективным жизненным формам)». Выработка представлений о счастье и добродетели – под ограничивающим условием дискурсивного принципа – полностью остается в компетенции практических дискурсов. Тем самым решается проблема плюрализма и свободы выбора жизненных форм: «Нормативно-деонтологический универсализм посткантовской этики является в современности – иначе, чем у греков или в сословной системе Средневековья – предпосылкой и ограничивающим условием для того, чтобы различные индивиду и социальные жизненные формы могли решать проблему правильной жизни, счастья и блаженства в условиях плюралистической свободы и, по возможности, в смысле аутентичного жизненного стиля» [5].

Участвуя в обосновании представлений о благе и добродетели, дискурсивная этика заранее задает телеологические контуры нравственного порядка – но не более, чем его единственной конститутивной черты: толерантности к плюрализму жизненных форм.

Деонтологическая «моральность» постконвенциональной этики не должна вступать в противоречие с конвенциональной «субстанциальной нравственностью», но скорее должна стать возможной и осуществимой в рамках последней. Точно так же не требуется заменять естественные традиционные институты и конвенции непосредственно аргументативным дискурсом. Скорее требуется постепенно наполнять их новым содержанием или сменять такими, которые благоприятствуют утверждению дискурсивного принципа. Апель солидарен с Геленом в том, что все человеческие институты поддаются «языковой мере», согласованы с языком.

Язык несет на себе все признаки института. Посредством языка происходит «канализация» естественных потребностей человека в смысле их

культурной обработки и превращения в институты. Апель определяет язык как «институт мышления» и «институт институтов». От всех прочих институтов язык отличается не только тем, что он для человеческой природы изначален, но еще и тем, что он оказывается обязывающим для самой что ни на есть освобожденной субъективности. Нельзя устранить универсализм и правила коммуникации, которые заложены в языковых структурах. Но еще существеннее другое – именно язык становится тем метаинститутом, посредством которого все прочие институты можно обосновать, отвергнуть или реформировать.

«Так, сущность парламентской демократии заключается в конечном счете в том, что те общественные институты, которые не являются самоочевидными, возникают из института разумной дискуссии – как в законодательных органах, так и, в особенности, в конституционном собрании» [6].

Апель не отделяет – это принципиальная методологическая установка – язык от мысли. В «логосе», который символизирует равно мысль и язык – «мысль говорящую», исторически начинается, с Сократа, дискурс и обоснование институтов. Поэтому столь велика для Апеля роль философской рефлексии, которую Гелен упрекает за ее разрушительную роль в отношении институтов. В качестве метаинститута язык не должен содержать в себе априори конкретные институциональные формы. Он лишь располагает средствами, говоря словами Апеля, оправдания «догматических» институтов или лишения их права на существование.

Критическая рефлексия не только оставляет возможность существования институтов, чего требует Гелен, но и их улучшения, усовершенствования. Главное же – она дает возможность посредством реформирования институтов открыть путь самореализации субъективности. Апель переводит цели политической этики со ступени институциональной этики на ступень ее рефлексии, этики политической коммуникации. В свете такого подхода институциональная система общества перестает быть данностью, ценимой самой по себе, получает общественный смысл в перспективе более высоких целей, которые общество может ставить перед собой. Исходя из указанного понимания не только философия, но и политика должна стать ответственной «за управление языком как институтом институтов». В этом смысле политика становится политикой создания культурно-социальных условий для разворачивания внутреннего потенциала языка и логоса, политикой коммуникативного общества, подготавливающей движение общества в сторону постконвенциональной морали. Ответственность – та часть реального коммуникативного сообщества, в котором реализуются политические дискурсы, легитимирующие общественные институты. В употреблении Апеля понятие обществен-

ности обретает трансцендентально-методологическое значение «возможности дискурса», т. е. общественность, общественная сфера рассматривается как условие возможности разрешения социальных конфликтов и проблем.

Понятие «резонирующей общественности», в которой находят разрешение основные общественные и правовые проблемы, восходит к философии Канта. Та правовая государственность, чье становление должно быть более чем просто «мудрым установлением», требует для своей легитимации, как подчеркивает Кант, принципа публичности.

«Если я абстрагируюсь от всякой материи общественного права (согласно различным эмпирически данным отношениям людей в государстве или государствах друг с другом), так, как это обыкновенно мыслят правоведы, то у меня остается только форма публичности, возможность которой содержит в себе любое правовое требование, так как без нее не может быть никакой справедливости (которая может быть мыслима только как общественно применимая), вместе с ней никакого права, которое может появиться только из нее» [7].

В философии Апеля по сравнению с кантовской вес понятия общественности усиливается вследствие того, что она становится социально-политическим представителем верховной инстанции истины – идеального коммуникативного сообщества. Реально же общественность всегда принципиально ограничена, ее участники неравноправны в отношении социального статуса или обладания информацией, интенции ее участников, как правило, имеют стратегический характер, ее эмпирические дискурсы всегда неполны и, следовательно, не позволяют достигать полного консенсуса. Тем не менее способ разрешения истинностных претензий (конфликтов) в жизни общественности ничем не отличается от того, который происходит в идеальном коммуникативном сообществе. Наиболее демонстративным символом власти общественности становятся для Апеля «тысячи конференций», в которых ставятся, обсуждаются и в конечном счете решаются многие из важнейших вопросов современности.

Описывая структуру общественности, Апель выделяет в ней теоретические и практические дискурсы. В первых участники только оценивают истинностные претензии, без привнесения в игру собственных интересов. Во вторых они, напротив, действуют на уровне дискурса, являясь одновременно субъектами потребностей или интересов или представителями таковых. Если в практических дискурсах участники приходят к практическим результатам, соответствующим принципу универсализации, то участники теоретических дискурсов лишь постулируют необходимость решения всех проблем посредством аргументов, т. е. лишь обосновывают

необходимость перевода проблем в практические дискурсы.

Апель соглашается с тем, что общественный дискурс, в той мере, в какой он институционализирован и иерархически структурирован, инкорпорируя в себя структуры власти, искажает условия аргументации. Здесь, однако, действует принцип, который имеет для дискурсивной этики важнейшее значение: если и не все условия практического дискурса соответствуют идеальным условиям аргументации, то все же все принимаемые ограничения, в свою очередь, должны быть легитимированы посредством дискурса. Учреждение всех институтов власти, от модератора дискуссии до органов государственной власти, должно принципиально получить согласие со стороны общественности. Это же верно в отношении содержания аргументации: не все в аргументации может быть само обосновано – чувства, очевидности, показывающие себя факты, принимаемые на веру положения. Тем не менее относительно степени, в которой принимаются выходящие за рамки аргументации данные (в науке это иная степень, чем в бытовом дискурсе), должно быть достигнуто дискурсивное соглашение. Апель обращает внимание на тот факт, что нормативные решения, принимаемые в процессе критической аргументации, должны быть обоснованы с моральной точки зрения солидарной ответственности, лежащей в основе практической дискуссии.

Для всякой социально-политической концепции важно теоретическое разделение областей морали, права и политики. Дискурсивная этика в первую очередь относится к концепциям социально-политического действия и принятия решений. Апель признавал, что ее основная интенция направлена на опосредование этической мотивации и политической этики ответственности.

Обоснование и легитимация демократических институтов производится Апелем на основе приоритета общественности и выводится из необходимости реализации «свободной от господства коммуникации». Анархическая попытка обоснования внеинституциональной и внегосударственной «свободной ассоциации работников» или участников аргументации была Апелю в корне чужда. Реальный дискурс всегда предполагает существование организационных форм, а организационные формы кристаллизуются в «институты дискурса». Как институт дискурс является одной из систем самоутверждения среди других и подчиняется соответствующим закономерностям. Однако в качестве института, в котором находят разрешение нормативные притязания на значимость, дискурс преодолевает рамки обусловленных конвенциональным мировоззрением институтов и может рассматриваться как постконвенциональный институт, обладающий метаинституциональным статусом [8].

Для своей реализации институты дискурса в науке, средствах массовой информации, общественности требуют функции защиты и гарантий «извне». Поэтому институты дискурса могут рассматриваться как подсистемы государственной системы самосохранения, опирающиеся на ее функцию господства. «Политическая функция господства – в особенности правовое принуждение – предполагается для того, чтобы сделать аппроксимативно возможным идеальный консенсус всех заинтересованных вопреки фактическим консенсусам ограниченных групп интересов» [9]. Апел подчеркивает, что государство, кроме того, является чем-то большим, чем просто условием «дискурсов». Оно является активным организатором дискурсов, подчиняющимся регулятивной идее неограниченного коммуникативного сообщества. С этой точки зрения демократия предпочтительнее других государственных форм уже в силу того, что она в наибольшей степени приближает общество к данному идеалу.

Примечания

1. *Apel K.-O.* Diskurs und Verantwortung. Frankfurt a. M., 1988. S. 113.
2. Там же. С. 380–383.
3. *Apel K.-O.* Diskursethik von der Problematik von Recht und Politik: Können die Rationalitätsdifferenzen zwischen Moralität, Recht und Politik selbst noch durch die Diskursethik normativ-rational gerechtfertigt werden? // Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft. Frankfurt a. M., 1992. S. 57–58.
4. Там же. С. 36.
5. *Apel K.-O.* Der postkantische Universalismus in der Ethik im Lichte seiner aktuellen Missverständnisse // Diskurs und Verantwortung. Das Problem des Übergangs zur postkonventionellen Moral. Frankfurt a. M., 1988. S. 462.
6. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie: Bd. 1. Frankfurt a. M., 1973. S. 217.
7. *Кант И.* К вечному миру // Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. С. 373.
8. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie: Bd. 1. Frankfurt a. M., 1973. S. 222.
9. *Apel K.-O.* Ist die Ethik der idealen Kommunikationsgemeinschaft eine Utopie? // Utopieforschung. Bd. 1. Stuttgart, 1983. S. 347.

УДК 1Ф

А. С. Соколов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ФОРМЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Статья содержит разбор присущих социальной философии теоретико-методологических особенностей, позволяющих интерпретировать ее в качестве особой формы онтологического знания. Утверждается, что в основе любой строгой теории общественного бытия лежат некоторые идеи антропологического характера, и анализируется становление той модели личностной самоидентификации человека, которая впервые обеспечила философию способностью выделять из общей структуры мироздания область социальной реальности и давать ей целостное, законосообразное истолкование.

The article contains the analysis of theoretic-methodological characteristics of social philosophy, that allow to construe it as a special form of ontological knowledge. It is stated that anthropological ideas form the basis of any strict theory of social being. The article indicates the development of the mode of personal self-identification, that once provided philosophy with the capacity to distinguish the sphere of social reality in the world's general structure and to give it a coherent, regular explanation.

Ключевые слова: социальная философия, антропология, социальная реальность.

Keywords: social philosophy, anthropology, social reality.

Пристальное внимание, уделяемое ныне как философией, так и социологической наукой различным проблемам общества и истории, не всегда сопровождается отчетливым прояснением теоретических оснований и концептуальных «сверхзадач», обеспечивающих правомерность и методологическую эффективность разрабатываемых стратегий социально-исторического познания, а потому нередко встречает энергичные возражения двоякого характера. С одной стороны, историков-профессионалов, полагающих, что предмет такого познания должен ограничиваться лишь прочерчиванием локальных причинных связей между эмпирически наблюдаемыми, опредмеченными в текстах и памятниках материальной культуры фактами общественной жизни (историческими событиями). С другой стороны, представителей профессиональной философии (обычно метафизического толка) или позитивистски настроенных специалистов в области логики и методологии научного познания вообще (вроде К. Поппера или К. Г. Гемпеля), часто выступающих с весьма раздраженной критикой «историзма» как необоснованного стремле-

ния методологически малокомпетентных авторов внести идею объективной упорядоченности, законосообразности в ту область бытия, которой правят только случай и произвол, выдавая за законы социального развития человечества лишь собственные субъективные гипотезы универсальной формы, на донаучном уровне обобщающие разрозненный материал повседневного опыта истории (см., напр.: [1], [2]).

Заметим при этом, что в тени многочисленных, подчас масштабных и скрупулезных исследований различных аспектов общественной жизни, элементного состава и устройства социума, этапов и законов его исторического развития остается обычно проблема онтологического статуса самой социальной реальности как таковой, иными словами, вопрос о том, *когда, как и почему* в теоретическое обществознание, да и в обыденное человеческое сознание вообще, пришла мысль о необходимости вычленив из структуры мироздания такую – качественно самостоятельную и покоящуюся на собственных законах – сферу бытия, как социальная.

Данное вычленение не является принципиально обязательным для организации повседневной жизни человека, его привычного поведения и даже для функционирования всей системы его общественных отношений. Теоретическое же выделение социальной реальности из общей структуры бытия долгое время не осуществлялось в силу многовековой традиции проецирования на область общественной жизни закономерностей не собственно социального, а иного (божественного или природного) происхождения. Формирование же собственно социального мировосприятия происходит в эпоху гораздо более близкую уже к нашему времени и обуславливается целым рядом материально-производственных, общественно-коммуникативных, когнитивно-гносеологических и, что особенно важно, субъектно-антропологических предпосылок.

Понимая под процессом познания деятельность не абстрактного, изолированного гносеологического субъекта, решающего столь же абстрактные, очищенные от суетных житейских нужд и забот теоретические проблемы, но эмпирически реального человека, пытающегося обустроиться в мире своей практической жизни и вынуждаемого мыслить немумолимой силой объективных обстоятельств, его способность выделять из общей структуры мироздания область социальной реальности, тем более давать ей адекватное и теоретически строгое, законосообразное истолкование можно считать обусловленной формированием особой, социально заданной и исторически локальной модели личностной самоидентификации человека, сложившейся окончательно лишь к началу Нового времени.

Что и как говорится о чем-либо во многом зависит от того, *кто, зачем и почему* это говорит. К социальной философии можно отнести не лю-

бые размышления об обществе, кем бы и с каких бы позиций они ни осуществлялись, а, полагаем, лишь теоретически оформленные рассуждения того субъекта, который свою собственную человеческую природу определяет в качестве социальной сформированной, а не изначально предзаданной социуму и в нем якобы лишь исторически реализующейся, развертывающей свое внесоциальное (космическое или божественное) содержание. Поэтому при определении специфики социальной философии как особой формы одновременно и объективного знания человека об условиях своего социального бытия и теоретической «заботы» о себе самом именно её *субъектно-антропологические* аспекты и предпосылки возникновения представляются наиболее существенными и приоритетными среди прочих – также весьма важных – объектных и методологических.

Тезис об антропологической фундированности любой формы познавательной деятельности, обращенной к осмыслению реального обстояния дел в мире вообще и социальном мире – в особенности, позволяет, полагаем, парировать критические возражения против правомерности философского осмысления общественно-исторического процесса, исходящие из посылки о неизменности природы человека, который в разные эпохи разыгрывает, по существу, будто бы один и тот же социальный спектакль, меняя со временем лишь исторические декорации и костюмы. (В этом случае изучение социальной истории человечества действительно не вносило бы закономерного порядка в представления человека о мире, еще менее – о самом себе.) Философский поиск «смысла» и закономерной логики общественно-исторического процесса теоретически может быть оправдан, очевидно, лишь если он исходит из альтернативной антропологической посылки об исторической изменчивости самой так называемой человеческой природы и собственно человеческого качества общественной жизни, из допущения о наличии антропологически значимых силовых линий и рубежей общественно-исторического процесса. В таком случае социальную философию можно будет рассматривать как особую, антропологически обусловленную форму онтологического знания человека об исторически переменчивом мире своих общественных отношений, а саму человеческую природу – как постепенно кристаллизующуюся в ней историю ее собственного социального становления.

Существуют серьезные основания полагать (подробнее см. [3]), что господствовавшая издревле формула личностной самоидентичности, основанная на принципе уподобления всех индивидов, принадлежащих некоторой (сословной, политической, этнической, родоплеменной, религиозной и т. д.) группе, одному общему для них и при этом сверхчеловеческому образцу, некоему онтологическому Аб-

солюту, не только исключала индивидуалистические претензии со стороны человека и делала для него психологически гораздо более значимым символическое подтверждение его человеческих достоинств со стороны Бога, Космоса или иных «высших» инстанций, нежели мнение о нем современников, социальный успех. Но не позволяла осознать качественную специфику социальной реальности, приводила к привнесению на область общественных отношений законов иного – не собственно социального – происхождения и содержания.

Когда распад древнейших мифологических структур сознания обернулся потерей человеком ощущения своего живого и непосредственного родства с природой и люди впервые оказались перед необходимостью автономно-рационального самоопределения в окружающем мире, античному человеку первым довелось испробовать вкус такого автономного смыслообеспечения собственного бытия теоретическими силами своего философского разума. Греческая философия исходила из того, что, каким бы ни был смысл человеческой жизни, сам поиск его перспективен только в том случае, если мироздание, место в котором ищет для себя человек, действительно есть здание, а не руины, и если люди живут в организованном Космосе, а не в Хаосе. Хаос есть метафора смысловой пустоты, абсурда, в нем не на что опереться, и всякое человеческое начинание – познавательное, практическое ли – обречено на провал. Поэтому именно проблема целостности и упорядоченности бытия оказалась центральной темой размышлений древнегреческих философов, а возможность рационально-логической реконструкции космоса служила для них гарантом смысловой обеспеченности человеческой жизни.

Античные авторы разработали классическую модель философского дискурса – онтологию, в рамках которой заданное по разуму бытие обратно проектировалось на природу человека, а последний всем своим существом лишь копировал универсальную структуру (им же самим примысленную) мироздания. Тем самым разорвавшаяся нить мифологического родства человека с живыми и чувственно воспринимаемыми сущностями окружающего мира (что мы можем видеть и в первобытных тотемистических культурах, и в зооантропоморфных изображениях древневосточной культуры) была восстановлена символическим самоотождествлением индивида с умопостигаемой (идеальной) структурой бытия, а заданная еще Платоном философская модель человека как «микрокосма», космоса, собранного в миниатюре, продержалась в разных вариантах тысячелетия, пройдя без принципиальных видоизменений через Средневековье и Возрождение в форме неоплатонического пантеизма, отчасти проявившись потом в величественных периодах гегелевской логики и найдя пристанище в

русской «метафизике всеединства» конца XIX – начала XX в.

Столь удивительную долговечность античной онтологической парадигмы философских рассуждений можно объяснить ее несомненной антропологической «утешительностью»: в поисках смысла собственного бытия человек мог положиться на всю мощь рационально сконструированного Бытия как такового. Логическим же гарантом этой онтологической конструкции служила аксиоматико-дедуктивная модель умозаключения, ставшая уже для греческих мыслителей эталонной формой познания вообще и обеспечивающая полную податливость осмысляемого материала при наложении на него любых мыслительных схем, удовлетворяющих критерию логической непротиворечивости и самообоснованности. Неизбежный же в этом случае тезис о сущностном тождестве бытия и мышления оказался со времен Парменида излюбленным положением всей последующей идеалистической философии, стремящейся дедуцировать все конкретные признаки изучаемого предмета из его а priori заданного понятия.

Указанная философская традиция имела, впрочем, и свои теневые стороны.

Во-первых, отсутствие историзма: поскольку в рамках одной и той же логически связанной схемы крайне сложно совместить синхронический и диахронический порядок вещей, то рациональная исчерпанность онтологической структуры человеческой жизни компенсировалась почти полным историческим омертвлением последней. Космос должен быть незыблемым, как сама логика. Несмотря на наличие в античной культуре некоторых элементов исторического знания, миропонимание греков и римлян, по общему мнению современных (от О. Шпенглера до Я. Хинтика включительно) философов, логиков, историков и теоретиков культуры, в принципе было атемпоральным.

Во-вторых, античной философии было чуждо понимание уникальности человеческой личности, как, впрочем, и почти всей античной культуре в целом (о чем свидетельствуют как неразвитость вплоть до периода эллинизма (авто) портретного жанра в живописи и скульптуре или лирико-психологического начала в художественной литературе, так и этимология самого слова «личность» (лат. *persona* – маска)). Логически обезличенность, антипсихологизм античной культуры были ее неизбежными атрибутами: если человек в сущности своей есть микрокосм, а последний, чтобы быть единым, должен быть один, то и люди как его миниатюрные воспроизведения также по самой своей природе должны быть однотипны. Индивидуальность проявлений человеческой жизни могла быть истолкована лишь как признак ее ущербности, а логическая невыводимость единичного из общего и понятийная неопределимость (в системе дескрип-

тивных высказываний) индивидуального стали общим местом античной логики, перешедшим и в средневековую европейскую схоластику (см., напр.: [4]).

Наконец, что особенно важно, античная антропология не нуждалась в том, чтобы быть специфически социальной. Сведение сущности человека к системе его общественных отношений являлось бы для древних греков и римлян резким и ничем не оправданным сужением онтологической основы человеческой жизни. Сколь бы ни расходились античные мыслители в объяснении частных аспектов общественной и личной жизни человека, все они рассматривали социум не в качестве онтологически самостоятельной, имеющей свою сущность, свои законы и свою историю реальности, а в качестве арены действия сил и законов *вне*социального содержания и происхождения. При этом структура общественных отношений интересовала античных философов главным образом лишь с точки зрения их большего или меньшего благоприятствования для реализации единственной (социально не обусловленной, но все обуславливающей и тождественной «самодовлеющему», как его характеризует Аристотель, существованию человека), при этом сугубо *этической* цели социального общежития – достойной, счастливой и прекрасной жизни [5]. Ставя общее благо превыше всего прочего и возлагая на государство (полис), причем «не на словах, а по истине», заботу по поддержанию нравственного порядка в обществе и воспитанию гражданских добродетелей его членов, античная философия в лице виднейших своих представителей решительно противостояла превращению государства в «простой союз» индивидов, а закона – в «простой договор» о гарантиях личных прав и безопасности граждан [6].

Исключая из сферы теоретического анализа материально-производственные, экономические, а также социально-классовые и даже семейно-бытовые (как находящиеся за пределами человеческой свободы и, следовательно, политики) отношения, античная философия само строение общественного бытия (полиса) объясняла по той же универсальной схеме, что и космос, и отдельное человеческое существо: некая идеальная форма держит в подчинении материальный субстрат. При этом и космос, и полис, и человек, не различаясь принципиально на уровне своего закономерного устройства, лишь копировали универсальную, вечную и единственно возможную структуру умопостижаемого и божественного Логоса.

В той же мере, в коей античным человеком все-таки ощущалась качественная специфика социальной реальности, последняя вообще выпадала из-под его рационального контроля и оказывалась царством темной и слепой силы судьбы, прядущей нити человеческой жизни и сплетающей их между собой в социальное полотно. Ни повлиять на свою

судьбу, ни даже предугадать ее античный человек не мог, и поэтому рациональная упорядоченность его индивидуального поведения на социальной арене сочеталась с иррационализмом в понимании той могущественной роковой силы, что управляла жизнью всего социума в целом. В силу указанных обстоятельств не представляется удивительным, что на небосводе античной культуры невозможно обнаружить особо ярких созвездий теоретически основательно разработанного общественнознания, равно как и философии истории.

Зародившись в эпоху глубокого кризиса античной цивилизации, христианство осветило мрак и заполнило пустоту, разверзшиеся в человеческом сердце, вновь придало человеческой жизни надежду и смысл. Христианская идея выработала не только новый идеал социального общежития, но и в корне перевернула всю систему фундаментальных антропологических ценностей античного мира: вместо культа физической силы и интеллектуального могущества, рационально-волевого самообладания индивида она предложила понимание хрупкости и слабости подверженной сомнениям и искушениям человеческой природы. Новая религия признала атрибутивными свойствами человеческой личности ее способность к логически не формализуемым душевным состояниям, любви, милосердию, состраданию, вере в будущее царство добра и справедливости. Свобода воли и нравственного выбора, предоставленная человеку свыше, сделала его в определенной мере хозяином своей судьбы (хотя бы в виде его дальнейшей загробной участи). Античный круговорот вещей и политических форм распрямился в стрелу исторического времени, причем ход человеческой истории оказался под патронатом благого и мудрого Божественного провидения и через истину откровения стал доступен человеческому разумению. Жители средневековой Европы хорошо знали, с чего началась и чем завершится всемирная история, каковы ее основные вехи и движущие силы.

Однако, спустившись с макросоциального на индивидуальный уровень бытия, неведение наполнило повседневную жизнь каждого отдельного человека, сделав ход ее событий непрогнозируемым и самим человеком не управляемым, превратив ее в юдоль печали, страданий и искушений и поставив человека перед нравственной необходимостью сказать «нет» своим страстям и практическим заботам, чтобы отстоять себя в качестве той богоподобной личности, которая, по формуле Августина, «дороже всего космоса». При этом сама процедура смысловой самоидентификации человека в принципе осталась неизменной: символическое самоотождествление с внеэмпирически спроектированной (методом ли логической дедукции или интуитивного озарения – все равно) структурой мироздания. Берем ли мы тезис о человеке как мик-

рокосме или рассматриваем формулу божественного подобию – в любом случае человеку требовалось положиться на нечто гораздо более мощное, чем он сам, внутри себя абсолютно завершенное (потому совершенное) и самодостаточное и, значит, способное гарантировать человеку прочность и смысловую определенность его индивидуального бытия. Ввиду такой фундаментальной онтологической родственности античного и христианского миропонимания обе эти мировоззренческие традиции переплетались в средневековой философии, дополняя друг друга, или вовсе сходились (как, например, в томистском учении об истине или неоплатоническом пантеизме) точно так же, как сходным оказывался тот этико-антропологический, а не функционально-производственный контекст, в который помещали свои рассуждения об обществе и античные, и средневековые мыслители.

Таким образом, анализируя предпосылки формирования социальной философии, приходится констатировать, что насчитывает она не столь уж длительную историю. Хотя люди де-факто всегда жили в обществе и социальная регламентация повседневной человеческой жизни в прошлом была гораздо более жесткой, чем ныне, тем не менее сам факт существования в мире какой-то особой и качественно самостоятельной – социальной – реальности как бы ускользал от взгляда человека, а первые примеры теоретических разработок общественного познания можно найти лишь начиная с эпохи Нового времени. Для того чтобы в пространстве мировой культуры расцвела философия общества и истории, должна была случиться своего рода социально-антропологическая революция, плоды которой человечество пожинает до сих пор.

В связи с процессом становления простого товарного, затем и собственно капиталистического способа производства, а также сопровождавшей его массовой урбанизацией населения постепенно, начиная с эпохи Возрождения на европейской социальной арене появляется новый исторический субъект, для которого наиболее значимо не то, чем он похож на других, родственен окружающему миру, а наоборот, то, что образует его неповторимое, индивидуально-личностное, человеческое своеобразие. Речь идет, разумеется, о личности так называемого «работающего собственника», т. е. человека, который отличается социально активной жизненной позицией, предприимчивостью, одержим пафосом практического дела, успех в котором воспринимается им в качестве главного способа собственной творческой реализации, показателя самой его личностной состоятельности. Современная западная цивилизация многими своими экономическими достижениями и социокультурными особенностями оказалась обязана свершившемуся к началу эпохи Нового времени открытию

человеческой индивидуальности, а также воспетому еще итальянской гуманистикой, затем закрепленному религиозно-догматическим образом в протестантизме творческому отношению работника к своему труду как призванию и способу его личностного самоутверждения.

Формирование установки на творческую оригинальность и неповторимость человеческой личности было связано с технологической формой производственной деятельности «работающего собственника» (см., напр.: [7]). Промышленный (первоначально ремесленный и мануфактурный) труд мог быть организован только в рамках привычной для нас теперь субъект-объектной модели рациональности. Становясь постепенно экономическим базисом общественного производства и эталонной формой инструментальной человеческой деятельности вообще, такой способ трудовой деятельности и задал методологический норматив как науки, так и «здорового» человеческого смысла, и обусловил объективистский подход к самой человеческой психике, и обеспечил формирование классических образов «философии представления» Нового времени. Применительно же к проблеме становления новой модели социального миропонимания важно подчеркнуть то, что отношение работника к предмету своего труда как к мертвому объекту, как к лишенному собственной воли и внутренних сил материалу целесообразно-манипулятивной активности человека, превращение индивида в психологически автономного и на практике достаточно самостоятельного субъекта собственной жизнедеятельности, во-первых, поставило все миропонимание на фундамент антропологический и уже в эпоху Возрождения сделало антропологическую проблематику философской *in sensu propria*, а во-вторых, лишило человека традиционных инструментов личностной самоидентификации. Когда – к началу Нового времени – прерванными оказались не только древние мифогенные нити эмоционально-живого родства человека с природой, но и более поздние античные каналы философско-интеллектуального самоотождествления его с рационально сконструированной структурой мироздания, когда и христианский Бог-мироустроитель, в новом, протестантском его истолковании, также оказался слишком трансцендентным для поддержания с ним личных духовных контактов человека, прежняя антропологическая модель сущностного уподобления всех (входящих в некоторую социокультурную группу) индивидов одному и тому же сверхчеловеческому образцу (онтологическому абсолюту) лишилась необходимых как теоретических, так даже и психологических оснований. Европейская антропология оказалась перед выбором: либо вообще стать меоничной, либо принять социоморфный характер. В ходе духовного кризиса и социальных потрясений XVI–XVII вв., кровавых религиозных

войн и ранних буржуазных революций выбор был сделан в пользу второго варианта.

Лишь став эгоцентрированным существом, человек впервые обнаружил сам факт существования в мире особой, онтологически самобытной области общественных отношений и принял социальную обусловленность своей жизни в качестве личностно наиболее значимой. Если верно, что факт существования любого объекта вообще замечается человеком лишь в той мере, в какой он сопротивляется целенаправленному воздействию на себя со стороны последнего, то вполне естественно, что представитель добуржуазных цивилизаций, даже будучи более скованным общественными нормами, чем его новоевропейский потомок, но не оспаривая их и внутренне принимая их как сверхчеловеческую данность, не толковал эти нормы как собственно социальные, т. е. чем-либо отличающиеся от естественных (или сверхъестественных) ограничений своей жизнедеятельности. Напротив, пытаясь найти собственный, творчески неповторимый путь в жизни, реализовать личный «экзистенциальный проект», человек сразу же столкнулся с необходимостью координировать свои усилия с действиями себе подобных и обнаружил, что в результате интерференции этих сознательных человеческих усилий создается незримая, хотя и удивительно прочная, система объективных общественных зависимостей. С учетом же того, что результативность практических начинаний обрела для человека новой – буржуазной – формации не только утилитарную значимость, но стала и главным критерием самой его личностной состоятельности, становится понятным, почему именно рациональная оптимизация общественных связей и отношений оказалась главной теоретической проблемой и практической задачей социального творчества представителей этой формации, а тезис о сущности человека как ансамбле его общественных отношений оказался мировоззренчески несомненным и психологически «естественным» для европейской культуры.

Именно начало эпохи Нового времени знаменуется становлением как объектных, так и субъектных предпосылок теоретического обществознания. В этот период сложилась буржуазная система социальной коммуникации, предъявляющая особые требования к человеческой личности, и завершилось формирование новой модели самой этой личности, которая осознает себя – через социальное признание – в качестве творчески неповторимой индивидуальности, полностью ответственной за свои действия, слова и обязательства, т. е. за всю свою жизнь, как автор за собственное произведение. Эта новая антропологическая модель («я есть то, что и как я делаю», «я – мастер своего дела») свела к единому рациональному знаменателю прежде расходившиеся индивидуально-личностный и со-

циальный порядок человеческой жизни, к знаменателю свободного и спланированного акта межчеловеческого взаимодействия (взаимного признания). Возникшая же в результате *договорная* концепция общественного строя, законы которого суть не что иное, как совместно и самостоятельно принятые гражданами – на основе разумного понимания собственных природных прав и потребностей – нормы их социального взаимодействия, оказалась столь компактной, простой и внутренне убедительной, что со времен Т. Гоббса и Дж. Локка стала рассматриваться как сама собой разумеющаяся, даже «естественная», форма социального бытия человека вообще.

Не акцентируя внимание на общеизвестных политико-правовых положениях теории «общественного договора», которые благодаря французскому Просвещению стали достоянием массового общественного сознания, превратились в идейное знамя масштабных буржуазно-демократических реформ и революций, вошли во все декларации «прав и свобод гражданина», в конституционное право уважающих и называющих себя цивилизованными стран и народов, стали философским кредо буржуазного либерализма как такового, подчеркнем только, что именно договорная интерпретация общественного бытия (при понимании самого общественного договора не в качестве инструмента, используемого «высшими» (космическими или божественными) силами для реализации своего исторического замысла посредством человеческой деятельности, а как способа свободного и осознанного осуществления людьми собственных – обусловленных их человеческой природой – частных целей и интересов) впервые позволила теоретически выделить из общей структуры бытия такую качественно специфичную область, как социум. С богом, как и с природой, люди не договариваются, в естественной и сверхъестественной областях мироздания действуют законы, господствующие над человеком в качестве принудительной силы, и только в социальной области бытия, законы которой впервые были истолкованы философией как продукт человеческого волеустановления, они – люди – ощутили возможность занять позу законодателя собственной жизни. Обнаружив в мироздании онтологически самостоятельную – социальную – сферу реального, теоретическое обществознание (пусть даже мистифицировав источник и самое существо объективной закономерной упорядоченности социальной реальности) вышло наконец из своего предысторического состояния и, обретя собственный предмет для осмысления, конституировалось в качестве особой формы целостного, логически строгого философского дискурса, ведущие концептуально-методологические направления которого, разумеется, к настоящему времени далеко уже вышли за пределы той договорной, естественно-

правовой парадигмы, которая это теоретическое общественное знание однажды конституировала.

Примечания

1. Гемпель К. Г. Функции общих законов истории // *Логика объяснения*. М., 1998. С. 16–31.
2. Поттер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992.
3. Соколов А. С. Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии. Петрозаводск, 2006. С. 8–33.
4. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // *Вопросы философии*. 1989. № 2. С. 35–40.
5. Аристотель. Политика (кн. 3, гл. V) // *Политика*. Афинская полития. М., 1997. С. 108–110.
6. Аристотель. Политика (кн. 3, гл. V) // *Политика*. Афинская полития. М., 1997. С. 108–110.
7. Сунягин Г. Ф. Промышленный труд и культура Возрождения. Л., 1987.

УДК 316

Е. Д. Шетулова

ОБ АНАЛИЗЕ СУЩНОСТИ ОТЧУЖДЕНИЯ

Данная работа обращена к анализу отчуждения. В статье показана актуальность проблемы отчуждения; рассмотрен вопрос сравнительного анализа теорий и концепций отчуждения и перспектива использования идей Г. Гегеля, К. Маркса, западных философов XX столетия для дальнейшего развития категории «отчуждение».

The present study is devoted to the analysis of alienation. In the article the urgency of the problem of alienation is shown; the points of comparative analysis of alienation theories and concepts are considered as well as perspectives of using the ideas of Hegel, Marx and the XX century Western concepts of alienation for developing the category of alienation.

Ключевые слова: отчуждение, теории отчуждения, развитие, абсолютная идея, труд, разделение труда, человек, человеческая природа.

Keywords: alienation, theories of alienation, development, absolute idea, labour, division of labour, man, human nature.

Одной из классических философских проблем является проблема отчуждения. Парадоксальным образом одновременно она является и абстрактной, и актуально практической проблемой. Полагаем, что эта ее актуальность особенно выражена в антропологическом, социальном и методологическом планах. Антропологический план актуальности заключается в том, что конкретные формы отчуждения не теоретически, не абстрактно, а реально затрагивают человека и на социальном, и на индивидуальном уровнях его существования. И проявления эти ощущаются так или иначе, даже если

человек и не знает, что столкнулся с тем, что на философском языке именуется как алиенация, отчуждение, ввиду чего отчуждение – это та проблема, к которой нельзя быть равнодушным.

Социальный план обуславливается тем обстоятельством, что в современном обществе появляются новые, невиданные ранее формы отчуждения, порождаемые технико-технологическим развитием, ибо «сила человеческого интеллекта овеществилась в новейшей технике и технологии, которые превратили человека в раба техносферы и ее заложника» [1]. Кроме того, мир в целом оказался на грани неуправляемого развития, подтверждением чего является кризис и даже определенное разрушение прежде сложившегося миропорядка. Это проявляется во взаимном отчуждении Запада и не-Запада и в становлении иных форм отчуждения, порожденных процессом глобализации. Состояние нынешней России также характеризуется ростом отчужденных состояний в различных сферах общественного и индивидуального бытия: отчуждение труда, отчуждение большинства граждан от политической власти, бум астрологии, мистики, широкое распространение цинизма, рост преступности и психических отклонений – все это проявления либо отчуждения как такового, либо состояний, ведущих в сторону его формирования. Позволим себе в связи с этим привести лишь один, но весьма красноречивый факт. Согласно выводам доклада «О состоянии гражданского общества», подготовленного Общественной палатой, только 1% россиян считает, что они могут влиять на положение в стране, участие граждан в общественной жизни остается на низком уровне, каждый второй россиянин не чувствует себя в безопасности [2].

Методологический план выступает как вопрос применимости общих философских категорий и принципов к какому-либо конкретному исследованию проблем, возникающих в той или иной сфере действительности, ибо применение общих категорий к конкретному исследованию (историческому, психологическому и т. п.) позволяет увидеть новые «границы» изучаемых предметов, процессов. Также методологическая актуальность проявляется в том, что анализ отчуждения предоставляет базу для рассмотрения проблем, отдельных от отчуждения, но в то же время связанных с ним, каждая из которых ощутимо проявляет себя в современном мире. Мы имеем в виду такие проблемы, как социальное зло, тоталитаризм, терроризм, свобода, гуманизм, индивидуальность, рациональное и иррациональное в обществе, познании, психике личности.

Проблема отчуждения многоаспектна и включает в себя ряд моментов: источники, сущность, вопрос возможного снятия отчуждения, включая определение путей преодоления отчужденных состояний, уровни «бытования» этих отчужденных состояний, конкретные формы проявления отчужде-

ния, статус соответствующей философской категории. Среди названного центральное место принадлежит пониманию сущности (природы) отчуждения, ибо в зависимости от истолкования данного вопроса интерпретируются и остальные аспекты. Соответственно целью данной статьи выступает рассмотрение имеющихся интерпретаций сущности отчуждения, сложившихся в историко-философской традиции, которые, в свою очередь, играют роль предпосылок в дальнейшем анализе проблемы.

Согласно И. С. Кону существуют три основные трактовки феномена отчуждения и его природы. Первая – глобальная, когда под отчуждением понимается любое опредмечивание человеческой деятельности, при котором всякое проявление деятельности принимает некую материальную форму и отделяется от человека. Вторая – социально-экономическая, когда под отчуждением понимается овеществление субъекта и порабощение его продуктами собственной деятельности. Третья – психологическая, когда под отчуждением понимается психическое состояние человека, ощущение им собственной несвободы и манипуляции со стороны внешних сил [3].

Первая трактовка представляет собой интерпретацию отчуждения и его сущности, данную Г. Гегелем. В гегелевской теории отчуждение является центральной категорией, с помощью которой формулируется его система, основанная на принципах диалектического тождества субъекта и объекта. Посредством отчуждения Гегель представляет ход развития мирового духа: «Мир этого духа распадается на два мира: первый есть мир действительности или мир самого отчуждения духа, а второй есть мир, который дух, поднимаясь над первым, сооружает себя в эфире чистого сознания» [4]. Соответственно стержнем всей системы выступает демонстрация акта порождения природы духом и природы обратно – в дух. Дух отчуждает себя от самого себя, формируя свое инобытие. Собственно говоря, в результате этого и приобретает такое значение сама категория отчуждения. Последнее, по Гегелю, выступает в трех своих формах: (1) возникновение природы из духа; (2) воспроизведение духа в общество, человеческую историю, социальные институты; (3) воплощение человеческого духа в продуктах труда, человеческой деятельности. Из перечисленного видно, что сущность отчуждения понимается Гегелем предельно широко – как всякое опредмечивание сознания, объективация мысли, превращение идеального в объективную реальность [5]. Еще одним важным аспектом гегелевской трактовки выступает понимание им отчуждения как хотя и отрицательного, но необходимого момента развития духа.

Взаимосвязанность аспектов отрицательности и необходимости проявляется, по Гегелю, на любом

из этапов саморазвития абсолютной идеи, начиная с возникновения природы и общества из духа. Далее становление человека как общественного существа реализуется опять же лишь в рамках отчуждения путем выхода человека из животного мира. Само положение о том, что в целях собственного становления и дальнейшего прогрессивного движения вперед человек должен отойти от сугубо природного состояния, демонстрирует значимость отчуждения именно как необходимого момента развития.

Сходным образом взаимосвязь отрицательности и необходимости рассматривается Гегелем при анализе им труда как конституирующего основания человеческого социума. С одной стороны, труд формирует и самого человека и весь его мир. Но, с другой стороны, он делает мир человека отчужденным, ибо результаты труда и – шире – человеческой деятельности в качестве следствия имеют рождение отдельных от человека и противостоящих ему сфер общественной жизни – экономической, политической и т. д.

Неотъемлемой частью интерпретации Гегелем сущности отчуждения выступает трактовка его не только как необходимого, но и как закономерного и противоречивого момента развития, что демонстрируется посредством анализа общего хода исторического прогресса. По мнению Гегеля, переход от одной исторической эпохи к другой и от одного этапа развития к другому внутри эпохи осуществляется исключительно посредством отчуждения. Отчуждение выступает, таким образом, в виде закономерного скачка в развитии общества. При этом Гегель напрямую связывает уровень общественного развития и соответствующую степень проявленности отчуждения. В связи с этим он полагал, что чем более высока ступень социального развития, тем разнообразнее виды и формы проявления отчуждения.

Так, неразвитый способ производства, характерный для классической Греции и раннего Рима, обуславливал то обстоятельство, что человек сам производил себе все необходимое, отношения между людьми представляли собой гармоничное целое, связь человека со средой носила прозрачный характер и, в общем, не выступала в форме внешнего принуждения. И все это имело место исключительно благодаря неразвитости способа производства. Дальнейший период в развитии цивилизации характеризуется утратой этой гармонии. Напротив, историческое движение выступает процессом нарастающего во всех сферах отчуждения, достигающего своей абсолютности, по мнению Гегеля, в якобинском терроре и сформировавшимся вслед за ним буржуазном обществе.

В гражданском, то есть буржуазном, обществе отношения людей мистифицируются, запутываются, индивиды теряют непосредственное единство.

Но это гражданское общество со всей своей противоречивостью (а по сути, благодаря ее наличию) есть наиболее развитая форма общественного устройства. Весь этот переход от неразвитого способа производства к цивилизации одновременно возрастание отчуждения и прогрессивное развитие. И то, и другое неизбежно и закономерно.

Гегелевская концепция отчуждения имела в истории философии серьезное продолжение в двух смыслах. Во-первых, понимание отчуждения как опредмечивания сложилось в определенную традицию, представленную работами Ж. Ипполита, раннего Д. Лукача, ряда философов, объединившихся вокруг журнала «Праксис» [6; 7]. Во-вторых, гегелевская интерпретация выступила своеобразным базисом для формирования несколько иного подхода к природе отчуждения – марксистского.

Марксистская интерпретация сущности отчуждения есть социально-экономическая трактовка проблемы. В марксизме отчуждение начинает рассматриваться как реальный процесс, реальное общественное отношение, порожденное рядом социальных условий и обстоятельств – разделением труда и частной собственностью. С точки зрения К. Маркса, отчуждение прежде всего проявляется в экономической сфере. Проявляется оно как отчуждение труда. Последнее, взятое на капиталистической стадии экономического развития, в свою очередь, существует в виде четырех основных форм. Во-первых, как отчуждение рабочего от продукта труда, произведенного им товара. Во-вторых, как отчуждение человека от его собственной сущности. В-третьих, как отчуждение от его родовой жизни. В-четвертых, как отчуждение человека от человека.

В целом у Маркса отчуждение выступает как общественное отношение, выражающее *сущностную противоречивость всей социальной жизни* (только социальной, тогда как у Гегеля отчуждение свойственно всем этапам саморазвития Абсолютной Идеи). Мысль, что отчуждение суть существенное противоречие общественной жизни, Маркс выдвинул еще в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» [8]. В дальнейшем в «Капитале» [9] он уточняет данное положение в том смысле, что отчуждение – это *особый случай взаимодействия сторон противоречия*, когда одна оказывает на другую обратное, деформирующее воздействие [10].

Поскольку противоречие есть источник развития, то соответственно интерпретация Марксом сущности отчуждения также включает в себя аспект взаимосвязанности отчуждения и развития, причем идея о наличии такого рода связи развивается в классическом марксизме по ряду направлений.

Во-первых, анализ связи отчуждения и развития осуществляется посредством рассмотрения зна-

чимости отчуждения в сложном процессе становления человеческой цивилизации. В частности, как нами было уже отмечено, Маркс полагал, что источником отчуждения выступает разделение труда, которое порождает с необходимостью отчуждение труда (базисную форму отчуждения), а его рождение ведет в сторону становления собственности. Собственность, в свою очередь, одновременно усугубляет отчуждение и способствует прогрессу человеческой цивилизации во все более и более возрастающем темпе.

Во-вторых, отчуждение обуславливает ход исторического развития как такового, так как развитие, по сути, есть не что иное, как процесс постепенного нарастания относительной самостоятельности, то есть отчужденности предметов, явлений и т. п. Данная идея в том числе выражена Ф. Энгельсом, писавшим, что общественное разделение труда ведет к тому, что отдельные процессы труда обретают автономность относительно друг друга, что было рассмотрено им, в частности, на примере обособления и обратного воздействия производства, торговли, денежного рынка [11].

В-третьих, у Ф. Энгельса встречается идея (еще более актуальная сегодня, нежели при его жизни) согласно которой экологические проблемы как результат развития общественного производства есть форма проявления отчуждения. Люди посредством производственной деятельности преобразуют окружающую среду, достигая при этом значительных успехов. Но в тот же самый момент люди оказываются в подчинении ими же преобразованной среды. И этот процесс, по мнению Энгельса, и неизбежен, и непреодолим, вне зависимости от тех или иных социальных условий [12].

Соответственно, как представляется, можно констатировать, что для Гегеля категория отчуждения обладает центральным характером, позволяя раскрывать ступени саморазвития идеи и посредством этого придавать всей проблеме всеобщий характер. Марксистский анализ иной. Здесь под отчуждением понимается только лишь объективный характер результатов человеческой деятельности, превратившихся в самостоятельную силу, вышедших из-под контроля, начавших господствовать над человеком, подавлять его сущность и угнетать его. Иными словами, проблема «зауживается» не только как существующая сугубо на социальном уровне, но как проявляющая себя лишь на отдельных стадиях исторического развития человечества. Но есть один существенный момент, объединяющий и гегелевский, и марксов подход. Момент этот проявляется в понимании и тем, и другим мыслителями наличия связи отчуждения и развития. У Гегеля – развития мирового духа, у Маркса – исторического развития, источник которого кроется в противоречии, а отчуждение выступает его стороной.

На базе марксовской интерпретации феномена отчуждения и его природы, так же, как на основании гегелевской, сложилась своя историко-философская традиция. К ней можно отнести всех отечественных философов советского периода, занимавшихся рассматриваемой проблемой (к примеру, [13; 14]). К ней же относится и ряд западных марксистов – поздний Д. Лукач, А. Агг, А. Курелла, Л. Сэв и другие [15; 16; 17; 18]. Данная традиция оказала, в свою очередь, немаловажное воздействие на третью группу концепций, где феномен отчуждения и его сущность психологизируются.

Третья трактовка отчуждения понимает его как свойство «человеческой природы» и представлена рядом школ западной философии XX столетия – экзистенциализмом, Франкфуртской школой, фрейдизмом и неофрейдизмом, некоторыми течениями религиозной философии. Для всех этих школ проблема отчуждения выступает как значимая. Но в отличие от гегелевского и марксистского подходов понимание отчуждения лишено целостности, ибо толкование данного понятия многомерно, разнообразно и зависит от позиции того или иного философа. Так, экзистенциалисты сводят отчуждение к потере человеком внешней опоры в лице Бога. Неофрейдисты полагают, что отчуждение основано на отделении человека от природы, в результате чего у человека появляется самосознание, что в итоге приводит к утрате гармонии с миром [19]. В целом же сущность отчуждения сводится на уровень индивидуального человеческого существования, то есть отчуждение понимается как нечто, вытекающее из самой «человеческой природы», деформированной тотальной зависимостью индивидов от общества, с подчеркиванием ограниченности возможностей человека, неразумности его чувств. Это и есть психологизация проблемы.

Особенностью интерпретации сущности отчуждения в западных концепциях XX столетия выступает не просто истолкование отчуждения как негативного феномена, а придание ему выражения безысходной тупиковости, из которой индивиду не найти выхода. Но такого рода пессимистический настрой, известная абсолютизация проблемы, поднимающая ее на уровень некоего вселенского кошмара для индивида, не устранила, а сохранила аспект связи отчуждения и развития, конечно, с учетом того обстоятельства, что в данных концепциях этот аспект предстает в своеобразном виде в соответствии с мировоззренческими и методологическими установками философии XX в.

В частности, пронизанность идеей связи отчуждения и развития как основополагающей для истолкования его сущности достаточно характерна для работ Э. Фромма. По его мнению, отчуждение связано исключительно с человеческой ситуацией,

возникшей в момент выхода человека из природы [20], причем этот выход одновременно есть первый акт свободы и начало отчуждения. С одной стороны, в результате такого отделения от природы человек обрел самосознание, то есть, собственно говоря, и стал человеком. С другой стороны, возникновение самосознания, позволив осознать бытие, привело к нарушению внутренней гармонии, свойственной до того человеку как сугубо биологическому существу. Именно поэтому, с точки зрения Фромма, человек вынужден заполнять образовавшееся пространство между самим собой и природой рядом отчужденных форм – хозяйством, семьей, общественными институтами [21].

Дальнейший ход исторического процесса, по Фромму, имеет две стороны, также выражающие связь отчуждения и развития. Эти стороны и противоположны, и взаимозависимы. И стороны эти – отчуждение и свобода. Наличие свободы, которая по мере прогресса все увеличивает свою степень, не отменяет и не уменьшает отчужденности. Даже наоборот, степень отчужденности человека и мира, человека и человека возрастает [22], причем особенно, и в этом вывод Фромма не отличается от выводов других философов XIX–XX вв., отчужденность возрастает в условиях современного общества.

Каждый из означенных вариантов решения проблемы отчуждения, на наш взгляд, обладает как рядом издержек, так и положительной значимостью. С одной стороны, прошедший XX век выявил ограниченность сложившегося понимания содержания категории «отчуждение» во всех вариантах. Степень ограниченности различных вариантов решения проблемы неодинакова, так как неодинакова мировоззренческая и методологическая база гегельянства, марксизма или, к примеру, экзистенциализма. Так, гегелевская позиция есть позиция абсолютного идеализма, где речь идет о духовно-идеальном аспекте при устранении материально-вещественной стороны бытия, а экзистенциалисты и неофрейдисты «страдают» определенным сведением проблемы к психологическим аспектам, к которым далеко не все можно свести, ибо отчуждение явственно выступает в качестве объективного процесса. Относительная неправота марксизма заметна в постулировании возможности полного преодоления отчуждения в ходе созидания коммунистического общества и подчеркивании того аспекта, что явление отчуждения присуще лишь классово-антагонистическим формациям. Однако имеющийся исторический опыт демонстрирует неправоту данного подхода.

Но, с другой стороны, анализ становления и развития рассматриваемой категории отчуждения, особенно в рамках гегельянства и марксизма, показывает, что существует своего рода историко-философский базис для дальнейшего «развертывания»

данной категории. Соответственно логика дальнейшего анализа проблемы видится нам в следующих моментах (и этот дальнейший анализ, подчеркнем еще раз, в качестве своей основы имеет ряд идей сложившихся интерпретаций отчуждения).

Во-первых, отчуждение, по всей видимости, определенным образом взаимосвязано с развитием. Значит, дальнейшее уточнение природы отчуждения возможно посредством раскрытия взаимосвязи понятий «отчуждение» и «развитие». Эта взаимосвязь, если отталкиваться от имеющихся интерпретаций отчуждения, носит двоякий характер. С одной стороны, отчуждение есть сторона противоречия, выражающая обратное воздействие порождаемого, возникающего, становящегося на порождающее. С другой стороны, отчуждение как нечто объективное есть необходимость. Необходимость говорит о наличии закономерности, которую отменить нельзя, можно лишь «воздействовать» на ее проявления.

Во-вторых, уточнение природы отчуждения возможно по «линии» анализа социума и того, что можно обозначить как его атрибуты. Отчуждение, с нашей точки зрения, и выступает такого рода свойством, что подтверждается тем, что его пытаются все время преодолеть, взамен получая актуализацию новых форм. Но непреодолимость «бытует» лишь на уровне самого феномена, раскрываемого философским знанием через соответствующую категорию. В действительности же отчуждение «дробится» на множество своих типов и форм. И эти конкретные формы требуют активной человеческой деятельности как в сфере познания, так и в сфере практики по их смягчению или упразднению, если сформировались соответствующие условия.

Примечания

1. Мигولاتьев А. А. Отчуждение человека как философская проблема // Философская антропология. Социальная теория и современность. Вып. 24. М.: Изд-во РАГС, 1996. С. 131.

2. Нетреба Т. Общественная палата «измерила» Россию // Аргументы и факты. 2009. № 1–2 (1470–1471). С. 8.

3. Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С. 254–264.

4. Гегель Г. Феноменология духа. Сочинения. М.; Л.: Соцгиз, 1959. Т. 4. С. 262.

5. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев: Наукова Думка, 1966. С. 74.

6. Лукач Д. История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике / пер. с нем. С. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.

7. Маркович М. Маркс об отчуждении // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 36–51.

8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 43–784.

10. Нарский И. С. Отчуждение и труд. М.: Мысль, 1983. С. 110–111.

11. Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту 27. 10. 1890. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1965. Т. 37. С. 415–416.

12. Энгельс Ф. Об авторитете. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 303–304.

13. Ильенков Э. В. О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании А. Шаффа (О книге А. Шаффа «Марксизм и политический индивид»). Философия и культура. М.: Изд-во полит. л-ры, 1991. С. 170–199.

14. Огурцов А. П. Отчуждение и человек: историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. Философские проблемы: труды Московской конференции молодых ученых. М.: Наука, 1967. С. 41–82.

15. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / пер. с нем. И. Н. Буровой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1991. 412 с.

16. Агг А. Мир человека как субъекта производства / пер. с венг. А. Т. Лесенчука. М.: Прогресс, 1984. 199 с.

17. Курелла А. Свое и чужое / пер. с нем. Т. А. Рябушкиной и Л. А. Киселева. М.: Прогресс, 1970. 279 с.

18. Сэв Л. Марксизм и теория личности / пер. с фр. И. С. Вдовиной и Э. А. Гроссман. М.: Прогресс, 1972. 582 с.

19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. М.: Республика, 1994. С. 229.

20. Там же.

21. Там же. С. 98.

22. Фромм Э. Бегство от свободы: человек для себя / пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 571 [2] с.

В. К. Шумилов

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье критикуется концепция «множественности модернов» и применение при изучении социального бытия каких бы то ни было детерминизмов. Предлагается рассматривать общественное развитие с позиции синергетической парадигмы, принципа системности, теории факторов, которые объясняют вариативное развитие социальной системы в рамках категории несвобода/свобода человека.

In article the concept of "plurality of modernist styles" and approaches to studying social life on the basis of any determinisms are criticized. It is offered to consider social development from the point of view of synergetic paradigm, system principles, factor theories which explain variative development of a social system within the framework of the category of non-freedom/freedom of a human being.

Ключевые слова: общественное развитие, «множественность модернов», детерминизм, синергетическая парадигма, вариативность, несвобода/свобода человека.

Keywords: social development, "plurality of modernist styles", determinism, synergetic paradigm, variability, non-freedom/freedom of the person.

В настоящее время между собой конкурируют три основные концепции исторического развития: формационная, цивилизационная и модернизационная. Благодаря тому, что представители формационного подхода активно пытаются совместить формацию с цивилизацией и в итоге вроде бы остаются только две конкурирующие концепции, все равно присутствует множество вопросов, которые определяют теоретико-методологическую неопределенность ведущихся исследований.

В самом цивилизационном подходе существуют порой полярные точки зрения. Если для одних исследователей цивилизационный подход является вполне определившейся теорией со своим предметом, методологическими принципами, категориальным аппаратом, то для других он выглядит не более чем априорная модель, объясняемая из самой себя и не поддающаяся строгой научной верификации. В большой моде употребление явно неверифицируемых понятий, таких, как «культурно-генетический код», «цивилизационное ядро», «духовность», «пассионарность» и «пассионарии» и т. п. Нелишне здесь заметить, что любая научная концепция требует постоянного эксплицирования.

Кроме того, что исходное ключевое понятие «цивилизация» трактуется авторами весьма различно, необходимо отметить, что цивилизационная

парадигма весьма слабо согласуется с понятиями «общественный прогресс», «глобальная эволюция». Дело в том, что в обществе, как и в природе, отбор выполняет две основные функции: движущую и стабилизирующую. Движущий отбор благоприятствует лишь одному направлению изменчивости и не благоприятствует остальным. Стабилизирующий отбор благоприятствует сохранению в популяции оптимального в данных условиях фенотипа. Именно благодаря стабилизирующему отбору до наших дней сохранились общества людей каменного века.

Представители цивилизационного подхода в своих теоретических построениях, видимо, используют дизруптивный отбор, который благоприятствует сразу нескольким направлениям изменчивости. Обычно выделяют такие крупные цивилизации, как христианская, мусульманская, конфуцианская, буддийская, индуистская. Очевидно, что при такой теоретической конструкции все цивилизации идут равномерно, каждая по своей дистанции. Все народы, все культуры равноценны. Они от самой природы равноценны, и нельзя им смешиваться. Такая точка зрения исходит от немецкого философа И. Гердера. Как сказал впоследствии Н. Я. Данилевский, «большой клятвы не могло быть наложено на человечество, как осуществление на земле единой общечеловеческой цивилизации» [1, с. 426].

Дизруптивный отбор обычно осуществляется в результате обособления видов, отсутствия скрещивания между ними. Однако мировая тенденция развития направлена на глобализацию, универсализацию связей между народами, цивилизациями. Общемировой вектор развития определяется движущимся отбором, который на данный момент представлен западной цивилизацией. Известный американский ученый Ф. Фукуяма в ответ своим критикам заметил, что «никто... не предложил альтернативной формы социальной организации, которую лично считал бы лучше демократии» [2, с. 517].

Такое положение, сложившееся в настоящее время по поводу изучения социальных явлений, можно объяснить цикличностью развития самой науки об обществе. Эта наблюдаемая цикличность в какой-то степени соотносится с экономическими циклами развития общества, впервые описанными Н. Д. Кондратьевым.

Цикличность развития науки просматривается с момента ее возникновения, и в ней имеются определенные закономерности, которые складываются из множества факторов реальной действительности. Прежде всего, следует подчеркнуть, что зачастую ученые абсолютизируют и неоправданно экстраполируют наблюдаемые сегодня явления на более длительный исторический период. Фрагмент реальности (часть) выдают за целое.

К примеру, почти все исследователи очень долгий процесс демократизации в Ираке уже заранее объявили провальным. Точно такие же выводы следуют по поводу только что начатой демократизации российского социума: «Тот факт, что политический консенсус, достигнутый элитами, ориентирован на русскую “особость”, еще раз подтверждает, что по своему происхождению и взглядам мы не принадлежим к Западному миру» [3, с. 34].

Очевидно, что современные реалии самым непосредственным образом воздействуют на умы большинства ученых, и эта реальность, достаточно кратковременная (в масштабах социального времени), экстраполируется на весь исторический процесс развития общества. Поэтому в данное время весьма модны концепции «особости», уникального развития России. Однако следует подчеркнуть, что данный феномен присущ не только российской интеллектуальной элите, но и всем модернизирующимся обществам.

Правда, в истории России такой феномен, как «особость», возникает во второй раз. Как первый, так и второй случаи четко связаны с кратковременным явлением весьма слабой формы либерализма (1825 и 1991 гг.). Ответом является установление авторитарной системы правления, которая для легитимизации своего режима выдвигает свою идеологию. Так, николаевский режим выдвинул идеологию «официальной народности», а современная Россия – идеологию «суверенной демократии». Совпадение здесь только на первый взгляд случайное, а на самом деле оно отражает достаточно непростые процессы модернизации российского общества.

Влияние уваровской теории «официальной народности» оказалось столь сильным, что преодолеть его российское общество смогло только к началу XX в., когда появились первые работы, доказывающие идентичность исторического развития России с европейскими странами. Более того, «в начале XX в. ощущение принадлежности к Западу не вызывало реальных сомнений ни у царя, ни у министров, ни у Генерального штаба русской армии. Правящий класс практически перестал спорить о принадлежности страны к Западу. Указание на социокультурные особенности России в сопоставлении с Западом стало восприниматься элитой страны чуть ли не как проявление расизма, как утверждение этнической неспособности славян к прогрессу» [4, с. 186].

В постсоветской России значительная часть исследователей вернулась к ситуации, которая была создана еще правительством Николая I. Сходство более чем поразительное, когда в научном сообществе стали предлагать идеи (пусть даже модифицированные) в духе знаменитой уваровской триады, причем к этой сомнительной новации присоединились даже ученые, придерживающиеся либе-

ральных взглядов. К примеру, И. Б. Чубайс стал заверять, что «возрожденная российская идея сегодня включает историзм, духовность, обустройство и демократию» [5, с. 6]. В этом плане, видимо, верно подмечена Н. Наумовой такая черта российской модернизации, как «запаздывающая и рецидивирующая» [6].

Философия эпохи Просвещения выдвинула на первый план оптимистический взгляд на общественное развитие. В ранг высших ценностей возводится прогресс, который понимается как историческое совершенствование человеческого рода на основе расширяющегося применения разума.

Немецкий философ И. Кант видел смысл истории человеческого общества в том, что «величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его побуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Только общество, в котором максимальная свобода над высшими законами экономики сочетается с непреодолимым принуждением, то есть справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей для человеческого рода» [7, с. 12, 13].

В этом смысле совершенно прав Г. Гегель, который рассматривал категорию свободы, ее развитие как основную характеристику каждой исторической эпохи. «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы – прогресс, который мы должны осознать в его необходимости» [8, с. 72].

Сложившаяся реальная ситуация в мире льет воду на мельницу сторонников концепции «множественности модернов». Недаром В. Г. Буров и В. Г. Федотова заявили, что «прогресс, основанный на разуме Запада и его успехах, завершается как цикл, снимающий лидерство Запада и его способность быть образцом развития для всех народов. Начинается Новое время – время других народов, исходящих из собственных представлений... Опыт Китая показывает, что такое незападный разум» [9, с. 18,20].

Действительно ли начинается время других народов? Существует ли незападный разум? На самом ли деле европейская цивилизация больше не будет определять развитие человечества? Мнение значительной части ученых, как зарубежных, так и особенно отечественных, склоняется именно к данной точке зрения. Это мнение формируется благодаря сложившейся реальности, где действительно впечатляюще в экономическом развитии выглядят страны Тихоокеанского региона, Латинской Америки, Индия, а также во весь голос заговорил мир ислама.

Однако если внимательно присмотреться к этой современности, то нельзя не заметить, что все эти страны только повторяют путь, уже пройденный европейской цивилизацией. А самое главное заключается в том, что никто из них не предложил какую-либо модель альтернативного социального

развития, на основе которой можно опередить Запад хотя бы в обозримом будущем.

Атрибутом развития западной цивилизации является «локковский человек», то есть индивидуализированная свободная автономная личность, а отнюдь не группы, коллективы, классы, или массы, или общество в целом. Как показывает исторический опыт человечества, можно до определенного предела обойтись без «локковской личности», используя для развития социальной системы группы, слои, массы и даже общество. Классический пример – восточные деспотии, которые строили величественные сооружения, остающиеся шедеврами инженерной мысли даже в наше время.

Другой вид этатистской модели развития социальной системы продемонстрировали страны Тихоокеанского региона и отчасти исламский мир. Её суть заключается в опоре на традиционные институты и социокультурные ценности с внедрением в экономическую сферу западных технологий при ограничении рыночной конкуренции. Атрибутом развития здесь выступал не «локковский человек», а группы (партия, элита) и коллективы масс. Впервые в истории человечества такую модель развития применили Швеция и Россия при Петре I.

Как показал исторический опыт, такая модель этатистской модернизации относительно неплохо работает на мануфактурной и индустриальной стадиях производства, в которых применяется труд больших коллективов людей. При этом нельзя забывать вроде бы о сущем пустяке – успех такого варианта развития зависит не только от импортных технологий, но и от иностранных инвестиций и специалистов. Голландский исследователь К. Ван Вольфрен показал, что индустриализацию японской традиционной экономики обеспечивали 200 тысяч американских специалистов [10].

В конце XX в. страны Запада вступили в новую стадию своего экономического развития – постиндустриальную, т. е. стала формироваться информационная цивилизация, основанная преимущественно на индивидуализированном труде, а не на коллективном. В начале XXI в. развитие информационных технологий, Интернета явно ускоряет общественное развитие. Мера его воздействия на общество сопоставима только с переходом социума к индустриальному труду. В информационном обществе резко возрастает роль автономной индивидуализированной личности, в отличие от индустриальной стадии, где применяется труд больших коллективов работников. И здесь закономерно выяснилось, что традиционные социокультурные ценности не могут столь же плодотворно функционировать, как на индустриальной стадии. Стагнация японской экономики в 90-х гг. породила в обществе дискуссию о дальнейших путях модернизации [11, с. 113].

Японский писатель Х. Мураками вынужден был констатировать, что «японская экономика достигла в своем развитии потолка – и резко провалилась сама в себя... Поколение отцов проиграло, проиграла экономические приоритеты. Но что особенно грустно – проиграли все японские общественные ценности...» [12, с. 291,292].

Справедливость данного высказывания подтверждает дискуссия, развернувшаяся в Китае, по поводу статьи ветерана Коммунистической партии Се Тао, в которой он прямо пишет, что «реформу политической системы уже нельзя больше откладывать. Только демократическое конституционное правление может принципиальным образом решить проблему коррупции и разложения правящей политической партии, только демократический социализм может спасти Китай!» [13, с. 29]. Несмотря на ожесточенную критику Се Тао в конце 2008 г. в поддержку его тезисов высказалось 120 интеллектуалов, направивших письмо в КПК Китая.

Абсолютизации и не совсем оправданной экстраполяции наблюдаемых явлений социальной жизни способствует также применяемая исследователем методология научного поиска. Согласно системному подходу только совокупность взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов обеспечивает развитие любой открытой системы. Основной методологический принцип заключается в идее равноправия всех факторов как внутри, так и вне системы. Если речь идет об эндогенных факторах системы, то надо говорить о равноправии политической, экономической, социокультурной сфер общества, их взаимодействии, взаимовлиянии.

Несмотря на очевидные преимущества системного подхода и теории факторов, до сих пор в большой моде среди научного сообщества применение одного или даже нескольких факторов в качестве основополагающих в объяснении социального бытия и развития. Истории общественной мысли известны географический, экономический, политический, культурологический детерминизмы. В культурологическом детерминизме можно выделить религиозные и духовные факторы жизни общества.

Значительная часть отечественных ученых особенно охотно прибегает к географическому и религиозному факторам. Обращение к этим детерминантам общественного развития объясняется стремлением показать прежде всего «особость», уникальность российского социума. Именно поэтому возникновение этих детерминизмов приходится на годы николаевской реакции, когда были похоронены надежды декабристов на либерализацию России, и восторжествовала правительственная идеология «Официальной народности». Весьма характерен поиск самобытности России в православии (славянофильство) и отсталости во внешнем факторе – географии, татаро-монгольском иге (западниками).

Целый ряд современных отечественных ученых также определяет географические природные условия России как основной фактор в формировании ее национальной культуры. «Тяжелые природно-климатические условия заставляли русского крестьянина в течение долгих столетий дожить общиной как нормой социальной организации. Сам тип русской ментальности на протяжении весьма длительного периода истории отличался явным приматом “общественного” над “частным”... Наряду с такими производными качествами, как доброта, отзывчивость, отчаянная храбрость и коллективизм, она на протяжении многих столетий составляла черту национального характера» [14, с. 86, 87].

Правда, народник А. Н. Энгельгардт, живя непосредственно в крестьянской среде, рисовал несколько иную картину национального характера русских: «У крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, угнетение слабого сильным, высокомерие сильного, поклонение к богатству – все это сильно развито в крестьянской среде... На помочи никто даром не пойдет к какому-нибудь бедняку... делать что-нибудь сообща противно духу крестьянства» [15, с. 521, 250, 353].

Климатические условия формируют не только национальный характер, но и, по мнению С. Г. Кирдиной, «вызывают к жизни определенные технологии, институциональные структуры, а также задают институты организации государственной жизни» [16, с. 230]. Отсюда закономерно следует, что сам тип русской культуры, сформированный в условиях сурового климата (доброта, отзывчивость, отчаянная храбрость, коллективизм, неприязнительность), приемлет только деспотическую форму правления.

Об этом же пишет М. С. Ельчанинов, сообщая о том, что «именно окружающая среда подталкивает социум к трансисторическим структурам России – империя, милитаризм, православие, авторитаризм, экстенсивная экономика, коллективизм и т. д.». Поэтому Россия обречена на отставание по сравнению с более теплыми странами Запада [17, с. 14, 15].

Акцент на формирование основных ценностей под воздействием религии, православия прослеживается в работах таких русских философов, как С. Булгаков, П. Флоренский, Н. Бердяев, и других мыслителей. Согласно С. Ю. Барсуковой, «в православной религиозной доктрине существуют три мировоззренческих блока: специфическое отношение к труду, высокая нацеленность на взаимопомощь и призыв к смирению» [18, с. 257]. По мнению Е. С. Строева, «православная вера вела русского человека к победе над завоевателями, давала нам силы, возвышала над окружающим. Она позволяла преодолевать беды и напасти и при этом

не зачерстветь душой, сохранить веру в людей, готовность жить честно и справедливо» [19, с. 6].

Правда, здесь не очень ясно: какая вера – православная или коммунистическая – привела русский народ к победе в Великой Отечественной войне. Что же касается объединения российского общества на религиозной, православной основе, то данный проект просто малореален. Согласно данным В. В. Форсовой, «формально более 75,0% россиян считали себя в начале 90-х гг. сторонниками Русской православной церкви (РПЦ)». Однако «религиозное сознание около половины крещеных в РПЦ деично. Его отличает отсутствие внутренней связи с Богом, ощущение личности Бога, его промысла в повседневной жизни. Около 17,0% крещеных в РПЦ не верят в существование Бога» [20, с. 54].

Достаточно популярным направлением в объяснении социального развития российского общества является политический детерминизм. Давно стало расхожим мнение о проведении реформ в России «сверху» государством, повсюду применяется понятие «революция сверху». Мифологическую картину об особой роли государства в России начали впервые создавать западники А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и т. п.

Сейчас данная концепция наиболее полно развернута в фундаментальном труде Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи». Об особой роли власти (государства) пишет Ю. С. Пивоваров. В научных работах сплошь и рядом можно встретить выражения типа «С XIII в. и до нашего времени, за вычетом коротких исторических промежутков, в России за пределами власти не было и нет никакого общества, а есть только народ – безликая, бесправная и безгласная общность» [21, с. 55].

Что же касается феномена «русской власти», то следует признать ее живучесть, которая сродни возрождению феникса из пепла. Но вместо наметившейся тенденции метафизического ее рассмотрения, не лучше ли заняться выдвижением и проверкой гипотез, сравнительными исследованиями, для того чтобы получить ответ на вопрос: при взаимодействии каких факторов «русская власть» способна к модернизации? Следует также задуматься над вопросом: почему в 1917 г. все российское общество, за исключением ее маргинальной части и партии большевиков, было готово на Учредительном собрании принять конституцию России, взятую целиком из французской Третьей республики?

Не лучше получается, если применяется экономический детерминизм. Достаточно привести прогноз американского ученого С. Коэна, который он дал в 1998 г. о «демодеинизации» России, о том, что «быстро приближаются даже большие... неизбежные экономические и социальные бедствия» [22, с. 28]. Следовательно, вариант теории модернизации, который основывается только на двух факто-

рах («экономическое развитие и политическое руководство»), просто не работает [23, с. 337]. Экономический рост не является синонимом развития социальной системы. Экономический рост возможен даже при регрессе социума. Наглядный тому пример – применение на практике учения коммунизма К. Маркса. Тем не менее сплошь и рядом встречаются работы, посвященные сталинской модернизации СССР.

Индийский экономист А. Сен в своем исследовании показал, что развитие (модернизация) есть синоним понятия «свобода индивида» и оно невозможно без привлечения социокультурной сферы социума, это прежде всего развитие институтов местного самоуправления, образования, здравоохранения и науки [24].

Из вышеизложенного вполне очевидно, что общественное развитие невозможно изучать без введения в оборот множества факторов социального бытия. Социальное развитие следует рассматривать как результат пересечения нескольких «цепочек» причин, каждая из этих «цепочек» детерминирована. Но сам факт их пересечения в данное время и в данном месте может быть случаен. Отсюда развитие социальных систем можно рассматривать как нелинейное, имеющее несколько вариантов, то есть для социального развития не предопределено четко какого-то одного направления.

Примечания

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
3. Глебова И. Н. Политическая культура современной России: облик новой русской власти и социальные расколы // Полис. 2006. № 1. С. 33–44.
4. Уткин А. И. Запад и Россия: история цивилизации: учеб. пос. М., 2000.
5. Чубайс И. Б. Стоит ли ходить по кругу? // Известия. 2006. № 99. С. 6.

6. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М., 1999.
7. Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963–1966. Т. 6.
8. Гегель Г. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000.
9. Бузов В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–20.
10. Wolfers K. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. N. Y., 1989.
11. Леонтьева Е. Япония: преодоление кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8. С. 107–113.
12. Мураками Х. Слушай песню ветра. М., 2002.
13. Се Тао. Модель демократического социализма и перспективы Китая // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 16–29.
14. Милов А. В. Природно-климатический фактор и ментальность русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.
15. Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987.
16. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
17. Ельчанинов М. С. Природная среда и модернизация России // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 12–18.
18. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика России в контексте теории социального капитала // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск, 2003. С. 252–270.
19. Строев Е. С. Проблемы российского самосознания // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 3–8.
20. Форсова В. В. О религиозных корнях толерантности // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 54–61.
21. Шкаратан, О. И. Этократизм и российская социальная система в цивилизационной дихотомии «Запад-Восток» // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 49–62.
22. Коэн С. Изучение России без России // Свободная мысль. 1998. № 9–12. С. 21–34.
23. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
24. Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 323.326

А. А. Попов

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Цель работы – социологический анализ инновационной культуры работников и степени осмысленности риска с ростом инновационной культуры, разработка типологии предпринимателей по их отношению к инновациям и выявление распространенности разных типов предпринимателей. Этот анализ соотносится с формированием модели оптимизации работы предприятия, в том числе создания механизма перехода предприятия малого бизнеса к среднему.

The goal of this work is the sociological analysis of employees' innovation culture and their level of risk understanding in connection with the growth of innovation culture. The author also develops an entrepreneur typology based on the attitude to innovations and identifies the frequency of different types of entrepreneurs. This analysis corresponds with the modeling of optimization of the company's activity including the designing of transfer mechanism of small business enterprise to medium business enterprise.

Ключевые слова: культура, инновация, инновационная деятельность, инновационная культура, личность, предпринимательство, командная деятельность, тип инновационной культуры предпринимателей.

Keywords: culture, innovation, innovation activities, innovation culture, personality, entrepreneurship, team-building activity, the type of innovation culture of entrepreneurs.

Теоретико-методологическое обоснование нашего исследования требует социологического анализа понятий «культура», «инновация», «предпринимательство». В научной литературе мы сталкиваемся с множественностью определений *культуры* [1]. В советской социологии долгое время господствовало представление о культуре как о мире накопленных, унаследованных ценностей. Сторонники противоположной точки зрения, которых несравненно больше, рассматривают культуру как мир человека в единстве его физической и духовной природы, как человеческую деятельность и как способ, «технология» этой деятельности. В любом случае культура является ярким выражением социальной сущности человека. С одной стороны, культура – мир социального опыта человека, на-

копленных им непреходящих материальных и духовных ценностей. С другой же стороны, качественная характеристика («способ», «всеобщая технология») человеческой деятельности. И здесь мы уже говорим о культуре человеческой деятельности. Двойственность культуры заключается в том, что для каждого отдельного человека она одновременно становится средством приобщения к социальной общности и средством его самовыражения. Таким образом, можно резюмировать, что «культура превращает социальный опыт поколений в индивидуальный, и наоборот» [2].

Социология культуры в первую очередь изучает влияние человеческой деятельности на развитие личности, анализирует деятельность человека в системе общественных отношений, ее побудительных мотивов и условий реализации. Таким образом, культура – это не только совокупность ценностей, но и фактор личностной реализации человека, который выступает здесь в роли как субъекта, так и объекта культуры. Творческое участие человека в историческом процессе характеризует его культурное развитие.

Творчество мы рассматриваем как создание социально значимого нового, что, несомненно, близко инновационной деятельности предпринимателя. В свете нашего исследования нам особенно важна мысль о том, что «культура лежит в основе любой творческой деятельности, ибо она ориентирована не только на традицию, но и на новации, на креативное отношение к миру» [3].

Важно для осмысления проблематики инновационной культуры и подход Т. Парсонса, который сформулировал концепцию культуры в контексте своей теории социального действия. Он писал, что культура обладает функциями передачи опыта, обучения и, наконец, объединения членов социального коллектива [4]. Социальный деятель может вступать в отношения с миром только посредством знаков и символов. Вне культурного, символического поля не может существовать взаимодействие. Культура способствует выбору индивида между различными возможными ориентациями и установками, задает направление его действий, которые соотносятся с системой норм и ценностей. В рамках нашего исследования мы определяем в качестве социального действия процесс введения инновации, а саму инновацию – как функцию в сфере предпринимательской деятельности.

Через призму определения культуры как совокупности ценностей, как процесса творческой деятельности человека, как фактора развития личности мы рассматриваем понятие *инновации*. Мы придерживаемся понимания инновации не только как результата, но и процесса реализации новшества. При этом инновационная идея как продукт индивидуальной деятельности получает право на существование лишь при условии наличия в ней общественной ценности. Инновация – это не только система периодически вводимых разовых новшеств, но и комплексный социокультурный процесс, развивающийся по синергетическим законам, тесно взаимосвязанный с историей и традициями социальных систем и кардинально преобразующий их соответствующие социальные комплексы. Это и социально-психологический феномен, характеризующийся своеобразным жизненным циклом, с особыми фазами, последовательностями и зависимостями происходящих в сознании индивидов когнитивных и эмоциональных процессов.

Роль инноваций значительно возросла. Без применения инноваций практически невозможно создать конкурентоспособную продукцию, имеющую высокую степень наукоемкости и новизны. Исходя из того, что целью нововведений является повышение эффективности, экономичности, качества продукции, понятие инновационности можно соотносить с таким качеством личности, как предприимчивость – чуткость к возникающим новым возможностям улучшения работы организации.

Если говорить о социологии инноваций, то она изучает инновацию как феномен общественной жизни, как социальный процесс, связанный с материально-предметной и духовной деятельностью людей, в процессе которой они создают новые объекты культуры, а также разрабатывают и осваивают не существовавшие ранее способы производства различных благ [5]. Воплощаясь в ходе инновационного поведения социальных субъектов, инновация выступает способом развития индивидов, коллективов, социальных сообществ и, наконец, общества в целом. Поэтому специфика подхода социологии инноваций заключается в рассмотрении инновации как способа существования социальных систем, что напрямую пересекается с теорией Парсонса.

Мы считаем, что, повысив инновационную культуру людей, работающих на предприятии, можно повлиять на трансформацию бизнес-модели предприятия в целом. Это означает, что способность систематически генерировать и внедрять новые идеи и предложения может оптимизировать работу предприятия в целом. Компания с таким стилем работы начинает вести новую, выгодную игру, к условиям которой вынуждены приспосабливаться другие компании.

Инновационный процесс – это последовательная цепь событий, в ходе которой новшество «вызревает» от идеи до конкретного продукта, технологии или услуги и распространяется в хозяйственной практике. Важно отметить, что ключевым признаком инновационной организации является ее высокая инновационная культура.

Мы придерживаемся того мнения, что главным фактором обновления производства и повышения его эффективности является человек, его знания, умения, опыт, творческие способности. Человек преобразовывает мир в процессе творчества, создавая новые идеи. А за инновацией стоит не просто новая идея, а внедренная, то есть реализованная. Здесь немаловажным становится поведенческий фактор. *Культура вносит в понимание инновации личностный аспект*. Инновация как «реализованная новизна» становится ориентиром деятельности и стимулом для развития личности в процессе производства и потребления культурных ценностей. Инновация становится новой ценностью.

Акцентируя внимание на инновационном процессе в сфере российского предпринимательства, мы ставим своей задачей выяснить ориентацию на инновации нового социального слоя предпринимателей. В связи с этим возникает ряд вопросов: как человек воспринимает эту новую ценность, готов ли он внедрять новое, работать в совершенно новых условиях, понимает ли, что новое связано с риском и так далее.

Предпринимательство является объектом междисциплинарных исследований: социологии, психологии, экономики, конфликтологии, экономической антропологии. В социологическом аспекте предпринимателя можно представить по-разному: это не только человек, обладающий определенным социальным статусом и исполняющий в обществе некую функцию, это еще и вид социального поведения, **тип личности**, который обладает определенными умениями и навыками, наконец, предпринимательство есть определенная культурная форма. Мы акцентируем внимание на таких значимых, на наш взгляд, чертах предпринимательской деятельности, как самостоятельность, инициативность, инновационность, рискованность.

Наиболее популярной является теория Й. Шумпетера, который оценивает фигуру предпринимателя как решительно ломающего прежние формы производства и организации жизни общества зачинателя социальной и политической революции. По представлению Й. Шумпетера, предприниматель постоянно осуществляет «созидательное разрушение», являясь одной из главных фигур в развитии общества [6].

Социально-политические и культурные изменения, начавшиеся в 90-е гг. XX в., способствовали серьезной модификации социокультурной структуры общества и активному формированию нового

социального слоя предпринимателей. Именно предпринимательство стало тем явлением, в котором наиболее полно отразились изменения в системе базовых норм и ценностей российского общества, что и обусловило пристальное внимание экономических, социальных и гуманитарных наук к процессу формирования, определению социокультурной сущности и статусной роли предпринимателей. Предприниматели в современной России – это выходцы из разных социальных групп, обладающие высоким предпринимательским потенциалом (активность действия, образование, квалификация, социальные и политические связи и другое) и являющиеся субъектами социокультурной организации жизненного пространства. Система ценностей данной социокультурной общности обусловлена особым культурным сознанием, транснациональной корпоративностью и ориентирована на достижение высокого социального положения, богатства и власти.

«Социальная группа предпринимателей» очень неоднородна, статусы, способы деятельности и поведение предпринимателей сильно отличаются друг от друга в зависимости от масштабов дела, поэтому часто на эмпирическом уровне зафиксировать существование этой «группы» оказывается очень сложно. И дать четкие характеристики членов этой группы, ее границы, естественно, тоже. Можно даже сказать, что как таковой «социальной группы предпринимателей» не существует в природе, она только отражает ценностные ориентиры самих исследователей [7]. Многие исследователи пытаются также дать набросок социального портрета предпринимателей, основываясь на эмпирическом изучении их социально значимых характеристик. Ядро группы составляют, как правило, мужчины в возрасте от 30 до 50 лет, имеющие высшее образование, выходцы из интеллигенции, бывшие руководители всех уровней [8].

В рамках нашего исследования мы будем понимать под предпринимателями достаточно широкую группу людей, принимающих непосредственное участие в предпринимательской деятельности предприятия в целом. Таким образом, под предпринимателями мы подразумеваем руководящий состав компании и те отделы, работа которых связана с принятием ключевых решений, способных изменить ход деятельности предприятия. Объектом исследования становятся сотрудники фирмы ЗАО НПО «Интергидравлика», занятые интеллектуальным трудом. Получается, что за рамками нашей группы оказывается, например, обслуживающий персонал. К категории «предприниматель» мы относим субъекта активной, систематической, самостоятельной и ответственной инновационной деятельности.

Важно также отметить, что под инновациями в сфере предпринимательства мы имеем в виду про-

дукты научно-технической и иной творческой деятельности, обладающие характеристиками новизны и возможности коммерциализации с целью получения дохода. С социокультурной точки зрения мы рассматриваем инновации как новые культурные ценности, возникшие в результате инновационного поведения предпринимателей. Рассматривая предпринимательство как социокультурный феномен, мы подразумеваем, что оно зависит от влияний, действующих в обществе, определяет свои приоритеты в социальном контексте и само в значительной степени детерминирует общественную жизнь. И границы самого понятия расширяются до понятия культуры, поскольку предпринимательство всегда опирается на сложившиеся в обществе культурные традиции, на принятые ценности и нормы. Предприниматель не может развиваться вне освоения знаний, ставших общественным достоянием и хранящихся в социальной памяти.

При таком подходе интерес представляет не культура отдельной личности, а культура определенной группы людей, предпринимателей, то есть такая, которая формируется в процессе социализации и под влиянием социальных факторов. Культура понимается нами как создаваемая в процессе творческой самореализации человека, то есть в ходе взаимодействия людей с группой, людей в рамках конкретной группы – через всевозможный комплекс социальных отношений. Можно сказать, что чем более человек реализует себя в культуре, тем она более развита. А социальное поведение, ориентированное на инновации (что и является одной из главных характеристик поведения предпринимателей), безусловно, способствует развитию инновационной культуры. Таким образом, в нашей работе мы будем понимать под инновационной культурой меру способности людей инициировать, создавать, сохранять, осваивать и принимать новое, инновации.

Нами предпринята попытка оценить меру инновационных установок предпринимателей с помощью метода типологического анализа, который связан с использованием нескольких показателей/индикаторов. Инновационная, как и любая другая творческая, деятельность трудно поддается измерению в силу того, что включает кроме внешне наблюдаемых проявлений ценностно-ориентационные характеристики, намерения и замыслы человека.

Что значит изучить инновационную культуру общности предпринимателей? Это значит изучить ориентации общности на инновации, готовность к инновациям, меру сопротивления, специфические для предпринимателя риски. Надо понимать возможные противоречия внутри этой группы, с которыми мы можем столкнуться: предприниматели – неоднородная общность, состоящая из людей, пришедших из разных социальных слоев, и

Типы предпринимателей по отношению к инновациям

Тип	Индикаторы и степень их проявления					
	Генерация новых идей	Готовность к риску	Реализация инновации	Готовность работать в новых условиях	Анализ перспектив инновации	Поддержка новых идей
Инициатор	Высокая	Средняя	Средняя/низкая	Высокая	Средняя	Высокая
Реализатор	Низкая	Средняя	Высокая	Высокая	Низкая	Высокая
Организатор	Низкая	Высокая	Высокая/средняя	Высокая	Высокая/средняя	Высокая
Исполнитель	Низкая	Низкая/средняя	Средняя	Средняя	Низкая	Средняя

есть вероятность столкнуться со старым, стереотипным отношением к инновациям.

В рамках нашего исследования были учтены разные уровни отношения к инновации по нескольким индикаторам. На базе данных вариаций отношения к инновациям, в зависимости от разной степени проявления каждой характеристики/индикатора, можно обобщенно определить разные типы инновационной культуры предпринимателей. Представим их для наглядности в таблице. Такая типология – основанная на эмпирической интерпретации понятия инновационной культуры – позволит выявить распространенность каждого из типов инновационной культуры (с их «плюсами» и «минусами») среди предпринимателей, работающих на тех или иных предприятиях, разработать рекомендации по оптимизации инновационной культуры.

В процессе инновационной деятельности на предприятии участвуют разные люди, их совместные действия вполне можно рассматривать как работу в команде. Инновационный процесс реализуется в командной деятельности, поскольку включает в себя множество функций, каждую из которых может хорошо исполнять несколько человек одной команды, и получаются, что специалисты из разных областей обладают всеми необходимыми знаниями для достижения общей цели [9]. По нашему мнению, «команду» людей по созданию, внедрению инноваций на предприятии вполне описывают представленные типы предпринимателей: инициатор, реализатор, организатор и исполнитель.

Анализ типов предпринимателей по отношению к инновации позволяет увидеть, каких типов больше в современных условиях, каковы для них

социально допустимые меры риска в ходе инновационной предпринимательской деятельности, увидеть противоречия между разными ориентациями на инновации. Наша работа приобретает практический смысл именно благодаря тому, что позволяет узнать, какие риски мы можем вовремя нейтрализовать, какие смягчить, какие из рисков являются временными – это дает возможность видеть болевые точки инноваций, инновационного процесса.

Примечания

1. Штаерман Е. М. Проблемы культуры в западной социологии // Вопросы философии. 1967. № 1. С. 50–55.
2. Коган А. Н. Социология культуры // Личность. Культура. Общество. Т. II. Работы 1988–1997 гг. Екатеринбург, 2008. С. 126–166.
3. Коган А. Н. Теория культуры // Личность. Культура. Общество. Т. II. Работы 1988–1997 гг. Екатеринбург, 2008. С. 166–199.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
5. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. А. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко, 2003 г., www.slovari.yandex.ru
6. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
7. Радаев В. В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 175–179.
8. Грищенко Ж., Новикова Л., Латша И. Социальный портрет предпринимателя, www.ecsoman.edu.ru
9. Роббинс Х., Финли М. Почему не работают команды? Что идет не так и как это исправить / пер. с англ. М.: Добрая книга, 2005. С. 87.

УДК 316.7

В. В. Муругова
Ю. В. Шафигуллина

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

В статье дается подробная теоретическая интерпретация понятия «социологическая ответственность» и раскрывается механизм функционирования ответственности студентов в условиях современного вуза. Кратко обрисованы основные пути ее формирования у современных студентов.

The article is devoted to a detailed theoretical interpretation of the term "social responsibility" and to the mechanism and methods of forming students' social responsibility in modern higher education.

Ключевые слова: ответственность, студенчество, субъект ответственности, уровни ответственности, диффузия ответственности, негативная и позитивная ответственность.

Keywords: responsibility, student community, subject of responsibility, levels of responsibility, diffusion of responsibility, negative and positive responsibility.

На всех этапах развития общества были актуальными вопросы развития человека, его важнейших личностных качеств, ибо от этого зависело развитие самого общества, его стабильное устойчивое состояние.

В разное время от человека требовались разные качества, разные общества по-разному оценивали человека: от него требовалось то смирение и покорность, то активность и инициатива.

Наше время, время глубокой трансформации российского общества, настоятельно требует людей активных, умеющих добросовестно и квалифицированно работать.

Но при этом квалификация, профессионализм и знания должны сочетаться с таким важнейшим качеством человека, как ответственность за свое дело.

В процессе преподавания в высшей школе опытные и не очень опытные преподаватели сталкиваются с проблемой: довольно значительное число студентов, особенно «коммерсантов», не хотят учиться, они просто проводят время в ожидании диплома. При этом на их обучение потрачены немалые родительские деньги или деньги тех или иных предприятий. Эти студенты просто не могут заставить себя что-то учить, во что-то вникать или еще каким-либо образом добывать требуемые знания. Конечно, у данного явления есть оборотная

сторона медали. Нас, педагогов, часто обвиняют в том, что подобная ситуация складывается по нашей вине, так как мы не можем или не хотим прививать интерес к предмету, не применяем новые методики преподавания, мало опираемся на новые мультимедийные технологии.

Эти упреки можно принять. Но ведь на нерадивость студентов жалуются и талантливые педагоги, влюбленные в свой предмет, которым не откажешь в усердии и работоспособности

Бесспорно, модернизация высшего образования, применение новых педагогических технологий – это острая необходимость сегодняшнего дня. Но, гоняясь за новыми технологиями, мы забываем очень важный момент: учеба – это всегда труд, который включает в себя в том числе рутинные, утомительные моменты. В процессе учебы надо уметь преодолевать себя, делать выбор между стремлением к знанию и желанием предаться лени, легким развлечением.

Пока сам студент не осознает необходимости упорно трудиться, ни один самый талантливый преподаватель не заставит его заниматься по-настоящему.

Конечно, строгость, ужесточение контроля в какой-то степени могут сыграть роль внешнего стимулятора, но если у студента отсутствует внутренний источник саморазвития, то все меры ужесточения помогут лишь ненадолго. Таким источником внутреннего саморазвития, на наш взгляд, является социальная ответственность. Наличие социальной ответственности – это неотъемлемое свойство саморазвивающейся личности.

Цели данной статьи заключаются в следующем: во-первых, дать теоретический анализ понятия «ответственность» и изложить свою позицию по данной проблеме; во-вторых, провести теоретико-практический анализ того, как понятие «ответственность» проявляется в поведении такой социально-демографической группы, как студенчество; в-третьих, кратко обрисовать возможные пути формирования ответственности студента в современном вузе. Итак, посмотрим, как трактуется данное понятие в словарях русского языка.

Ответственность – «необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет в своих действиях, поступках».

Ответственный – «имеющий высокоразвитое чувство долга, ревниво относящийся к своим обязанностям», «существенно важный, серьезный» [1, с. 468].

Ответственный – «облеченный правами и обязанностями в осуществлении какой-либо деятельности, в руководстве делами».

Ответственный человек – человек «с высокоразвитым сознанием собственного долга, проникнутый таким сознанием» [2, с. 447].

Корневым термином здесь является термин «ответ». Быть ответственным – значит иметь способность отвечать.

К. Муздыбаев понимает ответственность как «возлагаемое на кого-либо или взятое кем-либо обязательство отчитываться в каких-нибудь своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия» [3, с. 44–45].

Всякая ответственность представляет собой систему, состоящую из трех элементов: 1) субъекта, несущего ответственность; 2) объекта – того, за что он отвечает; 3) инстанции – лица или учреждения, перед которым субъект держит ответ.

Субъектом ответственности могут быть какие-либо люди или общественные организации.

Объектом ответственности являются их обязанности.

Инстанция представляет собой социальную или внутриличностную систему, по крайней мере, на один порядок более высокую, чем субъект ответственности. О внутриличностной ответственности мы говорим потому, что субъект может нести ответственность и перед самим собой, перед той частью своего Я, которая является интегральной.

Взаимоотношения между этими элементами проявляются в четырех основных формах:

1) субъект несет ответственность за что-либо, т. е. за что-то отвечает;

2) он принимает или берет на себя ответственность за что-либо;

3) субъект привлекается к ответственности;

4) субъект действует ответственно.

В первой форме инстанции возложила на субъект определенные обязанности, хотя, возможно, он и не взял их на себя, и не чувствует их груза.

Вторая форма предполагает, что субъект ощущает возложенную на него ответственность.

Третья форма представляет собой реальные или идеальные санкции, применяемые инстанцией по отношению к субъекту.

Четвертая характеризует отношение субъекта к своим обязанностям, его способность действовать со всей серьезностью. Нормальное функционирование морали требует согласованности этих форм. В реальности же они могут противоречить друг другу.

Первая роль в отношении ответственности принадлежит инстанции. Именно она устанавливает круг обязанностей субъекта и контролирует их исполнение. От правильного установления круга обязанностей существенно зависит нормальное функционирование системы в целом.

Важнейшим условием правильности обязывания выступает соответствие между обязанностями, с одной стороны, и физическими возможностями, а также правами субъекта – с другой.

Нельзя возложить на субъекта ответственность за то, что превышает его силы, и требовать от него действия на той территории, которая является для него запретной.

Бессмысленно обязывать совершать те действия, которые субъект совершил бы и без внешних ука-

заний, под давлением своих естественных влечений [4, с. 46–47].

Вместе с возложением ответственности человеку предоставляется свобода.

Ответственность не является для всех одинаковой, она представляет собой разные формы сознательного поведения.

У каждого человека существует определенный «набор» жизненных сфер и ситуаций, в которых он способен реализовать ответственное поведение. Среди жизненных ситуаций следует выделять такие, в которых ответственность необходима объективно и есть необходимые условия для реализации ответственного поведения, т. е. существуют релевантные содержанию ответственности ситуации, в которых ответственность может быть испытана.

Люди в значительной степени различаются по возможностям влияния на ход собственной жизни, овладевая многочисленными жизненными ситуациями. Человек, который способен организовать собственную жизнь, становится субъектом жизни.

Ответственность за отрицательные действия принято называть виной, за положительное – заслугой. С понятием ответственности человека связано понятие его вменяемости. Вменяемость – это способность субъекта нести ответственность за свои действия. Она определяется интеллектуальным и волевым критериями. Интеллектуальный критерий устанавливает способность давать отчет в своих действиях, понимать их объективное значение. Волевой критерий касается способности руководить своими действиями, держать их под контролем. Разница между этими двумя критериями обусловлена тем, что субъект может отчетливо понимать значение совершаемого действия, но по каким-либо психическим причинам (усталости, болезни и т. п.) утрачивать контроль над определенными его фазами.

Уровень ответственности субъекта зависит от степени его активности и самостоятельности. По этим критериям определяется различная степень вины и различные способы привлечения к ответственности. Наиболее отчетливыми являются следующие уровни, выделяемые в психологии:

1) ассоциативная ответственность – за действия, совершаемые не самим субъектом, а другими лицами, определенным образом связанными с ним (речь идет, как правило, о связях между начальником и подчиненными, родителями и детьми); особо заметную роль такая ответственность играет в иерархически жестко организованных обществах, например в Древнем Китае, где за определенные преступления казнили не только виновника, но и его ближайших родственников: отца и мать, жену, братьев, детей;

2) причинная ответственность – это ответственность за действия, которые субъект совершил сам,

но без осознания их последствий, например в состоянии сильнейшего аффекта или полного отсутствия информации; степень ответственности здесь существенно зависит от того, мог ли индивид в принципе предвидеть негативные последствия, или они объективно оказались непредсказуемыми (в первом случае уровень ответственности будет несколько выше);

3) предвидимая ответственность – за собственные действия, возможные последствия которых субъект осознавал, но не ставил своей прямой целью; к этому уровню, например в уголовном праве, относятся так называемые «преступления по неосторожности»: дорожно-транспортные аварии и т. п.;

4) намеренная ответственность – за действия, негативные последствия которых были прямой целью субъекта, совпадали с его намерением; к такому принадлежит большинство преступлений и административных правонарушений.

Принятие ответственности, а вслед за ним и ответственное действие включает в себя проведение отчетливой границы между собственным участием в совершении действия и ролью внешних, объективных факторов.

В зависимости от того, какая тенденция преобладает в установлении названной границы, психология разделяет людей на два основных типа: лиц с экстернальным (внешним) и интернальным (внутренним) локусом контроля [2, с. 44–45].

Так называемые «экстерналы» имеют устойчивую, характерологическую склонность перекладывать негативную ответственность на внешние факторы: на других людей или на объективные обстоятельства. Собственные жизненные неудачи они объясняют кознями недругов и недоброжелателей, а в тех случаях, если совершенно нет «подходящей кандидатуры» на такое перекладывание ответственности, ссылаются на судьбу или случай, на «плохую погоду» и даже неблагоприятное расположение планет.

Лица с противоположным локусом контроля, условно называемые «интерналами», более склонны принимать вину на себя, подчас даже чужую. В жизни они больше полагаются на собственные силы и не испытывают потребности в могущественных покровителях, с одной стороны, и «козлах отпущения» – с другой. Правда, в крайних формах такой ориентации возникает феномен волюнтаризма. Главным пороком волюнтаризма является самонадеянность.

Сознание власти над внешними силами позволяло надеяться на благоприятный исход практически всех начинаний. Из такой надежды и рождалась типичная волюнтаристская установка: «Главное – ввязаться в бой, а потом разберемся». Весьма показательным, что волюнтаризм в отношении к позитивной ответственности легко уживается с фатализмом по отношению к ответственности нега-

тивной. Некоторые люди, будучи «интерналами» по отношению к заслугам, умудряются становиться «экстерналами» по отношению к вине. Здесь речь идет уже не о различии «локусов контроля», а об открытой безнравственности.

Своеобразная диалектика внешнего и внутреннего, определяющая степень принятия ответственности, в реальной жизни ведет к серьезным нравственным коллизиям. Одной из них является эффект диффузии ответственности. Суть его состоит в том, что степень принятия персональной ответственности за конкретное действие обратно пропорциональна числу лиц, участвующих в данной ситуации. Чем больше лиц участвует в каком-либо деле, тем слабее каждый из них чувствует собственную ответственность, и наоборот.

Ответственность за ситуацию как бы перераспределяется между всеми членами группы и уменьшается для каждого в отдельности. Поручение, данное сразу группе людей, без назначения персонально ответственного, скорее всего, будет провалено, особенно если оно обременительно. Диффузия ответственности способствует тому, что подростки, сбившиеся в «шайку», могут решиться на куда более дерзкие преступления, чем каждый из них решается в отдельности. Вина, перераспределенная на всех, меньше давит на каждого отдельно [5, с. 241–245].

Один из парадоксов ответственности состоит в том, что жесткий и детальный внешний контроль не повышает качества деятельности, а, наоборот, снижает его. Такой контроль вполне эффективен только там, где субъект в абсолютно неизменных условиях выполняет простейшие операции, не требующие от него выбора и инициативы.

Жесткий контроль может интенсифицировать ответственность, но за счет резкого сужения ее поля. Субъект отвечает только за то, что от него требуют, проявляя полное безразличие по отношению к деятельности в целом и ее конечному результату. Эту закономерность легко обнаружить по фактам, когда родители контролируют успеваемость детей по оценкам. Учеба тогда превращается не в обретение знаний, а в выбивание оценок из преподавателя любой ценой: обманом, слезными мольбами, измором и т. п.

Наиболее совершенной формой контроля выступает самоконтроль. Именно тогда зона ответственности становится максимальной. Уровень ответственности прямо пропорционален степени самостоятельности субъекта в выборе способов действия и его осуществлении.

Ответственное поведение сопровождается чувством ответственности, которое может выступать в позитивной и негативной формах. Позитивная форма переживания ответственности – чувство своей значимости, реального благотворного влияния на положение дел, ощущение определенной влас-

ти над происходящими событиями и соответствующего уважительного отношения людей. Негативная форма ответственности – это тревожность, неуверенность в себе, связанная с невозможностью гарантировать добрый исход событий.

Ответственному поведению противостоит безответственное – это поступки «на авось», действия, которые совершаются кое-как, без учета последствий для себя и для других. Безответственность всегда связана с равнодушием и легкомыслием или с избыточной самоуверенностью, а часто – и с тем, и с другим. Когда человек безответственно совершает свободный выбор, он ставит себя и других в положение высокой степени неопределенности, ибо последствия необдуманного, случайного, слепого выбора оказываются непредсказуемы. Вероятно, они могут быть пагубны для всех, кто втянут в конкретную ситуацию.

Здесь можно говорить о той ответственности, которую «несут». Нести ответственность – значит принять на себя все последствия совершаемых поступков, в полном смысле слова расплатиться за них. В свою очередь, безответственность означает в этом контексте попытку свалить последствия своих деяний на других, заставить их расплачиваться за собственную трусость, неразумность или безудержное удальство.

Итак, уяснив для себя основные моменты, связанные с понятием «ответственность», перейдем к анализу того, как проявляется ответственность студента в условиях образовательного пространства современного вуза. Можно предположить, что ответственность студента должна возрастать от курса к курсу. Если студент I курса – это еще резвящийся бывший школьник, счастливый уже тем, что стал студентом, следовательно, шагнул во взрослую, более свободную жизнь, то пятикурсник – это уже взрослый человек, который получил определенную квалификацию, прошел производственную практику, осознал, что учеба в вузе – дело серьезное, а предстоящая работа будет еще серьезней. Но это лишь теоретическое предположение. На практике возникает много нюансов.

Студент – это не всегда вчерашний школьник. Часть студентов, не поступив в институт с первого или второго раза, приходят на студенческую скамью более осознанно и более высоко оценивают полученную возможность учиться. Кроме того, можно предположить, что студенты – выходцы из менее обеспеченных семей также могут быть озабочены материальным положением своей семьи, стремятся благополучно окончить институт, поэтому они более серьезно относятся к учебе, боясь потерять свое студенческое место.

Если рассматривать ответственность студента как определенную систему, то ее можно представить следующим образом:

1) студент выступает как субъект ответственного поведения;

2) учеба студента и все компоненты, связанные с ней, включая основы научной деятельности, общественную работу, совмещение учебы с заработком, проживание в общежитии, складывающиеся в процессе учебы и внеучебное время отношения студента со своими товарищами, преподавателями, куратором выступают объектом студенческой ответственности;

3) инстанциями студенческой ответственности можно считать как самого студента, так и их родителей, друзей по группе, преподавателей, декана и т. д. Можно предположить, что студенты, имеющие теплые, уважительные отношения с родителями, чувствуют перед ними большую ответственность, чем студенты, чьи отношения с родителями во многом утратили доверительный характер. Особенно это относится к иногородним студентам, которые почувствовали самостоятельность – для них духовная связь с родителями особенно важна.

Ответственность перед авторитетными преподавателями, деканами, другими руководителями вуза чрезвычайно важна. Но чувство ответственности следует отличать от чувства страха перед вышестоящими инстанциями.

Очень важным моментом является формирование у студента ответственности перед собой, именно этот вид ответственности заставляет человека работать по-настоящему добросовестно.

По-другому ответственность перед собой можно назвать самоуважением, в отличие от самолюбия.

Наблюдения также показывают, что в вопросах учебы и по некоторым другим параметрам более ответственно ведут себя девушки по сравнению с юношами, которым по природе свойственно идти на больший риск во всех сферах жизни, в том числе в учебе.

Взаимоотношения между всеми элементами ответственности проявляются в следующих формах:

Во-первых, студент объективно отвечает за свою учебу и адекватное поведение как в вузе, так и вне его стен.

Во-вторых, студент знает (это субъективный момент), что *он несет ответственность* за свое поведение – его знакомят с уставом вуза, с ним проводят профилактические беседы ответственные за его воспитание и безопасность лица – начиная от проректора по воспитательной работе, декана, куратора, заканчивая врачами, психологами, представителями правоохранительных органов, инженером по охране труда.

В-третьих, в случае невыполнения возложенных на студента обязанностей он привлекается к ответственности и наказывается – его могут лишить стипендии, могут выселить из общежития, отчислить из института.

В-четвертых, самой благоприятной ситуацией является положение, при котором студент осознанно принял на себя ответственность и «несет ее».

Уровни ответственности, выделяемые в психологии, очевидно, применимы в социологическом анализе личности. Итак, можно выделить следующие уровни ответственности студента:

А) Ассоциативная ответственность. Вуз – это система взаимосвязанных элементов. В вузе может наблюдаться низкая дисциплина студентов, низкие показатели в учебе. Ответственность за такое положение дел несет не только студент, но и руководство вуза, которое не сумело обеспечить оптимальное управление учебным и воспитательным процессом. В определенной степени, особенно на младших курсах, за легкомыслие студентов несут ответственность и его родители.

Б) Причинная ответственность. Если студент не информирован о негативных последствиях каких-либо действий, то, очевидно, их ответственность существенно снижается. В данном случае большую ответственность несет тот или иной работник вуза (например, инженер по охране труда), который не провел со студентами профилактической упреждающей беседы.

В) Предвидимая ответственность – это наиболее часто встречаемый вариант ответственности. Например, студент-двоечник прекрасно знает, что рискует не сдать сессию, но балансирует на грани риска, не в состоянии заставить себя заниматься, а может быть, рассчитывая при этом на усилия состоятельных родителей.

Г) Намеренная ответственность – это ответственность за действия, негативные или позитивные, последствия которых являются прямой целью студента и совпали с его намерением. Например, ориентация на серьезную учебу приводит к хорошим результатам.

При социологическом анализе ответственности студента вполне допустим учет такой психологической особенности личности, как принадлежность ее к интернальному или экстернальному типам. Не случайно преподаватели сталкиваются с ситуациями, когда вполне добросовестный студент не хочет брать на себя какое-либо дополнительное поручение (например, стать старостой), мотивируя это тем, что не справится с поставленной задачей (интернальный тип). В то же время довольно распространенным является такой тип студента, который с легкостью берется за многие дела – принять участие в олимпиаде, сделать доклад на конференции, однако на деле все их намерения выливаются в очень несерьезную форму (экстерналы). Обе крайности наносят ущерб обществу. Ведь наше рыночное общество – это общество риска, и сознательно отказываться от рискованных ситуаций означает обрекать дело на застой. В то же время

излишний авантюризм, без оглядки на последствия, может привести к катастрофе.

Вполне уместно применительно к студенческому коллективу говорить о таком явлении, как диффузия ответственности. Любой опытный руководитель вуза и любой опытный преподаватель знают, что в студенческой группе может сложиться ситуация, когда несколько нерадивых студентов отрицательно влияют на всю группу и даже в целом ответственные студенты резко снижают свои показатели. Но при этом ответственность за негативные результаты учебы как бы перераспределяются между всеми членами группы и уменьшаются для каждого студента в отдельности. Поэтому воспитательные беседы и «внушения» декана, проведенные с группой в целом, как правило, почти не меняют ситуации. Гораздо более эффективным здесь будет индивидуальный подход к каждому студенту и, если нужно, то и индивидуальная его «проработка».

Ответственное поведение сопровождается чувством ответственности, которое может выступать как в негативной, так и в позитивной формах. Когда студент ощущает свою значимость реального, благотворного влияния на положение дел, например в своей учебной деятельности, на ситуацию в группе или на факультете, то это и есть позитивная ответственность. Такой ответственностью часто отличаются председатели студенческих советов, студенты профкомов, старосты групп.

Негативная форма ответственности студента – это чувство тревожности, неуверенности в себе. Чаще всего подобная негативная ответственность возникает у студентов-первокурсников, которые еще не адаптировались к новым условиям учебы в вузе. Негативная ответственность может проявляться в боязни плохо выступить на семинаре, не успеть написать в срок курсовую работу, не сделать контрольную работу и т. д. В этой негативной ответственности присутствует позитивный момент – именно первокурсники, как правило, редко опаздывают на занятия, не пропускают занятий без уважительных причин и т. д.

К числу важнейших условий, при которых нужно говорить об ответственности студента, относятся следующие:

Первое – свобода совершаемых действий. Можно предположить, что студент, выбравший тот или иной вуз по своему желанию и интересу, будет более ответственно относиться к учебе. Свободен лишь тот, кто занимается любимым делом, и хорошо, если это дело одновременно является обязанностью.

Второе – это преднамеренность поведения студента, т. е. он морально отвечает прежде всего за то, что хочет сделать, поэтому в любом случае его надо заинтересовать, например, в хорошей учебе, научной деятельности и т. д.

Третий момент, обуславливающий ответственность студента, – это его вменяемость, т. е. способность к волевым действиям.

В литературе имеются попытки подхода к выявлению типов ответственности студента. Например, Н. И. Рейнвальд, выделяя различные виды направленности личности студента, фактически дает нам ключ к определенной типологии ответственности [6, с. 28–29].

Во-первых, она указывает на такую группу студентов, для которых характерна общественно ценная созидательная направленность и высокий уровень развития основных свойств личности. Относящиеся к такому типу студенты способны в ситуации выбора предпочесть общие интересы, связанные с проблемами различных общностей – от академической группы, вуза до государства и даже человечества в целом.

Им присуще нравственное здоровье, значительная духовная энергия, стремление к постоянному духовному росту – интеллигентность. Очевидно, такие студенты обладают высоким уровнем развития подлинной ответственности.

Во-вторых, указываются студенты с преобладанием потребительской направленности личности. У части представителей этого типа потребительские идеалы определяют активную целеустремленную деятельность по их реализации. В данном случае налицо эгоистическая ответственность только за себя и свое благополучие. Но для многих студентов характерно стремление к облегченной, «веселой» студенческой жизни с минимумом напряжения и большим количеством сиюминутных удовольствий. Эта позиция охраняется всеми средствами от посягательств более сознательных товарищей. В данном случае речь идет о практическом отсутствии ответственности или крайне низком уровне ее развития.

В-третьих, можно указать на таких студентов, для которых характерно воинствующее потребительство, стремление решать свои проблемы за счет других – это ведет к появлению преступного типа личности. Студентам, которых можно отнести к этому типу, присуща разрушительная направленность личности – они утверждают себя за счет ущемления других людей. В данном случае речь идет об открытой безнравственности, возможно, об «отрицательной» ответственности за себя.

И. А. Промашкова в качестве главного критерия типологии ответственности студента берет его отношение к учебе.

Первый тип ответственности – подлинная ответственность, это творческая работа с полным напряжением сил (задания выполняются в срок, используется большой объем материала).

Второй тип ответственности – это исполнительность (работа «от сих до сих») с двумя подуров-

нями: а) четкое выполнение всех требований, соблюдение сроков, но при этом отсутствует желание продолжать работу, творчески ее развивать; б) формальная отписка, задание сдается в последний момент.

Третий тип – безответственность – работа не сделана вообще или выполняется кое-как [4, с. 46–47].

На наш взгляд, подлинная ответственность студента как его системное, интегральное качество, включает в себя следующие элементы: а) глубокие знания, соответствующие курсу обучения; б) хорошую гуманитарную подготовку, эрудицию; в) компетентность, т. е. наличие определенных навыков исследовательской и практической деятельности в своей будущей профессии в зависимости от курса обучения; г) умение работать с людьми, находить общий язык с товарищами, способность к конструктивному диалогу и конструктивным компромиссам; д) доброжелательность, которая проявляется в поведении в форме оказания помощи людям; е) умение отстаивать свою позицию по защите не только собственных интересов, но прежде всего интересов дела.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, формирование ответственности за получение глубоких знаний и практических навыков является важнейшей задачей современного вуза.

Во-вторых, главным видом деятельности студента в вузе является учебная и научно-исследовательская. В связи с этим большую роль в формировании ответственности студента играют преподаватели, которые своим профессионализмом и высокими моральными качествами должны подавать студентам пример.

В-третьих, важнейшими факторами формирования ответственности в современном вузе можно считать: глубокий интерес студента к изучаемым дисциплинам, его профессиональную ориентированность на работу по специальности, создание в вузе обстановки требовательности и в то же время относительной свободы для студента в организации его учебной деятельности. С этой целью необходимо шире внедрять практику индивидуальных графики, индивидуальные планы работы, составление учебного расписания с учетом мнения студентов и т. д.

В-четвертых, деканатам и проректорам по воспитательной работе необходима тесная связь с родителями студентов, по крайней мере, это актуально для студентов I и II курсов. Укрепляя связь с родителями, мы тем самым в определенной степени решаем вопрос о преемственности поколений, о сохранении тех подлинных ценностей, которые присущи российскому обществу.

Примечания

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 944.

2. Лопатин В. Е., Лопатина П. Е. Русский толковый словарь. М., 2005. С. 447.

3. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С. 240.

4. Промашкова Н. А. Об ответственности как системном качестве личности студента // Студент на пороге XXI века: монография / отв. ред. Н. И. Рейнвальд. М.: Изд-во УДН, 1990. С. 152 .

5. Скритник А. П. Этика. М., 2004. С. 352.

6. Рейнвальд Н. И. Психологические проблемы изучения и формирования личности студента как будущего специалиста // Студент на пороге XXI века. М., 1990. С. 152.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

УДК 930.1

А. А. Емшанов

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

В статье рассматривается специфика предмета исторического исследования – прошлое. На основании анализа работ историков и философов истории прошлое рассматривается как результат деятельности историка, совмещающая как субъективные, так и объективные моменты.

The article discusses the specificity of the past as the subject of historical research. Based on the analysis of the works on history and philosophy of history, the paper views the past as a result of the historian's activity which combines both subjective and objective elements.

Ключевые слова: прошлое, историческое прошлое, историческое время, современность, конструирование прошлого.

Keywords: the past, historical past, historical time, the present, modeling of the past.

Р. Дж. Коллингвуд в работе «Идея истории. Автобиография» следующим образом определил предмет исторического исследования: «История – это наука о *res gestae*, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершённых в прошлом» [1]. Предметом истории выступает деятельность человека в прошлом. Но что это такое – историческое прошлое?

На наш взгляд, рассмотрение проблемы исторического прошлого связано с категорией «время». В истории время выступает как способ организации мира, где за основу взято «астрономическое» (или, как его назвал Антуан Про, физическое) время, которое делится на отрезки: день, неделя, год, век и так далее. Эти временные отрезки имеют раз и навсегда установленную длительность и позволяют историку локализовать объекты в историческом пространстве и выстраивать систему отношений как между отдельными объектами, так и между объектами и исследователем, то есть выстраивать хронологию исторических событий, которая представляет систему координат, позволяющую историку ориентироваться в историческом пространстве. Но кроме «астрономического» времени в истории ис-

пользуется историческое время. Развитие общества происходит не равномерно, существуют исторические периоды, более насыщенные событиями, и периоды относительно спокойные. Кроме того, разные исторические объекты имеют свою скорость изменения во времени. Ф. Бродель ввёл три вида исторического времени, в зависимости от скорости изменений исторических объектов [2].

Историк не довольствуется делением времени на равные отрезки: день, месяц, год etc., так как они не позволяют адекватно структурировать историческое пространство, и конструирует особые временные единицы, позволяющие упорядочивать пространство исторического исследования. В основе этой процедуры лежит астрономическое время, но теперь историк всю совокупность исторических событий делит на отрезки – исторические эпохи (или периоды), которые имеют различную длительность. Историческое время – это оценка историком астрономического или объективного времени развития человечества.

Историческое время в каком-то смысле выступает как «обратное» астрономическому, так как если второе само определяет, регламентирует, структурирует «жизненное пространство» (в сутках всегда 24 часа, вне зависимости от нашего настроения), то историческое время есть результат работы историка с историческим материалом, и время «подчиняется» в данном случае этому материалу. «Обратность» исторического времени астрономическому прослеживается при рассмотрении исторической периодизации. Например, В. О. Ключевский сформулировал следующую периодизацию русской истории. «Я делю нашу историю на отдели или периоды по наблюдаемым в ней народным передвижениям. Периоды нашей истории – этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного рождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешёл за её пределы. Ряд этих периодов – это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке» [3]. Таким образом, время истории не может служить для исследователя внешними рамками, а составляет часть самого предмета исследования,

оно заключено в вопросы, в факты, документы, это – сама субстанция истории [4].

Время, как астрономическое, так и историческое, есть условие формирования прошлого как предмета исторического исследования. Но что такое прошлое, где проходит граница между прошлым и настоящим, как возможно познание прошлого?

В повседневной жизни используются понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее». Определяющим выступает понятие настоящего, так как относительно его можно определить прошлое – это то, что прошло, то есть было раньше того, что есть сейчас – настоящего, и будущее – это то, чего ещё не было, но оно будет. Для повседневной жизни такой схемы достаточно, она позволяет адекватно воспринимать реальность и ориентироваться в ней. Но для историка такой подход к прошлому (его пониманию) не позволяет продуктивно работать с имеющимся историческим материалом, так как граница между прошлым и настоящим, проходящая сразу за тем мгновением, называемым настоящим, исключает временной интервал между исследователем и объектом, а наличие этого интервала является одним из условий исторического исследования [5]. Именно благодаря этому временному интервалу у историка есть возможность сконструировать целостное представление об исследуемых событиях и явлениях. Поэтому используемое историками понятие «прошлое» или «историческое прошлое» не равнозначно обыденному пониманию как «того, что было».

Историческое прошлое необходимо обозначить, выделив основание. В качестве такого основания, позволяющего всё временное поле поделить на прошлое и настоящее, выступает временная завершенность того или иного исторического события, действия, деятельности исторического лица. Марк Блок в работе «Апология истории, или Ремесло историка» писал, что в истории выделяется «фаза в потоке времени», которая не отличается от настоящего в физическом смысле, и вот эта «фаза» целиком выступает как настоящее истории, или, можно сказать, современность [6]. «С 1830 года – это уже не история, – говаривал один из наших лицейских учителей, который был очень стар, когда я был очень молод, – это политика» [6]. Английский историк Майкл Оукшот высказал схожую идею: «Пока я наблюдаю человека с деревянной ногой, я говорю о дрящемся настоящем, как только я говорю о человеке, который потерял ногу, я говорю о прошлом» [7]. Иначе говоря, когда событие, деятельность исторического лица делятся, происходят, имеют динамику во времени, то это будет настоящее, или – современность. А когда событие завершено, то есть динамика во времени отсутствует, тогда оно относится к прошлому. Сле-

довательно, в историческом исследовании граница между прошлым и настоящим проходит не сразу же за неким неуловимым миготом, а настоящее, или более правильно – современность, может иметь определённую временную длительность (неделю, месяц, год). Это не означает, что настоящее не может быть объектом исторического исследования. Но, как заметил Марк Блок, из-за отсутствия временного интервала изучение настоящего для историка затруднительно.

При всей спорности, значительной доли субъективности в определении «завершения» того или иного исторического события (о чём может свидетельствовать периодизация в истории, её проблемы, когда одни историки придерживались одних хронологических рамок, а другие – иных) М. Блок сформулировал очень ценную мысль, обладающую высокой степенью эвристичности. Именно «окончание» события, возникновение между объектом и субъектом исследования временного промежутка позволяет перейти к историческому исследованию в полном смысле этого слова.

Историческое прошлое обладает следующими признаками:

- онтологическим. Прошлое составляют реальные объекты, лица, события, которые существовали, то есть обладают бытием;
- временным. Прошлое есть распределение исторических событий «на линейке» времени;
- гносеологическим. Объекты исторического прошлого не только существовали, но субъект исторического исследования обладает знанием об их существовании.

Онтологический признак. Прошлое состоит из артефактов, которые существовали. Некоторые из них прошли «проверку» – доказательство на подлинность, и в этом случае историк знает о существовании каких-либо исторических деятелей, событиях, материальных объектов. Далеко не обо всех событиях и объектах прошлого мы знаем, однако это не даёт нам основания утверждать, что этого не было. Данный признак безотносителен к субъекту исследования.

Временной признак. Прошлое – это не простая совокупность объектов (событий, лиц), а определённая, хронологически выстроенная цепочка, в которой есть выбранная «точка отсчёта» – «от основания Рима», «от сотворения Мира», «от рождения Христова». Используя категорию «время», историк разделяет прошлое на различные этапы, эпохи. И античность, и Возрождение – это части прошлого, но на временной линии эти исторические эпохи занимают различные места, они не тождественны и выстраиваются в определённую систему отношений.

Гносеологический признак прошлого. История – это не знание прошлого, а знание о прошлом. Мы во многих случаях знаем не что-то, а знаем о чём-

то. Мы знаем не сражение (так как мы в нём не участвовали), а знаем о сражении, хотя вполне возможно восстановить его ход до мельчайших деталей. Историк о чём-то может и не знать, а «догадываться». История строится на артефактах, но не является их простой совокупностью. Имеющиеся «остатки» прошлого в настоящем историк каким-то образом располагает в некой взаимосвязи друг с другом. Если представить это в виде метафоры, то это лишь некие зачастую между собой никак не связанные слова утерянного текста. И вот по этим словам и необходимо восстановить целое или хотя бы попытаться. В этом случае огромную роль играет сам историк, занимающийся конструированием прошлого. И при этом вариантов текста, конструируемого исследователем, будет более чем один.

Таким образом, мы подошли к пониманию исторического прошлого как результата деятельности историка. Как справедливо заметил Антуан Про, история – это то, что делают историки. История – целостное представление прошлого. Как оно формируется? Насколько это объективно и насколько это проницаемо для познавательной деятельности?

В реальности прошлого как целостной картины нет, есть лишь идеальная конструкция, составляющая историческое прошлое как целостное представление о тех или иных исторических этапах, периодах, событиях. Эта конструкция основывается на имеющихся в настоящем «остатках» прошлых событий. Иоганн Дройзен в работе «Историка» определил основу исторического исследования: «Это первое фундаментальное предположение нашей науки: то, что она хочет узнать о прошлом, она ищет не в нём, а в том, что из него ещё имеется в наличии, и тем самым в какой бы то ни было форме, доступно эмпирическому ощущению. Наша наука целиком основывается на том, что из таких ещё современных нам материалов мы будем устанавливать не прошлые события, а аргументировать, исправлять и расширять наши представления о них, а именно путём методического подхода, который развивается из этого первого фундаментального предложения» [8]. Историк всегда пребывает в настоящем, так же, как и «остатки» прошлого. Под «остатками» следует понимать артефакты и самые различные продукты духовной деятельности человечества – от мифов, религиозных верований, искусства до созданных другими историками идеальных конструкций прошлого в виде исторических работ [9].

Таким образом, получается следующее: имеются определённые «остатки» прошлого в настоящем. Это в самом начале исторического исследования, а в завершении историк получает целостное представление о прошлом, которого в реальности нет, а оно выступает как результат деятельности

историка. Мы выяснили, чем в понимании историка является прошлое – это отношение к определённым объектам, событиям как «закончившим» своё развитие, изменение, движение, то есть имеющим как начало, так и конец, которые историк выстраивает в некое целое. Осталось выяснить, каким образом историк из отдельных «остатков» прошлого в настоящем выстраивает целостное поле исторического пространства или создаёт текст.

Как же историк совершает этот «скачок» от отдельных «остатков» прошлого к целостному представлению? Дело в том, что даже самая простейшая связь между двумя событиями есть уже результат умственной деятельности историка, так как в реальной жизни эти связи не просматриваются. Историк их в какой-то мере конструирует, так как в реальности он имеет только «набор остатков» от прошлого.

Бенедетто Кроче началом исторического исследования, своеобразным «пусковым механизмом» определил интерес историка. Именно с этого момента и начинается непосредственно история, тогда как до этого момента знание о прошлом есть лишь мёртвая хроника. Начало исторического исследования в какой-то мере напоминает художественное творчество, когда два художника, глядя на один и тот же пейзаж, по-разному отображают его на холсте [10]. Именно так и историки, каждый по-своему, представляет прошлое, и каждый в какой-то мере по-своему к нему относится.

Но кроме этого в процессе исторического исследования необходимо обозначить ещё один момент. Дело в том, что прошлое в историческом исследовании обратимо. Тот же Кроче утверждал: «Всякая подлинная история есть история современная» [11]. Данная идея в достаточной мере спорна, но, тем не менее, идея Кроче вполне адекватна предмету исследования. В истории как безотносительной субъекта смены событий прошлое необратимо и непроницаемо, а вот в историческом исследовании прошлое обратимо. Что это означает? Идея Кроче в том и состоит, что историк, приступая к исследованию, уже рассматривает «остатки» не как часть прошлого, а как настоящее, которое вновь «живёт». Иными словами, историк как бы «оживляет» прошлое. В этом случае «остатки» прошлого есть не что иное, как неактивное бытие, которое историк, используя для создания исторического прошлого как целостного представления о прошлом, делает активным, то есть каждый раз происходит «переживание» того, что было достаточно давно.

Но насколько конструкция, которую создаёт историк, есть «проникновение» в реальное прошлое? Или, иными словами, насколько наше знание о прошлом репрезентативно прошлую реальность? Прошлое как целое предстаёт двояко. С одной стороны, между историческим прошлым и

историком стоит непреодолимая «стена». В какой-то мере это недостижимый идеал, сформулированный Леопольдом фон Ранке, так как очень часто мы не можем знать, как было на самом деле. Это значит, что существует часть исторического прошлого, которую нам никогда не суждено узнать. В первую очередь это относится к мотивам, мыслям определённых исторических деятелей. Даже если историческое лицо фиксировало все свои мысли, у нас нет 100%-ной гарантии в достоверности этих материалов. Во-вторых, на огромном поле исторического пространства существуют «участки», о которых вообще нет никаких «следов» или «остатков». По сути, мы даже не догадываемся, что этот «участок» существует. Но с другой стороны, историческое прошлое до определённой степени пронизуемо для историка. Это значит, что историк может выявить объективные закономерности, принципы возникновения и развития того или иного исторического процесса или явления. И в этом случае вполне правомочно переносить при конструировании прошлого эти закономерности на незнакомые объекты по аналогии. В качестве примера сконструируем простейшую модель. Некто N (реальность его существования подтверждается рядом независимых исторических источников) в момент времени t' находился в пункте «А». В момент времени t'' N находился в пункте «В». Используя самую простую аналогию, можно с высокой степенью достоверности утверждать, что N из пункта «А» в пункт «В» переместился либо пешком, либо верхом (так как в это время не существовало ни железнодорожного, ни автомобильного транспорта, ни авиации и «А» и «В» ни соединяются рекой, ни находятся на одном побережье). Да, мы не знаем, как в реальности N перемещался из «А» в «В», но наше предположение вполне достоверно (выступает как обоснованное). Данный пример предельно условен, но позволяет показать принцип, благодаря которому историк вполне адекватно репрезентативно прошлое в своей конструкции исторического прошлого. Будет ли это максимально достоверное отражение прошлой реальности? Скорее всего, нет. Но конструкция выступает вполне адекватной репрезентацией, что вполне «устраивает» как историка, так и сообщество историков, так как в данном случае созданная конструкция соответствует критериям научности.

Можно сделать следующий вывод. Историческое прошлое есть результат работы историка с имеющимися историческими данными (различные артефакты), когда они объединяются связями в целое. Однако конструирование целого – это деятельность историка, в которой объединяются как объективные, так и субъективные моменты. Полученная картина не является абсолютным отображением прошлого, а есть лишь возможная модель, которая, тем не менее, принимается научным со-

обществом, в силу того что соответствует принципам научности.

Примечания

1. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография. М.: Наука, 1980. С. 13.

2. «Первая часть посвящена почти неподвижной истории, истории человека в его взаимодействии с окружающей средой... Поверх этой неподвижной истории располагается история, протекающая в медленном ритме... можно было бы сказать – социальная история... Наконец, третья часть посвящена традиционной истории, если угодно, истории не в общечеловеческом, а в индивидуальном измерении, событийной истории... Это история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний... Таким образом, мы подошли к расчленению истории на несколько уровней. Или, если угодно, к различению в историческом времени времени географического, социального и индивидуального». См.: *Бродель Фернан*. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. в 3 ч. Ч. 1. Роль среды / пер. с фр. М. А. Юсина. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 20–21.

3. *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций: в 3 т. Кн. 1. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. С. 25.

4. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 105.

5. На этот момент указывали Марк Блок, Фернан Бродель. В статье «История и общественные науки. Историческая длительность» Ф. Бродель отмечал: «Для историка весьма заманчиво уйти от слишком близкого взгляда на вещи и посмотреть на них сначала со средней, а затем уже и с самой отдалённой исторической перспективы (последняя, если она существует, должна быть перспективой мудрецов). Достигнув этого, историк пересматривает и реконструирует увиденную картину, упорядочивает её смещающиеся элементы». См.: *Бродель Фернан*. История и общественные науки. Историческая длительность // *Логика и методология науки. Философия и методология истории*: сб. ст. М.: Прогресс, 1977. С. 135.

6. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 24

7. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: Теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. С. 226.

8. *Дройзен Иоганн Густав.* Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 63

9. Интересно деление Майклом Оукшотом прошлого (как следов) на три вида: созданные в прошлом и используемые в настоящем как по своему прямому назначению; как созданные в прошлом и воспринимаемые как часть прошлого и созданные идеальные конструкции о прошлом до нашего времени. На наш взгляд, данная классификация в достаточной мере условна.

10. Я не приравниваю весь процесс исторического исследования к процессу художественного творчества, когда человек мир пропускает через своё «Я», по сути воспринимает мир через призму этого «Я». Историческое познание – это прежде всего научное познание, и оно подчиняется всем требованиям, критериям научности, и в первую очередь – объективности. В данном же случае речь идёт о самом первом акте познавательной деятельности, о формировании интереса к той или иной теме. Именно в этот мо-

мент, на наш взгляд, субъективные аспекты играют значительную роль, в какой-то мере определяют будущее исследование.

11. *Кроме Бенедетто*. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 9.

УДК 82-96

О. И. Сыромятников

ИСТОРИОСОФИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются взгляды Ф. М. Достоевского на проблему исторического пути России – *русскую идею*. По мнению писателя, основу *русской идеи* составляет православие, заключающее в себе общечеловеческие нормы и ценности, способные не только сберечь прошлое, но и созидать будущее. Поэтому России предстоит разрешить как свои внутренние, так и мировые проблемы, указав человечеству путь к истинному духовному единству.

There have been studied Dostoevsky's views on historical path of Russia – the Russian idea. In the writer's opinion, the Russian idea is based on orthodoxy with its universal values and standards which can both preserve the past and create the future. That's why Russia is destined to resolve its inner problems as well as the global problems by showing the mankind the path to true spiritual unity.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Россия, Европа, история, христианство, православие, русская идея.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Russia, Europe, History, Christianity, Orthodoxy, the Russian idea.

Каждый человек в процессе своего взросления сталкивается с необходимостью определения смысла своего бытия. Точно так же и всякий народ в пору своей зрелости стремится осознать свое место и значение в ряду других народов, ибо, по словам Достоевского, «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» [1]. Смысл бытия народа, его *национальная идея*, всегда предстает одновременно и как вопрос о месте и роли народа в мире, и как ответ на него. Содержание и особенности каждой национальной идеи определяются множеством факторов (религиозных, географических, экономических, политических и др.), но главное значение имеет самосознание народа, его душа. Национальная идея России предстает как *русская идея*.

Как понятие общественного сознания *русская идея* актуализировалась во второй трети XIX в., что выразилось в возникновении политических лагерей славянофилов и западников, представлявших две крайние точки зрения на проблему исторической судьбы России. Причиной разногласий между

ними стал подход к оценке реформ Петра I – славянофилы видели в них источник всех бед России, а потому призывали вернуться к исконным национальным основам, тогда как западники считали причиной этих бед именно незавершенность петровских преобразований и настаивали на радикальной перестройке российской жизни по европейскому образцу. Попыткой преодоления крайностей обоих подходов на основе собирания всего лучшего, открытого ими, стала философия почвенничества, одним из наиболее последовательных и ярких идеологов которой был Ф. М. Достоевский. Под его пером *русская идея* не только обрела имя (письмо А. Н. Майкову от 18 января 1856 г.), но стала основой образности всех художественных произведений писателя последнего двадцатилетия его жизни и главной темой публицистики и эпистолярия.

Будучи идейно близким к славянофилам: «Откровенно говорю, что я был и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим славянофилом, кроме крошечных разногласий...» [2], – Достоевский, тем не менее, часто критиковал их стремление к культурному изоляционизму и слепое идеализирование прошлого России: «Древняя Россия была деятельна политически <...>, но она в замкнутости своей готовилась быть не права... обособиться от человечества, а через реформу Петра мы само собою сознали всемирное значение наше» [3]. Всю жизнь неустанно изучая историю своего Отечества, писатель приходит к выводу о том, что исторически Россия принадлежит двум мирам – Востоку и Западу, и решение ее судьбы связано с ними в равной степени. Это стремление к примирению противоположностей особенно ярко проявилось впоследствии в идейном манифесте Достоевского – «Пушкинской речи» (1880) и во множестве статей «Дневника писателя».

Следует отметить, что готовность к сотрудничеству со всеми нравственно здоровыми и национально ориентированными силами ради «общего дела» – утверждения России на ее историческом пути – не умаляла решительности писателя в борьбе против тех, кто пытался столкнуть Россию с этого пути под откос истории: «Вот цель и мысль моя: социализм сознательно, и в самом нелепо-бессознательном виде, и мундирно, в виде подлости, – проел почти все поколение. Факты явные и грозные. <...> Надо бороться, ибо все заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы» [3]. Важно при этом, что борьба за *русскую идею* никогда не превращалась в борьбу за самого себя как личность, несмотря на лавину инсинуаций и оскорблений, усилившихся прямо пропорционально силе проповеди Достоевским *русской идеи*.

Нам представляется, что эти две тенденции общественно-политической деятельности Достоевского: борьба с врагами России, восходящая к идеям

любимого учителя – Пушкина, и стремление к примирению и объединению всех патриотических сил России – непосредственно связаны с острым ощущением важности происходящего в стране: «Время теперь по перелому и реформам чуть ли не важнее петровского» [5]. Поэтому и спор о том, чего больше: добра или зла принес России Петр, – в *такое время* не имеет смысла, ибо гораздо важнее понятие, чем *сейчас* является Европа для России.

Сам воспитанный на лучших образцах европейской культуры, непрерывно и с неослабным вниманием следивший за жизнью Европы, Достоевский отвечает на этот вопрос так: «Что мы несем из Европы? <...> Во-первых, и главное, образованность, расширение горизонта, умножившееся и усиленное пониманием *своей идеи* (курсив наш. – О. С.) через сопоставление с западноевропейским миром, историческое понимание древнего мира, потребность порядка. <...> Склад же жизни европейской и порядок ее современный нам никак нельзя *копировать* <...>. Нравственные же вещи Европы нельзя копировать; мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская – все это очень плохо. Вера их хуже нашей. <...> Гуманные начала даны в нашей вере, и эти начала лучше. Если есть скверность, то есть и святое рядом» [6].

Во время своей второй поездки за границу Достоевский внимательно изучает европейскую жизнь и делится этими наблюдениями с друзьями. В конце декабря 1870 г. он пишет А. Н. Майкову: «Господи! Какие у нас предрассудки насчет Европы! <...> Весь здешний народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами» [7]. Достоевский посещает Германию, Швейцарию, Францию, Англию, Италию, и в результате Европа представляется ему одним большим кладбищем: «Франция – нация вымершая и сказала все свое» [8], Германия – «изживший свои силы народ, <...> мертвый народ и без будущности...» [9], а в Англии «то же самое, что и везде в Европе – страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни (т. е. утрата национальной идеи. – О. С.)» [10]. Наряду с этим Достоевский явственно ощущает «ту постоянную, всеобщую, основанную на каком-то сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении враждебность к нам Европы; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами...» [11] Главную причину такого отношения европейцев к России писатель видит в том, что «они не могут никак нас *своими* признать. <...> Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!» [12]

Эти слова чрезвычайно важны для понимания историософии Достоевского. Национальная идея предстает в них не только в онтологическом кон-

тексте – как смысл жизни народа, но приобретает черты мессианского служения – это поручение, которое народ должен выполнить («нести») своей исторической жизнью, причем эти рассуждения писателя отражают общеславянофильский взгляд, наиболее ярко выраженный в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), которую Н. Н. Страхов называл «катехизисом славянофильства». Эту книгу высоко оценивал и сам Достоевский, впрочем, критикуя автора по некоторым частным вопросам. В своем труде Данилевский говорит о том, что современные народы взаимодействуют между собой как представители различных культурно-исторических типов (КИТ), часть из которых генетически родственна друг другу и может не только мирно сосуществовать, но и дружить, тогда как другие КИТы *объективно* находятся друг с другом в состоянии диалектического противодействия. Именно в таких отношениях, согласно Данилевскому, и находятся *европейский* КИТ (ядром которого является Германия) и *славянский* КИТ с Россией во главе.

Казалось бы, из этого неизбежно следует вывод о «вечной войне» Европы и России. И этому соблазну легко поддавались «патриоты на час» и в XIX в. и ныне, тем более что в разное время русскую землю топтали сапоги шведских, польских, литовских, французских, немецких, английских, румынских, итальянских и других солдат. Но у Достоевского нет ненависти к Европе, ибо он видит причину ее враждебности к России в глубочайшей духовной болезни, поразившей западный мир и превратившей его в кладбище, «самое <...> дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники...» [13]

Уверенность Достоевского в неизбежной гибели старой Европы основывается на представлении о том, что она предала забвению ею же порожденный высший нравственный идеал – Христа: «Римское католичество <...> когда надо было <...> продало Христа за земное владение. <...> Оно провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволовое искушение, на царства земные: “Все сие отдам тебе, поклонися мне!”» [14] Отрекшись от Христа, Европа стала стремиться к возрождению «древней римской идеи (западной идеи. – О. С.) всемирного владычества и единения, которая никогда и не умерла в римском католичестве...» [15] и состояла в том, чтобы, уничтожив национальные границы, воздвигнуть огромное государство в виде всемирной монархии под началом Папы как владыки мира сего. Именно папство, полагает Достоевский, в своем стремлении к глобальной теократии породило (как ответную реакцию) сначала протестантизм, а затем и атеизм и коммунизм. Все европейские революции явились лишь попыткой западного человечества устроиться не только без скомпромети-

ровавшей себя католической церкви, но и вообще без «устаревшего» Бога. К концу XIX в. в Европе власть церкви стремительно разрушается, оплот католицизма – Франция – ослаблена непрерывными революциями и войнами. На европейскую историческую сцену приходят невиданные прежде герои – буржуазия и пролетариат. В то время многим это показалось началом нового пути европейской цивилизации, ее объединением и расцветом на идеях позитивизма и социализма.

Достоевский был знаком с этими идеями не понаслышке. В сентябре 1876 г. он посетил конгресс «Лиги мира и свободы», о чем так вспоминал позднее: «Что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5000 слушателей, то невыразимо! Никакое описание не передаст этого. <...> И эта-та дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделаться маленькими; все капиталы прочь, чтоб всё было общее по приказу и проч. Всё это без малейшего доказательства, всё это заучено еще 20 лет назад наизусть (распространение в Европе «Манифеста коммунистической партии». – О. С.), да так и осталось. И главное, огонь и меч – и после того как всё истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир» [16].

Считая коммунизм непосредственным и закономерным продолжением западной цивилизации, вызванным стремлением объединить людей исключительно на основе «естественных» законов, свободных от «религиозного мистицизма», Достоевский говорит о необходимости противопоставить ему вечные ценности православия, хранимые русским и другими славянскими народами. Он указывает на необходимость интеграции славян не только в духовном, но и в государственно-политическом плане, ибо весь исторический опыт России свидетельствует о том, что ненависть к ней Запада не ограничится лишь диффамационными выпадами в прессе. Как только представится возможность, европейские державы забудут до поры свои распри и набросятся на Россию в надежде поработить ее или, если это не удастся, уничтожить вовсе. И если падет Россия, участь европейских славян будет решена мгновенно. Поэтому Достоевский, во многом сближаясь с идеями автора «России и Европы», говорит о необходимости создания Всеславянского союза, центром и связующим звеном которого должна стать Россия. Более того, для упрочения этого союза славянам необходимо вернуть себе свои исконные территории, оставив Турцию за Босфором. Достоевский обосновывает эту идею в ряде статей «Дневника писателя» (например, выпуски за 1876 и 1877 гг. – преддверие и начало русско-турецкой войны).

Продолжая пушкинскую традицию русской историософии, Достоевский видит историческую миссию России не в конфронтации с кем-то из европейских или азиатских соседей, а *исключительно* в заботе об единоверных и единокровных народах, нуждающихся в помощи и защите. Поэтому Европе и России нужно не бороться друг с другом, а искать пути прочного примирения, но не насильственного, посредством подчинения слабого сильному, а духовного, ибо «лишь на основании Христа примирение возможно» [17]. Представляется, что именно здесь кроется точка несогласия Достоевского с идеями радикальных славянофилов, утверждавших, что России нечего взять у Европы и нечему у нее учиться. Нет, пишет он, «нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, до Сима и Хама» [18]. К этой мысли Достоевский вернется позже в «Пушкинской речи»: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [19].

Столь высокое предназначение России следует, по мысли Достоевского, прежде всего из православия, «потому что православие именно это повелевает и к тому ведет: “Будь на деле братом и будь всем слуга”» [20]. И Россия доказала право на эту миссию своей историей, «ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?» [21] В русском народе, уверен Достоевский, испокон века живет мысль о том, что истинное христианство, православие, осталось только в русской земле, а потому и «русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие всё. Православие есть церковь, а церковь – увенчание здания и уже навеки» [22]. А то, что христианство почти в первозданной чистоте сохранилось именно в русском народе, определяется главной чертой его национального характера – его особой способностью ко «всечеловечески-братскому единению» [23]. И пусть сейчас наш народ унижен и много в нем грязи и скверны, говорит Достоевский, «судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. <...> Судите наш народ не потому, чем он есть, а потому, чем желал бы стать» [24].

Важнейшей особенностью *русской идеи* Достоевского является то, что ее решение всегда было

невозможно без одновременного решения «славянского вопроса». Множество страниц «Времени», «Эпохи», «Гражданина» и «Дневника писателя» посвящены жизни европейских славян, их борьбе за веру и свободу. Но Достоевский не просто анализирует современную ему действительность, а стремится провидеть будущее славянского мира.

Освобождение европейских славян от турецкого ига, сохранение и защита православия – исключительное право и *долг* России хотя бы потому, что, кроме нее, это делать некому. Однако Достоевский предостерегает соотечественников от патерналистских соблазнов, говоря, что Россия должна относиться к европейским славянам исключительно как к братьям, а не как к облагодетельствованным ею бедным родственникам: «Нам <...> гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать их – дело другое; помочь тоже можно; но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно» [25]. Так проявляется высший гуманизм философии Достоевского: добро и долг в соотносении с идеалом самоценности, а потому не следует ждать за их осуществление воздаяния. В самой идее «старший брат – младшие братья» нет ничего обидного для последних, если старший ясно сознает и неукоснительно исполняет свой долг перед младшими, следуя, в свою очередь, заветам Отца и Матери. И никакие общеизвестные современные неурядицы России, уверен Достоевский, не дадут ей права отказаться от этого своего предназначения: «Да и не таково назначение и цель ее, чтобы зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она *все* решительно <...> и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, как и была до сих пор, и, сколь ни изменился бы, пожалуй, облик ее, но изменения облика бояться нечего <...>: кто верит в Русь, тому даже стыдно это. Ее назначение столь высоко, и ее внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно (особенно теперь, в нашу эпоху, в теперешнюю минуту главное), что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений» [26].

Конечную цель этого пути, суть *русской идеи*, писатель определил в «Пушкинской речи» предельно ясно: «...Стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [27]

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, декабрь, гл. 1, ч. 3 // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Т. 24. 1982. С. 48.
2. Достоевский Ф. М. Письмо М. Н. Каткову, 25.04.1866 (275) // Указ. издание. Т. 28. Кн. 2. 1985. С. 154.
3. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // Указ. издание. Т. 24. 1982. С. 183.
4. Достоевский Ф. М. Письмо М. П. Погодину, 26.02.1873 (471) // Указ. издание. Т. 29. Кн. 1. 1986. С. 262.
5. Достоевский Ф. М. Письмо А. Н. Майкову, 16.08.1867 (317) // Указ. издание. Т. 28. Кн. 2. 1985. С. 206.
6. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // Указ. издание. Т. 24. 1982. С. 181–182.
7. Достоевский Ф. М. Письмо А. Н. Майкову, 30.12.1870 (403) // Указ. издание. Т. 29. Кн. 1. 1986. С. 161–162.
8. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1876–1877 гг. // Указ. издание. Т. 24. 1982. С. 272.
9. Достоевский Ф. М. Письмо А. Н. Майкову, 26.01.1872 (409) // Указ. издание. Т. 29. Кн. 1. 1986. С. 176.
10. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, март, гл. 2. Ч. 1 // Указ. издание. Т. 22. 1981. С. 95.
11. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 год, гл. 9 // Указ. издание. Т. 21. 1980. С. 70.
12. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1881 год, гл. 2, ч. 3 // Указ. издание. Т. 27. 1984. С. 35.
13. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. 5, гл. 3 // Указ. издание. Т. 14. 1976. С. 210.
14. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876, март, гл. 1, ч. 5 // Указ. издание. Т. 22. 1981. С. 88.
15. Там же. С. 89.
16. Достоевский Ф. М. Письмо С. А. Ивановой, 29.09.1867 (322) // Указ. издание. Т. 28. Кн. 2, 1985. С. 224–225.
17. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // Указ. издание. Т. 24. 1982. С. 81.
18. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год, январь, гл. 2, ч. 2 // Указ. издание. Т. 25. 1983. С. 23.
19. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год. Гл. 2. Пушкин: очерк // Указ. издание. Т. 26. 1984. С. 147.
20. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // Указ. издание. Т. 24. 1982. С. 183.
21. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год. Гл. 2. Пушкин: очерк // Указ. издание. Т. 26. 1984. С. 148.
22. Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // Указ. издание. Т. 27. 1984. С. 64.
23. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год. Гл. 2. Пушкин: очерк // Указ. издание. Т. 26. 1984. С. 148.
24. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, февраль, гл. 1. Ч. 2 // Указ. издание. Т. 22. 1981. С. 43.
25. Достоевский Ф. М. Письмо А. Н. Майкову, 26.10.1868 (355) // Указ. издание. Т. 28. Кн. 2. 1985. С. 323.
26. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год, июль-август, гл. 1. Ч. 1 // Указ. издание. Т. 25. 1983. С. 174.
27. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год. Гл. 2. Пушкин: очерк // Указ. издание. Т. 26. 1984. С. 148.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008:792.8

А. А. Богданова

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ТАНЕЦ В ПОИСКЕ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье дается анализ состояния российского современного танца. Автор, исследуя contemporary dance, делает выводы, что данный танец актуален, постоянно видоизменяется, вбирает в себя все новые тенденции и течения современного искусства и создает свои. Рассматривая характеристику основных принципов новой стилистики современного танца за рубежом, автор формулирует теоретические основы состояния современного танца в России.

The article gives an analysis of Russian contemporary dance. The author draws conclusions that the given dance is actual, it constantly changes, incorporates all new tendencies and trends of modern art and creates its own ones. Scrutinizing the main principles of the new stylistics of contemporary dance abroad, the author formulates theoretical basis to describe the condition of contemporary dance in Russia.

Ключевые слова: модерн, современный танец, балет, экспрессивный танец, ассоциативность, многостилье, эксперимент.

Keywords: modernist style, contemporary dance, ballet, expressive dance, associativity, polistilistics, experiment.

Искусство современного балета представляет сегодня чрезвычайно многообразное, динамично меняющееся сценическое пространство. По словам известного балетного критика А. Фирера, «все в мейнстримно-полноводном потоке современного балета неопределенно, неоднородно и напоминает размытую галактику». Тем не менее сегодня мы можем говорить о несомненных лидерах, ярких постановках и фестивалях, представляющих своего рода значимые точки, узлы и развязки на карте современного танца XXI в.

В словаре английского языка и modern, и contemporary переводятся как «современный». Тем не менее в контексте исторического развития опеределилась разница в этих видах танца.

Модерном в мировом танцевальном искусстве принято называть сложившуюся систему современного танца Америки. В частности, так обозначается канонизированная, подобно классичес-

кому танцу, четко структурированная система движений. Contemporary dance – это актуальный танец, не имеющий явной структуры, постоянно видоизменяющийся в зависимости от носителя стиля, вбирающий в себя все новые тенденции и течения современного искусства и создающий свои. Он адекватен сегодняшнему «вавилонскому» смешению кодов, стилей, техник современного танца.

О contemporary dance впервые заговорили в начале прошлого века в Германии, когда Рудольф фон Лабан, художник, путешественник, актер, начал серьезно экспериментировать с движением. Результатом его опытов и стал первый «манифест независимости танца» – независимости от сценического пространства, от содержания и длительности звучания музыки, от школы и техники и, само собой, от вкусов буржуазной публики. Лабан создает свою систему танца, где движение осуществляется в объемном пространстве с различными направлениями и где пространство перемещается вместе с танцором. Позже Лабан знакомится с Куртом Йоссом, который вводит в немецкий экспрессивный танец понятие «танцтеатра».

Ученики Рудольфа фон Лабана по всей Европе создают свои труппы и школы. В это время Мари Вигман приглашается в Америку для создания школы, где осуществляется окончательное зарождение неоклассического танца и начинается развитие американского абстрактного танца. Школа Курта Йосса, открытая для всех стилей и направлений, рождает будущую звезду, гениального хореографа XX в. Пину Бауш, чье влияние на свое творчество испытали и еще будут испытывать многие поколения молодых хореографов. Она прошла путь от выразительного танца до театра танца, созданного ею вместе со знаменитой труппой «Вуппертальский театр танца». В ее постановках нет четко очерченных и объясненных образов; картины и сцены воспринимаются интуитивно, чувственно, а не с помощью разума. Сила и дерзость ее театрального воображения неоспорима, а великолепная многогранность ее артистов непревзойденна. Спектакль Пины Бауш «Мазурка Фога» развивается в головокружительном каскаде эпизодов и картин, как будто и не связанных между собой. Это коллаж образов и звуков, который оставляет зрителю массу пространства для определения тех нюансов смысла, которые он сам пожелает найти.

«Меньше всего я интересуюсь тем, как люди двигаются, меня интересует, что ими движет», – в этих часто цитируемых словах Пины Бауш – философия, мировоззрение и манифест целого поколения танцовщиков и хореографов, в последней трети двадцатого века совершивших не просто физическую, а интеллектуальную революцию в танце. Театр танца изменил статус хореографа, танцовщика и даже зрителя. Сам танец стал разнообразнее современного театра – с все возрастающими полномочиями и расширяющимися выразительными средствами.

Отличительной чертой развития современного танца в этот и последующий периоды стало тесное взаимодействие хореографов с представителями других видов искусства: музыкантами, скульпторами, живописцами, архитекторами и дизайнерами.

Россия, пусть с опозданием, но осваивает поллярные идеи и находки зарубежного театра, чтобы потом сотворить нечто свое. Сподвижничество авторов, исполнителей и менеджеров современного танца, признание наших лучших трупп в России и за рубежом, появление самобытных идей и спектаклей в этой области, наконец, большой интерес к этому искусству самой разной публики послужили импульсом к появлению ярких, творческих инициатив.

Следует отметить, что современный танец в родном отечестве длительное время считался искусством андеграунда, каждый спектакль воспринимался как проявление инакомыслия в строгой системе координат взвешенного и рационального искусства. Но «даже в те времена, когда современного танца в его сегодняшнем понимании в стране не было (едва наметившаяся линия модерн-танца пресеклась в России в 1924 г. специальным декретом о запрете пластических студий), он жил в инакомыслящих инженерах, агрономах, врачах, музыкантах, архитекторах – тех, кого питала энергия самостоятельности и увлеченности делом» [1]. Даже став частью мирового танцевального сообщества, российские хореографы и исполнители на уровне едва ли не генетическом помнят недавнюю историю, понимают, что такое жить и выживать в одиночку, и слово «борьба» для них – не пустой звук. «Ситуация с новыми хореографами – это отражение одной большой проблемы, которую десятилетиями пытались не замечать, отгородившись то стенами, то идеологическими, то консервативными традициями» [2]. На Западе существует традиция, непрерываемая линия развития современного танца, которая у нас была оборвана.

Особого уважения заслуживает то, что делают Татьяна Баганова в Екатеринбурге, Ольга Пона в Челябинске. Эти люди уже сознательно приезжают на западные мастер-классы, чтобы связать разорванные традиции.

Театр «Провинциальные танцы» Татьяны Багановой славится во всем мире своей самобытностью, уникальным узнаваемым стилем, поиском новых идей и средств выражения, синтезом хореографии, акробатики, пластических и драматических искусств.

«Провинциалы» стремятся создавать космополитичное искусство вне времени и национальных особенностей, поэтому создатели не пишут либретто к своим спектаклям, оставляя зрителю возможность для свободной интерпретации увиденного. «Одной из особенностей багановского стиля кажется профессиональный микс современных техник в авторской транскрипции, неизменно, хотя и неявно положенных на русскую архаическую танцевальную культуру» [3].

В спектакле «Свадебка» Татьяна Баганова виртуозно жонглирует культурными пластами – то отсылая зрителя к архаической статике Вацлава Нижинского, то включая фольклорную «память тела», то используя рваные ритмы современного рэпа – и при обилии цитат создает язык удивительной цельности. Легко манипулирует предметами и пространством, выстраивая сложнейшую полифонию визуальных эффектов. Скупые и точные мизансцены, острая пластика, тонкая игра с цитатами, осторожное использование фольклора – все рассчитано, точно и лаконично. Но внешняя сдержанность только усиливает глубину эмоций.

Для театра «Провинциальные танцы» Татьяны Багановой, на наш взгляд, особенно характерны такие черты современного танца, как полистилизм (многостилье, предполагающее включения многих элементов разных видов танца – классического, народного, эстрадного, а также пантомимы, йоги, акробатики) и деканонизация (стремление современного танца к максимальной свободе, непривычной для людей, создающих себе рамки, стереотипы, классические каноны).

Челябинской театр современного танца под руководством Ольги Пона – лидер современной российской хореографии. Работы хореографа окрашены тонким юмором и чисто женской мудростью. В них есть печаль, но нет безысходности. Извечное русское всепрощение и желание быть чуточку счастливее присутствует практически в каждом ее спектакле. В отличие от многих своих коллег, Ольга Пона использует минимальный набор театральных средств и делает ставку на сам танец. Ее пластический язык очень разнообразен: умно отработанная техника импровизации, почти акробатические по сложности поддержки. Хореографический текст является не набором движений, а именно осмысленной пластической речью.

Спектакль «Ожидание» Ольги Пона насквозь пропитан знакомыми, но постепенно уходящими из нашей жизни образами русской глубинки. В течение всего спектакля жесткий ритм неожидан-

но сменяют мягкие, фольклорные мотивы; контрастные мелодии пронзает звенящая тишина. Русский деревенский быт середины прошлого века для Ольги Пона становится неким кодом для понимания современной России. Впрочем, сами загадки эти не так и сложны. Ожидание – перманентное состояние любого русского человека.

Для творчества Ольги Пона особенно свойственны такие черты современного танца, как деидеологизация (хаосоподобность композиций подчеркивает торжество визуальной культуры, подобно дефиле) и ассоциативность (провокация, эмоциональный и интеллектуальный шок, направленный на расширение нашего сознания).

Современный танец адаптирует самые нетрадиционные пространства – от драматического до циркового, легко находит контакт с литературой, музыкой, живописью, драмой, из которой он и вырос. От разрушения навыков драматических актеров к новой телесной выразительности шел Геннадий Абрамов в своем «Классе экспрессивной пластики». Драматический режиссер Александр Пепеляев начал соединять движение и литературные тексты, играя на двусмысленности того и другого в зависимости от предложенного контекста.

Борис Эйфман, оставаясь верным классической основе, дерзнул создать современный балет, переводя условный язык балета на язык драмы. Такие попытки предпринимались и до него, но он сделал это своей программой, своим фирменным знаком. Эйфман – противник бессюжетных, абстрактных балетов, которыми в свое время прославился Балланчин. Высокую технику, лишенную содержания, он не признает и остается уверенным, что балет может передавать и тончайшие нюансы человеческой психики, и высочайший накал трагедии. Хореограф убежден, что балет может быть даже философским «текстом». Примером тому являются балеты: «Карамазовы», «Реквием» по Моцарту, одноактный спектакль «Мой Иерусалим».

Преступив через множество балетных табу, Эйфман дерзко соединил классический балет с авангардным, а их, в свою очередь, с акробатикой, художественной гимнастикой, драматической экспрессией, кино, цветом, светом и, наконец, словом. Обладая чувством пропорции, Эйфман так органично переплетает между собой все искусства, что не поймешь, где кончается одно и начинается другое. Компьютерное цветосветовое решение спектаклей и их сценография находятся на грани фантастики (художник – сценограф и дизайнер костюмов – Вячеслав Окунев).

Но создать новую хореографию еще не значит сделать новый театр, нужно было создать совершенный инструмент для ее воплощения. Эйфман-педагог (и в этом его заслуга не меньше, чем хореографа) воспитал новый тип танцовщика-универсала, который умеет все. Танцовщики Эйфмана

парят в воздухе, словно лишённые земного притяжения. Они не знают границ во владении своим телом. Им по плечу самые сложные акробатические трюки и самые немыслимые па. В танце участвуют не только руки и ноги, но все тело. Балерины Эйфмана бескостны и бесплотны: в дуэтах они обвиваются вокруг партнера, как лианы; лихо отплясывают чарльстон, как заправские красотки кабаре; встают на пуанты. Эйфман создал редкий по синхронности, выразительности и отточенности каждого движения кордебалет. Массовки в его спектаклях приобретают то гротесковую заостренность, как, например, в сцене демонстрации революционного племса в «Красной Жизели», то скульптурную выразительность, как в «Реквиеме» Моцарта, то классическую завершенность, как в «Чайковском».

Историю любви провинциальной девушки и столичного повесы спустя 200 лет в новом балете «Онегинь. Online» рассказывает Борис Эйфман. Для него это последняя часть трилогии, состоящая из балетов по мотивам романа «Анна Каренина» Толстого, «Чайка» Чехова.

Именно в 90-е гг. XX в. режиссер и перенес действие пушкинской поэмы. Но история любви молодого повесы Евгения и деревенской девушки Татьяны не претерпела очевидных изменений.

Спектакль насыщен спецэффектами: компьютерная проекция, игра света, но главное, представлен современный балет и новые движения танцовщиков. Еще одно новшество – музыка Петра Ильича Чайковского вперемешку с музыкой рок-группы «Автограф».

Борис Эйфман – народный артист России, хореограф, который стремится дать новую жизнь балетному театру, раздвинуть рамки дозволенного, рамки возможного, рамки традиционного представления о балетном театре, существующие сегодня в обществе. Для спектаклей Бориса Эйфмана характерны: новое техническое «высокое» качество танца на грани человеческих возможностей (невероятный темп, микронная проработка мелких движений), артистизм дионисийского характера (искусство не переживания, а представления), телесное предметное переживание реальности (на смену бинарной оппозиции «высокое/низкое» пришло осознание их единства).

Жизнь привносит в танец новые хореографические изменения, новые пластические интонации, и каждый хореограф, если он хочет быть современным не только в смысле прочтения на сцене современной тематики, но и использования возможностей современной хореографической мышления, должен видеть и подмечать в самой действительности зарождение и развитие новых пластических «красок», пластических образных ресурсов. «Среди разновидностей танцевальных движений философский интерес вызывают прежде

всего “мудрые движения”, по которым можно судить о проявленности особых аспектов сознания, определяющих специфику когнитивной ситуации в ту или иную конкретно-историческую эпоху» [4].

Современный танец сегодня отличается свободой, а свобода никогда не строится по схеме. Движения артистов представляют нечто большее, чем просто движения – завораживающие, заставляющие отрешиться от окружающего мира, передающие глубину танца, погружаясь в которую ты остаёшься наедине с собой. Так создаётся двойное прочтение – объективная реальность и реальность внутренняя. И пожалуй, это один из немногих случаев, когда эти две реальности не конфликтуют.

Для того чтобы выразить сложный мир современного человека, танцовщик должен обладать не только совершенной техникой, но и иным интеллектуально-психологическим уровнем, широким диапазоном знаний в различных сферах искусства, умением применить эти знания в собственном творчестве. «Уникальный феномен танца возник из потребности человека выразить свой внутренний эмоциональный строй, чувство сопричастности к окружающему миру» [5]. Чем богаче танцовщик изнутри, тем богаче его тело и он на взгляд зрителя выносит свой собственный богатый материал.

Современный танец, философия которого ассоциативна и иносказательна, адресован умному и развитому зрителю. Зачастую это провокация, эмоциональный и интеллектуальный шок, направленный на расширение нашего сознания. Современный танец не развлекает, не иллюстрирует, а побуждает к мысли и эмоциональному переживанию. Многие проблемы его развития связаны с недостаточным пониманием танца именно как современного искусства, требующим адекватной системы художественного мировосприятия и мышления. «Произведения постмодерна приглашают зрителя к интеллектуальной игре, открытому диалогу, интенсивной рефлексии» [6].

Главное в современном танце – его изменчивость, подвижность и необходимость постоянно, ежедневного обновления. Надо уметь видеть, слышать, чувствовать, понимать все через призму собственных реакций и ощущений.

Подводя итоги, можно выделить основные характерные черты российского современного танца:

– полистилизм (многостилье, предполагающее включения многих элементов разных видов танца – классического, народного, эстрадного, а также пантомимы, йоги, акробатики);

– деканонизация (современный танец должен стремиться к максимальной свободе, непривычной для людей, создающих себе рамки, стереотипы, классические каноны);

– новое техническое «высокое» качество танца на грани человеческих возможностей (невероятный темп, микронная проработка мелких движений);

– артистизм дионисийского характера (искусство не переживания, а представления);

– деидеологизация (хаосоподобность композиций подчеркивает торжество визуальной культуры, подобно дефиле);

– ассоциативность (провокация, эмоциональный и интеллектуальный шок, направленный на расширение нашего сознания);

– телесное предметное переживание реальности (как в гуманитарных науках произошло движение к глубинному постижению повседневности, точно так же в хореографии на смену бинарной оппозиции «высокое/низкое» пришло осознание их единства).

Таким образом, contemporary dance проецирует на экране динамику телесных состояний, очищенных от внешних для него социально-культурных факторов и воздействий. Он погружает человека в некие коммуникативные процессы, оставляя то, что происходит с его телом, включая бессознательную сферу. В этом и заключается главное гуманистическое значение contemporary dance.

Примечания

1. Васенина Е. Российский современный танец. Диалоги. М.: Emergency Exit, 2005. С. 5.
2. Соломинская Е. Третья версия // Балет. М., 2007. № 2. С. 41.
3. Васенина Е. Указ. соч. С. 55.
4. Герасимова И. А. Философское понимание танца // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 50.
5. Морина А. П. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире: м-лы науч. конф. СПб: СП философское общество, 2001. С. 118.
6. Грязева-Добшинская В. Г. Феномены субъективности в современном искусстве // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 191.

Ю. В. Ожогина

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В этой статье рассматриваются проблемы кризиса личностной идентичности, формирования потребительских установок молодого поколения в условиях глобализации. Автор видит выход в создании и обосновании новой системы этических ценностей и принципов нравственного воспитания молодежи. В статье анализируются варианты этики нового общества, предложенные разными авторами.

In the article the problems of personal identity and the shaping of consumer's priorities of youth in the conditions of globalization are discussed. The author stresses the necessity of creating new ethical values and principles of moral upbringing of youth. Some variants of the new social ethics offered by different scientists are analyzed in the article.

Ключевые слова: кризис, идентичность, атомизация личности, стереоэтика, массовая культура, потребительские установки, этические принципы в условиях глобализации, ценностные ориентации молодежи, ценностное сознание, нравственное воспитание.

Keywords: crisis, identity, personal atomization, stereoethics, mass culture, consumer's aims, ethical principles in the conditions of globalization, youth values, value consciousness, moral upbringing.

Глобализационные процессы, разворачивающиеся в современном мире, отличаются противоречивым характером и не прогнозируемостью результатов, что, в связи с ситуацией кризиса, стало очевидно даже для ярых сторонников идеи глобализма.

Как справедливо показала Е. П. Савруцкая [1], сущность нового миропорядка можно раскрыть через обнаружение основных противоречий глобализационных тенденций, таких, как, во-первых, противоречие между глобализацией (интеграцией общественных процессов) и «индивидуализацией личности»; во-вторых, между усилением тенденций глобализации и сопротивлением этому процессу со стороны национально-государственных образований; в-третьих, между вестернизацией всех сфер общественной жизни и стремлением народов сохранить свои историко-культурные традиции; в-четвертых, как пишет Е. П. Савруцкая, «между потенциальными возможностями новой информационно-коммуникативной техники, СМИ в накоплении и распространении знаний» и «реальным положением дел с газетно-журнально-книжной культурой и искусством, а следовательно, и традиционными формами гуманитарного общения, повсе-

местно вытесняемыми из повседневной жизни современных людей, в особенности молодых поколений» [2].

По мнению Е. П. Савруцкой, совокупность противоречий развития современной социальной реальности сводится к главному и основному противоречию, которое заключается в «столкновении мира “старой” традиционной культуры, формирующей замкнутое коммуникативное пространство этносов, и новой, крайне подвижной “мозаичной” культурой» [3].

Одной из главных проблемных областей, формирующейся в условиях противоречий глобализации, является область этических и нравственных принципов. Особую злободневность вопросы формирования ценностных ориентаций и нормативных установок приобретают в процессе воспитания и образования молодежи, оторванной от ценностей и норм традиционной культуры «локальных сообществ». Как было наглядно продемонстрировано в ряде зарубежных и отечественных исследований [4], при таком разрыве происходит деформация ценностного сознания, смещение вектора ценностно-нормативной ориентации в плоскость потребительских интересов и индивидуализма. Размытость границ традиционных ценностей и норм, неприятие этих ценностей-норм сознанием индивида, в сущности, свидетельствует о глубоком кризисе идентичности.

Известно, что идентичность выступает неким персональным континуумом, единство которого строится на возможности ролевой реализации в этнической, конфессиональной, возрастной, профессиональной и т. д. плоскостях. Таким образом, становится очевидным, что концепт «идентичность» имеет два глубинных, тесно взаимосвязанных между собой поля раскрытия: первый, личностно-персональный, и второй, социально-культурный, включающий этноконфессиональную, профессиональную, историческую, лингвистическую и другие составляющие.

Можно констатировать, что в современном мире личность переживает кризис, который на психологическом уровне представлен стрессом, конфликтом, фрустрацией. Усложнение структуры личности, отчужденной от традиций, норм, ценностей своей культуры, приводит к тому, что доминирующим личностным типом в глобальном обществе становится фрустрационная личность, сознанию которой присущи такие признаки, как «регрессия (возврат к более ранним степеням развития, к детству, инфантилизм), «примитивизация» поведения, стереотипия» [5]. Эту особенность изменения сознания отмечает большинство исследователей. Например, В. В. Миронов, анализируя воздействие новых средств коммуникации, пишет об упрощении способа мышления, снижении интуитивных способностей под воздействием «компьютерной раци-

онализации», уменьшении адаптации к восприятию других культур. И как следствие, о возможности возврата человека в первобытное состояние, под которым понимается формирование мифологического восприятия действительности [6]. Эта точка зрения генетически восходит к концепции М. Маклюэна об исторически развивающихся системах культуры, основанных на различных средствах коммуникации [7].

Проблемным является также и вопрос о соотношении личностного и социально-культурного полей идентичности. Противоречивость процессов глобализации приводит к оформлению, с одной стороны, четкой установки на то, что сама личность по себе ничего не значит. В социальном плане это выражается в устремлении к интеграции единичных сообществ. Но, с другой стороны, в рамках глобализации происходит раскрытие творческого потенциала личности, осознание ею своей уникальности. Формирование творческой личности, которое допускается и ожидается в условиях глобального информационного общества, в сущности, должно привести к укреплению мысли о ценности собственной культурной идентичности. Но выявляется ещё один антиномичный аспект процесса глобализации: носители творческого сознания – элита локальных обществ, как правило, тесно связаны с использованием высоких технологий и интернациональным бизнесом, что отодвигает национальные чувства на второй план. Таким образом, «бегство элит», формирование национально-патриотических настроений в среде с невысоким уровнем жизни, наращивание миграционных потоков в итоге порождают, как отмечает О. А. Довгополова, тот «агрессивный тип национальной идентификации, который стал основой развития неонацистских настроений» [8] и, соответственно, привел к деформации ценностных ориентаций молодого поколения.

В свете рассматриваемой нами проблемы формирования ценностно-нормативного сознания молодежи вопрос о роли национальной идентичности становится одним из первостепенных. По мнению Э. Гидденса, рефлексивное осознание индивидом самого себя дает ему возможность конструировать собственную идентичность, игнорируя традиционную культуру, которая ранее задавала жесткие рамки формообразования самопознания индивида [9]. С этим мнением пересекается и «позитивная концепция этничности маргиналов» С. Холла, которая предусматривает пересмотр традиционной теории национальной идентичности [10]. В сущности, это означает, что национальная/этническая идентичность теряет свою значимость в процессе становления образа самоописания личности в условиях глобализации. Ряд исследователей включает возможность (и даже необходимость) существования народных традиций в рамках совре-

менного информационного общества. А. А. Никишенков называет «этнографическим романтизмом» стремление реконструировать традиции народной культуры и сделать её ценности достоянием общественного сознания и нормами социальных практик [11]. Согласно теории А. Г. Иониной, отличительной особенностью культуры является оторванность традиций от объективных корней и превращение их в «блуждающие жизненные формы», ни для кого не обязательные, но, в принципе, возможные для каждого [12].

Вопрос о формах воспитания молодежи в условиях глобализации, о возможностях формирования ценностных ориентаций представляется очень сложным потому, что, в сущности, идеология глобализации не провозглашает какой-либо четкой, оформленной и проводимой в жизнь этической концепции. Во многом это обусловлено влиянием постмодернизма и культивируемого в его рамках метода деконструкции, способствующих разрушению традиционных культурных форм с их системной ценностью и норм.

Г. Г. Кёглер, анализирующий состояние этики после постмодернизма, приходит к выводу, что в недрах постмодернистского дискурса были заложены различные тенденции нормативного обоснования [13]. Так, именно постмодернизм породил установку на антинорматизм, отрицающий практическую полезность теории нравственности. Эта позиция восходит к идейному наследию Ф. Ницше и представителей ранней франкфуртской школы (Хоркхаймер, Т. Адорно и др.). Другим «негативным» наследием постмодерна в сфере этики и ценностного обоснования стал вариант, представленный позицией Р. Рорти (откровенный этноцентризм), предполагающий, что все ценности и нормы воспринимаются с позиции ценностей «либеральной западной демократической конституционной и научной традиции» [14]. В сущности, именно этот вариант, образованный на синтезе постмодернизма и неопрагматизма, стал идеологическим фундаментом процесса американизации, к которому подчас сводится культурная глобализация.

Однако, по мнению Г. Г. Кёглера, в постмодернизме (несмотря на присутствие антинормативного и релятивистского подходов) существует потенция для обоснования новых этических принципов. Данная возможность конструирования этики в условиях глобализации связана с присутствием в постмодернистском дискурсе позиций «морального неопрагматизма» и «нормативности „Другого“». Первая, переносит акцент с нормативного субъекта на межсубъектные отношения, наиболее ярко выражена в теории коммуникации Ю. Хабермаса. Вторая, основными течениями которой в постмодернизме являются феминистская этика и мультикультурная этика, связана с признанием нормативности «Другого» и требованием заботы о нём.

Выделение основных этических принципов, оформленных в контексте постмодернистского дискурса, обнаружение их «слабых мест» и применение герменевтического методологического подхода (интерпретации) позволили Кёглеру сформулировать этические требования, обозначенные им как «этика признания» [15]. Суть данной этической концепции сводится к принципу «диалогического признания Другого». Во-первых, с помощью различных социально-культурных практик – прежде всего языка – происходит конструирование собственной идентичности и определение поля идентичности «Другого», во-вторых, понимание смысла, выраженного «Другим» в иной языковой форме, предполагает ориентацию на его точку зрения и, как следствие, необходимость нормативно признать «Другого».

В сущности, можно заметить, что «этика признания», выведенная Кёглером из постмодернистских интуиций, есть попытка найти этическое основание того, что М. М. Бахтин называл «диалогом культур», и нравственную мотивацию к этому диалогу [16].

Однако наличие «Другого» как объекта нормативного акта и осуществление диалога как основы для его нормативного признания возможно только в условиях четко обозначенных культурных традиций с присущими им ценностными ориентациями. В контексте же глобализации, как уже было отмечено, происходит деформация ценностного сознания, обусловленная разрушением культур локальных сообществ и формированием новой культурной формы, для которой характерны такие черты, как «мозаичность», массовость, приоритет витальных и политических ценностей над эстетическими и религиозными, нарушение механизма преемственности культуры и т. д.

В связи с этим встает вопрос о поиске новых фундаментальных ценностей, которые могли бы стать основой для конституирования новой этической системы и нормативной регуляции поведения членов глобального общества. Некоторые исследователи полагают, что обнаружение таких «общечеловеческих ценностей» в условиях глобализации не только возможно, но и естественно. Так, А. Н. Столович выделяет «ценностную сторону» глобализационного процесса, которая заключается в «обнаружении и возникновении общечеловеческого начала в ценностном богатстве мира, создающего предпосылки для новой эпохи человеческой цивилизации» [17]. По мнению Столовича, переход к системе общечеловеческих ценностей и, как следствие, формулирование новых глобальных этических принципов, возможно потому, что «структура ценностного сознания однотипна у всех людей» [18].

Как представляется, идея о существовании общечеловеческих ценностей, которые станут основанием для морали объединенного человечества,

всё-таки носит несколько умозрительный и утопичный характер. Во-первых, на практике, как уже отмечалось, унификация культуры в условиях глобализации оборачивается не поиском единых ценностных оснований, а следованием западноевропейскому культурному образцу и приведение всех культурных стратегий в соответствие с выработанной европейской культурой понятиями нормы и аномии, прогрессивности и современности.

А во-вторых, признание факта *реального* существования общечеловеческих ценностей неминуемо подводит к вопросу о признании их онтологического статуса и императивного характера, что в итоге порождает методологический кризис, обусловленный деконструктивистской ловушкой постмодерна. Рассуждать об онтологическом статусе ценностей – значит возвращаться к проблематике классической метафизики и, соответственно, просто игнорировать феномен постмодернизма и его значение в культуре, что в современных условиях просто невозможно.

Отсюда опять с особой остротой встает вопрос о формировании ценностно-нормативных ориентаций молодежи в условиях глобализации и о необходимости поиска единых морально-этических принципов.

Попытки обосновать новую этическую систему, переосмысливая и переоценивая наследие постмодерна, разумеется, в философской среде осуществляются. Одна из таких смелых и оригинальных попыток принадлежит М. Эпштейну, который, преодолевая разрушительный пафос постмодернизма, дает новый смысл и значение философии. «Призвание философии, которое открывается перед ней в посткритическую эпоху, – третья модальность, мир возможного. Философия до сих пор старалась объяснять или изменять мир, тогда как собственное ее дело – умножать возможные миры» [19]. Тип философствования, выступаваемый Эпштейном, основан не на критерии истинности и объективности, а на критерии интересности. Отсюда вместо модели классической метафизики предлагается идея «малых метафизик». Переосмысливая роль философии в современном мире, отводя ей место не просто генератора идей, продуцирующего «новые миры», но и некоего диктатора, который направляет развитие мысли, Эпштейн на практике показывает, как должна работать философская рефлексия, конструируя различные варианты будущих (пока несуществующих, но под воздействием философии, обязательно реализуемых) областей гуманитарного знания, в том числе и этики.

Будущую этику М. Эпштейн видит как стереоэтику [20]. Основанием для её формулировки, по замыслу автора, становится «размытость ценностного поля», то есть существование некоего промежуточного – нравственного континуума, в котором можно осуществлять свободные действия. Данный нрав-

ственный континуум располагается между полюсами двух антиномичных нравственных категорий: например, между категориями «безрассудство» и «трусость», которые имеют негативную коннотацию, располагается «нравственный континуум», аккумулируемый между категориями «мужество» и «благоразумие». Смысл стереоэтики заключается в совмещении различных нравственных перспектив в рамках континуума [21]. «Двоенравие в этике, – пишет Эпштейн, – то же, что двуязычие в культуре: способность переводить мысль или ценность с языка на язык» [22]. Итогом предлагаемого Эпштейном двоенравия становятся сформулированные им «золото-алмазные правила»: «лучший поступок тот, в котором наибольшая способность одного отзывается на наибольшую потребность другого»; «делай то, чего могли бы желать все, включая тебя, и чего не мог бы сделать никто за исключением тебя»; «действуй так, чтобы ты сам желал стать объектом данного действия, но никто другой не мог стать его субъектом»; «делай то, что каждый должен был бы сделать на твоём месте, но чего никто не может сделать вместо тебя» [23].

Возможно, что в условиях «мозаичной» культуры глобального общества идея стереоэтики, предлагаемая Эпштейном, является оправданной и востребованной. Однако, как кажется, существуют и весомые аргументы против этой этической концепции. В процессе воспитания молодежи, при формировании их ценностно-нормативных ориентиров внедрение принципов двоенравия может способствовать развитию логики двойных стандартов молодого поколения, что, на наш взгляд, подрывает саму идею общечеловеческой морали и межкультурной коммуникации. Поэтому поиск новых систем обоснования этических принципов современного общества, проблема нравственного воспитания молодого поколения являются чрезвычайно злободневными в условиях глобализации.

Примечания

1. Савруцкая Е. П. Культура межэтнической коммуникации: традиции и современность // Культура и проблемы межэтнической коммуникации. Роль НКО

в оптимизации межэтнических отношений: м-лы IV междунар. науч.-практ. конф. по региональной культуре. Н. Новгород, 2002. С. 15–19.

2. Там же. С. 17.

3. Там же. С. 17.

4. См., например: Ценностные ориентации молодежи. Итоги социологического исследования. Н. Новгород, 2007.

5. Басин Е. Я. Портрет и личность // Философия науки. 2004. № 5. С. 16–20.

6. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 28–29.

7. Маклюен М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004.

8. Довгополова О. А. Присутствие Чужого как фактор идентификации в глобализирующемся пространстве культуры // Глобальное пространство культуры: м-лы междунар. форума 12–16 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 380.

9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

10. Hall S. The Question of Cultural Identity in The Polity Reader in Cultural Theory. N. Y., 1994. P. 268.

11. Никишенков А. А. Социальная антропология народной культуры общения (этноэтикет) // Личность. Культура. Общество. Т. 2. Вып. 4. Науч.-практ. изд. РАН. 2006. С. 86.

12. Ионин А. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.

13. Кёглер Г. Г. Этика после постмодернизма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 111–117.

14. Там же. С. 114.

15. Там же. С. 115–116.

16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

17. Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 87.

18. Там же. С. 93.

19. Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб., 2001. С. 53–54.

20. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 745–761.

21. Там же. С. 750.

22. Там же.

23. Там же. С. 759.

И. В. Дьяченко

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМЫ КИНО

В статье проводится социокультурный анализ рекламы кино. Метод исследования – контент-анализ трейлеров, размещённых в сети Интернет и демонстрируемых в кинотеатрах России. В качестве категорий анализа выбраны структурные элементы аудиовизуальных произведений. По результатам исследования сделаны выводы о влиянии рекламы на культурно-эстетические предпочтения аудитории.

Socio-cultural analysis of film advertising is conducted in the article. The method of research is content analysis of film trailers placed in the Internet and shown in cinemas. Structural elements of audiovisual products are chosen as the analysis categories. Finally, the influence of film advertising on audience preferences is defined.

Ключевые слова: реклама, кино, трейлер, контент-анализ.

Keywords: advertising, cinema, trailer, content analysis.

На необходимость изучения кинематографического процесса как целостной системы, включающей не только производство, но и прокат (куда также относится профессиональная критика и реклама) и социокультурное воздействие кинопроизведений, отечественные киноведы указывали более сорока лет назад [1]. На сегодняшний день, когда, с одной стороны, объёмы кинопроизводства в России достигли рекордных за последние десятилетия показателей, с другой – уровень посещаемости отечественных кинолент (за редким исключением) не позволяет говорить о приобретении ими массовости и популярности [2], актуализируется вопрос поиска путей российских кинопроизводителей к аудитории, а значит, становятся важными исследования социокультурного воздействия кино. Очевидно, что центральную роль в привлечении аудитории в кинотеатры на сегодняшний день играет комплекс маркетинговых усилий по продвижению кинопроизведений. Все так или иначе добившиеся массового успеха кинопроекты последних лет были неизменно сопряжены с крупными рекламными компаниями [3].

Однако, несмотря на очевидную значимость рекламы кино как неотъемлемого элемента кинематографического процесса, изучению её влияния на формирование кинематографической культуры, социально-эстетических признаков кинопроизведений (тех структурных элементов фильмов, кото-

рыми потенциальная аудитория руководствуется при своём выборе) уделяется недостаточное внимание. Между тем социокультурный анализ функции рекламы кино как важнейшего инструмента обеспечения массовости кинопроцесса имеет едва ли не решающее значение при ответе на центральный вопрос социологии кино, который Д. Прокоп усматривает в следующем: гарантируется ли удовлетворение или выражение действительных потребностей реципиентов уже тем фактом, что фильмы, чтобы приносить прибыль, должны быть востребованы на рынке, должны обладать способностью к сбыту [4]?

На сегодняшний день одним из наиболее эффективных элементов продвижения кинопроизведений являются трейлеры – рекламные ролики фильмов, демонстрируемые в кинотеатрах и размещаемые в сети Интернет на сайтах, посвящённых кино. Целевая аудитория трейлеров – посетители кинотеатров – наиболее активная часть аудитории, составляющая основной вклад в кинопосещаемость. При производстве таких трейлеров, как правило, используются материалы, снятые для самого кинопроизведения. Использование единого ресурса при производстве трейлеров и кинопроизведений позволяет экстраполировать методы, применяемые для анализа кинематографических текстов, также и к исследованиям аудиовизуальных произведений, предназначенных для продвижения кинопроектов. На сегодняшний день российская социология кино уже обладает опытом применения контент-анализа к кинематографическим текстам. Очевидно, замер повторяющихся от фильма к фильму смысловых значений представляет определённые трудности, так как в рамках произведений художественные образы могут нести различную смысловую нагрузку. Однако многолетний социологический опыт изучения художественных средств позволяет выделить несколько категорий социально-эстетических факторов кинопроизведений, которые могут быть положены в основу концептуального контент-анализа рекламы кино. К ним относятся: основная тема произведения, его ценностное содержание, сюжетно-зрелищные свойства, сцены и эпизоды, доминанта в образе главного героя, использование актуальных социальных и политических проблем [5]. Вкупе с анализом жанровой принадлежности и определением стран – производителей рекламируемых фильмов контент-анализ позволит выявить степень влияния аудиовизуальных текстов рекламы кино на формирование кинематографической культуры зрителей.

В ходе настоящего исследования контент-анализу были подвергнуты трейлеры, размещённые в сети Интернет и демонстрируемые в кинотеатрах России в период с 01 апреля 2009 г. по 22 апреля 2009 г., всего 45 трейлеров. Выбор трейлеров происходил методом рандомизации. Охват генераль-

ной совокупности практически не осуществим, так как в стране не существует централизованной системы проката кинотрейлеров. Этот вопрос находится в компетенции отдельных прокатчиков и кинотеатров. Тем не менее выбор, произведённый методом рандомизации, позволяет охватить наиболее популярные и востребованные кинопроекты, реклама которых активно размещается в сети Интернет и прокатывается в крупнейших кинотеатрах страны перед сеансами фильмов. В свою очередь, при анализе трейлеров по таким категориям, как тема произведения, его ценностное содержание, сюжетно-зрелищные свойства, сцены и эпизоды, каждому рекламному ролику может соответствовать более одной единицы анализа.

Первой категорией, по которой проводился анализ рекламных роликов, стала страна – производитель рекламируемого фильма. Развитие процесса глобализации в мировом кинематографе привело к тому, что кинопродукция, снятая в любой стране мира, может потребляться любой национальной аудиторией, проходя через механизмы рынка и жёсткой конкуренции на нём [6]. Однако фактически вместо интернационального многообразия начиная с 1947 г. американская киноиндустрия обретает форму, называемую международной монополией, вытесняя кинематографии различных стран по всему миру с их национального рынка и международного проката. По результатам контент-анализа страной, наиболее активно продвигающей свою кинопродукцию, остаются США (табл. 1).

Таблица 1

Страна – производитель рекламируемого фильма			
№	Страна	Количество	Процент
1	Россия	5	11,11
2	США	36	80,00
3	Франция	1	2,22
4	Великобритания	5	11,11
5	Германия	4	8,89
6	Италия	0	0,00
7	Канада	3	6,67
8	Австралия	2	4,44
9	Прочие	3	6,67

Очевидно, что на правах мирового лидера киноиндустрии американские кинопроизводители прилагают максимальные усилия для сохранения своего доминирующего положения на глобальном рынке. Между тем, если предлагаемая зрителю картина мира создана в его собственной стране, воссоздаёт её реалии, национальна по своему характеру, кинематограф может выступать средством трансляции от поколения к поколению социального опыта данного общества, средством познания народом своей истории и культурной самобытности [7]. По своим принципиальным возможностям

кино является эффективным средством трансляции социального и духовного опыта народа. В этом смысле доминанта рекламы американского кино несёт определённую угрозу для сохранения самобытности отечественного кинематографа и мировоззренческих аспектов аудитории.

Безусловным является тот факт, что американская киноиндустрия обогатила мировое искусство. Однако именно в США кинематограф также получил развитие как индустрия развлечения, промышленности в противовес искусству. Авторитетные американские киновееды Т. Собчак и В. Собчак отмечали: «Когда мы говорим о кино, мы подразумеваем индустрию массового производства, зависящую от массового потребления. Киноиндустрия, подобно автомобильной индустрии, озабочена главным образом прибылью и экономической эффективностью стандартизации и регулирования не только способа производства, проката и показа фильмов, но также желаний, вкусов и привычек потребителей фильмов» [8]. В этом смысле реклама кино играет важнейшую функцию для американских кинопроизводителей – она не просто обеспечивает коммерческий успех фильмов, но и стандартизирует потребности киноаудитории, устанавливает кинопредпочтения аудитории, удовлетворяющие идеологическим и культурно-эстетическим интересам производителей.

Таблица 2

Жанр рекламируемых кинопроизведений			
№	жанр	Количество	Процент
1	Фантастика/Боевик	5	11,11
2	Триллер	4	8,89
3	Детектив	3	6,67
4	Приключенческий фильм	2	4,44
5	Комедия	7	15,56
6	Драма	4	8,89
7	Мелодрама	4	8,89
8	Фэнтэзи	1	2,22
9	Ужасы	0	0,00
10	Боевик	5	11,11
11	Байопик	0	0,00
12	Мюзикл	0	0,00
13	Фильм-катастрофа	1	2,22
14	Анимация	9	20,00

Известно, что наиболее существенной характеристикой при выборе фильма для просмотра являются жанровые особенности фильма. Наиболее популярными жанрами рекламируемых фильмов оказались анимация и комедия (табл. 2). Эти жанры традиционно популярны у российского зрителя, именно они ежегодно лидируют по объёмам кассовых сборов. Кроме того, активно продвигаются на российском кинорынке фильмы, сочетающие в себе элементы боевика и фантастики (Трансформеры 2, Терминатор 4 и т. п.), а также класси-

ческие боевики (Адреналин 2, Форсаж 4 и т. п.). Без продвижения среди исследуемых рекламных роликов оказались представители таких жанров, как байопик, мюзикл и ужасы. Очевидно, что в связи с успехом в прокате фильмов «Адмиралъ» и «Стиляги» данные жанры ещё найдут своё воплощение среди лент российского кинопроката. Продвижение же фильмов ужасов осложняется нормативным регулированием, определяющим содержание рекламных роликов. В целом же, говоря о жанровой принадлежности рекламируемых фильмов, можно говорить о дифференциации и равномерном представлении кинопроизведений различной направленности. Однако принадлежность определённому жанру ещё не раскрывает глубины идеологического содержания и языка киноповествования. Для исследования этих показателей был проведён контент-анализ по категориям тематики и сюжетно-зрелищных свойств трейлеров.

Среди тем, поднимаемых в рекламных роликах кинофильмов, наибольшей популярностью пользуются «приключения» и «загадочные, таинственные явления», используемые в каждом третьем и каждом четвёртом трейлере соответственно (табл. 3). Очевидно, таким способом проявляется приоритет развлекательной составляющей современного кинематографа. Безусловно, столь большое преимущество данных тем обусловлено жанровой принадлежностью рекламируемых фильмов, где сильные позиции занимают фантастика и боевики. Удивительно, но тема «любви» выступает в качестве основной менее чем в 9% кинотрейлеров и находится на одном уровне популярности с «психологическими проблемами личности», «социальными конфликтами», «борьбой с преступностью». При этом без внимания остались темы морально-этического и исторического направления, такие, как «современные войны», «современная политическая жизнь», «антимилитаризм». Вполне возможно, что столь низкие показатели их использования в кинотрейлерах связаны прежде всего со сложнос-

тью выражения данных тем художественными средствами, возможность применения которых предоставляют двухминутные рекламные ролики. С другой стороны, создатели кинопродукции таким образом делают предположение об отсутствии интереса широкой аудитории кинотеатров к вопросам глобальной политической жизни. Кроме того, США как основной производитель кино продукции и рекламы к ней не заинтересованы в развитии тем данного направления в качестве государства, во многом определяющего мировую политическую обстановку. В этом случае наблюдается прямое влияние глобализационных процессов (в кинематографе в частности) на идейно-смысловое содержание произведений массовой культуры.

Темы произведений всегда очень тесно связаны с ценностными ориентациями. Как правило, любая тема включает определённый набор ценностей, поэтому две данные группы категорий анализа находятся в непосредственной зависимости друг от друга. Количественный подсчёт показал, что наиболее часто используемой ценностью в кинотрейлерах (все-го более чем в половине проанализированных роликов) является «сохранение жизни, здоровья» (табл. 4). Обращение к такой ценности есть апелляция к наиболее глубоким и сильным человеческим чувствам – инстинкту самосохранения. Ведь, как принято считать в американских СМИ, сохранение жизни, любовь и тщеславие есть самые сильные мотивы человеческой деятельности. Использование их в произведениях массовой культуры даёт наиболее сильный эффект. Во вторую группу ценностей, раскрываемых в рекламе кино, вошли «семья, дети», «любовь», «дружба», «успех в жизни», «материальный достаток». Все это ценности могут быть отнесены к группе эгоцентрических, связанных прежде всего с личной жизнью человека, его частными интересами. Ценности же, раскрывающие человеческую личность в её взаимодействии с социумом, требующие, как правило, проявления альтруизма и бескорыстия, оказались менее популярны. В эту

Таблица 3

Основные темы, поднимаемые в кинотрейлерах			
№	Тема	Количество	Процент
1	Загадочные, таинственные явления	12	26,67
2	Любовь	4	8,89
3	Психологические проблемы личности (индивидуальности)	3	6,67
4	Проблемы взаимоотношений в семье	2	4,44
5	Путь у успеху	1	2,22
6	Современные войны	0	0,00
7	Исторические события	2	4,44
8	Социальные конфликты	4	8,89
9	Современная политическая жизнь и её деятели	0	0,00
10	Борьба с преступностью	5	11,11
11	Антимилитаризм	0	0,00
12	Приключения	15	33,33
13	Другие темы	3	6,67

Таблица 4

Ценностное содержание кинотрейлеров			
№	Ценности	Количество	Процент
1	Сохранения жизни, здоровья	23	51,11
2	Семья, дети	6	13,33
3	Любовь	6	13,33
4	Дружба	7	15,56
5	Успех в жизни	4	8,89
6	Материальный достаток	5	11,11
7	Образование и знание	1	2,22
8	Милосердие и благородство	2	4,44
9	Верность долгу	2	4,44
10	Внешняя привлекательность	2	4,44
11	Патриотизм	2	4,44
12	Демократия в обществе	3	6,67
13	Духовное, нравственное совершенствование	0	0,00
14	Гедонизм	2	4,44
15	Другие ценности	4	8,89

группу можно отнести «милосердие и благородство», «патриотизм», «демократия в обществе», «духовное, нравственное совершенствование». Следует при этом также отметить, что откровенное культивирование гедонистических ценностей не находит широкого применения. Таким образом, можно сделать вывод о векторной направленности ценностных ориентаций кинотрейлеров в сторону индивидуалистического содержания при общем сохранении морально-этических норм.

Безусловным лидером среди используемых авторами кинорекламы сюжетно-зрелищных свойств является «клиповый» монтаж – с резкими, неожиданными поворотами. Он применяется почти в 78% проанализированных аудиовизуальных экспозициях. Клиповый монтаж – это скорее не прием, а стиль, манера экранного изложения. Он включает не только частоту смены кадров и продолжительность планов, но и внутрикадровое движение, диалог, способ съемки. Этим во многом также объясняется популярность в использовании спецэффектов и технических трюков в кинотрейлерах. Характерной особенностью такого стиля повествования является «проглатывание» отдельных фаз непрерывного движения. Оставляя за кадром логику смены темпоритма и центра композиции, клиповый монтаж собирает «нарезку» самых значимых, эффектных поз и жестов персонажей, не только исключая логические переходы от одного действия к другому, но и осуществляя мгновенные «перелеты» из одной реальности (места действия) во вторую, третью и т. д. Одна из функций такого приёма – создание впечатления динамики, повышения зрелищности. Однако применительно к анализу эстетики рекламы кино представляется важным понимание термина «катексис», связанного с «клиповой» манерой монтажа. А. М. Орлов отмечает, что аудиовизуальные экспозиции, выполненные с использованием резкой смены кадров и неожидан-

ных поворотов, обладают именно катектическим воздействием, то есть работают как энергетические излучатели [9]. Они «накачивают» человека информацией, образами, идеями, психемами, не оставляя места для катартической разрядки, и не преследуют этой цели. Задача такого экранного произведения – заразить своим воздействием, не оставив альтернативы. Кроме того, как известно, кадры короче трёх секунд воспринимаются мозгом, но не усваиваются нашим сознанием [9]. Таким образом, происходит иррациональное восприятие кинотрейлера, когда за высоким ритмом, контрастом рядом стоящих кадров передается идеологического содержания самого кинопроизведения практически невозможно. Подобного рода метод создания рекламы кинопродукции позволяет предположить, что вне зависимости от содержательной составляющей кинопроизведения его продвижение будет осуществляться за счёт позиционирования таких сторон, как зрелищность, богатство и мощь изобразительных средств. Именно такие сюжетно-зрелищные свойства фильмов посредством рекламы кино становятся социально-эстетическими факторами – теми структурными элементами фильма, которые выступают критериями посещаемости для аудитории (табл. 5).

Таблица 5

Сюжетно-зрелищные свойства кинотрейлеров			
№	Тема	Количество	Процент
1	Сложные спецэффекты	14	31,11
2	Технические трюки	13	28,89
3	«Клиповая» манера монтажа	35	77,78
4	Намёк на счастливый конец	8	17,78
5	Смена ритма повествования	21	46,67
6	Нагнетание угрозы, апокалиптического настроения	9	20,00

Как уже упоминалось выше, увеличение темпа подачи материала находится в прямой зависимости

от содержания демонстрируемых сцен и эпизодов. Отдавая предпочтение «клиповой» манере монтажа, авторы рекламы кино в своём подборе кадров для трейлеров используют преимущественно «испытания главного героя рисками» (55,56%) и «боевые столкновения, перестрелки» (53,33%) (табл. 6). Эти сцены и эпизоды должны служить, как правило, для лучшего раскрытия содержания фильма, его сюжета, рассказанной истории, судеб и характеров действующих лиц, их взаимоотношений. Соответственно, приоритет, отдаваемый авторами рекламы в пользу сцен, связанных с «испытанием риском» и «боевыми столкновениями», может пониматься как предложение для аудитории кинопродукции прежде всего как инструмента компенсации однообразия повседневной жизни за счёт обилия впечатлений, передаваемых с помощью различных кинематографических средств и приёмов. Потребностями в релаксационной функции кино может быть объяснено и широкое использование юмора в кинотрейлерах (42,22%) при намного меньшей доле комедий среди исследуемых рекламируемых фильмов – всего 15,56%. Это – ещё один элемент компенсаторной и релаксационной функций кино. В то же время достаточно широкое распространение получили сцены, показывающие человеческие взаимоотношения в семье, на работе, между влюблёнными. Таким образом, реклама кино позиционирует ещё и регулятивную функцию фильмов – как источника общественных норм и правил.

Следует отметить, что практически не используются в кинотрейлерах сцены насилия и эротики. Данное положение может быть объяснено с позиции свода правил, применяемых к роликам рекламы кино в США, тем более что именно американские трейлеры составляют львиную долю кинорекламы. Согласно системе рейтингов Американской киноассоциации, выходящим в американский прокат кинотрейлерам присваивается три уровня

рейтингов, обозначаемых картами зелёного, жёлтого и красного цветов. Уровень рейтинга зависит от наличия в рекламном ролике сцен насилия, эротики, приёма алкогольных и наркотических средств, характера выражений, используемых в диалогах. Трейлеры с «зелёной картой» могут демонстрироваться перед любыми фильмами, в любых кинотеатрах, для любой возрастной группы зрителей, в то время как для трейлеров с «красной картой», изобилующих вышперечисленными сценами, накладываются жесткие ограничения по прокату. Эти меры способствуют соответствию кинотрейлеров принятым морально-этическим нормам.

Таким образом, резюмируя результаты исследования, следует отметить следующие закономерности, которые были выявлены при анализе кинотрейлеров и оказывают влияние на формирование культурно-эстетических вкусов аудитории. Прежде всего, в основной массе рекламируются фильмы, произведённые в США. Американская индустрия, таким образом, сохраняет своё доминирующее положение на мировом рынке и стандартизирует вкусы и предпочтения аудиторий во всем мире (и России в том числе) в соответствии со своими идеологическими и коммерческими интересами. Следствием такой политики становится популярность таких тем экранных произведений, как «таинственные явления» и «приключения». Намного реже предлагаются аудитории фильмы с более глубокой тематикой, раскрывающей психологические и социальные жизненные проблемы, либо культурно-исторические аспекты. В качестве основной ценности в трейлерах эксплуатируется «сохранение жизни», что объяснимо с точки зрения универсальности инстинкта самосохранения как врождённой формы поведения человека. Визуализация данной ценности достигается благодаря демонстрации таких сцен, как «испытание главного героя риском» и «боевые столкновения, перестрелки», представленных более чем в половине исследуе-

Таблица 6

Сцены и эпизоды кинотрейлеров			
№	Тема	Количество	Процент
1	Человеческие взаимоотношения в семье	15	33,33
2	Человеческие взаимоотношения на работе	12	26,67
3	Человеческие взаимоотношения между влюблёнными	15	33,33
4	Погони	14	31,11
5	Боевые столкновения, перестрелки	24	53,33
6	Сцены насилия	5	11,11
7	Эротика	5	11,11
8	Роскошная жизнь	5	11,11
9	Победа главного героя	8	17,78
10	Живая природа	6	13,33
11	Жизнь мегаполиса	7	15,56
12	Испытание главного героя риском	25	55,56
13	Юмор	19	42,22

мых рекламных роликов. При этом сцены жестокости, насилия и откровенной эротики в рекламе практически отсутствуют. В свою очередь, в качестве приёма повествования применяется «клиповый» монтаж, наиболее характерной особенностью которого является отсутствие логики смены кадров и невозможность передачи содержательной составляющей кинопроизведения. Всё это позволяет говорить, что структура современных кинотрейлеров способствует стандартизации культурно-эстетических вкусов на основе развлекательной, произведённой преимущественно в США кинопродукции.

Примечания

1. Жабский М. Кино в современном обществе: Функции – воздействие – востребованность / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства. М., 2002. С. 36.

2. Нынешний кризис может оказаться полезным // Менеджер кино № 1 (51) 2009 / ОАО «Информкино». М., 2009. С. 8.

3. Разработка рекламного бюджета кинопроекта // Менеджер кино № 1 (51) 2009 / ОАО «Информкино». М., 2009. С. 62.

4. Феномен массовости кино / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. М., 2004. С. 67

5. Кино: реалии и вызовы глобализации / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. М., 2002. С. 218.

6. Кино: реалии и вызовы глобализации. С. 21.

7. Кино: реалии и вызовы глобализации. С. 53

8. Жабский М. Указ. соч. С. 72.

9. Соколов А. Законы монтажа // Digital Video. 1999. № 6.

УДК 781.1.800.955

Т. В. Лазутина

К ВОПРОСУ ГЕНЕЗИСА ЯЗЫКА МУЗЫКИ

Центральной проблемой данной статьи является анализ музыки как социокультурного феномена. Рассматриваются вопросы генезиса языка музыки, а также его функции, среди которых выделяется генеральная – информационно-коммуникативная.

The central problem of the article is the analysis of music as a socio-cultural phenomenon. The problems of genesis of the language of music are considered, and also its functions, among which the communicative one is viewed as prime of importance.

Ключевые слова: язык, знак, символ, знаковая система, музыка.

Keywords: language, sign, symbol, sign system, music.

Музыка представляет собой специфический способ видения мира, с помощью которого люди осознают себя и окружающий мир, используя особую систему языковых средств. В наши дни наблюдается потребность в создании онтологии музыки, без разработки которой невозможно адекватное понимание человека как деятельного субъекта культуры. Следует отметить, что повышение внимания к музыкальным феноменам наблюдается в комплексе дисциплин: философии, эстетике, культурологии и других, где происходит своеобразный «всплеск» интереса к музыкальной культуре, понимаемой как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком; как способ воспроизведения, сохранения, регуляции и развития специфической информации, передаваемой посредством музыкального языка и, как следствие, к проблемам бытия музыкальных феноменов (под бытием музыки понимается любая музыкальная реальность, существование во всех формах), но обращение к музыкальному искусству присутствовало испокон веков в истории человеческой культуры.

Актуальность обращения к проблемам языка музыки обусловлена тем, что современное общество нуждается в развитии музыкальной культуры как в эффективном способе преодоления кризиса, наблюдающегося в духовной жизни. Эту потребность позволит реализовать грамотно выстроенная система методов воспитания музыкальных способностей, что влечет за собой анализ специфики музыкального творчества. Другими словами, онтологическая проблематика связана с разнообразием сферы деятельности человека, в том числе и музыкальной деятельности, которая, в свою очередь, как и любая другая, организует процесс мышления, протекающий по правилам языка.

В настоящий момент в науке о музыке присутствует интерес к предпосылкам возникновения языка музыки. Музыка – гениальное порождение социума. Практика свидетельствует о том, что существует связь между бытием языка музыки и изменениями, происходящими в общественной жизни. Отсюда следует, что вне общества нельзя говорить о существовании музыки (музыка есть общественный феномен), но и музыка, в свою очередь, влияет на процессы, происходящие в жизни общества. Хотя следует внести уточнение касаясь того, что в процессе развития язык музыки претерпевает некоторые изменения, но в целом «<...> говорящие на нем изменить его не могут» [1; 13]. Тем самым язык музыки представляет собой средство передачи эстетической информации, где наличествует различное соотношение традиции и новации. Обращение к генезису языка музыки, поиску его специфики, как следствие, влечет за собой анализ механизмов формирования культуры.

В литературе, посвященной данной проблематике, выявляется наличие различных концепций возникновения культуры. Так, культура одними исследователями рассматривается как общественное явление по своему происхождению, по содержанию и функциям, которые выполняет, так как «создается обществом людей или человеком, творящим в обществе себе подобных» [2; 12]. Бэтнэр-Янаш признает, что «культура – это новый вид биологической адаптации с негенетическим способом наследования». Другие же исследователи настаивают, что культура создается посредством трудовой деятельности, вследствие чего приходят к выводу, что труд сформировал человека (марксистская концепция). Существует взгляд, согласно которому основой возникновения культуры является игровая деятельность (Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Культура как порождение сверхъестественных сил рассматривается П. А. Флоренским, И. А. Ильиным и др. Современные ученые настаивают на взаимообусловленности культуры и общества, в частности, Ю. И. Новоженев отмечает, что рост культуры за последние столетия изменяет генетическую структуру популяций человека [2; 8], под культурой понимая «трудовой и духовный опыт людей, передающийся из поколения в поколение» [2; 12]. В «Филетической эволюции человека» ему удалось показать, что эволюция человека – это прежде всего филетическая эволюция популяций в пределах вида во времени под воздействием культуры [2; 6]. Он отводит ведущую роль символике языка и речи в процессе накопления и передачи культуры, считая, что «эту символику создал сам человек, обладающий второй сигнальной системой, то есть способностью абстрактно мыслить и воспринимать не только предметы, но и их символы – слова и знаки» [2; 13]. Тем самым можно заключить, что, по Ю. Новоженеву, эволюционирует

человек и вместе с ним происходит эволюция языка. Несомненно, развитие языка напрямую связано с развитием человеческого мышления, общества. В современном языкознании подчеркивается мысль, что появление человека и его сообществ, образование форм его мышления и происхождения языка – это взаимообусловленные, но не всегда одновременные факты истории человека, хотя весьма проблематично вести речь об особенностях происхождения языка, так как современная наука не располагает методиками реконструкции первичных этапов генезиса языка.

В большинстве современных исследований утверждается наличие комплекса фундаментальных, биологических, психологических и общественных предпосылок в развитии человека и человеческого общества, в частности, Б. В. Гречко указывает на то, что образование языка было детерминировано совокупностью многих общих внешних и внутренних факторов, относя к ним природные (в том числе и космические) условия, биологические (антропологические) предпосылки, наличие общества и характера отношений между людьми (трудовую, предметную деятельность, использование предшествовавших языку неязыковых знаковых средств, обладавших, тем не менее, тождественной со словом знаковой структурой, то есть семиозисом) и др. [3; 334], что само по себе не ново. В языкознании традиционно излагаются основные теории происхождения языка: звукоподражательная, суть которой в том, что язык возник вследствие подражания человека различным природным звукам; междометная, где происхождение языка связано с невольными выкриками человека под воздействием внешних раздражений или внутренних состояний; оноματοпозитическая, считающая образование языка результатом звукового впечатления об обозначаемом предмете; теория общественного договора (автором которой считают Ж.-Ж. Руссо), доказывающая, что языки естественным путем возникают на основе потребностей человека, изменяются и преобразуются вместе с изменением этих потребностей [4; 137], корнями восходящая к античной традиции; и трудовая марксистская, или теория Ф. Энгельса о происхождении языка [3; 330–331]. В России проблема происхождения языка сформировалась под воздействием идей Ч. Дарвина («Происхождение человека и половой отбор») и Ф. Энгельса, в работах которого («Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Происхождение семьи, частной собственности, государства» и др.) возникновение языка рассматривалось в единстве с вопросами происхождения человека и человеческого мышления. Такая точка зрения является наиболее распространенной в отечественном языкознании.

Если вести речь о языке музыки, то он представляет собой постоянно возобновляющуюся сис-

тему знаков, бесконечно производящую разнообразные смыслы, что позволяет проследить его генезис. В современном музыковедении наличествуют различные объяснения происхождения музыки. К ведущим точкам зрения относят концепцию происхождения музыки из сферы фиксированных звуков, которая приобрела господствующее значение в творчестве М. Иванова-Борецкого, С. С. Скребкова и др. Напротив, Р. Грубер и В. Сисаури выделяют в качестве ведущего компонента музыкального мышления тембральную характеристику, намечая тем самым оппозицию тембра и звуковысотности. Данные этномузыкознания свидетельствуют о том, что музыкальная деятельность древнего человека была неразрывно связана с опытом социального общения и в обществе, находящемся на уровне мифологического миропонимания, язык выполнял объединительную функцию, выступая в качестве важнейшего средства передачи информации, способствующего сплочению коллектива. В частности, А. Б. Денисовой приводятся факты, согласно которым в ходе разнообразных ритуалов, праздников и церемоний музыка служила «коммуникативным сигналом – знаком, значение которого расшифровывалось в контексте данной культуры» [5; 15], тем самым речь идет о формировании в музыке «музыкально-коммуникативных архетипов» (термин Д. К. Кирнарской). Е. М. Алкон небезосновательно приходит к убеждению, что музыка как вид творческой деятельности «во многом, если не исключительно, обязана ему (речь идет о ритуале. – Т. А.) своим происхождением» [6; 14] на основании знания того, что обрядовый фольклор является древнейшим. Музыка изначально сопровождала ритуал, вследствие чего можно предположить, что ее язык возникает из потребностей человека в передаче определенной информации и зависит от уровня развития общества, где находит свое бытие. Можно солидаризироваться с позицией современных музыковедов, что «<...> именно музыка с ее ритмическими невербальными возможностями обеспечивала взаимодействие людей посредством осмысленного звука, когда отсутствовали косвенные способы передачи информации» [7; 3] и звук был необходим в общении между людьми, так как «звучание голоса сигнализирует слуху о внутреннем состоянии – его физиологических и психологических изменениях, об эмоциональном тоне и содержании этого состояния» [7; 16], что позволяет прийти к выводу о происхождении музыки благодаря социальным потребностям, которые могут быть рассмотрены как «объективное состояние субъекта (“нужда его”)» [90; 58], выполняющими важную роль в формировании знаковой деятельности субъекта, обладающей социальностью, которая представляет «характеристику субъекта, носителя семиозиса как члена общества, включающего в себя и объективные факторы

(прежде всего сферы употребления знаков как способ его (индивида) жизнедеятельности), и субъективные (мотивы, установки, цели) [Там же]. Так в современной науке о музыке широкое распространение получает концепция происхождения музыки из удовлетворения общественной потребности в сохранении и передаче особой эстетической информации. В частности, В. В. Радя приходит к выводу, что «музыка возникает благодаря потребностям общества и осуществляется через человека» [7; 22]. Ранее Ж.-Ж. Руссо предпринял попытку объяснения возникновения языков, видя их источник происхождения «в душевных потребностях, в страстях» и отмечает, что «<...> не голод, не жажда, а любовь, ненависть, жалость и гнев исторгли у них первые звуки» [4; 120]. По видимому, Ж.-Ж. Руссо устраивает объяснение происхождения музыки исходя из ее общности с речевыми интонациями, так как он пишет, что «первые речи были первыми песнями» [Там же]. Такой взгляд может быть выражен и по-другому: «говорить и петь одно и то же». Тем самым речь идет о социально-культурных предпосылках возникновения музыки. Но есть и другая позиция. Существует взгляд о том, что «сама природа запрограммировала человека на музыку» [7; 22]. Известно, что в Новое время в науке о музыке выдвигалось на первый план понимание звука как природной силы, что способствовало его осознанию с позиции естественно-акустических закономерностей обертонового ряда. Х. Эггеберт отмечает, что «звук вместе с обертонами» выступал для композитора «природным» материалом и композитор, действуя согласно с его закономерностями, «подражал природе» [8; 136]. Эти смыслы действуют и в музыке XX в. Так, в трудах Х. Эггебрехта и А. Новака формулируется понимание происхождения музыки «из ее теории», что ранее находит отражение в древнегреческой философии, в так называемом «пифагорейском принципе», где числовое определение звучащего рассматривается в качестве математической пропорции: входя в пропорцию, звуковой элемент становится «тоном», то есть звуком, который обоснован математическим отношением к другому звуку, далее он получает теоретическое имя, которое показывает, что он «теоретичен» по смыслу [8; 134–135]. Известно, что звук как средство сигнализации передает в первую очередь информацию эмоционально окрашенную, видимо, поэтому он так активно используется в животном мире. В работе Ж.-Ж. Руссо «Об искусстве и литературе» содержится современно звучащая мысль о том, что люди воспринимают звуки мелодии не только как обычные звуки, но еще и как знаки (а именно, знаки склонностей, знаки чувств и др.), поэтому «мы отсылаемся на выраженные ими движения души, образ коих узнаем». Он вполне допускает предположение о том, что существует «не-

что подобное такому музыкальному воздействию... даже у животных» [4; 127]. А. Н. Сохор в статьях, посвященных анализу звуковых феноменов, указывает, что голос у животных, так же, как и у человека, является основным средством выражения чувств, и приходит к убеждению, что именно голос играет большую роль, чем остальные «выразительные движения» (мимика, жесты). Тем самым происходит выявление зависимости между состоянием голосового аппарата и характером издаваемых звуков от эмоционального состояния живого существа, из чего следует вывод о том, что у человека биологическая функция звуков сохранилась как биологическая предпосылка их эмоциональной выразительности [10; 120].

По убеждению С. Г. Фатыкова и А. М. Лобока, «существо <...> закрепляло элементы этого бытия вначале чувственными символами – кинематикой, жестами, ономагатопозитической (звукоподражательной) предречью, возгласами, а затем мифосемантическими, интеллектуальными образами, в том числе словами, которые и передавало из поколения в поколение» [11; 19]. Впоследствии сумма этих ассоциативных символов и связей выступила базисом (первообразом) цельного человеческого бытия для развития идеальных коллективных представлений и архетипов, которая кодировалась с помощью знаков и мифологем [Там же]. Еще Э. Кассирер отмечал, что формирование сознания общества возможно лишь на основе символических форм культуры. Согласно его теории оперирование символами является отличием человека и человеческого общества от форм социальной жизни животных, поэтому человек, по Э. Кассиреру, это «животное, использующее символы».

В современном языковедении постулируется, что благодаря языку становится возможной капитализация мысли, что процесс этот ускоряется в связи с изобретением письма, эволюция которого позволяет вести речь об увеличении мощностей машинного преобразования и хранения информации, первоначально выраженной языковыми средствами. Поэтому представляется актуальным рассмотрение языка музыки как «инструмента диалога между индивидом и социумом» [5; 14], в качестве своеобразного посредника между мыслью и звуками речи, определяя его как крайне информативную систему знаковых образований, фиксируемую при помощи особой системы знаков. В литературе о музыке нередко встречается взгляд, согласно которому музыкальное произведение может считаться состоявшимся, если оно предполагает слушателя как обязательное звено коммуникации, и смысл сочинения музыки состоит в том, чтобы она вступала в общение с людьми. Несомненно, что полноценное восприятие музыкального феномена возможно лишь при наличии «слушателя» – своеобразного звена в коммуникативной цепи, для

которого, собственно, произведение и предназначено (но стоит отметить, что существуют сочинения, написанные «в стол» по той или иной причине), и коммуникативная роль адресанта заключается в воздействии на поведение получателя информации. Необходимо учитывать как природные, так и социальные характеристики воспринимающего субъекта при обращении к искусству, где важна характеристика интенции субъекта.

В связи с этим текст всегда должен быть воспринят и прочитан, что предполагает, согласно М. М. Бахтину, «общепонятную (условную в пределах данного коллектива) систему знаков, «язык» (хотя бы язык искусства)», поэтому «если за текстом не стоит “язык”, то это уже не текст, а естественно-натуральное (не знаковое) явление, такое, как, например, комплекс естественных криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости» [9; 307]. В музыкальном тексте находят бытие разнообразные знаковые системы: от простейших сигналов до более сложных – символов, передающих различного рода информацию. Музыкальная информация – это то, что нам сообщает музыка, о чем она свидетельствует с помощью сложной системы знаков. Язык представляет собой эффективное средство передачи информации, способствующее сплочению коллектива, особенно в обществе, находящемся на уровне мифологического миропонимания, где символам придается ведущее значение. Тем самым язык вообще, а язык музыки в частности, можно определить как важнейшее коммуникативное средство, без которого невозможно существование общества и как следствие самого человека. Существуют различные формы связи языка с обществом. Одной из форм влияния общества на языковую систему является социальная дифференциация языка, которая обусловлена социальной неоднородностью общества, естественными различиями и др. В наши дни понятие «личность» включает в себя не только речь, сознание, различные привычки и т. д.; быть личностью означает быть связанным с обществом, поэтому необходимо рассмотрение связи языка с обществом, а именно использование языковых средств в зависимости от социальной характеристики носителя языка (уровень образования, профессия и др.).

Таким образом, музыка – искусство, выполняющее важную роль как в жизни отдельного человека, так и общества в целом, что выражается в следующих функциях: информационно-коммуникативной, семиотической, эстетической, номинативной, репрезентативной, эвристическо-познавательной, оценочной, гуманистической, регулятивно-воспитательной и др. Существуют «основные» и «производные» функции языка музыки. К его важнейшей функции относится коммуникативная, посредством которой передается особого рода эстетичес-

кая информация, производится «обмен» знаковыми системами между композитором и его слушателем.

Примечания

1. Мильштейн Я. И. Хорошо темперированный клавир И. С Баха и особенности его исполнения. М.: Классика–XXI, 2004. 352 с.
2. Новоженев Ю. И. Филетическая эволюция человека. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 124 с.
3. Гречко В. А. Теория языкознания. М.: Высш. шк., 2003. 375 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Сочинения / пер. с фр. Н. И. Кареева и др.; сост. и ред. Т. Г. Тетенькина. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 416 с.
5. Денисова А. Б. Бытие музыкального образа: онтолого-гносеологический анализ: автореф. на соискание ученой степени канд. философ. наук. Казань, 2000. 16 с.
6. Алкон Е. М. Музыкальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное: автореферат на соискание ученой степени д-ра искусствоведения. Владивосток, 2002. 43 с.
7. Радя В. В. Основания генезиса музыки в первобытности: дис. канд. искусств. наук. Екатеринбург, 1999. 24 с.
8. Чередниченко Т. В. Тенденции современной западной музыкальной эстетики. К анализу методологических парадоксов науки о музыке. М.: Музыка, 1989. 223 с.
9. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские слова, 1997. 731 с.
10. Сохор А. В. Вопросы социологии и эстетики музыки. Л.: Сов. композитор, 1981. 293 с.
11. Фатыхов С. Г. Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 792 с.

УДК 130.122

А. Ф. Хабибулина

ИНТЕНЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЛОВЕКА XIX–XX СТОЛЕТИЙ

В статье исследуется феномен существования романтического в духовной культуре человека. Автор, высказывая мысль о том, что на сегодняшний день понятие «романтическое» четко не сформулировано, делает попытку выявить его сущность на философско-культурологическом уровне.

The article explores the phenomenon of the romantic in spiritual culture. The author, expressing the idea that today the notion of the «romantic» is not clearly drafted, attempts to reveal its essence on the philosophical and cultural level.

Ключевые слова: романтическое, этимология романтического, духовная культура человека, фантазия, утопия, сущность романтического.

Keywords: the romantic, the etymology of the romantic, spiritual culture, fantasy, utopia, the essence of the romantic.

Для человеческой жизни особо важна её духовная составляющая – сфера философии, науки, искусства и всего художественного творчества. Приобщение к тайне *романтического* в духовной культуре человека сопряжено с постижением человека, более глубоким пониманием его сущности. При этом мы различаем природу человека и его сущность. Воспринимая человека творческой личностью, духовное бытие которой намного богаче природного и социального, мы видим сущность человека в его уникальности и неповторимости.

Актуальность обращения к *романтическому* в духовной культуре человека обусловлена тем обстоятельством, что на сегодняшний день нет сколько-нибудь ясного понимания сущности этого феномена. Разнообразие терминов породило немало путаницы, предубеждений и, главное, на наш взгляд, онтологической недооценки *романтического* в жизни. Исходя из этого посыла, попытаемся найти зерно романтического видения мира, вывести траекторию мысли о специфически человеческом состоянии.

Неоклассическое осмысление духовной реальности человека поставило на одну ступень сознание, неосознаваемое и душу человека. В контексте понимания человека как существа духовно-душевно-телесного назрела необходимость переосмысления *романтического* в духовной культуре человека как феномена, существующего с тех времен, когда наши далекие предки стали причислять себя к человеческому виду. В рамках данной проблемы

мы хотим сосредоточить свое внимание на основных аспектах существования *романтического* в духовной культуре человека XIX–XX столетий.

Для начала об этимологии *романтического*. Если мы попытаемся найти определение слова «романтический», то его происхождение нам вряд ли скажет о нём что-либо существенное. Его значение при первом появлении в английском языке было обозначением чего-то лениво-причудливого, сказочного, взятого из суждения об отвлеченных, удивительных, лишенных здравого смысла романах – песнях странствующих поэтов и рассказчиков. В XVII в. было исключением и парадоксом, если романтическое произведение имело какой-либо смысл, и потому неудивительно было слышать: «Это звучит почти романтично, но всё же это правда».

Ф. Гегель видел содержание *романтического* в абсолютной внутренней жизни человека, в духовной субъективности, постигающей свою самостоятельность и свободу [1]. А. Григорьев в начале XIX столетия причиной возникновения *романтического* в искусстве и жизни считал «то тревожное, то вечно недовольное настоящим, что живет в груди человека и рвется на простор» [2]. Ясно, что в основе всего *романтического* лежит несоответствие мечты и действительности и, как результат, отрицание уже существующего в бытии.

По нашему мнению, неопределенность этимологии *романтического* не случайна. Причина этого – пересечение таких ризомных понятий, таких, как романтика, мечта, фантазия, утопия. Эти понятия дополняют, обогащают, но возникает «скатывание» *романтического* в неопределенное понятие. Парадоксальность романтического в том, что субъективное, индивидуальное, стремясь утвердиться, таит в себе опасность утраты чувства реальности и возникновения самых разнообразных утопий и химер. *Романтическое* может раскрываться множеством своих граней, основная из которых, по нашему мнению, все же позитивна, поскольку влечет личность за пределы существующего и заданного.

Романтизм конца XVIII – первой половины XIX в. стал источником всей неклассической философии. Духовное напряжение, творческий полет, мечтательность, порыв к счастью, отвлечение мысли от бытовизма – все это оказалось востребованным в духовной культуре второй половины XIX и XX столетий и явилось основой дальнейшего романтического видения мира. Мыслительные установки самоосуществления, устранения своей односторонности будут разрабатываться в философии жизни (Ф. Ницше), динамической психологии (З. Фрейд, К. Юнг), экзистенциализме, философии космизма, поэзии символизма... Остановимся на некоторых из них более подробно.

Идея становления человека, стремящегося вырваться над судьбой, принадлежит Фридриху

Ницше. Его философская концепция, обращенная в будущее, пророчила романтический идеал века. Мысль о Сверхчеловеке как о возможном и достижимом романтическом идеале нашла наиболее полное воплощение в работе «Так говорил Заратустра»: «...человек есть нечто, что должно преодолеть, – что человек есть мост, а не цель...» [3] В понимании философа человек есть еще незавершенное животное, пока не установившееся в новом качестве. Им (человеком) правят всё те же инстинкты. По Ницше, человек не то, что есть, он тот, кем может стать. Сверхчеловек – тот романтический идеал человека будущего, потенциально возможный, достижимый благодаря преодолению самого себя, собственной естественной природы.

Ницше провозгласил культ сильной личности, которая для достижения своих целей преодолевает всё на своем пути. Именно этот тезис, понятый нацистами как призыв к действию, был использован в качестве щита в порабощении, геноциде целых наций. И хотя Ницше, ориентируясь на самотворение, качественное улучшение человека, провозглашал аристократическую революцию, его романтическая идея сверхчеловека обусловила возникновение реакционных программ переустройства общества. Самым ярким тому пример – фашизм, провозгласивший неравенство наций, возможность порабощения и подчинения «низших» «высшей» расе. Так Ницше не по своей воле превратился из романтика-утописта XIX в. в раздраженного бунтаря с воинствующей философией. Философия Сверхчеловека показательна тем, что, не имея никаких внешних авторитетов, человек предоставлен сам себе. Бытие человека определяется самим человеком, если у него на это есть силы. Этой силой он видит волю к власти.

Увлекаясь в своем раннем творчестве идеями А. Шопенгауэра и Р. Вагнера, Ницше, увидел то общее, «что составляет их доподлинный характер, – их *романтику*. Что такое романтика? Каждое искусство, каждая философия может быть рассматриваема как целебное и вспомогательное средство на службе у возрастающей, борющейся жизни: они предполагают всегда страдание и страждущих. Но есть два типа страждущих: во-первых, страждущие от *избытка жизни*, которые хотят дионисического искусства, а также трагического воззрения и прозрения в жизнь, – и, во-вторых, страждущие от *оскуднения жизни*, которые ищут через искусство и познание покоя, тишины, гладкого моря, избавления от самих себя или же опьянения, судороги, оглушения, исступления. Двойной потребности *последних* отвечает всякая романтика в искусстве и познании...» [4] И далее Ницше характеризует шопенгауэровскую философию воли и вагнеровскую музыку как «*романтический пессимизм*» [4].

В отличие от Ницше, проповедующего идею человека-бога, основатель психоанализа, З. Фрейд, постулировал зависимость человека от своих бессознательных импульсов. Не вдаваясь в детали концепции З. Фрейда, достаточно сказать, что он видел уникальность человека в его психике, точнее, в том, что именно неосознаваемые процессы способствуют тому или иному поведению человека. Фрейд и причины фантазирования вывел из состояния психики: «Нужно сказать: никогда не фантазирует счастливый, а только неудовлетворенный. Неудовлетворенные желания – движущие силы мечтаний, а каждая фантазия по отдельности – это осуществление желания, исправление неудовлетворяющей действительности» [5]. Действительно, человек обладает колоссальными способностями к фантазированию, что обусловлено творческой сущностью его психики. Интересно, что Фрейд объясняет фантазирование человека как замещение его детской потребности в игре. И так как взрослые стыдятся рассказывать о своих фантазиях, свои выводы психиатр делает на основании признаний невротиков, которые, желая исцеления, раскрывают врачу свои фантазии.

Младший современник и ученик З. Фрейда К. Юнг, раскрывая суть фрейдовской техники обследования психических больных, считал полезным «редуцировать фантазии невротика к общечеловеческим истинам». Однако метод редукции по Юнгу был не более чем способом «обойти передний план сознания или посмотреть сквозь него, чтобы дойти до второго плана психики, её подкладки, до так называемого бессознательного. Поскольку идеальных людей нет, у всех есть такой второй план сознания независимо от того, способны они это признать или нет» [6]. Юнг вывел теорию о коллективном бессознательном, согласно которой «у народов и эпох, как и у отдельных личностей, есть свойственная только им жизненная установка или направленность духа» [6]. Она формируется на протяжении истории и представляет собой образы, «усредненно отображающие миллионы индивидуальных переживаний» [6], т. е. архетипические. В этих случаях следует говорить о просыпающемся в индивиде голосе рода, предыдущих поколений. Исследуя влияние коллективного бессознательного на поэтико-художественное творчество, Юнг говорит о творческой фантазии как продукте переживаний многочисленных предков: «От неудовлетворенности современностью творческая тоска уводит художника вглубь, пока он не нащупает в своём бессознательном того пробраза, который способен наиболее действенно компенсировать ущербность и однобокость современного духа» [6].

Представитель итальянской школы, философ-неогегельянец Д. Джентиле в своих изысканиях критериев достижения подлинного знания считал,

что как утверждение частной субъективности оно возможно как в философии, так и в искусстве. «Воображение, фантазия (или как еще ни называли или ни захотели бы назвать эту наивную форму духа, которая, эмпирически говоря, является примитивной, т. е. принадлежащей первым человеческим эпохам формой, поскольку она предстает перед философом как вечная и вечно повторяющаяся и поэтому имманентная жизни духа форма) – сущность искусства находится именно в этой непосредственной позиции субъекта» [7].

Э. Финк, ученик и ассистент Э. Гуссерля, в работе «Основные феномены человеческого бытия» выделяет фантазию как особую душевную способность: «Фантазия открывает нам возможность освободиться от фактичности, от непреклонного долженствования так-бытия, освободиться хотя бы не в действительности, а “понарошку”, забыть на время невзгоды и бежать в более счастливый мир грез. Она может обратиться в опиум для души. С другой стороны, фантазия открывает великолепный доступ к возможному как таковому, к общению с быть-могущим, она обладает силой раскрытия, необычайной по значению. Фантазия – одновременно опасное и благодатное достояние человека, без нее наше бытие оказалось бы безотрадным и лишенным творчества» [8]. Вышеупомянутые философы, рассматривая фантазию с различных позиций, все же едины в том, что она как романтическая индивидуализация субъективности человека объективно существует.

Стремление проникнуть в космическую сущность сопровождало человека всегда. Для космизма как романтического видения мира характерной системой является триада «человек-природа-бог». От ранних догадок до современных исследований в образе мира выделяются три глобальные сферы универсума: человеческий мир, природный мир и божественный мир, – которые одновременно являются полифоническим бытием романтического космоса. Приниженность человека перед силами природы и космоса указывает на ничтожность человеческого существования на земле. Человека более всего не устраивает именно то, что он просто человек. А потому он стремится расширить рамки известного, уже познанного, «заглянуть» в неизведанные области мироздания. Более того, готов создать свой проект переустройства вселенной. Потребность духа человека выйти за видимый горизонт своего существования неистребима. Эта потребность по своей сути уже романтична.

Тейяр де Шарден определяет для себя, что «чем больше человек будет становиться человеком, тем меньше он согласится на что-то иное, кроме бесконечного и неистребимого движения к новому» [9]. О возникновении науки он говорит, что она «возникла под внешней видимостью излишества, фантазии. Избыток внутренней активности над

материальными потребностями жизни. Любопытство мечтателей и праздных» [10]. Достаточно смелое истолкование научной деятельности! Особенно что касается возможности открытия новых бесконечных горизонтов. Сама мысль не нова. Именно отсюда вытекает романтическая идея постоянного становления, вечного обновления мира. Выход за пределы существующего, за горизонт практически данного, в избыток еще И. Кантом объяснялся *свободой* человеческого существа, открытого *бесконечному*.

Желание человека быть всем и обладать миром отразилось на искусстве второй половины XIX и XX столетий. Художников, музыкантов стали увлекать философские вопросы мироздания, разрешение которых предлагалось средствами искусства. По этому принципу возникают идеи сверхпоэзии, сверхмузыки, сверхживописи – своеобразные космические утопии, якобы способные изменить реальность. Русский религиозный философ-космист Николай Федоров определял парадигму ближайшего будущего в неразделимости искусства и утопии.

Космический характер романтического мировосприятия ярко выражен в творчестве русского композитора А. Скрябина. Его влечение к абсолютному, всеобщему проявляется в уверенности, что мир – результат творчества, желания, хотения. Творчества как результата игры свободной романтической фантазии, основанной на непринятии существующей действительности. Революционно настроенный композитор в своих романтических воззрениях все более тяготел к утопизму. Его утопические воззрения в течение жизни расширялись, но суть их не менялась. Идея создания синтетического по жанру произведения – способного изменить мир – полностью завладела композитором, заставив его потерять ощущение реальности. Утопия А. Скрябина о божественном смысле творчества и божественной миссии художника нашла свое отражение в «Мистерии», космическом действе, в котором принимают участие народы всех континентов. В течение семи дней синтез музыки, поэзии, танца и цвета космическим ускорением времени заставляет весь мир дематериализоваться, перейти в духовное, завершающее состояние. Романтическая личность композитора не вмещается в узкие рамки какой-нибудь одной сферы – пространство ее бытия и самопознания расширяется до универсальных, космических масштабов. Романтические воззрения Скрябина оказались питательной средой, на которой выросла его социальная утопия. Это еще раз доказывает, что чем более революционно настроен художник, тем в большей степени он склонен к утопизму, так как романтическое мировосприятие выстраивается на желании скорого чудесного изменения мира.

В романтических образах желаемого преобладает эмоциональная доминанта, настроенная на дви-

жениях души, особых вчувствованиях отдельного индивидуума. Отсюда ясно, что в основе романтического мировосприятия лежат переживания, ожидания чего-то необыкновенного, таинственного, неизведанного – все то, что известный специалист по психологии эмоций В. Вилюнас выделяет и называет «романтическими эмоциями» [11]. По нашему мнению, романтическое мироощущение человека обусловлено наличием «романтических эмоций», интонаций души, всего того, что не служит лишь прагматическим целям. А наоборот, ведет человека вперед, позволяя жить, а не выживать.

Размышляя о формах проявления неосознаваемого, Г. П. Меньчиков выделяет его существенным компонентом онтологически присущую духу «романтическую функцию»: «Романтической функции неосознаваемого свойственны свои признаки. Это безотчетное стремление к невоплощенному, бесконечному, утопическому, иному, спрашивание не того, что есть, а что, возможно, что впереди действительного, что еще лишено пока формы и находится в становлении, поэтизация жизни прошлого и будущего и убежание от неизбежной односторонности настоящего... выступление против дисгармонии мира и односторонности» [12].

Итак, романтическое в духовной культуре человека как нечто непрактичное, обусловленное больше эмоцией, нежели мыслью, присутствует всегда. В идеале романтическое – это стремление вырваться наружу из существующего бытия в другое бытие, чтобы сделать его лучше, краше. Сегодняшняя среда слишком рациональна, и романтическое начало позволяет человеку остаться самим собой. Несмотря на то, что влечение человека к мечте, к поиску совершенства может привести и к невольному самообману, все же человеку сложно состояться в своем истинном качестве, руководствуясь лишь прагматическими потребностями.

Примечания

1. Гегель Г. Эстетика // Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1969. С. 326.
2. Григорьев А. Романтизм – Отношение критического сознания к романтизму – Гегелизм // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 94.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 172.
4. Ницше Ф. Пятая книга. Мы бесстрашные // Избранные произведения. СПб., 2003. С. 340–342.
5. Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 130.
6. Юнг К. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 218–231.
7. Джентил Д. Введение в философию. СПб., 2002. С. 252.
8. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1998. С. 360.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 184.

10. Там же. С. 219.

11. Вилонас В. Психология эмоций. СПб., 2004. С. 310.

12. Меньчиков Г. П. Духовная реальность человека. Казань, 1999. С. 301.

УДК 004.946

Н. И. Григорьева

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ, ГИПЕР- И РАСШИРЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современная виртуальная реальность – результат развития информационных и коммуникационных технологий, ее следует считать новой специфической сферой бытия человечества и особой культурной формой духовного общения людей. Проблема, связанная с распространением виртуальных технологий, выходит за рамки специальных наук и требует философского осмысления.

Modern virtual reality is a result of informational and communicational technologies development. It is necessary to be considered as a new specific sphere of life and a special cultural form of cultural communication between people. The problem concerning the process of virtual technologies distribution is beyond special sciences and needs to be philosophically comprehended.

Ключевые слова: виртуальная реальность, расширенная реальность, гиперреальность, виртуальные образы, киберкультура, коммуникативное пространство.

Keywords: virtual reality, augmented reality, hyperreality, virtual images, cyberculture, communicative space.

Коммуникативное пространство современности в корне отличается от тех форм, в которых оно существовало в прежние времена. Так, начиная с 70–80-х гг. в жизнь людей входит реальность, формируемая компьютерными и коммуникационными технологиями. Исследователи этого феномена, как отечественные (Н. А. Носов, Д. В. Иванов, М. М. Кузнецов, Н. Б. Маньковская, Н. И. Дерябин, Д. И. Шапиро), так и зарубежные (Ж. Бодрийяр, Д. Лион, М. Фуко, У. Эко, Г. Рейнгольд), предлагают множество определений: «виртуальная реальность», «гиперреальность», «псевдореальность» и так далее. В контексте обозначенной темы исследования интерес также представляет феномен «расширенной реальности», о котором много было сказано как о техническом новшестве, однако, думается, границы употребления данного термина расширяются и охватывают всю культурную сферу современного общества.

Мы считаем, что проблема, связанная с распространением виртуальных технологий, выходит

за рамки специальных наук и становится проблемой, требующей философского осмысления. Современная виртуальная реальность – результат развития информационных и коммуникационных технологий, ее следует считать новой сферой бытия человечества. Формой существования виртуальной реальности является современное информационно-коммуникативное пространство. Мы говорим о той его части, которая связана с информационно-коммуникативным полем, создаваемым интернет-, 3D, телевизионными, компьютерными и другими современными технологиями. Интерес к данной проблеме в нашей стране возрастает с каждым годом: СМИ переполнены формулировками: «виртуальный магазин», «виртуальное государство», «виртуальное пространство», «виртуальные деньги». В коммуникативном пространстве господствуют образы, порожденные этой виртуальностью, которые нередко оторваны от действительности или не имеют ничего общего с предметно-вещественной средой (симулякры, к примеру). Человек живет в мире виртуальных образов, он их создает, потребляет и тиражирует, часто забывая или вообще теряя реальные основания, прототипы этих образов. Налицо рост психологических и социальных катаклизмов, как, например, явление социальной аномии, распространение всевозможных форм девиантного поведения.

Начавшийся осенью 2008 г. экономический кризис в основе своей имеет не что иное, как долгий процесс замещения реальности, реальных показателей (оценки акций, возможностей компаний) виртуальными, которые настолько оторвались от действительного положения дел, что привели к глубокому краху крупнейших организаций. Компании-бренды терпят фиаско так же, как и вся мировая кредитная система, основанная на «виртуальных деньгах». Все это позволяет говорить о том, что глубина проникновения виртуальности в культурную и общественную жизнь современного человека колоссальна и требует серьезного осмысления.

Человек, обладая талантом, интеллектом, фантазией, освоил космическое пространство, научился при помощи современных технико-информационных средств создавать виртуальную и расширять действительную реальность до неограниченных масштабов, однако психические возможности осознавать и управлять этой смоделированной им же самим ситуацией у человека ограничены. Фантастические возможности компьютерных систем позволяют смоделировать все наши желания и мечты. Виртуальная реальность выступает как «синтез техники и человеческого воображения».

Новый феномен современного информационного общества активно изучается исследователями в различных областях научного знания. Бурное развитие Интернета и компьютерных технологий сти-

мулирует интерес к проблеме виртуальности. Развитие исследовательской базы в этом направлении привело к формированию специальной научной дисциплины – виртуалистики. В рамках этой дисциплины выделяются два подхода: феноменологический и парадигмальный. В рамках первого подхода виртуалистика рассматривается как оригинальный общекультурный феномен конца XX в., это междисциплинарный подход, при котором самые разные объекты и процессы рассматриваются как особые виртуальные реальности [1]. В рамках второго подхода виртуальные реальности рассматриваются как реалии, которые обладают онтологическим статусом существования, а не как феномены, а виртуалистика основывается на признании полионтичности виртуальных реальностей. Данный подход активно разрабатывается в Центре виртуалистики Института человека РАН, основанного Н. А. Носовым. В Центре на основе виртуального подхода разработана теория психологических виртуальных реальностей. Одним из направлений Центра является проблематика компьютерных виртуальных реальностей и их философского смысла. Н. А. Носов одним из первых в России провел анализ и опубликовал его результаты по поводу роли компьютеров в социуме и возможности создания так называемой киберкультуры, или виртуальной культуры [2]. Результаты еще одного фундаментального исследовательского проекта «Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты» [3], направленного на философское осмысление интенсивно разрабатываемого ныне междисциплинарного направления, исследующего вопросы проявления виртуальной реальности, показали методологическую эффективность концепции виртуальных миров для научного познания [4]. Согласно этой концепции философское понимание виртуальных (параллельных) миров связано с их гносеологической трактовкой как совершенно нового «измерения» создаваемых ныне в человеческих головах компьютерами идеальных объектов. В частности, при анализе феноменов имиджа, симулякра, бренда в рамках проводимого диссертационного исследования данная концепция представляет особую научно-методологическую ценность. В феврале 2008 г. в Саранске была проведена научно-практическая конференция «Генезис категории виртуальная реальность» [5], на которой были представлены результаты философского осмысления виртуальной реальности, исторические аспекты формирования самого определения «виртуальная реальность» и другие. Исследованием виртуальной реальности как социологической модели занимался Д. В. Иванов [6, 7]. Он разработал теорию «виртуализации общества» или «киберпротезирования» общества, согласно которой во всех основных институциональных сферах происходит замещение реальных вещей образами (симуляция-

ми), выступающими в качестве основной характеристики виртуальной реальности любого рода. Особое внимание в его исследованиях уделяется человеку как виртуальной личности. Согласно его представлению, особенности интернет-коммуникации позволяют человеку экспериментировать со своей идентичностью. Поэтому наряду с другими исследователями (Г. Рейнгольд, А. В. Захряпин) он отмечает, что в виртуальных социумах взаимодействуют не реальные люди, а создаваемые ими образы, симулякры реальных личностей. Не случайно большинство участников виртуальной коммуникации пользуется псевдонимами, так называемыми ник-неймами и аватарами. Смена имени фиксирует символический отказ от реальной личности и выход из реального социума [7]. Так, виртуальное взаимодействие людей в современном мире можно сопоставить со средневековым карнавалом, где, скрывая лица масками, люди играют несвойственные им в обычной жизни роли, не соответствующие их поведению в привычных жизненных ситуациях. И сегодня участники виртуальной коммуникации, скрываясь за ник-неймами, рассматривают ее как «последнюю территорию свободы». Виртуальная коммуникация становится статусной – однако факторы, образующие и поддерживающие социальное неравенство в виртуальном мире, – это, во-первых, коммуникативные навыки участника взаимодействия, в первую очередь письменные, во-вторых, деньги (виртуальные или электронные, электронный кошелек и т. д.). При этом исчезает ряд коммуникативных барьеров, выражающихся прежде всего во внешних признаках (одежда, внешняя привлекательность, физические недостатки). Происходит утрата реального имени, тела, статуса – и в конечном итоге утрата реальной личности. Ряд исследователей отмечает развитие процесса «новой мифологизации» [5], которая выражается в интенсивном становлении виртуальных личностей и формировании глобальных сообществ.

Примечательно, что сам термин «виртуальный» восходит к древнему *“virtus”*, встречающемуся еще в латинских текстах I в. до нашей эры. Категория виртуальности активно разрабатывалась в схоластике, и необходима она была для разрешения ключевых проблем схоластической философии, среди которых – возможности сосуществования реальностей разного уровня, образования сложных вещей из простых, энергетического обеспечения акта действия, соотношения потенциального и актуального [8]. Так, Николай Кузанский, рассуждая о причинах роста деревьев из семян в работе «О видении Бога», ищет их в более высоких уровнях реальности, применяя при этом категорию виртуальности. Он рассуждает о том, что «умным оком» человек способен разглядеть «виртуальное пребывание дерева в своем семени», обратить внимание на «дивную силу того семени, в котором было

заключено целиком и это дерево, и все его орехи, и вся сила орехового семени, и в силе семян все ореховые деревья» [9]. Для Фомы Аквинского категория виртуальности также является принципиально важной. Так, например, Фома Аквинский рассуждал о сосуществовании души мыслящей, животной и растительной. Аквинский рассуждает о том, что в человеке присутствует лишь одна «субстанциональная форма» – «субстанциональная душа», которая «виртуально содержит в себе чувственную и вегетативную душу», то есть равным образом содержит в себе «формы низшего порядка» и исполняет самостоятельно все те функции, которые в иных вещах исполняются менее совершенными формами. Подобным образом Аквинский рассуждает о чувственной душе в животных, вегетативной в растениях и «обо всех более совершенных формах в их отношении к формам менее совершенным» [10].

В трудах Гегеля также находим трактовку категории «виртуальный». Так, он обращается к ней при описании снятого (идеального, существенного) бытия и рассматривает его как антипод «реальному». Вместе с тем реальное не абсолютно противопоставлено идеальному, поскольку выступает специфическим продолжением идеального. Гегель прибегает к понятию виртуального для обозначения формы существования реального в идеальном: «...идеальность есть отрицание реального, но притом такое, что последнее в то же время сохраняется, виртуально содержится в этой идеальности, хотя и не существует больше» [11].

Совершенно ясно, что в те времена не было и речи об электронных компьютерных технологиях, однако даже сегодня некоторые исследователи продолжают развивать идеи мыслителей античности и средневековья (М. Хейм, Н. А. Носов, Ю. А. Мелков), говоря о виртуальности, сводя на нет роль современных технических изобретений. Так, Н. А. Носов в своей работе «Фома Аквинский и категория виртуальности» рассуждает о том, что смысл категории виртуальности следует искать у представителей средневековой философии, а растиражированное средствами массовой информации выражение «виртуальная реальность» только затрудняет «плавное вхождение» виртуальности в нашу культуру [12]. Трудно не согласиться с тем, что ключ к пониманию этого многогранного и сложнейшего феномена заложен еще в философских воззрениях предшественников, однако, на наш взгляд, не стоит умалять значения новаций, которые принесла эпоха постиндустриальной цивилизации с характерными признаками информационного общества.

Термин «виртуальная реальность» ввел в обращение американский ученый Джерон Лэньер в 1984 г. для обозначения электронных устройств: НМД-шлемов, сенсорных перчаток и костюмов, позво-

ляющих управлять объектами в виртуальном пространстве, производимых в его компании с одноименным названием. Вскоре все разработки, проекты и идеи, имеющие отношение к попыткам имитации реального мира, объединились под этим одним названием. Джерон Лэньер отмечал, что виртуальная реальность представляет собой новый объективный уровень реальности, так как пользователи входят в виртуальную реальность в сознательном состоянии. В широком смысле термин стал употребляться после выхода картины «Виртуальная реальность», выпущенной американским кинематографом в 1995 г. В сюжетную основу легла идея о том, что мыслимые возможности человека, не осуществляемые по каким-либо естественным причинам, могут быть реализованы в знаково-графической форме. В дальнейшем появились исследования, в которых стали рассматриваться онтологические аспекты виртуальной реальности. Человек, входя в эту воображаемую реальность, не только ее наблюдает и переживает, но и получает возможность на нее воздействовать, действует самостоятельно в этой реальности, может ее изменять. Виртуальная реальность – это специфическая форма человеческого бытия и особая культурная форма духовного общения людей.

Понятие виртуальной реальности в обычном словоупотреблении, как правило, содержит в себе противопоставление подлинной реальности. Таким образом, на коннотативном уровне «виртуальное» воспринимается не как подлинное, а как обманчивое, вымышленное, искусственное. С другой стороны, виртуальная реальность понимается как игровая реальность не только по причине популярности компьютерных игр и изобретения технологии «виртуальной реальности», но в силу анонимности участников и прочих характеристик виртуальной реальности.

Феномен кибернетического пространства, населенного своими гражданами, миллионами пользователей игр, форумов и миров, добавил немало новых вопросов к напряженной философской проблематике, рассматривающей природу реальности. Авторы, разделяющие пессимистическую точку зрения по поводу явления виртуальной реальности, акцентируют свое внимание на опасности чрезмерного погружения в искусственный мир, обычно характеризуя виртуальную реальность как фантом, иллюзорный мир, подменяющий собой реальный мир, способный привести человека к полному психологическому (и онтологическому) расстройству: «Внешний мир доступен нам с экрана монитора. Он весь у наших ног, но, превращенный в аудиовизуальный дискурс, он одновременно исчез как таковой в своей вещественной плотности, хотя и стал при этом даже более ярким и красивым, чем на самом деле... Мир превратился в знаковую, виртуальную реальность» [13]. Ж. Бодрийяр вво-

дит термин «гиперреальность», которая, согласно его представлению, подменяет действительность, замещая ее. Представления постмодернистов (Ж. Бодрийяр, У. Эко) относительно процессов виртуализации современного культурно-коммуникативного пространства носят крайне пессимистичный характер. В частности, Ж. Бодрийяр говорит о конце действительной реальности, которая уступила место реальности симулякров. Гиперреальность – одно из базовых понятий философии постмодернизма, выражающее культурную ситуацию, когда феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундаментальных и воспринимаются в качестве феноменов символического порядка [14]. В таком семантическом пространстве феномен реальности, по мнению постмодернистов, обретает характеристики гиперреальности, в рамках которой оригинал и копия (подделка) сосуществуют в одном культурном контексте. Таким образом, постмодернизм выводит человека из-под диктата одной определенной культуры: транскультурный мир располагается не в зоне директории по отношению к наличным культурам, но одновременно внутри их всех. Гиперреальность в представлениях постмодернистов может быть оценена как реакция культуры на собственную симуляционность: процессы мимикрии, симуляции приводят к фальсификации самих желаний человека, оказывая колоссальное воздействие на его психику.

Противоположную точку зрения относительно феномена виртуальной реальности высказывают авторы, учитывающие генезис данного понятия: виртуальное как добродетельное. Так, М. Хейм в своей работе «Метафизика виртуальной реальности» [15] сравнивает компьютерный интерфейс со стеной платоновской пещеры, на которой заключенные в ней узники видят отблеск более высокой реальности. Обращение к Платону не случайно. Мир чистых идей, проглядывающий на стене пещеры, не отрицает реальности самой пещеры – он ее дополняет и обогащает, раскрывая ее сущностный смысл. Таким образом, усматривая этот мир, открывая его для себя, человек ощущает не потерю, а обретаемую полноту бытия, которой он не чувствовал ранее. Проблема заключается в том, что стремление к такому высшему миру, ностальгия по идеальному может превышать и подавлять «волю к жизни» во тьме пещеры. «Суррогатная жизнь в киберпространстве заставляет нас ощущать плоть как тюрьму, отпадение от благодати, спуск в темную, сбивающую с толку реальность. Из преисподней жизни в теле виртуальная жизнь выглядит как жизнь добродетельная» [15].

Сложно не согласиться также с мнением исследователя Ю. А. Мелкова [16] о том, что виртуальная реальность является не симулякром, но законным плодом культурного творчества, непосред-

ственно связанным с ценностными инстанциями и даже с идеальной абсолютной реальностью.

В связи с этим рассмотрим концепцию «расширенной реальности», которая также обсуждалась в рамках конференции «Генезис категории виртуальная реальность». Понятие «расширенная реальность» в последнее время часто используется для описания интерактивных искусственных сред. Если виртуальная реальность – это в определенном смысле антиреальность, то расширенная реальность – это реальность дополнительная, комбинация данных реального мира и генерируемых компьютером. Чаще всего – сочетание видеозаписи и компьютерной графики. Основные признаки расширенной реальности – сочетание реального и виртуального, интерактивность в реальном мире, формат 3D. Впервые о расширенной реальности стали говорить как о современной технологии, в основе которой лежат три разработки – отслеживание движения, двухмерные маркеры, компьютерное зрение. Технология расширенной реальности – это наложение на изображение реального мира виртуальных объектов, которые дополняют либо заменяют реальные объекты и привязаны строго к ним [17]. Так, например, работает система GPS (глобальная система позиционирования), призванная не дать человеку заблудиться в незнакомой местности. До недавнего времени технологии расширенной реальности применялись в основном в рекламных и познавательных целях, например для организации зрелищных презентаций или создания детских книжек, разглядывать которые нужно через специальные очки. Совсем недавно были сделаны первые значимые шаги в реализации основного прикладного потенциала расширенной реальности. В конце февраля 2009 г. компания Microsoft представила новый продукт – “Core Tools for Augmented Reality” – пакет программного обеспечения, позволяющего в реальном времени привязывать графические изображения и текстовую информацию к физическим объектам.

Таким образом, технология расширенной реальности позволяет создать такое пространство, в котором о каждом предмете можно получить исчерпывающую информацию, достаточно лишь навести на него объектив камеры портативного устройства – мобильного телефона, КПК или ноутбука либо специальной видеогарнитуры. Главная особенность систем расширенной реальности в том, как они представляют пользователю информацию: не на отдельном дисплее, а непосредственно интегрируя в естественные механизмы восприятия. Здесь сводятся к минимуму все мысленные усилия, необходимые человеку для переключения от реального мира к компьютерному изображению. В сущности, новый компьютерный интерфейс и способ видения мира становятся одним и тем же.

Реальный ярчайший пример, демонстрирующий возможности расширенной реальности, – медицинские приложения. Зрение врачей начинает получать эквивалент рентгена, позволяя в реальном масштабе наблюдать результаты сканирования внутренних органов, наложенные на соответствующую часть тела больного. «Прозрачное» тело, к примеру, даёт возможность эффективно проводить лапароскопические операции с минимальным хирургическим вмешательством. Системы постоянно отслеживают позицию и ориентацию головы пользователя, чтобы накладываемый виртуальный материал максимально аккуратно совмещался с видимой картинкой мира [17].

Безусловно, все эти технические новации, внедряясь в нашу повседневную и профессиональную жизнь, требуют серьезного осмысления, анализа возможных последствий для психики, образа жизни и культуры человека. Термин «расширенная реальность» сегодня также активно входит в словоупотребление, оторванно от своего первоначального, сугубо технического значения, как и «виртуальная реальность». Проявления расширенной реальности в жизни современного человека становятся объектами исследований философов, футурологов, социологов, культурологов. Согласно современному философскому представлению расширенная реальность не противопоставляется, а включает в себя действительность, но измененную при помощи современных технических средств. Говард Рейнгольд, акцентируя внимание на техно-новационных составляющих современного коммуникативного пространства, в своей работе «Умная толпа: новая социальная революция» рассуждает о том, что человек расширяет свои жизненные границы при помощи компьютерных систем [18]. Так, человек, по его словам, – это биологическое существо, которое не может постоянно играть активную роль в коммуникативном пространстве хотя бы в силу того, что ему необходимо время на сон, прочие первичные потребности. Даже в те периоды, когда пользователи физически не участвуют в процессе коммуникации, вместо них, по его словам, сегодня взаимодействуют компьютеры и мобильные устройства. Получать и передавать информацию постоянно – один из основополагающих законов виртуального сообщества, лежащий в основе большинства коммуникативных процессов. Г. Рейнгольд в работе отмечает следующие основные направления развития виртуальной реальности: привязанные к местонахождению информационные среды, умные помещения, информационное оснащение городских территорий, управление виртуальным миром через управление физическими предметами, нателные (надеваемые) компьютеры: датчиковые, вычислительные и коммуникационные устройства, носимые на одежде.

Таким образом, виртуальная реальность сменяется представлением о «расширенной реальности» –

информационной среде, возникающей на границе виртуального и физического миров. «Расширенная реальность» предполагает свободное перемещение индивида в пространстве, чему способствует развитие беспроводных технологий, и одновременно – непрерывное подключение к информационной сети. При помощи современных компьютерных устройств физические пространство может превратиться в универсальное семиотическое пространство, в котором вещи больше не несут в себе скрытого смысла, нуждающегося в интерпретации, а предлагают набор готовых истолкований и программ поведения.

Мы считаем, что расширенная реальность, совмещающая объективно существующую природную и социальную реальности, одновременно существует и в форме виртуальной реальности. Влияние последней на человека все более усиливается, приводит к тому, что многие важные стороны жизненного мира человека заменяются вымышленными, иллюзорными образами несуществующего. Эти образы виртуального мира, виртуальных игр создают опасную ситуацию для духовного и даже физического развития человека. Определяя тенденции возможного развития современных процессов виртуализации коммуникативного пространства и роль человека в них, важно отметить также и то, что общество знаний, экономика, основанная на знаниях, предполагают агрессивное вторжение новой реальности в познавательные, культурные и коммуникационные процессы современной жизни человека. И хотя для России, в отличие от западных стран, пока обозначенные проблемы кажутся не столь очевидными ввиду отставания процессов компьютеризации, виртуализации и информатизации, они требуют тщательнейшего исследования уже сегодня, так как важно предупредить возможные негативные последствия исследуемых явлений для духовной самобытности, богатого культурного потенциала, будущего развития нашей страны.

Примечания

1. Солопов П. Е. Виртуалистика и философия. М., 2000. С. 3
2. Носов Н. А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994. 196 с.
3. Акчуфин И. А. Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 384 с.
4. Акчуфин И. А. Концепция виртуальных миров и научное. Рос. акад. наук. ин-т философии. СПб., 2000. 317 с.
5. Генезис категории виртуальная реальность: м-лы междунар. науч. конф. Саранск, 2008. 327 с.
6. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. 224 с.
7. Иванов Д. В. Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. № 1. 1999. С. 35.
8. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–163

9. Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 46–47.
10. Аквинский Ф. Сумма теологии // Антология мировой философии. М., 1987. Т. 1. Ч. 2. С. 850–851.
11. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 132.
12. Носов Н. А. Фома Аквинский и категория виртуальности // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. М., 1997. С. 68–86.
13. Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 20.
14. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн., 2007. С. 95.
15. Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. New York: Oxford University Press, 1993. P. 102.
16. Мелков Ю. А. Виртуальная реальность как феномен культуры: м-лы междунар. науч. конф. «Генезис категории виртуальная реальность». Саранск, 2008. С. 176–181.
17. <http://www.masters.donntu.edu.ua/2008/fvti/todoraki/diss/referat.htm>
18. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С. 225–246.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

УДК 1(09)Гем[Апель]

Е. И. Ситникова

К.-О. АПЕЛЬ О ЯЗЫКЕ КАК ФОРМЕ ЭКЗИСТЕНЦИИ И ПРЕДМЕТЕ ФИЛОСОФИИ

Позиция К.-О. Апеля онтологизирует язык и рассматривает его в качестве трансцендентального фактора, на базе которого происходит формирование представлений о реальности. Такое восприятие языка влияет на понимание онтологии и выбор методов решения онтологических проблем.

Apel's point of view positions the language on the same level with existence and accepts it as a transcendental factor, on which base the ideas of reality are formed. This approach influences the comprehension of ontology and the choice of methods to solve ontological problems.

Ключевые слова: феномен языка, бытие, коммуникация, социум, дискурс, языковые игры, трансцендентальные аргументы.

Keywords: phenomenon of language, existence, communication, society, discourse, language games, transcendental arguments.

Для современной философии язык является одной из важнейших тем. Феномен языка занимает особое положение, так как уже изначально представляет собой медиум философствования. Понятийная форма философии обусловлена именно тем, что она протекает в среде языка – либо в устном диалоге, либо в форме письменной фиксации, либо как «внутренний разговор души с самой собой», как Платон назвал мышление.

Когда мы философствуем, мы уже находимся в среде языка. Двойная роль языка – одновременно быть медиумом и предметом изучения – отличает язык от других тем философии. Изучая язык, философия по необходимости становится рефлексивной, она занимается изучением своих собственных форм экзистенции. Аналогично языку разум выполняет роль медиума и предмета философии, однако конкурентами в данном случае они не являются.

Язык уже изначально представляет собой медиум философии, независимо от того, является он темой или нет. Данный феномен получил в современном философском разговорном обиходе выра-

жение «трансцендентальный». Трансцендентальный статус в кантовском понятии имеет то, что одновременно способствует получению нами опыта о предметах и конституирует предметы возможного опыта. Согласно одному из самых известных определений И. Канта, трансцендентальным следует считать всякое «познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» [1]. Трансцендентальная философия должна содержать в себе «обстоятельный анализ всего априорного человеческого познания» [2].

К понятию «трансцендентальный» в философии сложилось особое отношение. Выражение «уже изначально» как раз является признаком парадокса. То, что уже присутствует в игре, именно поэтому вызывает наше пристальное внимание. То, чем мы пользуемся при каждой тематизации, оказывается вне нашего поля зрения. Требуется особый акт рефлексии, чтобы философски удостовериться в языке как в «правдивой» структуре. Под «правдивостью» понимается не запрет тематизации, а то обстоятельство, что каждая философская тематизация языка происходит «изнутри». Если границы моего языка, как говорит Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате», являются границами моего мира, то тогда мы должны противостоять любой попытке установить эти границы снаружи.

В истории философии можно говорить об онтологической, менталистской и лингвистической парадигмах, что делает очевидной разницу в том, как мы пытаемся понять основные структуры нашей философской ориентации в мире: в понятиях бытия, сознания или языка. К характерному изменению в онтологии можно отнести то, что ее различные традиционные варианты, представляющие собой в целом разновидности «субстанциальной онтологии», сменила онтология, не связанная более жестко с бытием предметов, а начинающая с мышлений о смысле и значении понятий и высказываний. Таким образом, заданный еще Аристотелем способ постановки онтологических вопросов, ориентированный на исследование «сущего как сущего» в отношении соответствующего ему предиката бытия и отдельных родов сущего в отношении присущих им способов бытия, где материальное бытие полагается основой всякого смысла и критерием достоверности всякого знания, заменя-

ется на новый, исходящий из того, что многие проблемы онтологии по существу являются проблемами, обусловленными или связанными с языком.

В своих лекциях «Введение в аналитическую философию» Тугендхат предложил вариант трансформации онтологии Аристотеля с позиций аналитической философии языка. При этом он постарался сохранить два момента, которые, по его мнению, были присущи аристотелевской концепции, а именно момент всеобщности и момент априорности. С точки зрения Тугендхата, уже в определении онтологии как науки, тематизирующей «сущее как сущее», содержится идея формальной универсальной науки, которая отличается от конкретных наук тем, что исследует то, «из чего все остальные науки исходят как из своей формальной предпосылки» [3]. В выделенную еще Аристотелем область формального попадают такие понятия, как «предмет», «предикат», «классификация» и т. д., т. е. понятия, которые используются в любой науке. Тугендхат характеризует эту область как область априорного, аналитического познания, поскольку ее понятия не выводятся индуктивно из опыта посредством абстракции, а могут быть получены единственно в результате рефлексии о языковых выражениях. Прояснить смысл таких понятий призвана формальная семантика, согласно Тугендхату, законная наследница онтологии.

В своем подходе к онтологии Апель, как и Тугендхат, исходит из онтологического примата логико-языковых структур. Однако в отличие от последнего, сосредоточивающего свои усилия на формально-семантическом анализе отдельных предложений, Апель считает, что языковая семантика обусловлена прагматикой, т. е. общественной практикой взаимопонимания и понимания, и что для анализа значений выражений необходимо учитывать как лингвистический, так и экстралингвистический контекст, в который они включены. Идея «веритативного», или истинностного, бытия в апелевской интерпретации разрабатывается из герменевтической перспективы, где не вещь, а единство смысла при intersubъективной интерпретации и понимании вещей и событий в ходе языковых игр становится основной онтологической категорией. Цель трансцендентальной прагматики заключается в выявлении общих и необходимых intersubъективных нормативных условий взаимопонимания о смысле (*Sinn-Verständigung*) и образования консенсуса (*Konsens-Bildung*) – в идеальном случае – в неограниченном сообществе интерпретаторов. Ее основное понятие – понятие «идеальной языковой игры», под которой понимается трансцендентальная форма коммуникации, создающая условия образования смысла. Важность значения, которое придает Апель трансцендентальной прагматике языка, подчеркивает то обстоя-

тельство, что он воспринимает ее как преемницу теории познания, как современный вариант *prima philosophia* [4].

Предлагаемый Апелем подход концентрируется на вопросе о том, каким образом возможно конституирование предметности, понятой как единство значения. Апель при этом основывается на традиционной трансцендентальной теории познания, также занятой решением подобной проблемы, но требует ее расширения в направлении «антропологии познания» [5]. Это означает, что кантовский вопрос об условиях возможности познания должен быть поставлен таким образом, чтобы были выявлены не только условия возможности формирования объективных представлений о мире «чистым сознанием вообще», а все условия, которые делают возможной рациональную, в том числе научную, постановку вопросов с учетом изменяющегося контекста познания из перспективы «intersubъективного» по своей природе субъекта познания. К условиям возможности познания наряду с традиционными intersubъективными условиями, т. е. категориальным синтезом представлений и единством апперцепции, относятся, по мнению Апеля, язык как intersubъективное условие возможности конституирования понятия о предмете; познавательные интересы, определяющие направление формирования смысла; возможности инструментальной верификации утверждений (гипотез, теорий) [6].

Итак, особую роль в трансформации классической теории познания, основывающейся на критике сознания, Апель отводит языку. Осмысление языка как трансцендентального фактора, как *a priori*, конституирующего значение предмета, требует дополнения синтаксиса и семантики языка прагматикой. При этом прагматика должна быть осмыслена не как эмпирическая дисциплина, а как трансцендентальная, которая понимает язык аналогично кантовским категориям сознания как синтезирующую деятельность, позволяющую состояться предмету как таковому.

Особенность рассуждений Апеля, касающихся проблемы конституирования предметности, состоит в том, что эпистемология и онтология оказываются у него тесно связанными друг с другом. Он подчеркивает взаимообусловленность эпистемических актов и когнитивной функции языка, а также увязывает между собой понятие опыта, эпистемологические и онтологические категории. Они оказываются неразделимы в том смысле, что intersubъективность социума, т. е. его конкретный культурно-исторический опыт жизни, формирует особенности языка и влияет на протекание и результат познавательных процессов. «Сущее», или «предмет», определяется в его бытии и, следовательно, идентифицируется и индивидуализируется посредством эпистемических актов. При этом эпистемические

акты, с одной стороны, конституируют «сущее», а с другой – они обоснованы в способе бытия социума и, значит, в его онтологических структурах. Важный аспект бытия, конституированного в ходе эпистемической деятельности субъекта, составляет его отношение к истине.

Тематизирование Апелем языка как одного из априорных условий познания продолжает аристотелевскую традицию понимания онтологии как формальной и трансцендентальной дисциплины, служащей для обоснования предпосылок, на которых основываются конкретные науки. Однако в случае трансцендентальной прагматики, которая: а) отказывается от «субстанциального» понятия онтологии и предлагает понимать онтологию как «всеохватывающую герменевтику возможного понимания бытия» [7] и б) принципиально руководствуется идеей «веритативного» бытия и рассматривает бытие (в интерпретации Апеля тождественное смыслу, пониманию, представлению о действительности) в его соотносительности с истиной, – такая стратегия приводит к необходимости поставить онтологию на прочный фундамент в форме очевидности, т. е. в форме трансцендентального опыта.

Концепция Апеля представляет собой теорию коллективного (а не индивидуального, как, например, у Гуссерля) трансцендентального опыта, которая должна обосновать возможность всего познания. Ее ключевые моменты: тематизирование языка и коммуникации как *a priori* понимания; тематизирование “телесного *a priori*” (*Leib-a priori*), т. е. практической экзистенции людей в качестве прагматического условия возможности познания; попытка обоснования истины или правильности высказываний, исходя из ситуации «герменевтического круга» и руководствуясь нормативным принципом «лучшего понимания».

Особенность рассуждений Апеля о языке составляет то, что его трансцендентальная герменевтика предполагает в качестве своего базиса трансцендентальную прагматику. Основываясь на идеях Хайдеггера о том, что естественный язык есть средство артикуляции бытия, поскольку благодаря ему и в нем бытие впервые приобретает смысл в форме устойчивой структуры значений, а также, о том что человек приобретает понимание некоего сущего из перспективы своих жизненных отношений, определенных языком, Апелль вслед за Хайдеггером спрашивает об *a priori* самого языка с тем, чтобы понять, каким образом происходит первичное конституирование значений.

Знаки языка всегда предполагаются в качестве условия смысла: без них, согласно Апеллю, невозможно ни конституирование объектов познания индивидуальным сознанием, ни обретение этими объектами intersubъективной значимости, т. е. объективного характера. При этом язык нельзя

редуцировать к присущим сознанию логическим условиям познания. Логическая семантика языка, в свою очередь, указывает на своеобразное субъективно-intersubъективное *a priori*, которое коренится в прагматике и которое он обозначает как “телесное *a priori*” познания [8].

Предлагаемый Апелем вариант обоснования возможности познания исходит из того, что очевидности для сознания (в форме либо чувственно, либо интеллектуального созерцания) и intersubъективная значимость сформулированных с помощью языка аргументов (а значит, и априорные intersubъективные правила аргументационного дискурса) представляют собой не сводимые друг к другу инстанции, от которых зависит истина, и как таковые всегда уже своеобразным образом переплетены друг с другом. Здесь важно учитывать, что в качестве «очевидности опыта» рассматриваются те очевидности для сознания, интерпретация которых получила intersubъективное признание. Такие очевидности он определяет как «парадигматические очевидности». Их особенность заключается в том, что они «переплетены» с использованием языка и жизнедеятельностью познающих субъектов в витгенштейновском смысле переплетенности познания, использования языка и жизненной практики в квазиинституциональных языковых играх или формах жизни.

Концепция познания, разработанная Апелем как теория аргументационного дискурса и основывающаяся на «аргументационном обосновании утверждаемых высказываний при помощи “очевидностей познания”», предполагает восхождение от «парадигматических очевидностей», типичных для конкретной формы жизни, к теоретическим утверждениям через посредство «очевидностей познания», свойственных данной науке. Ее базис составляет триада, включающая в себя додискурсивные условия опыта, условия дискурса и условия опыта, относящиеся к дискурсу. Примечательно то, что в этой системе дискурс не должен просто апеллировать к опыту жизненного мира для того, чтобы обосновать претендующие на истинность высказывания, а должен создать необходимую опытную очевидность путем экспериментов в рамках определенной теории.

С предлагаемой Апелем концепцией познания коррелируют его онтологические рассуждения. Переход от теории познания к онтологии позволяет обосновать понимание им онтологической проблематики как проблематики «миропорядка» (*Welt-Ordnung*) [9], тематизирующей отношения между языком и открывающимися в нем и посредством него структурами действительности. Как полагает Апелль, упорядочивающая или структурирующая функция имманентно присуща языку и связана с его «мирооткрывающей» функцией. Формирующиеся в ходе языковой игры, характерной для данной

формы жизни, представления о действительности образуют первый уровень конституирования объективного мира. Отличительной чертой этого донаучного уровня выступает наличие большого количества разнообразных интерпретаций мира, присутствующих различным типам культур. Именно вследствие этого обстоятельства проблему «онтологического миропорядка» нельзя решить средствами одной лишь философской критики языка, редуцирующей ее к исследованию того, каким образом категориальное членение мира происходит в конкретных языках. Язык, как полагает Апель, есть *medium quo* познания.

Тугендхат считает, что современная онтология возможна только в виде формальной семантики естественного языка. Данная точка зрения встречает критику как со стороны Апеля, так и со стороны Хабермаса, вызванную тем, что в таком случае остается вне поля зрения прагматический аспект языка. По мнению Апеля, логическая семантика ограничивается «аксиоматической системой дедукции предложений из предложений» и поэтому может дать только «косвенное» прояснение аргументации, но не вскрывает ее трансцендентальную роль для формирования значений.

Подчеркивая значение прагматики для конституирования смысла предметов, Апель предлагает понимать ее как трансцендентальную дисциплину. При этом он исходит из онтологического приоритета коммуникации в форме идеальной языковой игры неограниченного коммуникативного сообщества как трансцендентальной смыслопорождающей структуры. Онтология интерпретируется им как «герменевтическое понимание бытия», достигаемое в ходе философского дискурса, который должен согласовать между собой и включить в «общий разговор истории» [10] то, что достигнуто в этой области конкретными языковыми играми.

Хабермас воспринимает онтологию как формальное допущение о существовании объективного мира вещей в виде неопределенного «х», которое в виде „синтетического *a priori*“ должно гарантировать истинность семантики. Базой для формирования семантики «трансцендентальный прагматизм» Хабермас признает «квазитрансцендентальные» структуры жизненного мира, а действительным считается все, что может быть представлено в истинных высказываниях.

В отличие от Тугендхата Апель и Хабермас отстаивают теорию истины как консенсуса, достигаемого в ходе аргументационного дискурса. Эта теория предполагает соотносительность познавательных высказываний с независимым от языка внешним миром. Одно из основных, существенных с точки зрения онтологии различий между теориями Апеля и Хабермаса состоит в обосновании теоретических высказываний. Хабермас считает, что сила используемых в дискурсе аргументов, мотивирую-

щая установление консенсуса, определяется непосредственно опытом жизненного мира, а Апель для обоснования теоретических высказываний вводит промежуточную инстанцию: понятие об опыте, относящемся непосредственно к данной теории.

Все три подхода методологически характеризует стратегия «от значения к вещи», а не «от вещи к значению». Это приводит к тому, что проблемы онтологии оказываются тесно переплетенными с проблемами теории познания. Мысль, что бытие и артикулированное в языке познание связаны друг с другом, выражает возрожденный Тугендхатом концепт «веритативного», или истинностного, бытия. Он подчеркивает, что уже простейшее предложение, имеющее субъект-предикатную структуру, имплицитно, что при помощи глагола-связки совершается категориальный синтез. Бытие творится в языке, а вопрос об отношении конституирования действительности при участии языка к возможным инвариантным структурам «мира-в-себе» выражает «синдром веритативного» (*das Veritative*). Основным проблематизируемым понятием здесь оказывается понятие истины.

Апелевское понимание разума как феномена, сформированного в ходе определенной языковой игры, а значит, являющегося продуктом истории, социальной и материальной практики, «формы жизни», близко тому, как его представляет хайдеггеровско-гадамеровская герменевтика языка. Оно также основывается на том, что мышление и язык неразрывно связаны друг с другом и что в сопровождаемом языковой артикуляцией открытии «чего-либо в качестве нечто» выражает себя «бытие-в-мире» человека как форма миро-и самопонимания. Однако если квинтэссенцией присущего хайдеггеровско-гадамеровской герменевтике понимания разума как языка является признание «конкретно-исторического» характера мышления и относительности познания, то апелевская трансцендентальная герменевтика конфронтирует с историзмом и релятивизмом во взглядах на познание и переносит акцент с вопроса о структуре познания в различных эмпирических языковых играх на вопрос о единстве действующего в них разума. Тезис о единстве разума может быть обоснован в том случае, если придать трансцендентальный статус прагматическому аспекту языка. Полюсами диалектического напряжения при данной стратегии оказываются понятия об идеальной и реальной языковой среде.

Понятие языковой игры Апель заимствует у Витгенштейна и модернизирует его в духе собственного ему методологического идеализма: множество конкретных эмпирических языковых игр, о которых речь идет у Витгенштейна, он рассматривает в качестве проявления единой универсальной трансцендентальной языковой игры неограниченного коммуникативного сообщества. Трансцен-

дентально-прагматическое измерение языка открывается как «трансцендентально-герменевтическое измерение intersубъективного соглашения о смысле» вещей и процессов, которое либо в форме языкового «предпонимания» мира, либо в форме научного знания выражает диалектическое единство реального и идеального. Как полагает Апель, в реальности языковое предпонимание мира выражает себя в многообразии естественных языков, понятых в смысле объективного духа; в идеале оно должно вытекать из соглашения о смысле в неограниченном коммуникативном сообществе, удовлетворяющего особой «этике дискурса» [11].

Интерпретация сущности вещей как зависящей от использования языка превращается в серьезную проблему «трансформированной» трансцендентальной философии, которая должна теперь сочетать факт наличия множества реальных конкурирующих языковых игр с нормативным постулатом о консенсусе, достигаемом в трансцендентальной языковой игре идеального неограниченного сообщества – апелевского методологического аналога «чистого разума» традиционной теории познания.

Таким образом, учитывая фактор включенности отдельных языковых игр в межлическую коммуникацию, больше нельзя говорить о том, что мировосприятие определяется исключительно строением языков. Как полагает Апель, все естественные языки могут, несмотря на системные различия, выразить существенные мысли научно-технической цивилизации в практически эквивалентных относительно значений языковых образованиях.

Представления о мире, сформированные на уровне языка, ограниченного конкретной формой жизни, корректируются и дополняются на научном уровне. Можно даже предположить, что онтосемантика обыденного языка снимается на этом втором уровне семантикой, сформированной на базе научных теорий, как отражающей более адекватное и универсальное понимание мира. Несмотря на это оба названных качественно различающихся уровня всегда будут сосуществовать, поскольку речь идет о различных дополняющих друг друга способах открытия мира. Утверждаемая Апелем

относительная автономность научных представлений от обыденных выражает его идеал универсального дискурса, проводимого в рамках идеального коммуникативного сообщества и нацеленного на поиск объективного, т. е. универсально общезначимого знания.

С учетом того, что конституирование мира объективного опыта происходит при разных начальных условиях, различными способами и по различным направлениям, онтология, по мнению Апеля, должна быть разработана на базе «критически-герменевтического овладения аспектами мира ситуаций (Situationswelt), открывающимися в различных языковых играх» [12]. Онтология, следовательно, есть философская рефлексия о вариантах интерпретации мира, предлагаемых различными языковыми играми, которая осуществляется в форме аргументационного дискурса в соответствующем коммуникационном сообществе и позволяет выявить то общезначимое, т. е. объективное, что выходит за пределы полагаемого таковым в рамках отдельных языковых игр. Для того чтобы выполнять функцию обоснования предпосылок, на которых базируется научное познание, онтология должна постоянно проблематизировать свои собственные основания в форме трансцендентальной критики языка. Только на таком фундаменте она может функционировать как герменевтическая теория «понимания бытия».

Примечания

1. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 121.
2. Там же. С. 122.
3. *Tugendhat E.* Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie. Frankfurt a. M., 1976. S. 39.
4. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1973. S. 311. (В дальнейшем цитируется как TP 2).
5. TP 2: 96.
6. TP 2: 98–100.
7. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie. Bd. 1. Frankfurt a. M., 1973. S. 183. (В дальнейшем цитируется как TP 1).
8. TP 2: 99.
9. TP 1: 174–184.
10. TP 1: 183.
11. TP 2: 338.
12. TP 1: 173–182.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.614

А. В. Махиянова

СПЕЦИФИКА КЛАССИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ СОЦИОЛОГИИ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В данной статье представлен анализ классических подходов О. Конта, Г. Спенсера, Ч. Кули, Дж. Мида, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса в изучении социализации личности, обосновывается их применение в современных условиях посредством рассмотрения социализации как механизма усвоения социальных ролей и общепринятой культуры, позволяющего обеспечить сохранение общества и его социальной структуры.

The given article presents the analysis of classical approaches of O. Kont, G. Spenser, C. Kuli, J. Meade, E. Durkheim, T. Parsons to studying personal socialization. Application of these approaches in modern conditions is grounded by means of considering socialization as a mechanism of adopting social roles and the common culture allowing to ensure preservation of society and its social structure.

Ключевые слова: социализация, личность, классический подход.

Keywords: socialization, person, the classical approach.

Современное российское общество находится в условиях всесторонних структурных изменений, которые затрагивают функционирование социальных институтов и общностей и традиционные рычаги воздействия на индивида. Еще сто лет назад его жизнедеятельность была строго регламентирована как обществом, так и близким окружением. В настоящее время ситуация значительно изменилась.

Трансформации подверглись многие агенты социализации, произошла смена ценностных приоритетов, ориентиров, норм и стандартов поведения. В целом произошедшие изменения в обществе обусловили широкий интерес к социализации как научной проблеме, актуализировали задачи изучения ее механизмов.

Для осмысления и дальнейшего анализа социализации личности необходим учет накопленного опыта, который позволит обосновать специфику и применимость классических подходов для ее анализа в современных условиях. Стоит также отме-

тить, что при научном анализе современных процессов и тенденций в обществе исследователи должны не только опираться на научный опыт классиков и предшественников, но и уметь применить их в ракурсе своего анализа. Учитывая, что идеи классиков были ориентированы на современное им общество, нередко возникают сложности относительно их применения для анализа столь стремительно меняющейся социальной жизни в настоящем.

Анализ классических подходов в социологии позволяет утверждать, что в центре внимания исследователей находилось изучение и описание процесса взаимодействия личности и общества, в связи с чем проблема социализации также изучалась под этим углом.

Основатель социологии О. Конт рассматривал многие проблемы через призму подчинения индивидуального общественному. Он считал, что общество определяет развитие и деятельность всех составляющих его элементов: личности, организации, группы и т. д. В связи с этим личность не является абсолютно свободной в своих действиях и не может независимо от общества развиваться, так как ее жизнь происходит в пределах общества и контролируется общепризнанными нормами, правилами и законами. О. Конт утверждал, что социальные качества индивид приобретает прежде всего в семье. В связи с этим ведущую роль в процессе социализации он отводил семье, которая выполняет, по его мнению, функции культурного наследия и согласования устремлений различных поколений [1].

Таким образом, личность ставится ученым в зависимость от социума и его элементов, а социализация представляет собой механизм как формирования социальных качеств личности, так и адаптации к социальной среде. Безусловно, в его теоретических положениях исключается положение об активности личности, возможности выбора ею социальной среды. Однако в целом данный подход можно использовать при изучении адаптационного механизма социализации в современных условиях.

Современное общество отличается стремительными и все ускоряющимися темпами развития, ценности и нормы и стандарты поведения претерпевают постоянную трансформацию, распространяется множественность стилей поведения и образов жизни. На фоне данных процессов адаптационные механизмы личности и их усвоение в процессе социализации, безусловно, приобретают все большую значимость и требуют научного переосмысления.

Г. Спенсер также приоритет отдавал обществу. Он сравнивал его с живым организмом, который развивается по естественным, главным образом биологическим законам. Общество и его социальные элементы, так же, как и живые существа, в процессе их роста и развития увеличиваются в объеме и усложняются, а их части приходят во все большую зависимость друг от друга. Общество доминирует над человеком, который в естественном состоянии антисоциален. Приобретение индивидом социальных качеств осуществляется посредством прохождения социальных институтов: домашних, обрядовых, политических, церковных и др., – которые являются механизмами самоорганизации совместной деятельности людей [2].

Таким образом, используя идеи Г. Спенсера, социализацию необходимо рассматривать как результат функционирования социальных институтов. Ученый составил определенный рейтинг (в современном понимании) деятельности социальных институтов в процессе превращения индивида из антисоциального состояния в социальное существо. И в данном ракурсе интересным с методологической и практической точек зрения будет сравнение степени влияния современных социальных институтов на процесс социализации личности. Сравнительный анализ можно провести как в исторической ретроспективе, так и между социальными институтами как агентами социализации.

Будет явным упущением исключить из анализа взгляды на социализацию Ч. Кули, который поставил задачу изучить постепенное понимание личностью своего «Я», отличного от других.

Ч. Кули определяет три стадии построения «зеркального Я»:

- 1) наше восприятие того, как мы смотрим на других;
- 2) наше восприятие их мнения по поводу того, как мы смотрим на других;
- 3) наши чувства по поводу этого мнения.

В ходе достижения зрелости личность в конструировании своего социального «Я-образа» переходит от мнений и оценок окружающих людей к мнениям специалистов. В целом личность формируется или ощущает себя в зависимости от оценок окружающих и их совокупности. Их она воспринимает на себя, посредством них составляет свое «Я», свою индивидуальную конфигурацию. Это в итоге формирует ее идентичность [3].

Стоит также упомянуть подход Дж. Мида, в котором показывается процесс восприятия индивидом других личностей, включая в том числе их оценки о себе. Предложенная им теория «обобщенного другого» во многом дополняет теорию «зеркального Я». «Обобщенный другой» в совокупности представляет собой всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у ее представителей индивидуаль-

ный «Я-образ». Именно в процессе общения индивид встает на место других и оценивает свои действия и наружность в соответствии с представлениями и оценками «обобщенного другого» [4].

Наиболее полно применить данные теоретические положения можно при детальном изучении отдельно взятых агентов социализации (семьи, социального окружения, этнической и религиозной общностей). Именно агенты первичной социализации во многом отвечают за восприятие индивидом ценностей, норм, ролей, оценок, жизненных ориентаций, которое происходит через других людей, при сравнении себя с другими.

Несмотря на то что идеи авторов по преимуществу сводят активность личности к минимуму, а социализация представляет односторонний процесс, в котором личность выступает в качестве объекта, основные теоретические положения актуальны при научном исследовании процесса идентификации. Особенно взгляды Дж. Мида позволяют лучше показать и раскрыть личностный аспект социализации посредством взаимодействия личности со средой, группой и отслеживания механизма восприятия ею ценностей в ходе создания своего «Я-образа».

Э. Дюркгейм, исходя из предложенной им концепции социализма, трактовал природу, происхождение и функции морали, выводя их из социальных условий, социальной среды и структуры общества. Понимание социализации ученый выводит из двойственной природы человека. С одной стороны, в человеке присутствуют биологические функции, импульсы, составляющие его биологическую природу, с другой – путем воспитания создается социальная природа человека, которую составляют нормы, ценности, идеалы. Роль общества проявляется в контроле биологической природы человека посредством принудительной силы морали, выступающей в качестве системы объективных правил, которой человек не может не подчиниться [5].

Таким образом, основная функция социализации сводится к приобщению индивидов к идее «коллективного сознания» посредством установления однородности и целостности общества. При этом Э. Дюркгейм признает личность социализированной, если она наделяется умением подавлять индивидуальные интересы во имя общественных интересов.

Стоит также отметить, что социализация в трактовке ученого тесно взаимосвязана с процессом воспитания, цель которого заключается в формировании социального существа посредством развития в ребенке необходимых обществу свойств и качеств. В свою очередь, ослабление контроля общества над индивидами приводит к состоянию аномии, дезинтеграции общества. Именно аспект соотношения функционирования и дезинтеграции как последствия дисфункций социальных институтов

наиболее явно проявляется в современном обществе. Многие российские исследователи сходны во мнении о наличии явных дисфункций в реализации воспитания как со стороны семьи, так и школы как агентов воспитания. Можно говорить об ослаблении контроля общества над индивидами и как следствие наличие процессов дезинтеграции и снижение однородности и целостности общества.

Подход Р. Мертон, который развивал теоретические построения Э. Дюркгейма, содержит оригинальную типологию социальной адаптации личности к существующим в обществе культурным ценностям и нормам. В основу этой типологии Р. Мертон закладывает соотношение признания индивидом социальных ценностей и норм их достижения. Это позволило выделить пять типов личности.

Первый тип – личность, признающая как социальные ценности, так и нормы их достижения. По сути, это конформистская личность, и она является оптимальной для общества.

Второй тип личности – личность инновационная. Для такой личности характерно экспериментирование в области норм достижения социально значимых ценностей.

Третий тип личности связан с экспериментированием в области социальных целей, выражающихся в отказе от целей традиционных и выдвижении и поиске новых. Такой тип личности называется ритуализированным.

Неприятие социальных целей и норм их достижения характеризует четвертый тип личности – изоляционистский.

Пятый тип личности, так называемый тип «мятежника», характеризуется не эскапизмом, а выдвижением как новых целей, так и новых средств их достижения, идущих в разрез с социально одобряемыми методами их достижения [6].

На наш взгляд, подход Р. Мертона предполагает новый взгляд на процесс социализации. В отличие от предшествующих рассмотренных подходов появляется элемент социальной активизации личности. Ее суть сводится к тому, что в процессе социализации личность не только принимает ценности и нормы, существующие в обществе, но и может отвергать их. Учитывая состояние современного общества, можно говорить о возрастании роли отвержения личностью ценностей и норм и неоднократной сменой в них приоритетов в процессе своей жизни.

В целом общую характеристику классических подходов к изучению социализации можно свести к следующим аспектам. Во-первых, для личности исключается возможность стать субъектом, активным деятелем социализации. За ней закрепляется только способность воспринимать и отвечать на ожидания других людей. Поэтому мы можем говорить о доминировании адаптационной специфики социализации.

Несмотря на ограниченность в этом плане классических подходов при изучении социализации в современных условиях данную сторону анализа нельзя полностью исключать, так как адаптационные механизмы и особенно их реализация личностью, например в период трансформационных преобразований, не потеряли своей значимости и актуальности.

Во-вторых, в классических подходах прослеживается некая авторитарность общества по отношению к личности, за которой закрепляются в основном исполнительские роли. В связи с этим не индивид регулирует социальные нормы, а они имеют над ним преимущество и власть. За индивидом остается лишь право выбора тех или иных социальных норм, которое носит социально обусловленный характер. Тем самым также происходит исключение возможности активизации личности, так как она выступает в роли объекта воздействия общества.

Однако это не исключает способность личности воспринимать знания и взаимодействовать с окружающим миром, а в более поздних теоретических подходах и отвергать некоторые ценности и нормы. Данную специфику классических подходов можно использовать в изучении первичного этапа социализации, который характеризуется наиболее сильным влиянием ее агентов на формирование личности и идентификационные процессы в целом.

Примечания

1. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
2. Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898.
3. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея пресс: Дом интеллект, 2000. С. 113–123.
4. Mead G. Mind, self and society. Chicago, 1934. P. 140–141, 187–192.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 328–338.
6. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 92–118.

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 37.014.542

К. Е. Панасенко

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальным направлением развития системы образования является регионализация, предполагающая его адаптацию к социально-экономическим условиям данного региона. В данной статье автор рассматривает основные направления модернизации регионального образования на примере Белгородской области.

Regionalization of the educational system, which presupposes its adaptation to socio-economic conditions of the region, is an actual direction of educational system development. In the article the author examines the main directions of regional education modernization in Belgorod region.

Ключевые слова: образование, региональное образование, модернизация регионального образования.

Keywords: education, regional education, modernization of regional education

В современных условиях система образования является важнейшим социальным институтом, определяющим развитие общества и государства. Из трех функций государства – «учить, лечить и охранять» – образование определяет главную на современном этапе составляющую – формирование будущего, т. е. развитие [1].

Российская система образования способна конкурировать с системой образования передовых стран. При этом необходима широкая поддержка со стороны общественности проводимой образовательной политики, восстановление ответственности и активной роли государства в этой сфере, глубокая и всесторонняя модернизация образования с выделением необходимых для этого ресурсов и созданием механизмов их эффективного использования [5].

Общезвестно, что образование – один из важнейших универсальных компонентов социальной жизни любого современного государства. Образование в широком смысле включает обучение и воспитание (закон РФ «Об образовании»), представляет собой один из факторов воспроизводства человека и типа ментальности, характерного для оп-

ределенного народа, а следовательно, в переломные моменты истории – и модернизации общества.

В рамках социологических исследований образование рассматривается как «совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, приобретенных индивидом самостоятельно либо в процессе обучения в специальных учебных заведениях, социальный институт, выполняющий функции подготовки и включения индивида в различные сферы жизнедеятельности общества, приобщение его к культуре данного общества» [8].

Важнейшим приоритетом развития современной системы образования является регионализация образования через создание многоуровневого образовательного пространства с разграничением полномочий между субъектами федерации и местными органами управления, с развитием национальных систем образования.

В соответствии с принципами государственной образовательной политики, изложенной в законе «Об образовании» (1996), назначением региональной системы образования является удовлетворение потребности личности в получении тех общенаучных, общекультурных и профессиональных знаний и навыков, которые позволят ей занять приемлемую для нее социальную позицию. С другой стороны, ее функцией является удовлетворение потребностей региона в культурно развитых и профессионально грамотных специалистах определенной квалификации в соответствии со структурой и величиной спроса на региональном рынке труда.

Регионализация рассматривается российскими исследователями как необходимое условие существования образования в рамках отдельной территории. По их мнению, она тесно увязывается с социальным развитием самого региона и описывается чаще всего понятием «региональное образовательное пространство» [3, 7].

Под «региональным образовательным пространством» понимается направленность деятельности определенных структур системы образования в целях максимального удовлетворения региональных интересов, под которыми подразумеваются материальные и духовные интересы личности, удовлетворение которых зависит в значительной степени от места жительства и которые в то же время являются общими для большей части населения данной территории [10].

Однако несмотря на многочисленные исследования, проводимые в данном направлении, пробле-

ма «регионализации системы образования» остается одной из актуальных.

Анализируя региональную организацию системы образования, исследователи предлагают выделять три базовых фактора: демографическую ситуацию региона, социально-экономическое развитие региона и образование [2].

1. Демографическая ситуация региона

Современная демографическая ситуация в России характеризуется всеобщим переходом населения от одного исторического типа воспроизводства к другому, постепенным переходом от много- и средне- к малодетности, что обусловлено социально-экономическими и политическими условиями жизни. Данное явление характерно и для Белгородской области.

Численность населения в Белгородской области стабильна и с 2004 г. выдерживается на уровне 1,5 млн человек. Естественный прирост населения осуществляется за счет миграции.

Демографическая ситуация характеризуется естественной убылью населения на протяжении ряда лет, что характерно и для России в целом. Показатель естественного прироста (убыли) в 2007 г. в Белгородской области составил $-5,8$ человек на 1000 человек.

2. Социально-экономическое развитие региона

Белгородская область по основным социально-экономическим направлениям является признанным лидером в Центральном федеральном округе и России. Достигнуты все контрольные показатели по реализации четырех национальных проектов: «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Развитие АПК», «Здоровье», «Образование».

Исходной основой факторов и путей социально-экономического развития является экономическое районирование, базирующееся на широком круге показателей, главными из которых являются следующие: объем валового регионального продукта, ВВП на душу населения, объем капитальных вложений, объем прямых иностранных инвестиций в регионы, бюджетные доходы регионов, прожиточный минимум.

Экономическое развитие области характеризуется положительной динамикой, что позволяет с большой долей уверенности говорить об удвоении ВРП в 2008 г. по сравнению с 2006–2007 гг.

3. Образование

В Белгородской области сложился замкнутый цикл образования: от дошкольных воспитательных учреждений, учреждений общего образования до различных ступеней высшего профессионального образования, магистратуры, аспирантуры. Представлены также различные формы дополнительного образования как для детей, так и для взрослых. В наличии имеются также различного уровня структуры повышения квалификации и переобучения.

В системе образования региона воплощается принцип интегрированного и дифференцированного подхода к обучению лиц с различным уровнем способностей и возможностей.

Широко представлен выбор различных форм обучения, различный уровень сложности. Отсюда существует возможность выбора образовательного учреждения, уровня образования, формы получения образования в зависимости от желаний, способностей и возможностей обучающегося населения.

Система образования региона в основном готовит специалистов, востребованных экономикой области. В то же время на рынке труда области имеется значительный дефицит квалифицированных специалистов во всех сферах экономики региона.

На наш взгляд, решение данной проблемы может быть осуществлено через разработку региональных программ развития систем образования в рамках приоритетного национального проекта «Образование», который не только выступает катализатором развития образования, но и оказывает существенное влияние на становление инновационной экономики.

Основными задачами региональной программы развития образования в Белгородской области являются:

1) модернизация институтов образования как инструментов социального развития, включая:

- создание системы образовательных услуг, обеспечивающих раннее развитие детей независимо от места их проживания, состояния здоровья, социального положения;

- создание системы выявления и поддержки одаренных детей и талантливой молодежи;

2) формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей, включая:

- создание прозрачной, открытой системы информирования граждан об образовательных услугах, обеспечивающей полноту, доступность, своевременное обновление, достоверность информации;

- создание прозрачной объективной системы оценки учебных и внеучебных достижений учащихся как основы перехода к следующему уровню образования;

- создание механизмов участия потребителей и общественных институтов в контроле и оценке качества образования;

3) обеспечение инновационного характера базового образования в соответствии с требованиями экономики, основанной на знаниях, включая:

- обновление содержания и технологий образования, обеспечивающее баланс фундаментальности и компетентностного подхода;

- развитие вариативности образовательных программ;

– обновление структуры сети образовательных учреждений в соответствии с задачами инновационного развития;

– обновление механизмов финансирования образовательных учреждений в соответствии с задачами инновационного развития;

4) создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров, включая:

– систему внешней независимой сертификации профессиональных квалификаций;

– систему поддержки потребителей услуг непрерывного профессионального образования;

– систему поддержки организаций, предоставляющих качественные услуги непрерывного профессионального образования.

Основными путями решения поставленных задач являются:

– применение в системе образования нового организационно-экономического механизма, в рамках которого будут введены налоговые стимулы финансирования получения образования;

– перевод значительной части учреждений образования в статус автономных с сохранением доли государственного финансирования;

– финансирование всех видов образовательных учреждений на основе подушевого принципа;

– использование гибкой системы заработной платы преподавателей, выводящую ее в среднем на уровень сопоставимой со средним уровнем зарплаты в экономике и стимулирующую качество работы;

– существование нескольких программ поддержки академической мобильности, совместных исследований университетов и бизнеса, инновационных образовательных программ;

– развитие конкуренции образовательных учреждений разных форм собственности за получение как бюджетных, так и внебюджетных средств.

– изменение принципов управления в системе образования с широким привлечением общественности.

При отработке путей реализации региональной программы развития образования предполагается решение таких частных задач:

– как развитие дошкольного образования;

– развитие общего образования, предполагающего профильное обучение учащихся;

– совершенствование и развитие системы социальной поддержки детей, нуждающихся в помощи государства и в системе специального (коррекционного) образования;

– повышение качества образовательных услуг;

– развитие системы начального и среднего профессионального образования с обязательным участием работодателей на всех этапах образовательного процесса;

– развитие высшего и послевузовского профессионального образования, ориентированного на по-

лучение знаний, необходимых для инновационной экономики.

Реализация поставленных целей позволит:

– получать гражданам бесплатное начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование и начальное профессиональное образование, а также на конкурсной основе бесплатное среднее профессиональное, высшее профессиональное и послевузовское профессиональное образование в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование определенного уровня граждане получают впервые;

– создать социально-экономические условия для реализации конституционных прав граждан на образование;

– гармонично развивать личность и ее творческие способности на основе формирования мотивации необходимости образования и самообразования в течение всей жизни;

– дальнейшее развитие нормативных правовых, социальных, экономических, организационных и содержательных основ реализации государственной политики в сфере образования;

– обеспечить правовые, социальные и экономические гарантии функционирования и сбалансированного устойчивого развития системы образования в интересах личности, общества, государства и региона;

– совершенствовать взаимодействие государственных органов власти, органов местного самоуправления и общественных организаций в области развития системы образования;

– разграничить компетенции в области образования между органами государственной власти и органами местного самоуправления в соответствии с законодательством об образовании, другими нормативными правовыми актами и заключение договоров, касающихся конкретных аспектов совместного ведения;

– достигать эффективности и высокого качества образования, научной и научно-технической деятельности образовательных учреждений.

Примечания

1. Беляков С. А., Куклин В. Ж. Системные аспекты образовательной политики и управление образованием // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 3. С. 10–23.

2. Гавриков А. А. Теоретические основы развития регионального университета: автореф. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Великий Новгород, 2001.

3. Григорьев С. И., Демина Л. Д. Соотношение глобального, национального, регионального в образовании: некоторые подходы к исследованию / Университеты России: проблемы регионализации. Рн/А, 1994. С. 58–67.

4. Закон Российской Федерации об образовании: [принят 10.07.92 № 3266-1, с изм. на 01.01.2006 г.]:

офиц. текст по состоянию на 1 января 2006 г. / Законодательство Российской Федерации об образовании: справочник. 5-е изд., испр. и доп. М.: ИФ «Образование в документах», 2005. С. 4–60.

5. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: http://www.dhttp://www.dvgu.ru/umu/МО RF/consept/con_1_02.htm.

6. Национальная Доктрина образования в Российской Федерации: <http://pragov.garweb.ru:8080/pablic/default.asp?no=6094474>.

7. Петровичев В. М. Региональное образование: организация, управление развитием. Тула, 1994. 286 с.

8. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 672 с.

9. Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 гг.: утверждена постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803 // Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2006. № 3. С. 2–36.

10. Якобсон А. Я. Территориальная организация региональной политики. Новосибирск, 1994. С. 29.

УДК 330.14.01

М. В. Прохорова

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье определяется понимание человеческого капитала. Выявляется место и роль административного капитала в системе человеческого капитала. Для измерения социальных позиций индивидов, обладающих различным объемом административного капитала, выделяется совокупность показателей, которые влияют на его формирование. На примере социологического исследования проводится анализ административного капитала, выявляются закономерности и особенности его накопления.

In the article the understanding of human capital is determined. The place and role of administrative capital in the system of human capital are revealed. An aggregate of factors which influence forming administrative capital are marked for measuring the social positions of individuals having different amounts of administrative capital. The analysis of administrative capital is carried out on the basis of sociological research, regularities and features of its accumulation are revealed.

Ключевые слова: теория капитала, человеческий капитал, административный капитал, показатели административного капитала.

Keywords: the theory of the capital, human capital, the administrative capital, indices of administrative capital.

Современное состояние социально-экономической сферы характеризуется изменением ценностных основ жизнедеятельности общества, переоцен-

кой значения роли человека в динамике общественного развития. В этих условиях человек представляет собой важнейший компонент общественного богатства, определенного рода ресурс, капитал, способный приносить прибыль в процессе общественного воспроизводства. Поэтому основой управления любой социально-экономической системой становится управление человеческими ресурсами. Особую актуальность это приобретает в условиях глобального экономического кризиса, когда правильное использование человеческого потенциала должно стать необходимым условием функционирования любой социально-экономической системы.

С ликвидацией государственной монополии на рабочую силу государство не является больше единственным гарантом занятости населения. Возможность осуществления самостоятельной хозяйственной деятельности, выбора места работы, источника дохода позволило обрести человеку экономическую независимость. Сегодня человека не рассматривают, как это было ранее, только как средство и ресурс труда, а определяют его как носителя полезных качеств, способных приносить прибыль.

Человек как определенного рода ресурс рассматривался многими исследователями. Изначально в научной литературе сформировалось два направления исследования данной проблемы.

С одной стороны, исходили из того, что человеческий капитал строго детерминирован производственными процессами. Эта идея находит отражение еще в трудах К. Маркса, который рассматривал человека как второй элемент общественного производства [1]. В процессе производства рабочая сила не только воспроизводится, но и совершенствуется, развивается, происходит накопление производительной силы труда, созидательных способностей человека.

С другой стороны, определяли человеческий капитал как нечто выходящее за рамки сугубо экономической сферы деятельности человека и определяющееся другими ресурсами. Так, например, А. Смит полагал, что основной капитал состоит не только из машин и иных орудий труда, из построек и земли, которыми владеет человек, но и из всех приобретенных и полезных способностей [2]. Хотя первые теоретические исследования не предлагают достаточно четкого изложения понимания человеческого капитала, они закладывают прочный фундамент в направлениях исследования.

Собственно, целенаправленная и систематическая попытка изучения человеческого капитала принадлежит обладателям Нобелевских премий по экономике Т. Шульцу и Г. Беккеру [3]. Т. Шульц под человеческим капиталом понимает запас знаний, навыков, мотиваций человека, способных приносить доход. Г. Беккер особое внимание уделил формам инвестиций в человека. Ими являются об-

разование, подготовка на производстве, медицинское обслуживание, миграция, рождение детей и уход за ними. Таким образом, накопление капитала – инвестиционный процесс, имеющий свои издержки и ожидаемые выгоды.

Большое значение на развитие теории капиталов оказал П. Бурдьё, выделивший и описавший несколько видов капитала [4]. В его понимании «капитал» связывается не только с ресурсом, приносящим прибыль, но и с притязаниями индивида на определенную позицию в поле, в котором этот вид капитала имеет значительную роль и признается другими субъектами. В целом П. Бурдьё выделяет три основные формы капитала: экономический капитал, обладающий денежной ликвидностью и институционализирующийся в форме права собственности; культурный капитал, представляющий собой совокупность культурных практик и институализирующийся в форме образования; и социальный капитал, состоящий из социальных обязательств (связей) и институализирующийся в форме определенного социального статуса. Отмечая, однако, что форм капитала существует гораздо больше (например, символический капитал, властный капитал).

Таким образом, анализ теорий человеческого капитала позволяет вывести интегративное понимание капитала. Под капиталом будем понимать любые ресурсы (экономические, социальные, культурные, символические), характеризующиеся ограниченностью, способностью к накоплению и конвертации, приносящие определенные дивиденды на протяжении всей жизни. Однако открытым остается вопрос, что позволяет человеку занимать высокие позиции в социально-профессиональной сфере. В научной литературе с позиций теории капитала административный ресурс человека исследован в меньшей степени. У отечественных представителей социально-экономической мысли административно-трудовой капитал рассматривается лишь как более широкое, содержательное наполнение понятия «человеческий капитал» [5].

Между тем, очевидно, что обладание административным капиталом является сильным мобилизирующим фактором для интеграции других видов капитала, в том числе и материальных. Он связан со способностью одних хозяйственных агентов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других агентов, используя особые позиции власти и авторитета. Данный вид капитала воплощается в вертикальных организационных иерархических структурах, в которых четко закрепляются формальные позиции управляющих и управляемых, имеющих или не имеющих право на принятие определенных решений. Относительно конкретного человека он проявляется в структуре должностных позиций, каждой из которых вменен определенный круг прав и обязанностей.

П. Сорокин описывает, например, классификацию профессора Ф. Тоуссига, которая, по его словам, «признается почти всеми исследователями» и представляет собой профессиональную пирамиду, на вершине которой размещается группа профессионалов, включающая высокопоставленных официальных лиц и крупных бизнесменов; далее следует класс «полупрофессионалов», мелких бизнесменов и служащих; затем идет класс работников квалифицированного труда (по всей вероятности – ручного); еще ниже расположены профессиональные группы «полуквалифицированного и неквалифицированного труда» [6]. Эта классификация, отмечает Сорокин, основана «на принципе уменьшения интеллекта и контролирующей силы профессии, одновременно совпадающей с уменьшением оплаты труда и с понижением социального статуса профессии в иерархии» [7]. Соответственно можно говорить о том, что по мере возрастания профиля пирамиды, увеличивается накопленный административный капитал.

В любом обществе воспроизводятся неравные стартовые условия для хозяйственной деятельности, сохраняется неравномерное распределение хозяйственных ресурсов и вознаграждений. В борьбе за административные ресурсы одни группы пытаются подчинить себе другие и добиться господства над ними. В этом аспекте можно говорить об отношениях административно-хозяйственной власти, которая включает следующие элементы: право на истолкование событий; особые позиции в распределении ресурсов, доходов; контроль за доступом к информации как особому ресурсу; возможность диктовать правила деятельности; способность оказывать личное влияние на людей. Власть как социальное отношение трудно поддается формализации и проявляет себя скорее опосредованно, через косвенные признаки, к которым относятся место субъектов в общественных иерархиях и право на доступ к ограниченным ресурсам и вознаграждениям.

Таким образом, административный капитал связан с корпоративной стратификационной системой, где дифференциация между группами строится по их формальным позициям в организационных иерархиях. Эти позиции предоставляют различные возможности мобилизации и распределения ресурсов, а также регулирования доступа к ресурсам других агентов. Они также обеспечивают привилегии или вознаграждения, привязанные к должностной позиции. Административный капитал можно охарактеризовать через совокупность приобретенных социально-профессиональных статусов (уровень образования и квалификации, должностное положение и позиции на рынке труда); трудовых статусов (условия и содержание труда); властных статусов (влияние, господство, авторитет). Кроме того, административный капитал детерминирован соци-

альным престижем, выражающим степень уважения и почета, субъективную оценку привлекательности занимаемых социальных позиций.

Для измерения социальных позиций индивидов, обладающих различным объемом административного капитала, выделим совокупность показателей, которые могут его характеризовать (осознавая, что он может быть дополнен и другими показателями).

1. *Образование.* Этот показатель измеряется числом лет, затраченных индивидом на получение формального общего и профессионального образования.

На тесную взаимосвязь административного капитала и уровня образования указывают многие исследователи. Так, различные эмпирические исследования, проводившиеся под руководством П. Бурдые с середины 60-х гг. прошлого века в студенческой и академической среде, подтвердили наличие определенного соотношения между социально-профессиональной принадлежностью агента и уровнем образования, что привело к пониманию особой роли образовательных институтов в распределении и присвоении различными социальными слоями социально-профессионального опыта [8].

Теоретические положения П. Сорокина опосредованно также подтверждают наличие определенного рода корреляции между образованием и объемом накопленного административного капитала. В произведении «Социальная и культурная мобильность» он описывает шкалу профессионального статуса Ф. Барра, которая базируется на выявлении уровня интеллекта, требуемого для выполнения тех или иных профессиональных обязанностей (см. табл. 1) [9].

Анализируя данную таблицу, П. Сорокин приходит к выводу о трех координатах профессионального подпространства: характер труда (ручной или интеллектуальный); уровень интеллекта, необходимый для выполнения данных профессио-

нальных обязанностей; связь с функциями социальной организации и контроля [10].

2. *Квалификация.* Эта переменная измеряется шкалой рангов, занимаемых человеком в профессионально-должностной системе. Для работников физического (ручного) труда она может измеряться в разрядности или классности; для работников управленческого труда это может быть воинское (или приравненное к нему) звание либо разряд (наподобие принятых в России для государственных служащих разрядов Единой тарифной сетки); для интеллектуальных работников – это ученая степень и/или ученое звание. Эта переменная в определенной степени коррелирует со значениями переменной «образование», но не совпадает с ними: так, одному потребуется десять лет на завершение и защиту кандидатской диссертации (из которых лишь три года аспирантуры пойдут в зачет формального образования), а другой потратит на это всего два года, причем вообще минуя официальное положение аспиранта [11].

3. *Возраст.* Эта переменная определяет возрастные интервалы, наиболее благоприятные для продвижения по карьерной лестнице. Кроме того, некоторые исследователи указывают на то, что с возрастом осложняется переход к новой деятельности, снижается возможность формирования и освоения новых знаний и навыков [12].

Практически любая хозяйственная организация производит ранжирование своих членов. Внутри нее можно обнаружить как минимум три социальных слоя, обладающих различным объемом административного капитала: управляющие, имеющие власть и все доступные для организации привилегии; полноправные исполнители (основная масса работающих), не располагающие формальной властью, но имеющие доступ к какому-то ограниченному кругу привилегий; депривилегированные исполнители, не обладающие ни властью, ни привилегиями.

Таблица 1

Индексы интеллекта различных профессий (по Ф. Барру)

Индексы интеллекта	Профессия
от 0 до 4,29	Случайная работа, странствующие рабочие, сбориание отбросов, ремонтники, подневные занятия, простой крестьянский труд, работа в прачечной и т. п.
от 5,41 до 6,93	Водитель, разносчик, сапожник, парикмахер и т. п.
от 7,05 до 10,83	Ремонтник широкого профиля, повар, фермер, полицейский, строитель, почтальон, каменщик, водопроводчик, ковровых дел мастер, гончар, портной, телеграфист, молочник, линотипист и т. п.
от 10,86 до 16,28	Детектив, клерк, служащий транспортной компании, прораб, стенографистка, библиотекарь, медсестра, редактор, учитель в средней школе, фармацевт, преподаватель вуза, проповедник, инженер, артист, архитектор и т. п.
от 16,58 до 17,50	Оптовый торговец, инженер-консультант, администратор системы образования, врач, журналист, издатель и т. п.
от 17,81 до 20,71	Профессор университета, крупный делец, великий музыкант, общенациональные официальные лица, выдающийся писатель, видный исследователь, талантливый инноватор и т. п.

Таблица 2

Социально-профессиональный статус в зависимости от образования, %

Социально-профессиональный статус	Образование			Всего
	Начальное, неполное среднее, среднее	ПТУ, среднее специальное, незаконченное высшее	Высшее, степень магистра, ученая степень	
Топ-менеджер высшего звена управления	8,5	25,7	65,8	100
Менеджер среднего звена управления	7,3	40,9	51,8	100
Менеджер низшего звена управления	13,8	55,3	30,9	100

Таблица 3

Оценка перспектив служебного роста в зависимости от образования, %

Уровень образования	Оценка перспектив служебного роста		
	Я достиг высокого служебного уровня	Я рассчитываю на дальнейший рост служебной карьеры	Я считаю, что у меня нет перспектив служебного роста
Начальное	1	–	0,6
Неполное среднее	0,3	1,5	3,4
Среднее	12,5	12,3	26,7
ПТУ	6,8	7,7	17,2
Среднее специальное	33,3	33,7	34,8
Незаконченное высшее	4,4	7,4	2,4
Высшее	40,1	36,4	14,9
Степень магистра	–	0,1	–
Ученая степень	1,3	0,6	0,1
Не дали ответа	0,3	0,1	–
Всего	100	100	100

Рассмотрим, как влияют выделенные нами показатели на формирование административного капитала. Для социологической наглядности воспользуемся результатами исследования, проведенного Институтом общественного проектирования (г. Москва) в рамках проекта «Социальная стратификация России» в ноябре 2004 г. По репрезентативной выборке было опрошено 15200 человек. Опрос проводился в 54 областях РФ, представляющих семь федеральных округов, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Респонденты представляли жителей семи различных типов населенных пунктов – от деревень до крупных городов с населением свыше 1 миллиона человек.

Исследование показало, что высшие административные позиции в социально-должностной иерархии занимают люди с высшим образованием, а иногда даже обладающие степенью магистра, научной степенью (табл. 2), причем показательно то, что в когорте менеджеров низшего звена управления преобладают работники со средним специальным образованием. Соответственно это подтверждает тезис о том, что накоплению административного капитала способствует получение образования.

Высокую оценку своего профессионально-должностного статуса дают люди с высшим образованием. Они же в большей степени ориентированы на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. На отсутствие восходящей мобильности в

служебной карьере указывают работники, имеющие образование ниже средним специальным (см. табл. 3).

Исследование показало, что на дальнейшее продвижение по служебной лестнице рассчитывают в большей степени руководители, топ-менеджеры высшего звена управления (41,9%); руководители, менеджеры среднего звена управления (43,7%); руководители, менеджеры низшего звена управления (31%), работники интеллектуального труда высшей категории (37,5%); квалифицированные работники интеллектуального труда (27,7%), т. е. те категории людей, которые обладают большим объемом накопленного капитала. Вместе с тем очевидно, что некоторые социально-профессиональные статусы обладают низкими способностями накопления административного капитала. Малообразованные работники интеллектуального труда (24,3%); высококвалифицированные работники физического и умственного труда (22,6%); работники квалифицированного физического труда (35,5%); высококвалифицированные работники сельского труда (32,3%); квалифицированные работники сельского труда (38,3%); неквалифицированные работники сельского труда (52,4%) указывают на то, что по характеру работы нет возможностей служебного роста.

Самым продуктивным для накопления административного капитала является возрастной интер-

вал от 35 до 45 лет, где значительной оказывается группа людей, занимающая высокие социальные позиции в профессиональной иерархии (35,3% – топ-менеджеров высшего звена управления), тогда как в интервале до 35 лет их оказывается лишь 10,2%, а старше 46 лет – 18,5%.

Кроме того, можно говорить о следующей зависимости: с увеличением возраста повышается оценка своего служебного статуса. Так, в возрастном интервале от 45 и более лет большинство респондентов считают, что достигли высокого служебного уровня (65,4%), а на дальнейший рост служебной карьеры рассчитывают лишь 13,7% представителей этого возрастного интервала. Таким образом, административный капитал имеет возрастные границы своего развития и накопления. Возраст в настоящее время является важнейшим критерием при приеме на работу, увольнении, решении других кадровых вопросов. Полагаем, что этот феномен обуславливает выдвигаемые современными работодателями требования относительно работников и широкое распространение в профессионально-деловой сфере нашего общества эйджизма. Эйджизм (ageism) означает отрицательное, предвзятое отношение к людям на основе их хронологического возраста [13]. В большей степени на дальнейший карьерный рост рассчитывают респонденты в возрасте от 25 до 34 лет (38%).

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что административный капитал в системе человеческого капитала занимает существенную позицию. Индивиды, обладающие достаточным объемом административного капитала, в большей степени, чем другие хозяйственные агенты, имеют доступ к материальным и социально значимым ресурсам, имеют право на самостоятельное принятие управленческих решений.

Примечания

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 517–642.

2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993.

3. Shultz T. W. Investment in Human Capital // <http://web.ebscohost.com/ehost/pdf>.

4. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.

5. Смирнов В. Т. Классификация и виды человеческого капитала в инновационной // <http://creativesconomy.ru/library/prd165.php>; Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.

6. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность. М., 1992. С. 355.

7. Там же.

8. Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London, 1996.

9. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность. М., 1992. С. 356.

10. Там же.

11. Анушин В. Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 95.

12. Заяц О. В. Занятость населения и ее регулирование. Владивосток, 2003. С. 43.

13. Социально-психологическая работа с пожилыми людьми: опыт Кузбасса: сборник учебно-методических статей / под ред. О. В. Красновой. М., 2002. С. 67; Социальная работа и здравоохранение: 200 основных терминов по-английски и по-русски / под общ. ред. Н. С. Григорьевой. М., 1996. С. 245.

УДК 316.7

И. В. Тесленко

БИЗНЕС-КУЛЬТУРА В РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В статье рассматриваются категории «организационная культура», «бизнес-культура»; выделяются национальные особенности российской бизнес-культуры. Автор выявил специфику формирования бизнес-культуры в современных российских условиях и формулирует наиболее важные аспекты ее изучения, оказывающие влияние на конкурентоспособность фирмы в целом и на работу с персоналом в том числе.

In this article the categories “organizational culture” and “business culture” are considered; some national features of Russian business culture are singled out. The author reveals specificity of forming business culture in modern Russian conditions and formulates the most important aspects of its studies influencing competitiveness of a firm as a whole including work with the personnel.

Ключевые слова: бизнес-культура, организационная культура, национальная культура, конкурентоспособность, политика предприятия в области подбора персонала.

Keywords: business culture, organizational culture, national culture, competitiveness, politics of an enterprise in the field of selection of the personnel.

Формирование бизнес-культуры современной России идет в условиях перехода к рыночной экономике, с одной стороны, а с другой – в русле глобальных тенденций, характерных для всех современных стран. Россия за последние сто лет несколько раз пережила качественное изменение подходов к общей организации жизни, что, безусловно, влияет и на профессиональную деятельность, на ежедневное выполнение должностных обязанностей при постоянном не обязательно осознанном ощущении особенностей внутренней среды предприятия. В связи с этим становится актуальным анализ специфики бизнес-культуры современной России, процессов, происходящих внутри на-

© Тесленко И. В., 2009

циональной и организационной (корпоративной) культур.

Традиционно организационная культура определяется как система общепринятых в организации представлений и подходов к постановке дела, к формам отношений и к достижению результатов, которые отличают данную организацию от всех других. В нашей стране интерес к корпоративной культуре резко усилился в начале 90-х гг. XX в., причем часто она воспринимается как идеология управления, основу которой формируют ценностные ориентации, верования и нормы поведения работников.

Элементами корпоративной культуры являются: система ценностей, люди-герои, воплощающие культурные ценности и служащие примером для подражания; церемонии и ритуалы как символические мероприятия, включенные в спланированную повседневную жизнь организации; культурная сеть организации или скрытая иерархия власти в организации.

Корпоративная/организационная культура относится к факторам внутренней среды организации; это образ жизни, мышление, существование, оказывающее огромное влияние и на кадровый менеджмент, отношение к которому в российских компаниях за последние десятилетия значительно изменилось. Управление персоналом вошло в систему организационного управления и сегодня связано с целым комплексом управленческих элементов, таких, как постановка целей, выработка стратегии, планирование, организация, контролинг и др. Стало очевидно, что производительность, творческий потенциал персонала компании являются важнейшими характеристиками, определяющими успех предприятия, стабильное существование, в том числе и в условиях экономического кризиса.

При анализе национальной бизнес-культуры в первую очередь внимание приковывают культивируемые в национальной среде ценности, являющиеся основой для жизни в целом и для ведения дел в бизнесе. Традиционно в менеджменте, организационном консультировании анализируют специфику восточной и западной культур, японской и американской, в последнее время вызывает интерес китайская культура. По своей сути восточная культура является синтетической, созданной на основе не столько взаимодействия, сколько сосуществования различных религиозных и философских систем, которые с точки зрения их носителей отражают взгляды на мир. Жители Востока склонны признавать право других людей на иной образ мысли, что позволяет легче их понимать. Европейцы и американцы стремятся в своем сознании и управленческой практике найти единственно верный универсальный образ действий, который определяется аналитически. Они склонны признавать

свой образ жизни если не единственно правильным, то, по крайней мере, лучшим. Для западной культуры характерно только одно решение проблемы – однозначная победа над соперником или средой. На Востоке традиционной является установка общественного сознания на коллективизм (принадлежность к какой-либо социальной группе), а Запад ориентирован на личность, он индивидуалистичен.

Вместе с тем в рамках восточной и западной культур существуют национальные различия, отражающие специфику их исторического развития. Так, например, американский индивидуализм возник в американском обществе в XVIII–XIX вв., когда в страну прибывали сотни тысяч переселенцев. Вновь прибывшие рассчитывали только на себя, стремились быть обладателями частной собственности. Этот индивидуализм, имеющий эгоистические корни, по мере роста могущества страны и богатства ее граждан превратился в крайний индивидуализм и на основе признания своей культуры высшей объявил весь мир сферой национальных интересов и потребовал от всех следования американской политике.

На японский менеджмент накладывает отпечаток время выхода на мировой рынок – после Второй мировой войны. Япония переняла у Европы и США положительный опыт, прежде всего, ориентацию на новые технологии и психологические методы менеджмента. В Японии более высоко ценят опыт работы, чем образование; очень внимательно относятся к связям между людьми, а также к личностным особенностям работников, склонны подбирать должность под человека, а не человека под должность. Японцы избегают индивидуализма в своих действиях, не склонны к навязыванию персональной ответственности, практически не контролируют эффективность действий отдельного работника; гораздо более важной для них является коллективная ответственность. Еще одна особенность японского менеджмента состоит в том, что руководящие работники особое внимание уделяют технологическим нововведениям. С этой точки зрения Япония превосходит все страны мира.

Интересны расхождения в базовых ценностных установках японской и китайской культур. Так, для японцев характерна мания тотального качества с безупречной верностью и преданностью своему предприятию. С другой стороны, у китайцев культивируется жажда быть хорошим и правильным, любовь к начальству, гибкость, быстрая приспособляемость к меняющимся условиям, а также бескомпромиссный патриотизм.

Особенности национальных культур накладывают отпечаток на все стороны существования общества, являются базовыми характеристиками, основой для формирования национальной бизнес-культуры. Очевидно, что национальные особенно-

сти управления организацией важны для менеджера в связи со следующими мотивами: 1) в настоящее время многие организации активно взаимодействуют с зарубежными фирмами и компаниями, и в процессе взаимодействия могут возникать проблемы, связанные с тем, что его участники действуют в соответствии с традициями, принятыми в их культуре; 2) опыт зарубежных компаний может быть полезным в других культурах; особенно это важно в связи с формированием мировой экономики и усложнением связей между экономиками отдельных стран; 3) при трудоустройстве за границей менеджеру (как и любому другому работнику) потребуются хотя бы некоторые знания о том, как принято управлять деятельностью людей в данной стране; эта же позиция распространяется на взаимодействие организаций разных стран. В связи с этим возникает выражение «национальная бизнес-культура», подчеркивающее, что основу для ее формирования составляют специфические национальные черты.

История России дает нам многочисленные примеры того, как высшее руководство страны, ведущие консультанты, анализируя зарубежный опыт, пытались определить стратегию дальнейшего развития страны. Богатая национальными традициями Россия требует сегодня повышенного внимания к себе в свете оргразвития, становления национальной бизнес-культуры. В связи с этим выделим наиболее значимые специфические российские черты.

Анализ литературных источников показывает, что главной положительной чертой русского национального характера является доброта, а отрицательной – пьянство. Н. Бердяев утверждал, что «русские гораздо более социабельны, более склонны и более способны к общению, чем люди западной цивилизации. У русских нет условности в общении. У них есть потребность видеть не только друзей, но и хороших знакомых, делиться с ними проблемами и переживаниями, спорить» [1]. Отмечая положительные моменты в русском менталитете, 23% респондентов в ходе проведенного автором социологического исследования [2] вспоминают про доброту, доброжелательность и добродушие. Доброта русского народа проявляется и в отсутствии злопамятности, не случайно утверждение Ф. Достоевского о том, что «русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют» [3]. В целом душевность отмечают 14% респондентов, гостеприимство – 11%, терпение – 8%; еще 5% восхищаются верой, милосердием и всепрощением. Любопытно, что щедрыми россияне считают 4% опрошенных, простыми и добродушными – 3%. Эти цифры приводят к утверждению о том, что противоположные друг другу свойства и способы поведения существуют в русской жизни.

Н. Бердяев указывает на отрицательную черту: «Широк русский человек, широк, как русская земля,

как русские поля. Славянский хаос бушует в нем» [4]; не случайно около 30% респондентов указали на лень и разгильдяйство. О русском вранье Ф. Достоевский написал насмешливую статью: «У нас в огромном большинстве лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою» [5]. Французский историк Моно (Monod) писал о русских: «Я не знаю народа более обаятельного; но я не знаю и более обманчивого» [6]. Бердяев говорит: русским народом «можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ожидать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть» [7].

Тем не менее 6% респондентов считают главным недостатком русского характера «надежду на авось», 5% – зависть, 2% высказали мысль, что у русских вообще нет отрицательных черт. Удивительно, но опрошенные считают, что русским не свойственна смекалка (ее назвали только 2%).

Российская история имеет опыт по формированию национальной бизнес-культуры: семь принципов ведения дел в России, утвержденные в 1912 г. Российским Союзом промышленников и предпринимателей заявляли о важности уважения власти; необходимости честности и правдивости; уважении права частной собственности; любви и уважении к человеку; верности своему слову; жизни по средствам; целеустремленности.

Интересна зависимость бизнес-культуры от морально-этических принципов, разделяемых в обществе. К сожалению, в понимании многих россиян коммерция с моралью несовместима. Не случайно древнеримский философ Цицерон ограничился утверждением, что большая прибыль делается большим обманом. Однако, подтверждая высказывание Аристотеля, определившего этику как знание того, что следует делать и от чего следует воздержаться, практический опыт наиболее развитых стран демонстрирует неумолимый рост значимости моральных ценностей. Более того, зафиксирована четкая зависимость успешности фирмы в целом от ее репутации. Если понимать мораль как совокупность норм и принципов поведения людей по отношению друг к другу и в обществе, то бизнесмены в своей профессиональной деятельности должны избегать аморальных, неэтичных поступков. Мораль характеризует культуру и нравственность человеческих отношений не только в быту, но и в сфере бизнеса, в политике.

Еще одной особенностью России является её геополитическое положение при мультинациональном составе населения и его приверженности различным религиям. В эпоху СССР многонациональность и принцип дружбы народов выдвигались в качестве одного из основных принципов социалис-

тического управления, но и сегодня этнокультурные особенности регионов России не могут не оказывать влияния на принципы управления в целом, в том числе на управление персоналом предприятия. В ряде регионов России наблюдается сильный контраст языковых, культурных, религиозных, мировоззренческих особенностей наций, соседствуют западная и восточная культуры. Для России проблема мультикультурализма актуальна для каждой организации: ментальность влияет на ценностно-мотивационные характеристики индивидов, требует учета этнокультурного аспекта.

Необходимо помнить, что отечественная бизнес-культура, характерная для рыночных отношений, складывается чуть больше десяти лет, в то время как западная формировалась столетия. Закономерным является тот факт, что в развитии российского бизнеса принимают участие западные эксперты, привносящие в компанию свои специфические национальные методы управления. Норвежский менеджер Ханс-Йохум Хорн, генеральный директор по странам СНГ международной аудиторской и консалтинговой компании Ernst & Young, утверждает [8], что русские мыслят иными категориями, чем западные бизнесмены: если на Западе привыкли действовать по принципу Win-Win, предполагающий выигрыш обеих сторон, то у русских другой подход: я выиграл – ты проиграл, а если ты выиграл, то я проиграл. Также менеджер указывает на дефицит доверия к партнерам, отсутствие деловой этики, когда «все уловки разрешены».

В целом противоречия в бизнес-культуре современной России можно проследить как на макро-, так и на микроуровне; во взаимодействии с внешней средой и внутри самой компании. В результате на рынке, особенно в условиях экономического кризиса, мы отмечаем яркие проявления попыток прийти к социально ответственному бизнесу – бизнесу, который через укрепление деловых связей стремится добиться признания, доверия со стороны партнеров, поставщиков, клиентов, местной общественности, и тем самым сохранить успешность. С другой стороны, мы наблюдаем и бизнес-горе-руководителей, которые в предсмертной агонии делают попытки в последний раз урвать куш. Данная бизнес-категория рассматривает свободу как вседозволенность, допуская в деловом поведении неэтичные моменты.

Появление иностранных компаний и иностранных менеджеров в России, регулярные деловые поездки за рубеж знакомят широкие круги отечественных производителей с западным типом бизнес-культуры, развитой в части решения различных проблем, стоящих перед руководством компании, за счет более совершенной административной организации, лучшего информационного конт-

роля, качественного финансового менеджмента, высокого уровня партнерской дисциплины, дружественных и гибких отношений с клиентами. Сегодня абсолютное большинство фирм характеризуется открытостью по отношению к внешней среде. Бизнес выстраивает отношения не только на основе юридических документов; огромную роль играет доверие, в основе которого лежат незыблемые принципы человеческой морали.

Джей Форрестер/Jay Forrester, профессор Массачусетского Технологического Института/MIT, утверждает, что большинство бизнес-структур теряют две трети рабочего времени из-за неэффективно работающего персонала [9]. В компаниях, где сотрудники заинтересованы в совместном успехе и полностью доверяют своим руководителям, подобные потери минимальны. В фирмах, где морально-психологический климат оставляет желать лучшего, неэффективность работы максимальна. Еще одним важным аспектом является отношение потребителей к фирме, которые при покупке стараются ориентироваться на репутацию производителя. По данным исследования, маркетинговой фирмой *Enviro-nics International* в 20 странах мира, социальный имидж фирмы играет огромное значение для инвесторов: примерно 30% инвесторов принимает решение о вкладывании денег на основе сбора информации об имидже фирмы в глазах общества [9].

В условиях России актуальным имиджем современного бизнесмена становятся честность, порядочность, строгое соблюдение норм человеческой, религиозной, общественной морали и чувство гражданского долга. Данная позиция четко звучит в высказываниях российского руководства. Г. Греф призвал к «совестливому предпринимательству»; по его мнению, российский бизнес должен обзавестись моральными принципами в работе, что поможет при принятии инвестиционных решений. В. Путин, будучи президентом, заявил в Послании Федеральному собранию: «без следования общепринятым в цивилизованном обществе нравственным стандартам современный российский бизнес вряд ли может рассчитывать на то, чтобы признаваться уважаемым»; «многие трудности современной российской экономики и политики уходят своими корнями именно в проблему недоверия состоятельному классу со стороны подавляющего большинства российского общества». В 2004 г. на VIII Всемирном Русском народном собрании при Святейшем патриархе Московском и Всея Руси Алексее II был принят Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании.

Таким образом, можно смело утверждать, что сейчас российские специалисты активно ищут собственные модели, в которых все более отчетливо прослеживается тяга к истории, идет поиск национальных корней, возвращается морально-этичес-

кий взгляд на бизнес, формируется социальная ответственность.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990.
2. Социологическое исследование «Национальные русские черты глазами современных менеджеров» 2007–2009 гг. Автор Тесленко И. В.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 13.
4. Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой. М.: Международные отношения, 1990.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. 12. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1994.
6. По материалам сайта: www.pravoslavie.ru
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: 1991.
8. По материалам сайта: <http://www.betrifft.de/>
9. По материалам сайта: www.point.ru

УДК 321.15

С. Е. Туркулец

**АНТИЧНЫЙ ОБРАЗ ДОСТОЙНОГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ
(СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

В статье представлен анализ идей античных мыслителей о достойном человеческом существовании. Предпринимая попытку ретроспективного анализа социально-политических учений античных философов, автор выявляет их проективный характер. На примере взглядов выдающихся мыслителей показано, что создание проекта достойного человеческого существования в социуме всегда было лейтмотивом античного философствования.

The article studies the ancient thinkers' ideas of worthy existence. The author has made a retrospective analysis of the socio-political doctrines by the antique philosophers. This analysis shows the projective character of these doctrines. The overview of the ideas of outstanding thinkers demonstrates that leading idea in the antique philosophy was creating a project of worthy human existence in social medium.

Ключевые слова: порядок, право, космос, социальный проект.

Keywords: order, law, the universe, social project.

Цель человеческого общежития состоит не просто в том, чтобы жить, а гораздо более в том, чтобы жить счастливо.

Аристотель «Политика»

Первоначальные представления о достойном существовании у всех древних народов носили религиозно-мифологический характер. Прежде всего, в этих воззрениях господствует представление о божественном происхождении отношений власти и порядка. Космос упорядочен присутствием и усилиями богов, земные же порядки есть не что иное, как часть мирового, космического порядка. Рационализация политико-правовых идей заключается в отходе от мифологической идеологии, десакрализации и этизации содержания мифов [1]. В теоретическом плане становление политико-правовых учений происходит в русле общего перехода человеческого познания от первоначальных религиозно-мифологических форм к рационально-логическим, философским.

Переход от образного мифологического представления о мире и человеке к рационально-логическому происходит в эпоху античности. В воззрениях первых древнегреческих философов еще сильна тяга к мифологизации мира, однако с развитием философской мысли происходит рационализация познавательного процесса.

© Туркулец С. Е., 2009

Одна из основных трудностей исследования древнегреческой философии раннего периода заключается в том, что практически ни одно из сочинений мыслителей этой эпохи не дошло до нас в сколько-нибудь полном виде. Мы, как правило, имеем дело либо с отдельными фрагментами произведений этих философов, либо со свидетельствами их современников, которые весьма своеобразно искажали суть идей, либо с более поздними комментариями не дошедших до нас произведений. По данным источникам первые философские учения хоть и находились под большим влиянием как греческих, так и восточных мифов о происхождении мира, все же отказались от мифологических (антропо- и зооморфных) образов и осуществили переход к рациональным мотивировкам. Преобладающим направлением их исследований было объяснение происхождения Вселенной и ее трансформаций. Этот мотив можно обнаружить почти во всех космологических построениях греческих философов-досократиков. Через призму данных воззрений они предпринимали попытки объяснить и особенности человеческого мира и социальных форм его существования.

Знаменательно то, что не только объяснение того, что «было» или «есть», становится направлением умозаключений первых философов. Они ставят задачу преобразования мира к лучшему. Их изречения часто имеют программно-проективный характер.

Одними из первых греческих философов, обратившихся к проблеме достойного человеческого существования в аспекте исследований природы права и справедливости, были философы, названные «семью мудрецами» (конец VII – начало VI в. до н. э.). О них «ходят толки такого рода... что они были не мудрецами, и не философами, а просто умными людьми и законодателями» [2]. «Предмет разногласий составляют и их изречения... «Мудр был лакедемонянин Хилон, изрекший: “Ничего не слишком; все хорошо, что в меру”» [3]. Подобные идеи о «мере», «середине» во всех делах и поступках олицетворяли собой понимание сути справедливости и составляли объективную нравственную основу правил человеческого поведения. Такая трактовка идеала, образца поведения людей могла служить основой законодательства и всеобщего социального порядка.

Одному из «семи мудрецов», знаменитому афинскому государственному деятелю Солону, приписывают такие изречения: «Добропорядочность нрава соблюдай вернее клятвы»; «Требуя, чтобы ответственность несли другие, неси ее и сам»; «Согражданам советуй не самое приятное, но самое полезное» [4]. Утверждают, что Солон самое большое зло для полиса видел в беззаконии и междоусобицах, добро же – в порядке и законе. Э. Кассирер говорил, что «право занимает свое незыблемое ме-

сто в божественном устройстве мира. Рано или поздно наказание восстанавливает необходимое равновесие там, где человеческая злая спесь преступила границы правомерного. Но, согласно Солону, божественное наказание – это уже не чума или неурожай, как полагал Гесиод, а нечто, имманентное социальному порядку, его расстройство, вызываемое всяким нарушением права» [5].

Реформы, осуществленные архонтом Солоном, явились реальным воплощением его социально-проективных идей достойного человеческого существования. Солон провел так называемую сейсахтею (букв. «страхивание бремени») – отмену всех долговых обязательств в полисе; должники были прощены, земли возвращены владельцам, проданные в рабство граждане выкуплены. Все слои населения в соответствии с осуществленными преобразованиями допускались к роли в народном собрании и могли быть судьями, все граждане могли обращаться в трибунал сами, выступать в защиту потерпевшего и преследовать преступника.

Эти и другие реформы, проведенные Солоном или приписанные ему позже, сформировали определенный государственно-политический уклад, в целом соответствующий проективным философско-правовым идеям той эпохи.

Почтением к закону, моральным установлениям, мудрости пронизаны многие изречения раннегреческих философов. Когда у Фалеса Милетского спросили: «Какая жизнь самая лучшая и справедливая?», он ответил: «Когда мы не делаем того, что осуждаем в других» [6]. Хилону приписывают слова: «Повинуйся законам» [7]. Основной лейтмотив философско-правовых взглядов первых греческих мыслителей заключался в тезисе «Законы воплощают собой высшее могущество».

Продолжая развивать идеи наиболее эффективных социальных проектов, Пифагор (ок. 580–500 гг. до н. э.) и так называемые пифагорейцы создали некое «братство», или религиозный орден, подчиненный строгим правилам общежития и поведения. Их целью было достижение определенного типа жизни. Пифагорейский союз опирался на иерархию ценностей. На первое место в жизни пифагорейцы ставили прекрасное и благопристойное (сюда же относилась и наука); на второе – выгодное и полезное, на третье – приятное. В союз принимались лица, прошедшие многолетнюю проверку своих умственных и нравственных качеств. В основе пифагорейской этики лежало учение о «надлежащем» поведении, под которым понималось подчинение младших старшим, победа над страстями, культ дружбы и товарищества. Анализ политических взглядов пифагорейцев говорит об их неприязни к анархии, почитании законов, источник которых они видели в божественной воле. Сам образ жизни пифагорейцев имел мировоззренческие основания в их философском

учении о космосе как упорядоченном и симметричном целом. «Пифагор первый назвал Вселенную “космосом” по порядку, который ему присущ... Мудрецы говорят... что небо и земля, боги и люди, связаны в единое целое общностью, дружбой, благочинием, целомудрием и справедливостью, и именно поэтому... они называют весь этот видимый мир “космосом” (порядком), а не космией (бепорядком) и распушенностью» [8]. Но красота космоса может открыться лишь тем, кто ведет правильный образ жизни.

Здесь, на наш взгляд, целесообразно обратиться к анализу понятия «космизм». Космизмом (греч. *kosmos* – организованный мир) называют мировоззрение, основу которого составляет знание о космосе и представление о человеке как части, элементе космоса, бытие которого полностью зависит от космических факторов. Космизм как аспект, умонастроение присущ самым различным философским школам, однако космизм концептуальный может считаться исходным, базовым способом выражения античной философской мысли. Космический «вечно-неизменный и величественно-торжественный строй звезд» противопоставлялся «изменчивому, тленному и неупорядоченному миру земных вещей и процессов» как источник устойчивой сущности мира и, следовательно, законов человеческого существования [9].

Древнегреческий космизм носил онтологический характер; ключ к объяснению бытия каждого человека могло дать только понимание бытия всеобщего, космического. Различные трактовки сущности космического целого приводили к разным представлениям о сущности человека и общества и, естественно, «субстанциальной» основы правовых явлений.

Первоначально элементы философского космизма (и его правовых проявлений) были вплетены в ткань мифологического мировоззрения. Постепенно выявлялись, приобретали относительно самостоятельный характер, начинали взаимодействовать между собой такие тенденции эволюции философской мысли, как движение «от мифа к логосу», «от мифа к религии», «от мифа к науке» [10]. Появление собственно философского космизма связывается с учением Пифагора. Мифологические элементы в философии Пифагора проявлялись, в частности, в мистической трактовке его правовых взглядов. Главное для людей, говорил Пифагор, состоит в том, чтобы наставить душу к добру или злу. «Справедливость сильна, как клятва, потому Зевс именуется клятвенным». Основа справедливости по Пифагору – равным за равное. «Через весы не переступать – значит равенство и справедливость не преступать» [11].

Над пифагорейцами, как и над другими философами, часто посмеивались. Сograждане не понимали, в чем смысл философских занятий. Филосо-

фия всегда воспринималась, да и сейчас воспринимается обывателями как нечто оторванное от действительности, абстрактное и не имеющее ничего общего с практической реальностью. Однако и искусство и религия, хотя и вплетены в ткань человеческого существования, тоже не всегда приносят ощутимую материальную пользу. Философия много столетий утверждала свои права на существование и общечеловеческую значимость. «Философия в древности становится не просто одним из видов духовно-культурного труда. Она призвана была доказать специфическое значение и особую роль все более абстрактного – самого абстрактного! – рассуждения, все менее непосредственно связанного с практикой. Философия должна была утвердить и завоевать права того, что впоследствии назвали чистой теорией» [12].

Исследуя закономерности развития природы, общества и мышления в их наиболее общих (универсальных) аспектах, философия строит модели, проекты человеческого существования, выявляя те его основания, которые будут способствовать наилучшему, наидостойнейшему бытию Человека.

Настоящую революцию в развитии философии совершили *софисты* (вторая половина V в. до н. э.), сместив философскую рефлексию с проблематики космоса и его первоначал на проблему человека и его жизни как члена общества. Софистов называют зачинателями гуманистического периода в античной философии. Негативная оценка их деятельности связана, как правило, с тем, что софисты брали плату за преподавание; их часто упрекали в бродяжничестве и неуважении к родному городу; софистика не представляла собой единого круга мыслителей. Однако их практическая ориентация имела позитивный характер, поскольку именно софисты поставили на первый план проблему воспитания и образования, утверждая, что добродетель не дается от рождения и не зависит от благородства крови, но основывается на знании. «Способность к добродетели дана всем, считал Протагор, но сама добродетель при рождении – никому» и далее: «наказание преступников имеет смысл лишь при условии, что добродетель можно воспитать, – карают ведь ради предотвращения зла» (Платон, диалог «Протагор»). Осознавая узость границ полиса, софисты раздвигали их, став носителями панэллинистического начала. Они были более чем гражданами своего города, они чувствовали себя гражданами Эллады. «Софисты провозгласили свободу духа в противовес традиции, нормам и кодификациям, продемонстрировав тем самым неограниченную веру в разум. По этой причине они заслужили именование греческих “просветителей”» [13].

Просветительское значение учения софистов чаще всего видят в рационализации взглядов на природу, общество, государство, политику, право, нравственность и т. п. Объявление человека мерой

всех вещей было важнейшим принципом этого античного просветительского движения.

Таким образом, социальный проект человеческого существования, создаваемый софистами, основывался на автономии человека, провозглашении его началом и мерилом всего.

Отвергая нравственный и гносеологический релятивизм и субъективизм софистов, Сократ (ок. 470–399 гг. до н. э.) занялся поисками рационального, логически-понятийного обоснования объективной природы нравственности, моральной политики и права [14]. Для Сократа, как и для софистов, фундаментальной проблемой философии стала не космологическая, а антропологическая проблема, не мир и миропорядок, а человек и его жизнь. Сократ, так же, как и софисты, не разделял представления натурфилософов о человеке как лишь части космоса; они провозглашали человека центром мироздания [15].

Изречение, высеченное на фронтоне Дельфийского храма: «Познай самого себя», – стало жизненной установкой Сократа. Самопознание для Сократа означало познание человеком своего внутреннего мира, осознание того, что осмысленная жизнь, духовное здоровье, гармония внутренних сил и внешней деятельности, удовлетворение от нравственного поведения составляют высшее благо, высшую ценность. С этой ценностью несравнимы никакие знания, какими бы полезными они ни были [16]. Сократовское самопознание – это поиск общих определений, это забота о своей душе, о своем назначении. В отличие от софистов Сократ отмечал, что при всем многообразии людей, мнений всегда имеется то, что их объединяет. Так, если речь идет о добродетели и множестве ее проявлений (мужество, справедливость, благочестие и т. п.), то вполне можно говорить о единой добродетели как целостности. Этическая добродетель и различные ее проявления представляют собой знание, которое и обеспечивает выбор блага и отклонение зла. Сократ считает, что зло творится по незнанию, неведению. Злой поступок является следствием непонимания того, что есть истинное благо, а не результатом сознательного выбора зла.

В спорах с софистами, утверждавшими, что законы постоянно изменяются и отменяются, а потому недостойны уважения, Сократ отождествляет законное и справедливое. Нравственная организация полисной жизни так же невозможна без законов, как невозможны и законы вне полиса. Сократовская справедливость не связана с конкретным законом или судебным решением, которые часто бывают несправедливы. Справедлив законосообразный порядок, т. е. полис как таковой. Несоблюдение существующих законов, даже несправедливых, ведет к разрушению этого порядка, то есть к еще большей несправедливости. Говоря об обязанностях индивида перед полисом, Сократ имел

в виду законные обязанности свободных и равных граждан в условиях разумно и справедливо упорядоченного полиса. Лишь на этом пути, по мысли Сократа, достижима свобода – прекрасное и величественное достояние как для человека, так и для государства. Подчинение закону справедливо, и потому ему следует безусловно повиноваться. Поэтому Сократ не только не находится ни в малейшем противоречии с требованиями права и морали, но и, напротив, именно он попытался доказать их разумность и их право на всеобщее признание.

Известно, что свою приверженность этим идеям Сократ подтвердил не только своей жизнью, но и смертью. Сократ был приговорен к смертной казни будто бы за развращение молодежи, безбожие и нарушение отечественных законов. Нелепость выдвинутых обвинений была очевидна и объяснялась, скорее всего, личным мотивом: главный обвинитель не раз пытался полемизировать с Сократом, и всякий раз неудачно. Сократ не признал себя виновным, имея возможность бежать из тюрьмы, не воспользовался ею, так как считал, что тем самым перечеркнет всю свою жизнь и учение. Сила Сократа заключалась не только в том, что он говорил, но в том, что он всегда поступал так, как говорил, учил своим примером.

Безусловная преданность гражданином своему полису и его законам является отправным моментом для всей политико-правовой позиции и ориентации Сократа. Соглашаясь стать членом данного государства, гражданин тем самым вступает в договор с полисом и обязуется свято чтить его порядки и установления.

Философско-правовые и этические взгляды Сократа и вся его жизнь явились вариантом социального проекта человеческого бытия, устанавливающего в качестве оснований веру в закон, справедливость и добродетель.

Проективный характер философско-правовых идей древнегреческих мыслителей наиболее наглядно представлен в учении Платона (427–347 гг. до н. э.).

Платон в молодости хотел посвятить себя практической государственной деятельности. Однако афинская действительность V–IV вв. до н. э., наполненная кровавой политической борьбой, очень скоро разбила его иллюзии, и он отстранился от участия в государственных делах. А важнейшей целью его дальнейшей деятельности стало желание дать людям справедливые законы, которые были бы основой разумного и гармоничного общественного устройства [17].

Поэтому неудивительно, что два своих наиболее обстоятельных сочинения Платон посвятил проектам наилучшего устройства социальной жизни. Трактат «Государство» создавался в течение многих лет, относится к эпохе зрелости философа и представляет собой итог учения Платона об обществе, разработанного в тесной связи с его цент-

ральным учением – теорией «идей». В этой работе идеальное как образец и норма должного непреклонно противопоставляется эмпирической действительности. Платон тесно увязывает свое понимание античного общественно-гражданского опыта и учение об идее, то есть сущности, образце, идеале государства, его социальная философия постоянно соединяет в себе и конкретное, и общеисторическое содержание.

Построить Город-Государство для Платона значит познать до конца человека и его место в универсуме. «В его душе имеются те же виды, что и в государстве... Разве нам, – говорит Платон, – не приходится признать, что в каждом из нас присутствуют как раз те же виды нравственных свойств, что и в государстве? Иначе откуда бы им там взяться? Было бы смешно думать, что такое свойство, как ярость духа, развилось в некоторых государствах не оттого, что таковы там отдельные лица...» [18]

Почему спустя тысячелетия мы вновь и вновь обращаемся к социально-утопическим проектам, созданным древнегреческим мыслителем? Думается, что кризисные состояния общества инициируют процессы переосмысления культурного наследия, переоценки и обновления общечеловеческих ценностей. А потому внимание, которое уделяется исследованию самых различных проектов человеческого существования, сегодня вполне обосновано.

Платон, описывая процесс происхождения государства, указывает на потребность «человека в человеке»: «Город... по моему мнению, рождается тогда, когда каждый из нас сам для себя бывает недостаточен и имеет нужду во многих» [19]. Далее Платон показывает, что для удовлетворения своих потребностей человек привлекает то одного, то другого. Люди собираются воедино, чтобы оказывать друг другу помощь и жить сообща. «Государство» в контексте этого первоначального социально-философского рассуждения Платона, да и вообще в контексте греческой мысли, понимается столь широко, что становится синонимом общества, социального объединения как такового. Для наиболее эффективного функционирования Государство, по Платону, должно состоять из трех классов: 1) крестьян, ремесленников и купцов; 2) стражей; 3) правителей.

Подобно тому, как в душе три части, так и в государстве: низменной, вождедеющей части души соответствует первый класс; яростной части, добродетель которой заключается в мужестве – сословие воинов (стражей); разумной части души, добродетель которой в мудрости должно соответствовать сословию правителей-философов. Таким образом, совершенное государство – это такое государство, где в первом социальном классе должна преобладать умеренность, во втором – муже-

ство и сила, в третьем – мудрость. Справедливость же – это не что иное, как гармония, которая воцаряется меж этими тремя добродетелями. Реализует эту гармонию совершенного социального целого каждый гражданин, понимая собственное место и исполняя свое дело наилучшим образом по природе и по закону, в силу которых он избран и призван к этому делу.

В совершенном городе должно быть и совершенное образование и воспитание. Особое внимание следует обратить на воспитание будущих правителей. Воспитание, достойное правителей, должно соединять практические занятия (гимнастикой, музыкой) с освоением философии. Платон в качестве цели образования ставит познание Блага, затем – лепка себя самого по образцу Блага, чтобы потом внедрять и прививать Благо исторической реальности. Правитель, получивший достойное образование, выступает как некий демиург (устроитель) социального существования.

Анализируя финал IX книги «Государства» Дж. Реале, Д. Антисери отмечают, что «не так важно, как должно и как может быть в идеальном государстве. Достаточно уже, если кто-то один живет по законам этого Города, т. е. по закону Блага, Добра и Справедливости. Ведь прежде, чем возникнуть в реальности внешней, т. е. в истории, платоновский Город рождается внутри человека...» [20] В данном контексте идея проективности проявляется наиболее отчетливо, сначала возникает внутри человека (в идее, плане), затем воплощается во внешнем мире. Хотя справедливо будет заметить, что в учении Платона подобный процесс трактуется несколько иначе: реальность для него лишь слабая копия первичной идеи.

Второе произведение – «Законы» – создавалось философом в глубокой старости и является гораздо более компромиссным, в нем смягчен характерный для «Государства» идеалистический ригоризм, сделан ряд уступок требованиям эмпирической реальности. «Первый проект наилучшего государственного строя, изложенный в “Государстве”, оказался в высшей степени идеалистичным и абсолютно неприложимым к действительности. Платон же стремился к практической перестройке человеческого бытия, и это заставило его пристальней вглядеться в реальную жизнь. Его возвышенный ум спустился из заоблачных высот идеально-го на землю, но не в городскую толчею и суетность, а словно на высокогорные луга, изредка посещаемые людьми: на склоне своих лет... он изложил второй проект наилучшего государственного устройства, уже гораздо более связанного с действительностью» [21].

В отличие от «Государства» в «Законах» речь идет именно о юридических законах. Если первое сочинение в большей степени философское, в нем окончательно оформляется учение об идеях, то

второе – сочинение практическое. В нем философ исследует пути создания лучшего из возможных в чувственном мире государства. Противоречий между этими произведениями нет. Оба государства основаны на разуме. В первом случае разум воплощается в деятельности философа-правителя, во втором – в законе, который Платон определяет как разум, решающий, что лучше, а что хуже, как общее установление государства.

Сам человек, по мнению Платона, не может самостоятельно понять, что есть порок, а что добродетель, и что существует некая золотая нить разума, которой и надо следовать. Поэтому законы должны заставить человека вести правильную, добродетельную жизнь. Необходимо воспитывать граждан в уважении к существующим законам. В случае нарушения ими законов следует «карать их смертью и другими крайними мерами».

Платон в «Законах» различает два вида государственного устройства: один, где над всеми стоят правители, другой – где и правителям предписаны законы. «Я вижу, – пишет Платон, – близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [22]. По замыслу Платона, второе по совершенству государство как раз и относится к тем, где правители подчиняются законам. В этом проекте жизнь всех людей (как публичная, так и частная) детально и жестко регламентирована законными установлениями.

Второй социальный проект Платона носит характер тоталитарной утопии. Если человек начинает своевольничать, то в нем просыпаются самые скверные черты – начинается извращение как самого человека, так и государства. Платон видит единственный выход – попытаться создать такое совершенное государство, в котором все будут заниматься только своим делом, следовать законам и справедливой добродетели.

Весьма интересен в контексте основной идеи нашей работы подход к взаимосвязи двух работ Платона («Государство» и «Законы»), представленный немецким профессором, специалистом в области философии права Яном Шаппом [23]. Он отмечает, что в названных работах философ представил некую поведенческую систему, отличающуюся наличием трех своеобразных уровней. Первый уровень – показатель чувств, он связан с экцессами. Платон утверждает, что человек постоянно стремится иметь больше – больше материальных средств, больше денег, больше почестей. Человеческие чувства иногда уподобляются прожорливому чудовищу. Этим чувствам на втором уровне противостоит разум, который отличается тем, что постигает как реальную действительность,

так и потусторонний мир. В целом разум направлен на сдерживание и ограничение чувств. На этом уровне главную роль играют умеренность и разумность. Эти качества являются основополагающими для всей системы этики Платона. На третьем уровне проявляется уже право. С содержательной стороны оно ориентировано на разум и тем самым на второй слой. Право как бы уравнивает недостатки разума определенным принуждением, что вполне естественно для регулирования человеческих поведений.

Различные оценки политико-правового учения Платона говорят о неизменном интересе, который вызывают его идеи о формах правления, сущности государства, законов, справедливости, блага и прочего на протяжении многих и многих столетий. Важнейшее место в учении Платона, на наш взгляд, занимают идеи создания проектов человеческой жизни в целях ее усовершенствования, следует также высоко оценить попытки философа претворить эти проекты в жизнь.

Своеобразное развитие тема достойного образа жизни получает в философской системе ученика Платона, *Аристотеля* (384–322 гг. до н. э.). Своими трудами Аристотель обогатил практически все существовавшие в его время отрасли научного знания. Не остались вне его внимания и вопросы, касающиеся улучшения социального устройства человеческого бытия. Изучение различных сторон практической жизни греческих полисов позволило Аристотелю в его сочинении «Политика» предпринять попытку теоретического построения идеального полиса как наилучшего социального проекта бытия человека. Здесь автор обосновывает мысль о том, что полис является высшей формой человеческого объединения, способствующей достижению счастливой жизни, т. е. жизни в соответствии с добродетелью.

Критикуя существовавшие в разное время теоретические проекты, конструирующие социальную реальность, Аристотель выдвигает главное требование к ним: не следует предлагать ничего заведомо неисполнимого [24].

После разбора различных проектов государственных устройств Аристотель рассматривает реально существующие в его время государства – лакедемонское, критское, карфагенское – через призму вопросов о том, насколько они приближаются к наилучшему устройству и какие в них имеются несоответствия по отношению к замыслу установивших их законодателей. Наряду с анализом фактического материала в «Политике» содержится и конкретные рекомендации. Так, рекомендации относительно введения определенного вида государственного устройства сводятся Аристотелем к защите существующего, хотя и редко встречающегося строя, так называемой политики. В то же время он проектирует и некий «наилучший»

строй. Первый (вполне приемлемый и осуществимый, по мнению Аристотеля) – условно образцовый – не требует наличия у граждан добродетели, превышающей возможности обыкновенных людей. Для этого не требуется какое-то блестящее образование и наличие особых природных способностей. Этот строй обеспечивает гражданам счастливую жизнь потому, что при нем нет препятствий для осуществления добродетели. Здесь подразумевается наличие так называемого среднего слоя граждан, количественно значительно превосходящего слой бедных и богатых.

Полития, или так называемое «среднее» государственное устройство, опорой которого служат граждане среднего достатка, представляла для Аристотеля вполне практический интерес. Принято считать, что Аристотель пытался убедить своего знаменитого ученика – Александра Македонского – в необходимости введения в греческих полисах именно этого устройства. И, возлагая надежды на македонского царя, философ мечтал увидеть воплощение своих идей в будущих греческих полисах.

Две последние книги «Политики» содержат изложение идеального проекта наилучшего государственного устройства, при котором граждане смогут вести действительно счастливую жизнь. И, помня о своем требовании к подобного рода начинаниям, Аристотель исходит из того, что в этом проекте не должно содержаться ничего неосуществимого. Различные формы политической жизни обусловлены стремлением людей достигнуть счастливой и блаженной жизни. В той или иной мере этот идеал осуществляется в наличных формах государства, но для его полной реализации необходимо наилучшее государственное устройство, государство с «желанной организацией» [25]. Наилучшее же государство, подчеркивает Аристотель, – логическое построение, и здесь «нельзя искать той же точности, какую мы вправе предъявлять к наблюдениям над фактами, доступными исследованию путем опыта» [26].

Для того чтобы построить проект идеального государства, считает Аристотель, нужно прежде всего выяснить, какой образ жизни является достойным уважения, ведь именно ради благой жизни люди объединены в государство. Благо Аристотель понимает не упрощенно, не как жизнь, полную удовольствий. Люди счастливы, когда им доступны в разумной мере и внешние, и физические, и духовные блага, причем последние наиболее важны для истинно достойного существования. Кроме того, Аристотель упоминает и принцип пользы, говоря: «Что всем на пользу, то и есть право» [27].

Под справедливостью Аристотель понимает то, что соответствует закону. Все справедливое законно, а законное – справедливо. Однако сфера действия закона шире, чем сфера собственно права,

так как закон во времена Аристотеля предписывал гражданам благоразумие, мужество, ровность в поведении. В этом плане знаменательны некоторые определения, приводимые Аристотелем: «Мужество – добродетель, благодаря которой люди в опасности совершают прекрасные дела, руководствуясь законом... Благоразумие – добродетель, в силу которой люди так относятся к телесным удовольствиям, как велит закон» [28]. Аристотель понимает под законами совокупность не только и не столько правовых норм, сколько моральных. Закон не отождествляется с правом, он лишь дает указание на правомерное поведение. Право, по Аристотелю, составляют общественные отношения, складывающиеся на основе представлений о правомерном и неправомерном.

При характеристике философско-правовых воззрений Аристотеля следует отметить, что его интерес лежит в плоскости естественно-человеческих (а не божественно-мифических) оснований социального устройства, он исходит из того, что именно в человеке заключаются истоки и начала всех политико-правовых явлений. Важнейшим положением учения Аристотеля является мысль о политической природе человека как объективном основании, определяющем специфические отношения и взаимосвязи людей в сфере их общественной, политической, нравственной и правовой жизни. И в связи с этим социальные модели, предложенные Аристотелем, могут быть охарактеризованы как своеобразный проект человеческого существования, претендующий на предметную реализацию.

Многие из аристотелевских идей о государстве, праве, наилучших формах человеческого бытия получили дальнейшее развитие в эпоху поздней античности.

Завершая краткий обзор основных социально-политических и философских идей античных мыслителей, заметим, что их социальные проекты и взгляды на природу и содержание достойного человеческого существования весьма своеобразны. Социальные идеалы в эпоху античности находятся в непосредственной связи с понятиями справедливости, порядка, добродетели. Высшей ценностью выступает закон как проявление сущности полисной жизни. Личность подчинена идее долга. Стоит отметить, что развитие представлений о достойном человеке существовании связано со все более ясным осознанием древнегреческими философами приоритета права как средства установления и поддержания достойного человека существования.

Значимость античной мысли очевидна, так как ею были заложены основы не только европейской философии, но и правоведения. Что же касается идеи проективности, то представляется весьма перспективным продолжение изучения ее воплощения в социально-философских учениях, поскольку конструирование и моделирование человечес-

кого существования в социуме всегда служило и продолжает служить главной цели – улучшению качества жизни человека, усовершенствованию общественных отношений, механизма социального регулирования.

Примечания

1. *Нерсисянц В. С.* Сократ. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996. С. 54.
2. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. И. Д. Рожанского. Часть 1. М.: Наука, 1989. С. 91.
3. Там же.
4. Там же. С. 92.
5. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1985. С. 216.
6. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 66.
7. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. И. Д. Рожанского. Часть 1. М.: Наука, 1989. С. 93.
8. Там же. С. 147.
9. Турсунов, А. От мифа к науке (Эволюция космологической картины). М., 1973. С. 5.
10. *Мальков Б. Н.* Типология философской рефлексии права [Электронный ресурс] // Б. Н. Мальков / Философия права. Хрестоматия. – М.: Российская Академия правосудия, 2005. – С. 303.
11. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 311, 315.
12. *Мотрошилова Н. В.* Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 77–78.
13. *Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: Петрополис, 1994. С. 54–55.
14. *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 60.
15. *Кессиди Ф. Х.* Сократ. М., 1988. С. 47.
16. Там же. С. 101.
17. Платон и его эпоха / отв. ред. Ф. Х. Кессиди. М.: Наука, 1979. С. 172.
18. *Платон.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. (пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 207–208.
19. Антология мировой философии в 4-х томах. Т. 1, ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 396.
20. *Реале Дж., Антисери Д.* Указ. соч. С. 127–128.
21. *Мотрошилова Н. В.* Указ. соч. С. 173.
22. *Платон.* Законы / пер. А. Н. Егунова // Хрестоматия по истории философии [Электронная версия] / под ред. Б. Н. Малькова. – М.: Российская академия правосудия, 2005.
23. *Шатт Ян.* О свободе, морали и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 85–86.
24. *Аристотель.* Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль. С. 415.
25. *Аристотель.* Указ. соч. С. 596.
26. Там же. С. 602.
27. *Кравцов Н. А.* Учение Аристотеля о политике и праве // Правоведение. 2001. № 5. С. 240.
28. Там же.

УДК 314.374.2

Е. П. Шихова

ПЕРИОД ОЖИДАНИЯ РЕБЕНКА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЭТАП В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ СЕМЬИ

Автором обосновывается выделение в жизненном цикле семьи (ЖЦС) периода ожидания ребенка. Это наиболее стрессогенная стадия, но при этом отдельно она не выделена и практически не изучается социологами. При этом рождение ребенка – событие, под влиянием которого неизбежно изменяются семейные отношения, изменяется состав семейных подсистем, перестраиваются отношения между родственниками, что иногда переживается весьма болезненно. Однако исследователи не выделяют этот особо рискованный период в ЖЦС как отдельный, предопределяющий последующие семейные практики.

The author gives grounds for distinguishing the period of expecting a child in the family lifecycle. It is the most stressful stage but still it is not studied by sociologists. Giving birth to a child is an event that leads to changes in the family subsystems content, family relations. However researchers do not consider this risky period as a distinctive one, defining the following family activities.

Ключевые слова: жизненный цикл семьи, семья в ожидании ребенка, перспективно-родительские взаимоотношения, практики повседневности.

Keywords: family life-cycle, family expecting a child, perspective-parental relations, everyday activities.

Еще в глубокой древности было замечено, что функционирование всего сущего подчинено законам цикличности. Циклические теории разрабатывались многими учеными. В разных отраслях науки все они стремились усмотреть определённый порядок, ритм, закономерность функционирования социокультурных объектов и практик. Широкая область оказалась открытой для развития разнообразных концепций о кризисных условиях, вызывающих смену одного этапа другим, временной протяженности этапов и их конкретизации. Не оказалась в стороне теоретическая парадигма жизненного цикла семьи.

Известно, что понятие «жизненный цикл семьи» впервые было использовано Р. Хилом и Э. Дюваль в ходе анализа динамики семейного взаимодействия. Исследование ЖЦС как самостоятельного направления в отечественной науке основывалось на результатах исследований прежде всего демографов и социологов. Разные авторы выделяют различные подходы и алгоритмы анализа в изучении ЖЦС. Например, Э. К. Васильева [1] считает, что первый алгоритм анализа связан с изучением функций семьи в воспроизводстве населения, социальных условий формирования семьи, второй –

с изучением решающей роли начальных стадий в формировании семьи. Третий алгоритм сконцентрирован на прогнозировании семейной структуры, определении вероятности перехода семьи из одной стадии в другую с учетом всех аспектов развития семьи, и, наконец, четвертое направление характеризует использование этапов ЖЦС для анализа изменения её экономического положения, социальной мобильности её членов и прочих, неспецифических для самой семьи, задач исследования.

И. А. Герасимова [2] выделяет этапы ЖЦС, связанные с репродуктивным циклом, с повторяемостью событий, относящихся к чередованию «коитус-зачатие-роды». Методологическим принципом здесь, по мнению Д. Леви [3], должен стать лонгитюдный подход. В целом у большинства авторов стадии ЖЦС связаны с созданием семьи, с появлением новых членов семьи и «уходом» старых. Эти изменения в составе семьи во многом изменяют ее ролевое функционирование. Не случайно К. и М. Годдринг [4], В. А. Сысенко [5] выделяют стадии жизненного цикла семьи, учитывая временно-возрастные аспекты. Г. Навайтис [6], рассматривая этапы ЖЦС, считает, что необходимость перехода семьи на новую стадию развития и адаптации к новым условиям определяются наличием проблем у семьи, связанных с текущим этапом. По мнению Г. Навайтиса, наиболее стрессогенным является стадия, когда в семье появляется ребенок. Но при этом отдельно эта стадия не выделяется и не изучается.

А. и Е. Кроник [7] также считают, что рождение ребенка – событие, под влиянием которого неизбежно изменяются семейные отношения. По данным ученых, в этот период в 15% случаев происходит отчуждение между супругами, ухудшаются семейные взаимоотношения. Появление ребенка меняет состав семейных подсистем, перестраивает отношения родственников, что часто соотносится с отрицательными социальными последствиями.

В то же время многие ученые (А. Я. Варга, И. В. Добряков, Н. П. Коваленко, Э. Г. Эйдемиллер, Г. Г. Филиппова, М. Боуэн и др.) пишут о том, что семья в ожидании ребёнка стоит на пороге серьёзных изменений, а значит, становится уязвимой, нестабильно функционирующей. С. Минухин [8] предупреждает, что появление ребенка означает возникновение в семье новой диссипативной структуры, что влечет за собой сложную реорганизацию супружеского холона и нередко ставит под угрозу существование всей системы семьи. О неизбежном семейном кризисе, связанном с подготовкой женщины к рождению ребенка, писала Д. Пайнс [9].

В рамках нашего исследования необходимо отметить проявившееся в теориях ЖЦС, артикулированных в разных направлениях науки, противоречие. С одной стороны, многие ученые отмечают важность для семьи периода после рождения ре-

бенка, однако, с другой стороны, этап ожидания ребенка не исследуется как отдельный. Между тем успешность совместного проживания супругов после рождения ребенка, с нашей точки зрения, прямо коррелируется тем, насколько оптимальны супружеские, перспективно-родительские взаимоотношения в период ожидания ребенка. Именно методология социологии позволяет дать соответствующую многоаспектную интерпретацию динамике социальных изменений, связанных с созданием, усвоением, сохранением и развитием социальных норм, ценностных представлений, ролей и алгоритмов ролевого социокультурного взаимодействия в этот специфический период ЖЦС.

К сожалению, сегодня доступные данные социологических опросов и статистической информации о периоде ожидания ребенка либо противоречивы, либо не позволяют опровергнуть или подтвердить наши выводы. Это связано с тем, что проблемы брачности, разводимости, регистрации количества детей, рожденных в браке и вне него, описываются без точного указания на период распада супружеских отношений, взаимосвязанный с возрастом рожденных детей и социокультурными условиями ожидания их появления.

Авторское обобщение экспертных оценок позволяет отметить, что до 60% процедур оформления брачных отношений приходится на период беременности будущей матери. Этот аспект еще предстоит проанализировать на уровне социологической интерпретации. Наш анализ данных Росстата [10] представляет еще один социально-демографический аспект, нуждающийся в перспективной проработке. Так, в 1980 г. 89% детей было рождено в зарегистрированном браке, в 1995 г. – 79%, в 2000 г. – 72%, в 2005 г. – 70%, в 2007 г. – 72%. Среди детей, рожденных вне брака, зарегистрированы по совместному заявлению родителей в 1980 г. – 38%, в 1995 г. – 49%, в 2000 г. – 47%, в 2005 г. – 46%, в 2007 г. – 44%. Как видим, только социологический анализ позволит дать полную оценку этих явлений. Например, еще в 1997 г. П. Фести и Л. Проккофьева, проводившие сравнительный анализ влияния социальной политики России и Франции, направленной на поддержку разведенных и одиноких матерей, подчеркивали: в России семейное состояние служит определяющим фактором качества и уровня жизни для всех без исключения профессионально-квалификационных групп женщин, тогда как во Франции преобладающее влияние оказывает социальный фактор – доходы [11]. Это, в свою очередь, прямо связано с социальными последствиями реализации функций семьи как малой социальной группы и социального института. Но исследования в этом направлении до настоящего времени велись фрагментарно.

По данным исследования, проведенного в 2008 г. Исследовательским центром портала SuperJob.ru, 72%

наших соотечественников, принявших участие в опросе, считает, что рождение ребёнка укрепляет семью, но только тогда, когда между супругами «есть взаимная любовь и согласие» [12]. Остальные респонденты в той или иной форме выразили сомнение в скрепляющей семью силе перспективного и фактического родительства. По данным других исследований, от 16 до 32% молодоженов разводятся в первые три года супружеской жизни, 18% готовы это сделать после трех лет супружества, но сдерживают себя из-за детей, денег и т. д. [13].

Это еще раз подтверждает, что период ожидания ребенка недостаточно изучен социологами, которые придают в соответствии с методологией своей науки особое значение уже действующим субъектам социокультурной динамики. В социологии семьи активно рассматриваются положительные и отрицательные стороны уже состоявшегося родительства. Но не исследуется в должной мере влияние на него социокультурных факторов, формирующихся во время ожидания семьей ребенка, то есть в рамках социологии культуры и духовной жизни обращение внимания на этап ожидания ребенка в системе ЖЦС представляет особый интерес.

В смежных с социологией семьи науках достаточно широко представлены исследования о взаимосвязи генетического и интеллектуального потенциала младенца с социокультурными дородовыми условиями. Однако и здесь обобщены в основном психологические аспекты предстоящего материнства, но не родительства как целостного социокультурного феномена в период ожидания ребенка.

Поэтому на уровне теоретического осмысления считаем целесообразным выделение в стадиях ЖЦС специфической стадии – стадии ожидания семьей ребенка. С нашей точки зрения, специфическим этот этап становится в связи со следующими характеристиками его параметров.

1. Социально-физиологический уровень (соматический, чисто физиологический, биохимический, и др.). Изменения на этом уровне взаимодействия матери и принейта (неродившийся ребенок, ребенок в утробе матери) являются общепризнанными. Однако в рамках семьи как малой группы изменяются физиологические компоненты повседневной практики всех членов семьи. Сюда входят следующие параметры: режим труда и отдыха членов семьи, специфическое питание и его включенность в привычки членов семьи (продукты питания, курение, наркотики, алкоголь, химические вещества, применяемые в повседневных практиках), культура сексуальных отношений. Взаимодействие будущих родителей с принейтом на этом уровне происходит путем телесного соприкосновения. Если учесть, что в ракурсе современных исследований перинатальный период завершается к трём годам

уже рожденного ребенка, то после этого специфика физиологической компоненты практически исключается.

2. Социально-психологический уровень. Меняется социально-психологическая компонента повседневных практик семьи. Сюда относятся взаимоотношения, эмоции, поведение и настроение, восприятие, культура само- и взаимоконтроля, взаимозависимости. Известно, что изменение эмоционального состояния происходит под влиянием внутренних и внешних процессов. При этом следует напомнить, что изменить эмоциональное состояние человек способен и сам с помощью волевого усилия через трудовую деятельность, а также через искусство, спорт, т. е. культуру досуга. После рождения ребенка и его развития до 3-летнего возраста психологическая компонента меняется, так как семья адаптируется к появлению нового члена, вырабатывает и интернализует новые или возвращается к доперинатальным практикам повседневности.

3. Социокультурный уровень, предопределенный социально-экономическим капиталом семьи. Меняется система социальных коммуникаций (внешних и внутренних) как внутрисемейных, так и межпоколенных. Сюда относятся принятие социальной ответственности за подготовку к рождению нового члена семьи, система социальных страхов и рисков, система переоценки экономического потенциала семьи, качества бытовой обустроенности будущих родителей, изменения во взаимоотношениях между супругами и родственниками, референтными группами и т. д. После физического рождения ребенка параметры социальных коммуникаций меняются в процессе их адаптации к изменению условий практик повседневности. Речь идет о формах организации помощи молодым родителям, социокультурном взаимодействии членов семьи с ребенком на стадии первичной социализации, изменении практик повседневности других поколений семьи и референтных групп, если они принимают участие в помощи родителям и т. д. Особое место начинает занимать освоение семьей, уже имеющей ребенка, форм и методов соответствующей социальной поддержки обществом.

Как видим, семья как малая социальная группа осваивает новые адаптационные механизмы и технологии приспособления к множеству сменяющихся друг друга событий в очень небольшом, но значимом временном пространстве ожидания ребенка. Если же члены семьи не готовы к необходимым изменениям или избегают их, лишь имитируя социальные одобряемые нормы поведения и практики, это неизбежно приводит к серьезным последствиям. Они выражаются в распаде семьи, отчуждении супругов, нарушении родственных связей, отказе от ребенка, девиантном родительстве и т. д. [14]. В рамках социокультурного подхода, с од-

ной стороны, практически не изучаются межпоколенная преемственность, трансляции семейного опыта, ценности, нормы, ритуалы и тому подобное в период ожидания ребенка. С другой стороны, проявляется потребность в учете социально-психологической динамики семьи как малой группы, динамики семейных взаимоотношений, локализованных в этом же периоде, так как он является исключительно важным и специфическим этапом ЖЦС, во многом предопределяющим последующие семейные практики.

Динамический анализ выделяемой нами стадии ЖЦС позволяет совместить внутрисемейные, межличностные изменения с изменениями семейной жизнедеятельности в процессе подготовки смены семейных поколений. Более того, социокультурный подход позволяет подчеркнуть ценностно-смысловую сторону межпоколенной трансляции семейного опыта.

Легитимное супружество (брак) и родительство также приобретают на этой стадии ЖЦС специфические черты. Здесь атмосфера семьи характеризуется такими признаками, как доверие/недоверие, стабильность/нестабильность, сбалансированность интересов/разбалансированность интересов, рисковость/безопасность, комфортность/дискомфорт, оптимистичность/пессимистичность и т. д.

Этот период перехода от семьи без детей к семье, ожидающей ребенка, сопровождается многими изменениями в физическом состоянии, в образе жизни, в структуре личности будущих родителей, когда они оказываются в ситуации выбора дальнейшего жизненного пути. Представим выдержки из «полярных», но подтверждающих наши утверждения эссе будущих и состоявшихся родителей.

Респондент М., студентка дневного отделения (бюджет) ГОУ ВПО, 21 год: «О ребенке мечтал муж... Муж у меня курит, но бросить он не смог, хотя стал заметно меньше поддаваться этой пагубной привычке. Ну и, естественно, на период, пока мы старались забеременеть, мы полностью исключили алкогольные напитки. Еще по утрам я стала делать зарядку и обливаться холодной водой, чтоб как-то укрепить свой организм... Когда муж узнал радостную новость, он подхватил меня на руки и бегал со мной по квартире, при этом во весь голос кричал, что он наконец-то станет настоящим семьянином, что у него появится уменьшенная копия любимой жены... (респондент отмечает, что у нее был токсикоз). Кстати, я не раз за время беременности замечала, что муж испытывает или те же самые чувства, что и я, или что-то похожее. У него в то же время болела спина, что и у меня. Ему перестали нравиться те же продукты, что и мне, те же запахи. Видимо, он настолько внутренне сопереживал мне, что получалось так... Муж очень понимающе относился ко всем изменениям –

и во мне, и в нашей совместной жизни. Он поменял работу на более оплачиваемую. А все физические изменения воспринимал с восторгом: “О наконец животик появился!”... Мы стали больше гулять, выезжать на природу в красивые места. Совершенно перестали ругаться...»

Во втором эссе этого же респондента, подготовленном уже после родов, читаем: «...Сразу стало понятно, что мальчик мой родился с характером. Укачивания на него не действуют и до сих пор. Песенки он любит ритмичные, особенно нравятся те, которые я слушала еще во время беременности. Видимо, он их помнит... Кирюша уже даже иногда копирует мимику взрослых и строит гримаски. С мужем у них до сих пор особая связь. Когда им занимается Виталик, Кирюша спокоен и тих, как примерный сын».

Респондент С., студентка дневного отделения (бюджет) ГОУ ВПО: «...Мы поженились из-за того, что я забеременела... Было много скандалов с родителями. Муж, как только узнал, что будет ребенок, сказал, что если у ребенка должен быть отец – он будет. Но на большее не рассчитывай... Мне было очень плохо. Я уже сама не знала, нужен ли мне этот ребенок. Беременность решила оставить из-за страха: вдруг больше не рожу».

Во втором эссе этого же респондента читаем следующее: «Ребенок родился болезненным. Все время плачет... Я думала, муж изменится с рождением сына. Но слышу от него только: “Успокой ребенка, сколько можно... Говорил, что не надо рожать...”...К ребенку почти не подходит. Говорит, что боится что-то ему сломать... Ребенок успокаивается только у меня на руках. А я устала...»

Как видим, этап ожидания ребенка связан с возникновением множества социокультурных проблем, с которыми будущие родители, как правило, сталкиваются впервые. Решение части из них зависит от их собственной активности, однако наибольшие трудности вызывают проблемы, имеющие социальные корни. И особое значение в социокультурной проблематике имеет специфика атмосферы семьи в этот период: «нежеланные» дети становятся детьми с большими проблемами в организации социального взаимодействия в будущем.

Пока на уровне данных, которыми мы располагаем, можно утверждать, что успешность этапа ЖЦС, связанного с ожиданием ребенка, обеспечивается не только состоянием здоровья, уровнем знаний об этом периоде и духовным развитием будущих родителей, материальными возможностями семьи, необходимыми для продолжения рода, приобретением новых семейно ориентированных практик трудоустройства, создания нового семейного имиджа, статусной динамики, но и с изменениями в накопленном стартовом потенциале и социокультурном поле функционирования семьи как малой социальной группы.

Примечания

1. Васильева Э. К. Семья и ее функции. М., 1975. С. 32.
2. Герасимова И. А. Структура семьи. М., 1976. С. 18–34.
3. Леви Д. Семейная психотерапия: История, теория и практика. СПб., 1993. С. 56–61.
4. Андреева Т. В. Семейная психология. СПб., 2005. С. 80.
5. Сысенко В. А. Молодёжь вступает в брак. М., 1996. С. 25–32.
6. Навайтис Г. Профессиональная психологическая помощь подростку. М., 2007. С. 15–21.
7. Кроник А. А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. М., 2002. С. 56–77.
8. Минухин С. Техники семейной терапии / пер. с англ. А. Д. Иорданского. М., 1998. С. 21–56.
9. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной / пер. с англ. Е. И. Замфир / под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб., 1997. С. 195
10. Семья в России. 2008: стат. сб. // Росстат. М., 2008. С. 243
11. Фести П. Алименты, пособия и доходы семей после развода // Мир России. 1997. № 4. С. 19.
12. Сайт портала Superjob: <http://www.superjob.ru/community/13863/>
13. Сайт портала Russian-fiancee: <http://www.russian-fiancee.com/rus/forum/viewtopic.php?t=29445>
14. Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматические расстройства у детей. СПб., 2005. С. 9–27.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323.326

А. А. Аношкин

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: «МЫ НЕ МЕНЕДЖЕРЫ НОВОЙ ФОРМАЦИИ»*

Статья написана на основе полевого исследования, проведенного среди предпринимателей города Перми. В статье охарактеризована модель культуры современного российского предпринимателя. Предприниматели не изучают клиентов и конкурентов, не вырабатывают стратегии, не развивают конкурентных преимуществ. Респонденты не считают, что способны превратить собственный бизнес в динамичные, инновационные компании.

The article is based on the results of a field study carried out by the author. The cultural model of the Russian entrepreneur is depicted in the article. Russian entrepreneurs do not carry out any market research, fail to work out business strategies or develop competitive advantages. Respondents doubt their ability to develop dynamical, innovation oriented businesses.

Ключевые слова: малый бизнес, конкуренция, предприниматель, предпринимательская культура.

Keywords: small business, competition, businessman, enterprise culture.

Количество субъектов малого бизнеса в России вполне соответствует аналогичным показателям в развитых странах, в 2003 г. на долю малого и среднего бизнеса приходилось 94% российских предприятий, в странах ЕС аналогичный показатель – 99,8%, в США – 96% [1].

Однако сектор малого бизнеса имеет относительно небольшое значение для отечественной экономики, вклад малого бизнеса в ВВП по итогам 2007 г. колеблется в пределах 13–15%, в малом бизнесе заняты 18–20% от общего числа работников. При этом, например, в Австралии на долю малого бизнеса в ВВП приходится 50%, малые предприятия обеспечивают работой 40% населения страны, в Австрии соответствующие показатели – 57% и 48% (в производственных отраслях), в

Чехии – 53% и 65%, в Швеции – 39% и 57%, в Германии на малый бизнес приходится 60% рабочих мест, в Японии – 64%, в Испании – 70%, в Корее – 74%. В США малый бизнес обеспечивает 52% рабочих мест и 51% общего объема выручки предприятий частного сектора [2, 3].

Таким образом, в российской экономике существует примерно такое же количество малых предприятий, что и в экономиках развитых стран, однако значение малого бизнеса для экономики страны гораздо более скромное. Ситуация объясняется в литературе системными экономическими факторами: чрезмерное регулирование экономики, монополизм крупного бизнеса и государственных компаний во многих сферах, трудность доступа к финансовым средствам для малых предприятий, коррупционным и административным давлением на малый бизнес [3].

Кроме вышеперечисленных факторов на уровень развития малого бизнеса также может оказывать влияние деловая культура. Культура, сложившаяся в предпринимательской среде, формирует ценности, нормы, а также специфические институты характерные для бизнеса, культура предопределяет восприятие предпринимателями конкурентов, клиентов, ситуаций, складывающихся на рынках [4].

С целью выявления культурного контекста работы предпринимателя было проведено исследование малых предпринимателей Перми, представляющих различные отрасли: информационные технологии, финансовые услуги, торговля, строительство, производство промышленной продукции, оказание бытовых услуг, туризм, образование. Процедура исследования заключалась в проведении глубинного интервью, в ходе беседы обсуждался следующий круг вопросов, относящихся к предприятию: ситуация в отрасли, влияние конкуренции на предприятие, маркетинговая политика, кадровый менеджмент, финансовая стратегия, стратегия развития бизнеса, планы на перспективу. Для статьи использованы выдержки из нескольких интервью.

У опрошенных в рамках исследования предпринимателей существует вполне определенное представление о рыночной среде, в которой им приходится работать, в той или иной степени это представление разделяют все респонденты.

Взаимодействие между участниками региональных рынков основано на сложившихся социальных

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 08-03-82306 а/у «Конкурентные стратегии малого бизнеса Перми как культурные модели».

сетях поставщиков, покупателей и посредников. Так, описывая перспективы, существующие для современных предпринимателей, респондент замечает: *«Все уже распределено, вся связи установлены, начать работать, скажем, в металлургии вообще нереально, понимаете: все распределено, все идет, все работает, кто-то строит, кто-то другим занимается»*. Наилучшей стратегией в этом случае является капитализация существующих связей, работа со знакомыми клиентами и поставщиками, попытка поменять существующее положение представляется нереалистичной: *«Вклиниваться в данную цепочку – это без вариантов. И поэтому сейчас если кто-то что-то и делит, то это на самом верху, олигархи между собой, а нам внизу – это уже практически утопия что-то менять»* [5].

Бизнес представляется локальным, привязанным к географическому положению головной компании. Предприниматели ищут рациональные оправдания собственному нежеланию вести деятельность в других регионах: *«В другие регионы нет смысла идти, даже 200 километров от Перми, где находится наше предприятие, дополнительные затраты уже велики. Как в других регионах работать, я вообще не представляю себе. Еще банки спрашивают, где находится бизнес. Теперь дают кредиты, если бизнес находится в 100 км от Перми, раньше давали, если бизнес в 50 км от Перми»* [6].

На сегодняшнем рынке преимущество имеют «старожилы», к которым респонденты, как правило, себя относят, компании, которые наработали связи с поставщиками, у них есть сложившаяся клиентская база, благоприятная репутация, а также хорошие финансовые возможности. Такие фирмы могут вовсе не обращать внимание на новых игроков, на конкурентов, на проблемы, связанные с поиском клиентов, продажами: *«Мы не обращаем на конкурентов внимания, нам хорошо. Мы такие уже дедушки, сродни тем, кто сидит в чалмах там, знаете, и им уже фиолетово, кто там скачет и проходит мимо. Мы вот недавно разговаривали с одним, ну, тоже коллегой. Тем, кто начинает сейчас, трудно очень, потому что это надо влезть вот в это вот, это надо еще чего-то там зарекомендовать и так далее. Нам это уже не грозит. Я не скажу, что у нас очень много заказов, прямо настолько много, что мы их прямо раскидываем – забирайте. Но мы для себя понимаем, что мы хотим и живем вот в этом понимании и получаем, наверное, то, что хотим. Ну и имидж, он все-таки присутствует»* [7].

В общем, на первый взгляд, кажется, что бизнес не слишком сложная задача для предпринимателя, давно ведущего свою деятельность, он наработал «клиентскую базу», имеет сложившуюся ре-

путацию, прочные связи с поставщиками. Однако все оказывается не так просто, время, когда бизнес респондента проходил этап становления, представляется как более простое: *«Раньше было легко. Просто, легко, и, как сказать, в то время очень нуждались в этих услугах организации и предприятия, их всяких создавалась масса, у всех был интерес какой-то, к бизнесу был другой интерес, не как сейчас, сменилось же направление абсолютно. Ну и все хотели, конечно, вести бизнес правильно, нуждались в помощи аудиторских организаций, поэтому создали мы предприятие очень легко»* [8].

Оказывается, что респондентам непросто приспособиться к меняющейся внешней среде, в частности к технологическим новшествам: *«Ну и потом, знаете, в то время, когда мы начинали, не были так развиты все эти бухгалтерские программы, сейчас они развиты, у каждого она есть, и такой потребности в аудиторах нету»* [8].

Сложно приспособиться и к новым требованиям со стороны клиентов: *«Сейчас достаточно много конкурентов в этом бизнесе. И заказчики стали более требовательными»* [9].

Наконец, предпринимателям приходится приспособливаться к возрастающей конкуренции: *«Раньше мы были как бы единственной конторой, которая занималась переводческой деятельностью, а сейчас уже 6 таких предприятий, то есть конкуренты появились»* [10].

Основной угрозой являются крупные федеральные компании, их описание является несколько зловещим, предприниматели обозначают их емким понятием «Москва»: *«Москва очень, они ведь очень хорошо смотрят, вот, предприятие хорошо работает, показатели у них хорошие, надо его под себя взять, что это оно здесь в Перми? Москва ведь следит за всем, им интересны такие предприятия, которые хорошо работают, у которых все схвачено. У нас много перешли под Москву, уже очень мало таких пермских фирм осталось, все под Москвой»* [8].

Также местному бизнесу угрожают конкуренты из Китая. Китайские компании, конечно, не присутствуют на рынке в таких масштабах, как «Москва», но потенциальная возможность массового прихода китайских конкурентов предпринимателями рассматривается как весьма реальная: *«Хотя, конечно, далеко от нас пока находится Китай, но, насколько я себе представляю, все наши территории Дальнего Востока и Сибири они уже наводнены дешевыми китайскими товарами, не всегда хорошего качества, но действительно дешевыми. Когда эта волна докатится до нас, наверное, и нам будет непрост существовать»* [11].

На государственную поддержку предприниматели не рассчитывают: *«А кто поможет? Никто»*

не поможет. Какая помощь? Тут у нас все кричат – поддержка малого бизнеса! А какая поддержка? Я думаю, не поддержка, а наоборот как-то, все хотят вот такие мелкие магазинчики, как у меня наоборот заглушить, вот и все. Налоги растут постоянно, с каждого квадратного метра мне по сравнению с прошлым годом нужно заплатить в 4 раза больше налогов» [12].

Предприниматели считают бессмысленной борьбу с крупными структурами, лучший способ «победить» крупного конкурента – это «сдаться», продать бизнес либо стать региональным партнером крупной компании. Попытки выработать альтернативную конкурентную стратегию, способную эффективно противостоять модели бизнеса федеральных компаний, не наблюдается: *«Хочу стать представителем Москвы, я к этому готов. Работать мы с ними сможем, а от них нужны финансовые вливания только, вот финансов нам не хватает. Так что хотелось бы представлять Москву здесь, быть региональным представителем».* Заметим, респондент считает, что единственное, что он может получить от федеральных партнеров, – это финансовые ресурсы, речи о приобщении к технологиям, уникальным бизнес-процессам не идет [13].

Перспективы свои респонденты оценивают пессимистично: *«Боюсь лишиться всего, что имею, и остаться одна с кредитами, если так будет продолжаться, все разоримся» [14].*

В этих условиях предприниматели вырабатывают вполне определенный культурный паттерн поведения на рынке. Предприниматели не стремятся развивать бизнес, внедрять новые продукты, технологии, выходить на новые рынки. Вместо этого предприниматель консервирует бизнес в существующих рамках, стараясь избежать рисков и конкуренции.

Предприниматели стремятся развивать несколько предприятий: *«У меня много бизнесов, есть сеть компьютерных клубов, кредитный потребительский кооператив, некоторые интернет-проекты, свой интернет-провайдер. В принципе, какие-то проекты постоянно появляются, какие-то отмирают. Работаем с партнерами по некоторым темам, например, вот потребительский кооператив – просто у очень хороших знакомых есть свой, очень хорошие связи просто с ними, и мы решили попробовать себя в этой сфере также».* Причина заключается в том, что иметь один бизнес, по всей видимости, представляется рискованным и неоправданно сложным, легче вложить деньги в открытие какого-то нового предприятия или продукта, чем вывести существующее предприятие на новый уровень. Кроме того, расширение предприятия неизбежно привлечет к конфронтации с конкурентами, а также сделает предпринимателя более заметным для властных органов [15].

Выходить на рынки других регионов предприниматели не стремятся, утверждая, что достаточные

перспективы есть и в Пермском крае: *«Да вообще у нас просто нет времени куда-то выходить, мы завалены заказами, не успеваем сделать то, что нам заказали здесь. У нас куча программ в рамках той деятельности, которую мы ведем» [16].*

Будущее своих бизнесов предприниматели не планируют, перспектива зачастую видится туманной и пессимистичной: *«Дела сейчас немного хуже идут, чем раньше. Требуется обновление оборудования, а смысл какой его обновлять, если непонятная ситуация с собственностью. Мы не знаем еще – будем мы тут работать или нет. Так что плана какого-то особо нет».* Бизнес-планирование предполагает применение технологий, которыми многие владельцы бизнесов не владеют. Кроме того, процедура планирования является излишней, учитывая то, что качественного развития предприятия не планируется. Планирование в некоторой степени заменяется постоянным личным контролем предпринимателя [17].

Предприниматели не занимаются изучением клиентов: *«Видимо, нет, не изучаем. Как понять, изучаем ли мы его или не изучаем? Я считаю, что мы не изучаем. Скажем так, мы их изучаем, конечно, есть розничные продажи частникам, есть розничные продажи корпоративным клиентам, в таком контексте мы их изучаем, классифицируем и к каждому относимся индивидуально, по-своему. Если говорить о каждом конкретном клиенте, мы вникаем в его потребности, мы именно его изучаем, решаем его задачу. А если в целом – классификацию, статистику, проценты – ничего этого мы не делаем» [18].*

Конкурентов предприниматели также, как правило, не изучают: *«Цены чужие не считаем специально, ну есть некие общедоступные журналы, “Городовой”, например, там пишут о ценах конкурентов, но мы не будем, скажем, повышать цены до чьего-то уровня» [17].*

Несколько удивляет, что многие предприниматели в принципе не занимаются поиском клиентов: *«Никак не ищу клиентов, мне самому звонят, просят какие-то материалы. Я беру время, ищу, договариваюсь, перезваниваю и получаю определенный процент от заказа».* Хотя многие предприниматели отмечают наличие проблемы с недостатком заказов, проблема не решается: *«Никак не решаем проблему с клиентами. Сажу и жду клиента».* Считается, что клиент сам должен найти предпринимателя: *«Да, потому что что-то искать – это не для нас. Вообще, мы клиентов не ищем, они сами на нас выходят, по справочникам, еще как-то» [19, 12, 16].*

Предприниматели, по всей видимости, стремятся не нарушать границы сегментов рынка, которые исторически сложились: *«Мне трудно оценить степень своих знаний клиента, у нас самый массовый клиент – это таксисты. С таксистами я*

работаю уже почти где-то 8 лет, больше даже, я таксистов знаю, их проблемы я знаю. Другие фирмы, скажем, работают с нефтяниками, еще другие фирмы, скажем, с администрацией, кто-то работает с охранными фирмами, ну, они тоже знают своих клиентов. Я больше работаю с таксистами. Просто такое вот разделение рынка произошло, каким-то естественным путем. Поэтому я только своих клиентов, свой сегмент знаю» [20].

Характерно, что предприниматели не занимаются развитием уникальных конкурентных преимуществ, как правило, в качестве конкурентных преимуществ все респонденты могут назвать «гибкость», «быстроту» или подобные расплывчатые понятия: «Конкурентные преимущества наши – это быстрота реакции, быстро находим ниши и разрабатываем их. Гибкость работы с клиентом опять же, стараемся крутиться по мере сил, ну и за современными тенденциями следить, не отставать». Фактически конкурентные преимущества заменяют опыт и связи: «Опыт у нас уже наработан, более 5 лет на рынке все-таки, сложилась определенная схема работы с поставщиками, потребителями» [15, 13].

Деловые связи носят личностный характер, это связи не столько с предприятием, сколько с конкретным менеджером, управленцем, директором: «Ну и потихонечку в этом бизнесе мы вращаемся, установились уже долговременные связи с директорами лесхозов, лесозаготовителей по Пермскому краю, Свердловской области, Кировской, Тюменской, Коми АССР. Своего производства у меня нет, я не ставил такой задачи, потому нужно дружить с производителями, знать всех директоров» [5].

Респонденты не считают, что способны превратить собственный бизнес в динамичную, инновационную компанию: «Мы не акулы, в общем, бизнеса, не менеджеры новой формации. Мы обычные люди, которые пришли в бизнес под влиянием обстоятельств, мы росли вместе с этой страной, мы, конечно, сейчас вписываемся в нее хорошо. Нет такой задачи обогнать Абрамовича, мы позиционируем себя как средний класс, это нас устраивает социально и финансово» [16].

Скромные показатели развития малого бизнеса в России, таким образом, объясняются не только существующими барьерами для развития малого предпринимательства, но и сложившейся предпринимательской культурой. Российский малый бизнес не готов стать основой для инновационного развития отечественной экономики.

Примечания

1. Анализ роли и места малых и средних предприятий России: статистическая справка. М.: Агентство США по международному развитию, Ресурсный центр малого предпринимательства, 2004. 66 с.
2. Д. Медведев: Доля малого бизнеса в ВВП РФ составила 13–15%: <http://top.rbc.ru/economics/18/02/2008/142463.shtml>
3. OECD Small and Medium Enterprise Outlook. Paris: OECD Publications Service, 2000. 223 p.
4. Димаджио П. Культура и хозяйство // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 45–65.
5. Интервью № 1, респондент – мужчина, владелец торговой компании.
6. Интервью № 2, респондент – мужчина, владелец бизнеса в сфере энергетики.
7. Интервью № 3, респондент – женщина, владельца строительного бизнеса.
8. Интервью № 4, респондент – женщина, владельца аудиторской компании.
9. Интервью № 5, респондент – мужчина, владелец клининговой компании.
10. Интервью № 6, респондент – мужчина, владелец агентства переводов с иностранных языков.
11. Интервью № 7, респондент – женщина, владельца производственной компании.
12. Интервью № 8, респондент – мужчина, владелец магазина.
13. Интервью № 9, респондент – мужчина, владелец торговой компании.
14. Интервью № 10, респондент – женщина, владелец бизнеса в сфере автобусных перевозок.
15. Интервью № 11, респондент – мужчина, владелец торговой компании.
16. Интервью № 12, респондент – мужчина, со-владелец ИТ-компании.
17. Интервью № 13, респондент – мужчина, владелец развлекательного центра.
18. Интервью № 14, респондент – мужчина, владелец торговой компании.
19. Интервью № 15, респондент – мужчина, владелец консалтинговой фирмы.
20. Интервью № 16, респондент – мужчина, владелец торговой компании.

С. А. Нифонтов

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ДЛЯ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

Статья посвящена проблеме определения влияния представлений молодых рабочих промышленных предприятий о заработной плате на их готовность к деятельности по своему профессиональному развитию. Для описания этого влияния автор предлагает наравне с другими показателями использовать понятие о переменной мотивационного значения заработной платы для профессионального развития.

The article explores the influence of young industrial workers' ideas of wages on their readiness to be active in their professional development. In order to describe the said influence the author suggests using the variables of motivational significance of wages for professional development alongside with other indices.

Ключевые слова: молодые промышленные рабочие, заработная плата, мотивация, профессиональное развитие.

Keywords: young industrial workers, wages, motivation, professional development.

В современных российских социально-экономических условиях, характеризующихся, с одной стороны, развитием экономического кризиса прежде всего в постиндустриальных обществах и отраслях, с другой – постановкой стратегических задач по обеспечению перехода России к постиндустриальному состоянию, особый научный интерес вызывает определение возможностей развития социальных групп, обеспечивающих экономические основы индустриального общества. Такой интерес связан с тем, что в социально-практическом аспекте именно этим группам предстоит не только обеспечить выживание российского общества в условиях кризиса, но и создать необходимые социальные и экономические ресурсы для будущего развития России.

Одной из социально-экономических групп, социальная судьба которых связана с индустриальным обществом, являются молодые промышленные рабочие. Молодых промышленных рабочих можно определить как *социально-экономическую группу людей в возрасте до 30 лет, которые в той или иной мере обладают признаками молодости и молодёжности, вступили после получения профессионального образования в нормативно оформленные постоянные трудовые отношения с работодателем и занимаются профессионально-трудовой деятельностью с использованием*

ем промышленного оборудования или по обслуживанию такого оборудования на крупных промышленных (индустриальных) предприятиях.

Молодые промышленные рабочие в развитии индустриального общества занимают особое место, поскольку, взаимодействуя с данной социально-демографической группой, индустриальное общество через воспроизводство трудовых ресурсов обеспечивает не только существование своего экономического основания (крупного промышленного производства), но и его развитие во времени. При этом развитие крупного промышленного производства в значительной степени определяется тем, насколько молодые рабочие, с одной стороны, мотивированы к освоению новых технологий и нового оборудования, с другой – насколько они способны на основе своего профессионального развития осваивать элементы новой производственной культуры.

В ходе теоретического исследования было установлено, что профессиональное развитие является *стадийно протекающим процессом*, состоящим из явлений профессионального обучения, профессиональной социализации и интернализации, приводящим, в общественно-экономическом аспекте, к возрастанию производительности труда работника, а в индивидуально-экономическом – к увеличению его заработной платы. Таким образом, индустриальное общество заинтересовано в профессиональном развитии молодых рабочих, поскольку с этим связано повышение производительности их труда и, следовательно, увеличение производства товаров. В то же время для самих рабочих профессиональное развитие в условиях ее соответствия производительности труда является средством увеличения своей заработной платы как возможности удовлетворения через систему товарно-денежных отношений своих возрастающих потребностей.

Требование соответствия заработной платы рабочих производительности их труда в рыночных условиях, как правило, не выполняется. Это обусловлено тем, что когда объем продукции, выпускаемой предприятием, ограничивается подвижным спросом, реальная заработная плата рабочих рассчитывается, как правило, не от производительности их труда (затраты рабочего времени на единицу продукции, трудовую операцию), а от их фактической выработки за месяц, требующей значительно меньшей производительности труда, чем способны показывать большинство квалифицированных рабочих. Данное обстоятельство, приводящее, в частности, к развитию неритмичного производства, создает изменения потребности предприятия в кадрах и, соответственно, возникновение ситуации то недостатка, то избытка рабочих на предприятии.

В сложившейся ситуации большинство промышленных предприятий стремится к созданию неко-

того ядра трудового коллектива из минимального количества наиболее квалифицированных работников, способных показывать наибольшую производительность труда, к которому при необходимости (при временном расширении производства) добирается некоторое количество малоквалифицированных работников. Использование обозначенной стратегии кадровой политики промышленных предприятий приводит к тому, что молодые рабочие, желающие иметь гарантированную занятость и, следовательно, гарантированную заработную плату, должны стремиться к получению высокой квалификации, являющейся следствием их профессионального развития, то есть к профессиональному развитию.

Вместе с тем в условиях экономического кризиса перед российскими промышленными предприятиями стоит насущная задача освоения современной производственной культуры, характеризующейся переходом к производству наукоемкой продукции высокоавтоматизированным оборудованием. Решение этой задачи невозможно без омоложения рабочих кадров за счет включения в ядро трудового коллектива молодых рабочих, не только показывающих высокую производительность труда, но и готовых к профессиональному развитию, чтобы соответствовать требованиям нового производства. Таким образом, следует сделать вывод, что экономические интересы развития производства и молодых рабочих совпадают.

Однако в реальном групповом сознании молодых рабочих указанное обстоятельство испытывает влияние со стороны различных социальных структур и явлений, способных играть роль не только усилителей, но и ингибиторов. Поэтому мотивационное значение заработной платы молодых рабочих для их профессионального развития в конкретных обстоятельствах характеризуется неопределенностью. Это позволило сформулировать следующую гипотезу: *мотивационное значение заработной платы молодых рабочих для их профессионального развития определяется не только оценкой ими значения заработной платы в определении своих доходов, но и тем, насколько соотносят молодые рабочие свою заработную плату со своими трудовыми усилиями.*

Для эмпирической проверки гипотезы в ходе анкетирования [1] на одном из крупных промышленных предприятий Свердловской области (ВСМПО-АВИСМА, г. Верхняя Салда), в первую очередь, было определено значение заработной платы в формировании доходов молодых рабочих [2]. При этом предполагалось, что для молодого рабочего, не имеющего иных источников существенного дохода, кроме заработка на основном рабочем месте, мотивационное значение заработной платы для профессионального развития будет выше, чем для того, у которого есть другие источники доходов.

Было установлено, что 53% молодых рабочих не имеет никаких существенных источников дохода, кроме заработной платы на основном рабочем месте. По крайней мере, для этого подмассива значимость зарплаты для мотивирования их к деятельности по профессиональному развитию следует признать высокой. Но при этом также выяснилось, что свой уровень доходов как «ниже среднего» оценили почти 90% молодых рабочих. Поэтому, поскольку «другие источники доходов» не позволяют молодым рабочим достигать даже среднего уровня потребления, данный вывод следует распространить на весь массив респондентов. Не случайно более 81% респондентов определили свою зарплату на предприятии как важную профессионально-трудовую ценность [3]. При этом на ценность заработной платы молодые рабочие указывали в 1,57 раза чаще, чем на ценности, стоящие на втором месте (надежное место работы и возможность чего-либо достичь). Следует заметить, что только 15% молодых рабочих осознают ценность работы, соответствующей способностям, а то, что работа должна вызывать уважение людей – 19%.

Таким образом, на основе полученных эмпирических данных было установлено: для молодых рабочих предприятия как единой социально-экономической группы заработная плата выступает важным и на уровне группового сознания вполне сформированным мотивом профессионально-трудовой деятельности. Этот вывод позволил перейти к определению того, насколько и при каких социальных обстоятельствах мотив роста заработной платы может поддерживать стремление молодых рабочих к профессиональному развитию.

Поскольку из всех явлений профессионального развития наиболее понятным для молодых промышленных рабочих является профессиональное образование, было определено, какое место занимает повышение заработной платы среди целей, которые преследуют молодые рабочие, выражают желание повышать свою квалификацию [4]. В результате установлено (при поливариантном выборе), что более половины (56%) респондентов готовы повышать свой образовательный уровень при условии, что это приведет к повышению их заработной платы. Данный показатель намного превышает количество выборов других целей получения дополнительного профессионального образования (максимально 22% – «получение перспектив карьерного роста»). Таким образом, заработная плата для молодых рабочих данного предприятия является важным мотивом их профессионально-трудовой деятельности и профессионального развития.

В результате предварительного теоретического исследования в качестве *факторов*, определяющих мотивационное значение заработной платы, были определены удовлетворенность молодых рабочих ее размером и оценка молодыми рабочими

ее соответствия их трудовому вкладу. При анализе полученных данных учитывалось, что, во-первых, молодой рабочий под трудовым вкладом понимает свое интегральное представление о количестве и качестве своего живого труда, совершаемого им в форме не только физических, но и психических и интеллектуальных усилий. Во-вторых, показатель удовлетворенности молодых рабочих размером своей заработной платы оценивался в рассматриваемой паре не как ведущий показатель, а как производный от их субъективной оценки своего трудового вклада, усиливающий или ослабляющий ее влияние на мотивацию к профессиональному развитию.

Влияние совокупного группового, устанавливаемого статистически представления молодых рабочих о достаточности заработной платы и ее отношении к трудовому вкладу на их отношение к профессиональному развитию можно определить как *переменную мотивационного значения заработной платы для профессионального развития*. При этом представления молодых рабочих о «несоответствии зарплаты трудовому вкладу» следует оценивать как фактор, демотивирующий респондентов к профессиональному развитию, ориентирующий их на совершение социальных действий по увеличению своих доходов, но лежащих *вне* производственной сферы. Одновременно представления молодых рабочих о «соответствии зарплаты трудовому вкладу» можно оценить как мотивирующий фактор к профессиональному развитию, поскольку они отражают представление респондентов о наличии существенной связи между их зарплатой и трудовыми усилиями. Наоборот, представления респондентов о «несоответствии зарплаты трудовому вкладу» блокируют развитие у них представлений о влиянии трудовых усилий на размер заработной платы. Отсутствие удовлетворенности размером заработной платы у молодого рабочего выступает как усилитель не только его мотивации, но и (соответственно) демотивации к профессиональному развитию, определенных по показателю соответствия заработной платы трудовому вкладу.

В результате реализации обозначенного подхода для определения фактического влияния реальной заработной платы молодых рабочих на их мотивацию к профессиональному развитию был сформулирован закрытый вопрос, требующий альтернативного ответа: «Довольны ли Вы оплатой своего труда и тем, как она соотносится с Вашим трудовым вкладом?», к которому прилагался список из пяти ответов, каждому из которых был присвоен соответствующий коэффициент: - 2; - 1; 0; +1; +2.

Минимальный коэффициент (-2) присваивался представлениям респондентов о «несоответствии зарплаты трудовому вкладу», усиленным неудовлетворенностью ее размером. Данный выбор рас-

ценивался как максимально демотивированный к профессиональному развитию. На другом полюсе (+2) располагались ответы, сочетающие признание соответствия размера заработной платы с оценкой недостаточности ее размера. В качестве итоговой переменной по данному показателю была определена сумма произведений указанных коэффициентов на доли выбора в группе респондентов каждого варианта ответа. Таким образом, в переменной учитывалось значение мнения всех подмассивов общего массива респондентов, имеющих различные позиции.

Следует отметить, что предлагаемое положение ответов на числовой оси «демотивационное – мотивационное значение представлений молодых рабочих о своей заработной плате для их профессионального развития» имеет условный характер. Однако само введение числовых значений позволяет при обработке массива данных получать среднее числовое значение переменной и таким образом количественно учесть социальное единство молодых рабочих как профессионально-экономической группы. Вместе с тем возникает возможность переводить полученное среднее числовое значение в качественную оценку мотивационного значения заработной платы молодых рабочих конкретного предприятия для их профессионального развития. Таким образом, возникает возможность количественно и качественно оценить, насколько мотивация молодых рабочих данного предприятия обусловлена их представлениями о соотношении заработной платы с трудовым вкладом. При этом среднее значение переменной «больше 0» означает мотивированную готовность в какой-то мере молодых рабочих к профессиональному развитию ради повышения заработной платы, а «меньше 0» – их неготовность к этому из-за недостаточного видения ими связи между своей зарплатой и своими трудовыми усилиями.

В частности, проведение опроса молодых рабочих ВСМПЮ-АВИСМА и обработка его результатов показало, что среднее значение переменной мотивационного значения заработной платы для профессионального развития составило (- 0,8492). Таким образом, групповое сознание молодых рабочих данного предприятия можно оценить как близкое к позиции «зарабатываю неплохо, но думаю, что мой труд заслуживает большей оплаты». В такой ситуации следует ожидать некоторой демотивации молодых рабочих к профессиональному развитию представлениями о несправедливости своей зарплаты со слабой мотивацией представлениями о ее недостаточности. Соответственно, пока этот демотивационный фактор не будет устранен (например, за счет изменения системы оплаты труда или разъяснительной работы) или значительно не уменьшится заработная плата молодых рабочих (точнее, их оценка ее размера), нецелесообразно

вовлекать молодых рабочих в мероприятия, например, по повышению квалификации или освоению нового оборудования. При этом следует учитывать, что ведущую роль в определении позиции опрошенных молодых рабочих играет все-таки их представление о «несоответствии зарплаты трудовому вкладу», которое при снижении размера заработной платы может значительно усилиться.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что на исследованном предприятии оценка молодыми рабочими своей заработной платы существенно зависит от их возраста (коэффициент Крамера составил +0,288, вероятность ошибки 0,50%). При этом значение переменной мотивационного значения заработной платы для профессионального развития в самой молодой группе (до 21 года) составило всего – 0,2189, в то время когда ее значение в средней и старшей возрастных группах 21–25 и 26–30 лет) оказалось соответственно равным –1,1396 и –1,1522. Таким образом, следует предполагать, что в настоящее время наиболее готовы к профессиональному развитию ради повышения своей заработной платы именно наиболее молодые рабочие предприятия (до 21 года).

В то же время мотивация заработной платой к профессиональному развитию молодых рабочих, более старших по возрасту и, следовательно, обладающих относительно большей производительностью труда, во многом определяемой профессиональным опытом и предшествующим профессиональным развитием, оказывается в значительной степени блокированной их представлениями о несоответствии своей заработной платы трудовому вкладу. Поэтому применение в отношении данных возрастных категорий молодых рабочих методов материального стимулирования (премирование, введение индивидуальных надбавок и т. п.) в целях их мотивирования, например к участию в рационализаторской деятельности, может оказаться неэффективным. При этом само предложение участвовать в рационализаторской деятельности молодые рабочие данных возрастных групп воспримут, скорее всего, как очередную попытку работодателя увеличить трудовую нагрузку на рабочих без ее соответствующей компенсации в виде увеличения заработной платы.

Примечательно, что анализ ответов на вопрос о том, ради чего молодые рабочие готовы повышать свою квалификацию, не выявил существенных отличий у тех же возрастных групп респондентов (от 56% до 58% выборов у ответа «повышать квалификацию, чтобы больше зарабатывать»). В связи с этим можно констатировать: использование

переменной мотивационного значения заработной платы для профессионального развития, учитывающей не только отношение молодых рабочих к размеру заработной платы (на что преимущественно ориентируются, вероятно, рабочие при ответах на прямые вопросы), но и восприятие соотношения зарплаты с трудовым вкладом, позволяет уточнить влияние представлений о заработной плате на готовность молодых рабочих к деятельности по профессиональному развитию.

В целом проведенные исследования значения заработной платы для мотивации профессионального развития молодых промышленных рабочих подтвердили, что заработная плата играет очень существенную, вероятно, ведущую роль в мотивационной системе, определяющей отношение современных молодых промышленных рабочих к своему профессиональному развитию. Кроме этого на уровне одного предприятия была подтверждена гипотеза о том, что мотивационное значение заработной платы молодых рабочих для их профессионального развития определяется не только оценкой ими достаточности (недостаточности) размера заработной платы для удовлетворения своих потребностей. Важным фактором в исследованном аспекте является также то, как молодые рабочие оценивают (признают существенной или несущественной) связь между своей заработной платой и своими трудовыми усилиями.

Примечания

1. Исследование проводилось в марте 2009 г. в ходе изучения социально-экономического положения работающей молодежи Свердловской области для создания новой редакции Концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области (постановление Правительства Свердловской области «О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г.» от 27 августа 2008 г. № 873-ПП). Выборка была квотной по возрасту и полу для молодых рабочих основного (металлургического) производства и составила 118 чел.

2. Респондентам задавались закрытые вопросы о том, какую роль в их доходах играют работа по совместительству и работа на дому (приусадебное хозяйство), а также стандартные вопросы на определение их оценки уровня своих доходов по уровню потребления.

3. Респондентам предлагалось сделать поливариантный выбор из стандартного перечня профессионально-трудовых ценностей (см., например, Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4. С. 50).

4. Респондентам был задан полужакрытый поливариантный вопрос о целях, для достижения которых они готовы повышать свою квалификацию

В. А. Ружа

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНЧЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Данная статья рассказывает о патриотизме как сложном социальном явлении, формировании патриотически воспитанной личности студента. Приводятся современные требования к выпускнику вуза. Даны основные направления работы со студенческой молодежью. Приводятся некоторые итоги социологического исследования в вузах города Екатеринбурга и с абитуриентами, поступающими в вуз. Рассмотрены существующие проблемы в системе образования.

The author characterizes patriotism as a complex social phenomenon and analyzes the problems of forming patriotically brought up students. Modern requirements are put forward to high school graduates. The basic directions of work with student youth are outlined. Some results of sociological research in higher schools of the city of Ekaterinburg are summed up. Some problems in the system of education are considered.

Ключевые слова: патриотизм, студенческая молодежь, ценностные ориентации, молодежное сознание, патриотически воспитанная личность.

Keywords: patriotism, student youth, value orientations, youth consciousness, patriotically brought up person.

Современное общество представляет собой сложную социокультурную систему. В ней различные субкультуры не только независимо сосуществуют, но и пересекаются в различных вариантах, погружаясь друг в друга [1]. Это приводит к тому, что личность находится в сложной многоуровневой системе социокультурных феноменов.

Изучаемый нами патриотизм, который является одним из этих феноменов, представляет собой очень сложное явление. Его сущность связывается не только с отдельным политическим или нравственным принципом и не с отдельным нравственным качеством личности, а с интегративностью ее свойств, что позволяет рассматривать патриотизм как неотъемлемую часть социально-нравственной направленности личности.

В содержании патриотизма находят отражение такие ключевые понятия, как родина и отечество. Первое характеризует естественную привязанность человека к родной земле. Второе обусловлено определенными общественными отношениями, экономическими, политическими, культурными особенностями страны. Можно утверждать, что патриотизм является обязательным элементом как индивидуального, так и общественного сознания во всех цивилизованных странах. Там, где патриотизму

уделяется достаточное внимание со стороны государства, там его уровень планомерно развивается и всячески поддерживается как государственным, так и самыми разнообразными общественными структурами.

Понимая, что от уровня патриотизма напрямую зависит жизнеспособность самого государства, его руководители пытаются модернизировать всю систему воздействия на личность и общество.

Особое значение в возрождении нравственных основ российского народа имеет образование. Именно оно, по взглядам руководителей государства, должно стать потенциальным источником гражданской, патриотической, общенародной идеи России. А воспитание гражданственности и любви к родине названо в качестве приоритетных принципов государственной политики в области образования [2].

За последние годы принят ряд важнейших документов федерального, регионального и местного значения по патриотическому воспитанию граждан России, которые основными целями ставят воссоздание практически разрушенной идеологической платформы, на которой основывалась политика страны [3], необходимость продолжения работы, направленной на решение всего комплекса проблем патриотического воспитания программными методами [4].

Перед вузами четко поставлена задача по формированию у обучающихся гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии; сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества [5].

В связи с тем, что современное российское общество находится в постоянной социальной трансформации, а студенческая молодежь – это самая динамичная часть общества, которая четко реагирует на малейшие изменения в нем и быстро улавливает новые тенденции в культуре, интерес к студенчеству, безусловно, привлекает внимание социологов. Именно базовые ценности студенчества в большей степени подвергнуты трансформациям, чем у других социальных групп. И это обстоятельство делает студентов интеллектуальным и культурным авангардом молодежной части общества.

Указанная социальная группа является своего рода «индикатором» изменений, происходящих в социальной идентичности россиян. Характерным для студенческой молодежи является личностная независимость, ценность свободы в принятии решений, престижность получаемого образования. Высокая мобильность студенческой молодежи подтверждает тот факт, что студенты более оперативны к восприятию инноваций, чем другие слои молодежи [6].

Однако основной характеристикой студенчества с точки зрения социокультурного среза ее соци-

ального потенциала является ее незавершенность, неинтегрированность в сложившуюся систему социальных отношений. Молодой человек наблюдает за обществом как бы со стороны. И то, что для старших поколений является само собой разумеющимся, привычным и должным, не является таким для молодежи. У нее еще нет собственной заинтересованности в сохранении существующего порядка. У нее еще нет устойчивых политических и экономических интересов [7].

Студенческая молодежь является своеобразным фильтром, который подвергает оценке сложившиеся порядки и принимает те из них, которые в большей степени удовлетворяют ее интересы и потребности.

Соответственно, молодежь может играть роль своеобразного проводника политики, реализуемой старшим поколением, в том числе и по вопросам патриотизма.

Таким образом, студенчество выступает как инновационный резерв и потенциальная элита общества в целом, которая становится генератором взглядов и идей для будущих политических, культурных и экономических преобразований.

Известно, что ценностные ориентации личности напрямую зависят от ее отношения к миру, ее места в обществе, эмоций и т. д. Они выступают важным элементом внутренней структуры личности, определяемым жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний, одним из основных факторов, регулирующих, детерминирующих мотивацию личности, в том числе и профессиональную.

Результаты многочисленных социологических исследований показывают, что большое место в структуре молодежного сознания занимают сейчас так называемые «общечеловеческие ценности»: здоровье, счастье, любовь, добро, красота, свобода, семья и обусловленные ими индивидуальные – личный успех, престиж, занимаемый статус, любимая работа и досуг, личное, особенно материальное, благополучие и т. д.

В число приоритетных ценностей также входят ценности религии и церкви. Однако вследствие отсутствия у многих молодых людей глубоких духовно-нравственных основ их внутренний мир стал более иррациональным, что нашло проявление в предрасположенности к мистике, магии, колдовству, экстрасенсам, «сатанизму» и т. п.

Многие ценности молодежи приобрели явно выраженную национальную и националистическую окраску. Заметен рост оскорбленного, «раненого» национального самосознания русской молодежи; растут амбиции, и активно проявляются националистические воззрения и ориентации целого ряда «малых» народов России.

По мнению социологов, ценностные ориентации молодежи, понимание ею социальных проблем,

нравственные оценки событий и поступков, позволяют лучше понять, что движет молодыми людьми, какие они ставят перед собой цели в жизни. При этом важно определить отношение человека к родине, его гражданскую позицию. В качестве иллюстрации хочется привести результаты социологического письменного опроса «Молодежь и патриотизм», проведенного в сентябре–октябре 2006 г. в УГТУ-УПИ под руководством доктора философских наук, профессора Ю. Р. Вишневого. Тип выборки – простая случайная выборка. Количество респондентов – 1054 чел.

Исследование показало, что только 12,7% опрошенных студентов не испытывает чувства гордости ни за свою страну, ни за место, где они родились. Основная часть респондентов (80%) испытывает чувство гордости за свою родину. 12,7% затруднились выразить по этому вопросу свое мнение. Чуть более 80% опрошенных не может сказать, что жалеет о своем российском гражданстве, значительно меньшая часть, 17,1% респондентов, имеет противоположное мнение. Доля молодых людей, которые хотят навсегда уехать из России и собираются это сделать, незначительна: 3,9%. Тем не менее, 11,6% респондентов все же хотели бы эмигрировать, имея возможность осуществить свое желание. Большинство опрошенных студентов (54,9%), не желает ни при каких условиях, даже при плохом развитии событий, сменить свое отечество, что явно свидетельствует о распространенности патриотических настроений в молодежной среде.

Социальный заказ для любого современного вуза – поднять осуществление учебно-воспитательного процесса на более высокий, качественно новый уровень. Однако сегодня подготовка будущих специалистов еще не везде отвечает в должной мере современным требованиям. Если техническая часть вопроса более или менее решена, то воспитательная (нравственная) еще находится на начальном этапе.

Каким сегодня видится современный выпускник российского университета, каковы критерии оценки конечного продукта патриотического воспитания? Коротко его можно охарактеризовать как патриотически убежденного и готового к практическим действиям молодого гражданина во имя нашей родины. Он стремится глубоко знать нашу отечественную историю и культуру. Это человек, проявляющий гражданскую зрелость, активность и разумную инициативу. Он осознает личную ответственность за судьбу страны и активно участвует в патриотической деятельности. В идеале настоящим патриотом можно считать только человека, постоянно укрепляющего свое физическое и нравственное здоровье, хорошо воспитанного, образованного и просвещенного, имеющего нормальную семью, почитающего своих предков, растящего и

воспитывающего в лучших традициях своих потомков, содержащего в надлежащем состоянии свое место жительства и постоянно совершенствующего свой быт, образ жизни и культуру поведения. Его работа должна быть во благо своему отечеству, он должен участвовать в общественных мероприятиях или организациях патриотической ориентации, т. е. направленных на объединение сограждан в целях достижения патриотических целей и совместного выполнения патриотических задач той или иной степени сложности и важности.

Сформировать эти качества вполне возможно, если студенты уже с I курса под непосредственным контролем со стороны кураторов вовлекаются в студенческое самоуправление на всех внутри-университетских уровнях (вуз, факультет, кафедра, учебная группа, различные секции, кружки, клубы и т. п.), активно решают возникающие проблемы в своей студенческой среде. Гражданские качества личности студента формируются более эффективно, если студенты вовлечены в студенческое самоуправление на всех уровнях управления вузом (на уровне вуза, факультета, курса, учебной группы, в общественных организациях по интересам, в клубах и т. п.) и решают вопросы не только жизни своего вуза, но и окружающей вуз социальной среды.

Автор статьи считает, что наиболее сильное влияние на процесс становления патриотически воспитанной личности студента оказывает микроколлектив, семья, СМИ, общественные организации и движения, партии, искусство, литература. Личность все время стремится играть определенную роль в своем коллективе и обществе, частью которого она является. Это стремление ведет к активному осмыслению пережитого опыта и адаптации к будущему. Личность начинает осознавать свое место в обществе и уже проектировать какие-то желаемые цели. В этот период такая личность способна спланировать вокруг себя, объединить многих людей для решения конкретных целей и задач.

Исследование различных аспектов социокультурной жизни студенчества Екатеринбурга проводилось в 2003, 2005 и 2007 гг. под руководством доктора философских наук профессора Ю. Р. Вишневого и носило мониторинговый характер. Аналогичные исследования продолжались в 1995 и 1999 гг. [8]. Это позволило выявить тенденции и динамику социокультурных процессов в студенческой среде столицы Урала за 12 лет и скорректировать основные направления молодежной политики в рамках целевой комплексной программы «Молодежь Свердловской области». На всех этапах мониторинга был сохранен без изменения объект исследования – это студенты III курса 13 вузов Свердловской области. Количество респондентов по годам приводится ниже.

Так, 2003 г. характеризовался высоким уровнем недоверия студентов к силовым структурам (армия, правоохранительные органы). В отношении к правоохранительным органам это недоверие нарастало (армия на предыдущем этапе мониторинга в 1999 г. не включалась в перечень оцениваемых политических институтов). Самый высокий уровень недоверия к армии был отмечен у студентов УГПУ и УГЭУ, самый низкий – у студентов УГАТУ и УГТУ-УПИ. У студентов-бюджетников уровень недоверия к армии находился чуть выше, чем у контрактников. Позиции юношей и девушек по отношению к армии практически были сходны. Самый высокий уровень недоверия к правоохранительным органам – у студентов УГПУ и РГППУ, самый низкий – у студентов УрАГС. Бюджетники и контрактники были сходны в своем недоверии к правоохранительным органам. Девушки проявляли к ним недоверие чаще, чем юноши.

В 2005 г. было опрошено 1495 чел., из них студентов мужского пола 30,0%. На вопрос «Что побудило Вас поступить в данный вуз?» одним из ответов у 7,3% респондентов стал: «Не хотелось идти в армию». А на вопрос «Доверяете ли Вы армии?» ответили «нет» 62,3%.

В 2007 г. 1133 чел. ответили на вопрос «Что побудило Вас поступить в данный вуз?» стандартной фразой «Не хотелось идти в армию» опять 7,3%, а на вопрос «Доверяете ли Вы армии?» ответили «нет» 76,7%. Как видно, число абитуриентов, не желающих служить в армии, осталось на прежнем уровне, однако уже замечен резкий рост числа недоверия студентов к армии.

Год	Кол-во респондентов	Не хотят идти в армию	Не доверяют армии
2005	1495 чел.	7,3%	62,3 %
2007	1133 чел.	7,3%	76,7 %

В канун великого праздника Победы в 2008 г. на 8 факультетах УГТУ-УПИ среди студентов, обучающихся по программе подготовки офицеров запаса, автором статьи было проведено анкетирование методом письменного опроса на тему патриотизма.

Социологическое исследование в определенной степени выявило те проблемы, которые волнуют молодежь, ценностные ориентации студентов. Репрезентативность простой случайной выборки была обеспечена опросом 281 студента (3,3% от всех студентов, обучающихся на I–IV курсах всех факультетов УГТУ-УПИ). Среди опрошенных 82,3% составляли мужчины, остальные – женщины.

Отрадно видеть, что 87% опрошенных студентов считают, что подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений. А на вопрос «Что значит сегодня быть патриотом

России?» первые места стали занимать такие ответы:

- уважать и знать историю России;
- испытывать гордость за свою страну;
- быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны;
- уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам.

В июле 2008 г. с абитуриентами, поступающими на I курс УГТУ-УПИ, автором статьи было проведено социологическое исследование методом письменного опроса.

Цель исследования – выявить общий уровень патриотической направленности у выпускников средних школ. Ниже приводятся выдержки из результатов анкетирования по наиболее интересным вопросам анкеты «Патриотизм и студенчество». Тип выборки – простая случайная выборка. Всего было опрошено 128 респондентов.

Так, наиболее популярными ответами на вопрос «Что значит сегодня быть патриотом России?» стали (необходимо было отметить по два ответа):

	%
Уважать и знать историю России	66,4
Испытывать гордость за свою страну, любить Родину	85,2
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	48,4

На вопрос «С чем связано для Вас понятие родина?» будущие первокурсники ответили: «Моя Родина – это...

	%
Россия	57,8
Обычаи, традиции, образ жизни, национальный характер моего народа	21,9
Родной город (деревня), с которым у меня связаны детские воспоминания	20,3

По поводу вопроса «В нашем обществе нередки проявления межнациональной нетерпимости. Как Вы к этому относитесь?» выявлен большой разброс мнений.

	%
С неприятием – за этим нередко стоит ущемление прав человека	27,3
С сожалением – это проявление низкой культуры и недостатка толерантности	19,5
С опасением – это может привести к распаду России	15,6
Не ответили	37,5

Ответы на вопрос «Должны ли все юноши, годные к воинской службе, проходить срочную службу?» показали, что более 80% первокурсников готовы служить в армии, а 11% считают, что защита Родины – это занятие кого-то другого.

	%
Да, это – долг каждого	60,2
Да, армия – это школа жизни	29,7
Нет, это – потерянные годы для учебы, карьеры	7
Нет, не хочу подвергать себя унижениям, «дедовщине»	3,1

В итоге на предложенный вопрос «Вы можете назвать себя патриотом России?» анкетированные ответили следующим образом:

	%
Да	79,7
Нет	8,6
Затрудняюсь ответить	11,7

При формировании социально активного гражданина и патриота России, на наш взгляд, необходимо учитывать, что в самой системе образования еще существуют определенные проблемы. Так, все еще не просматривается единство систем воспитания и обучения. Многие преподаватели практически не умеют воспитывать студентов в ходе занятий. А ведь известно, что на любом занятии по любой дисциплине должны ставиться и достигаться воспитательные цели. Многие молодые преподаватели не готовы (не обучены) к работе в современных условиях, не обладают необходимыми качествами, а отдельные представители сами не являются примером для подражания. Внеучебное время студентов используется зачастую некачественно и нерационально. Большинство спонтанно назначенных кураторов академических групп, за редким исключением, не знают и не выполняют свои обязанности. Это и понятно, тратить свое личное время, причем бесплатно, практически никто не желает.

Выход видится в кропотливом подборе и расстановке будущих специалистов-воспитателей, создании действенной воспитательной структуры на кафедрах и факультетах. Далее, современный студент все больше сам выбирает (при нашем попустительстве), чем ему заниматься во внеучебное время: готовиться к занятиям, работать, празднично проводить время или участвовать в общественных мероприятиях. Отсюда вытекает важность активизации работы активистов непосредственно в академических группах: профторгов, культурторов, спорторгов, членов редколлегии и других, начиная с первых дней обучения в университете. Ежедневная и кропотливая работа куратора, оказание постоян-

ной помощи активистам – и через некоторое время вся академическая группа не только участвует во всех внеучебных мероприятиях, но и успешно учится. Только тогда выпускник современного вуза приблизится к тем требованиям, которыми должен обладать высокообразованный и качественно подготовленный специалист.

Примечания

1. *Тернборн Г.* Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке. Теория общества. М., 1999. С. 85–86.

2. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»: <http://www.garant.ru/law/10064235-001>.

3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». М.: Росвоенцентр, 2001. С. 7.

4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Постановление Правительства РФ от 11 июля 2005 г. № 422. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_101999.

5. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». М.: Юркнига. 2007.

6. *Лисовский В. Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 1998. С. 4.

7. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 446.

8. Молодежь Свердловской области на рубеже веков: проблемы, тенденции, ориентиры. Екатеринбург, 2001.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 004.738.5:008

Н. В. Целепидис

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ (АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

В статье рассматривается актуальный вопрос развития межкультурных связей в современном информационном обществе. Автор, анализируя молодежные интернет-ресурсы, раскрывает компьютерную сеть Интернет как феномен межкультурного общения в молодежной среде.

In the article an actual problem of developing intercultural contacts in modern information society is considered. The author, analyzing the youth Internet resources, exposes the Internet as a phenomenon of intercultural dialogue in the youth environment.

Ключевые слова: коммуникация, глобализация, информационное общество, сеть Интернет, межкультурная коммуникация, взаимодействие, принципы коммуникации, виртуальная реальность, феномен интерактивности, компетенция, молодежные порталы.

Keywords: communications, globalization, information society, network the Internet, intercultural communications, interaction, communication principles, virtual reality, interactivity phenomenon, competence, youth portals.

На современном этапе развития нашего общества Интернет становится мощным фактором социального и культурного прогресса. У людей формируется новое мышление, они начинают осознавать принадлежность всех людей к единой земной цивилизации и достигнутому уровню культурного развития. Стремление к культурному и социальному прогрессу приводит к осмыслению и эффективному обмену культурными ценностями в международно-дународной жизни.

«Фантастический триумф современных средств глобальных коммуникаций и информационных систем накопления и преобразования знаний, фундаментально меняющих наш культурно-цивилизационный мир, вовсе не катастрофа, загоняющая этнокультурную самобытность в этнографический музей, а преддверие победы над клановыми, племенными, профессиональными классовыми и иму-

щественными путями, которые до сих пор мешают людям быть личностями, быть свободными» [1].

Антропологическое измерение коммуникации, являющееся с гуманистической точки зрения бесспорной привилегией человека, в настоящее время существенно модифицируется. Развитие коммуникативной (содержательной) и коммуникационной (технических носителей сообщения) сфер глобализации становится важнейшим атрибутом и характеристикой современности, сквозь которую преломляется и человеческое видение коммуникации, а человек все более оказывается потребителем информации.

Объективно информационная революция, связанная в наши дни с глобальной сетью Интернет, позволяет получить доступ к практически необъятным информационным ресурсам, накопленным человечеством, а также к всемирной электронной почте [2]. Масштабы информационного обмена посредством Интернет удваиваются через каждые 100 дней. И тем не менее именно в среде ученых все отчетливее звучит мысль о приближении эры хаоса, «нового средневековья», неустойчивости и общественной дестабилизации. Проблема информации, информированности и коммуникации на этой основе становится ключевой для развития социума, человеческой культуры и конкретных индивидуумов.

Интернет предлагает множество возможностей общения на разных языках, доступ к текстовой и мультимедийной информации и позволяет печатать свою информацию, что способствует развитию общей осведомленности о мире, формированию умений взаимодействия с различными культурами, установлению причинно-следственных связей различных социокультурных явлений и общей социализации личности.

Под влиянием новых информационных технологий, в том числе Интернет, меняются принципы коммуникации как основы функционирования культуры, меняются протекание и содержание духовных процессов, формы знания и типы мышления. Возникают новые коммуникативные формы культуры, связанные с технологиями виртуальной реальности, феноменом интерактивности. Интернет доказывает, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур.

Ресурсы Интернет способствуют развитию межкультурной компетенции, т. е. знакомству с раз-

личными культурами, определению путей их взаимодействия и взаимопроникновения друг в друга, формированию культурных универсалий, необходимых для достижения взаимопонимания и плодотворного сотрудничества при непосредственном общении.

Существуют: 1 – обучающие сайты с огромным количеством линков к другим сайтам, развивающим определенные способности, навыки и умения, 2 – электронные журналы, 3 – онлайн-семинары, 4 – форумы. Все эти ресурсы способствуют установлению межкультурных связей в Интернете.

Молодежь посредством Интернета вступает в новый тип общения – информационную межкультурную коммуникацию, протекающую в виртуальной реальности. Это дает возможность индивиду при межкультурных контактах опираться не только на собственный опыт, но и на все то, что составляет феномен виртуальной реальности. В результате происходит смешение знакового и символического уровней отражения реальности, что влияет на характер межкультурных связей.

Анализируя содержательную сторону интернет-ресурсов молодежи, ту среду, в которой почти каждый день по нескольку часов «пребывает» российская молодежная аудитория, исследуя интересы молодых людей, их желания и потребности, мы пришли к выводу, что Интернет для молодежи существует не только как важная информационная среда, используемая для нахождения практически любого материала, Интернет для молодежи – это прежде всего возможность общения, не простого общения, а именно межкультурного. Отметим, что каждый пользователь Интернета имеет возможность выбора средства для межкультурного общения. Например, собственная система индивидуальной связи – электронная почта, телеконференции, чаты, ICQ. Пользователи сами формируют свою собственную информационную среду согласно потребностям и желаниям, будь то источники по образованию, справочно-информационные ресурсы или ресурсы в области культуры и искусства.

Специфика Интернета как новой информационной среды по развитию межкультурных связей во многом объясняет и те особенности, которые присущи происходящей в ней межкультурной коммуникации. Так, МКК в Интернете обладает рядом особенностей:

1. «Прямая» коммуникация (с помощью ICQ, различных чатов люди во всех уголках планеты могут напрямую общаться между собой).

2. Преодоление языкового барьера (существуют различные переводчики и программное обеспечение для автоматизированного перевода).

3. Богатство содержания (интернет-сайты предоставляют участникам межкультурной коммуни-

кации доступ к обширным информационным базам).

4. Многочисленные системы поиска информации. Эта особенность связана с богатством содержания информации в Интернете (удобные системы поиска и навигации).

5. Система гиперссылок. С помощью этой системы сайты соединяются между собой, и тем самым предоставляется возможность быстрого перехода от одного сайта к другому.

6. Своевременность передачи информации. Коммуникация в Интернете может происходить в «режиме реального времени». Для межкультурной коммуникации это очень важно, поскольку в силу различного географического положения между странами образуется разница во времени, которую тоже можно рассматривать в качестве одного из коммуникативных барьеров. Режим реального времени сглаживает разницу во времени и тем самым создает новые условия для коммуникации.

7. Концентрация. Благодаря большой «вместительности» и внутренней взаимосвязанности Интернет в кратчайший отрезок времени может объединить огромное количество коммуникаторов со всего земного шара в любой точке мира и организовать коллективное обсуждение той или иной информации.

Все перечисленные особенности сети Интернет предоставляют небывалые до сих пор возможности как для индивидуальной, так и для групповой коммуникации. С помощью электронной почты и различных «чатов» стал возможен моментальный обмен сообщениями между людьми из разных уголков мира. Благодаря веб-сайтам пользователи Интернета получили неограниченный доступ практически к любой интересующей их информации, при этом без больших затрат времени и средств.

Из всего сказанного следует, что Интернет является уникальным средством межкультурной коммуникации, значительно расширяющим возможности межкультурных связей.

Анализ интернет-ресурсов молодежи показал, что в России на сегодняшний день мало качественных молодежных социальных и образовательных ресурсов. Существующие можно разделить на 5 групп:

- 1) сайты государственных структур;
- 2) сайты учебных заведений;
- 3) социальные сайты, порталы, создаваемые энтузиастами;
- 4) православные молодежные порталы;
- 5) сайты развлекательной направленности.

У каждой группы есть свои специфические особенности, плюсы и минусы.

Молодежных сайтов государственных структур не так много. Например: www.dsmp.mos.ru – сайт департамента молодежной и семейной политики города Москвы, сайт www.depms.tomsk.ru – департамента по молодежной политике, физической куль-

туре и спорту Томской области и www.kmp.org.ru – официальный сайт комитета по молодежной политике Иркутской области. Все эти сайты одинаково неудобны в пользовании и неинформативны. Имеющаяся информация подается в очень скучной форме. Так, плохая организация сайтов приводит к их практической непосещаемости.

Сайты учебных заведений – это порталы, созданные либо преподавателями, либо самими студентами, объединяющие на своих страницах учащихся того или иного вуза, к примеру, такие: www.gask.ru – сайт Государственной академии славянской культуры, www.msu.ru – сайт Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Учащиеся других высших учебных заведений данные сайты практически не посещают, круг их пользователей обычно ограничивается студентами того или иного вуза, так как на страницах подобных сайтов чаще всего можно найти лишь информацию касательно данного учебного заведения. Помимо подобных образовательных сайтов, существуют также и такие, как www.sachok.ru и www.studak.ru, совмещающие в себе образовательный, развлекательный и социальный аспекты, на страницах которых молодежь активно общается.

К этой группе можно отнести официальные сайты студентов того или иного вуза. Например, www.mati-fatal.ru (сайт студентов МАТИ, где есть свой форум, чат).

Третья группа рассматриваемых нами сайтов – это социальные сайты, создаваемые энтузиастами. www.miot.name – молодежный портал о работе, www.vlcity.ru – Владимирский молодежный портал, www.folks.ru – молодежный портал Мурманской области, www.skachcom.ru – Сургутский молодежный портал и многие другие. На данных сайтах публикуется информация о работе для молодежи, жилье, спорте, досуге, по большей части о проводимых мероприятиях в том или ином городе. В данной группе не следует забывать о сайтах, создаваемых социально активной молодежью. Это сайты различных молодежных движений, часто имеющие политическую направленность, к примеру www.molgvardia.ru и www.ligaspr.ru, где можно встретить молодежь, чаще всего обязательно входящую в то или иное молодежное движение, либо тех, кто интересуется политикой.

Четвертая группа – это православные молодежные порталы, например портал «СПАС» – www.migmanspas.ru, молодежный информационный ресурс Русской Православной Церкви «МИР.РПЦ» – «Обретённое поколение», (Седмица.Ru). Такие порталы призваны стать информационной площадкой православной молодёжи и средством общения в сети Интернет. Здесь размещаются текущие новости, анонсы и отчёты о мероприятиях, информация о

региональных молодёжных проектах, сведения о молодёжных общественных организациях.

Последняя группа носит наиболее развлекательный характер из всех. Это и www.livejournal.ru, и www.liveinternet.ru, и многие другие сайты, где пользователи сами создают контент, чаще всего это сетевые сообщества. Сайт www.odnoklassniki.ru входит в 10 самых посещаемых сайтов России (по данным за 2008 г.). Проект «В контакте» – самый посещаемый ресурс русского сегмента сети Интернет. Считается Интернет-ресурсом № 1 в России и Украине. Около 80% посетителей данного сайта www.vkontakte.ru проживают в России, остальные 20% – в странах ближнего и дальнего зарубежья. Это один из популярных сайтов, где возможно межкультурное общение. Этот сайт позволяет его участникам общаться друг с другом, искать единомышленников, находить новых и старых друзей. Сайты знакомств – www.peznakomka.ru, www.damochka.ru и другие. Аудитория этих сайтов просто огромна по сравнению с предыдущими группами. Тысячи ребят ежедневно ведут блоги, пытаются найти свою любовь по ту сторону монитора. Развлекательные сайты сегодня являются лидерами среди всевозможных молодежных сайтов.

Проанализировав молодежные ресурсы в Интернете, можно выявить их главную проблему: молодежная аудитория расходится по развлекательным сайтам, а также сосредоточивается вокруг сайтов с интересующими их темами, оставляя порталы социальной направленности без внимания.

В результате проведенного исследования мы можем сделать выводы о молодежной ориентации в Интернете.

1. Предпочтение при межкультурном общении молодежь отдает электронной почте, ICQ и чатам.

2. Существуют тенденции, свидетельствующие об интересе преобладающей части молодежи к сайтам легкого, развлекательного жанра. Иногда учащейся молодежи (студентам старших курсов) присуще стремление к осмыслению наиболее актуальных проблем современности, воплощенных на различных информационных сайтах, либо научных форумах.

3. Происходит частое изменение популярности сайтов в зависимости от модных тенденций, времени года и т. д.

Молодежь и Интернет дает нам уникальную возможность изучения социокультурных изменений в обществе.

Примечания

1. *Ракитов А. И.* Методы современной коммуникации: проблемы – теории. М., 2002. С. 26.

2. *Шишков Ю. В.* Информационная революция. Глобалистика: Энциклопедия «Диалог». М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 374.

П. Б. Коржавин

О ВИРТУАЛЬНЫХ ВЫСТАВКАХ КАК СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЯВЛЕНИИ

Статья посвящена тематике виртуальных выставок. Автор рассматривает их формы, специфику, возможности, приводит примеры виртуальных выставок в сети Интернет.

The article is devoted to virtual exhibitions. The author considers their forms, specificity, possibilities, draws examples of virtual exhibitions in the Internet.

Ключевые слова: выставка, виртуальная выставка, Торгово-промышленная палата (ТПП), выставочные комплексы, виртуальный стенд, предпринимательство.

Keywords: exhibition, virtual exhibition, the Russian Chamber of Commerce and Industry, exhibition complexes, exhibition stand, business.

В быстро меняющихся условиях рынка любой компании крайне важно обеспечивать реальных и потенциальных потребителей наиболее полной и достоверной информацией о себе и своем бизнесе. Выставка – это хорошая возможность для демонстрации достигнутых деловых успехов, эффективная рекламная акция, способ найти новых партнеров и клиентов, заключить новые контракты, оценить конкурентов и тенденции рынка, определить свое положение на нем. Ярмарки и выставки с давних пор были и остаются эффективным средством продвижения предпринимательства. Именно таким путем коммерсанты прошлого и современные бизнесмены могут представить свой товар широким слоям потребителей, показать достижения своего предприятия, увидеть тенденции развития своей отрасли, найти новых покупателей и партнеров. Во всем мире выставки играют важную роль в расширении и развитии компаний.

В последнее время в сети Интернет быстрыми темпами растет число глобальных виртуальных выставок, предоставляющих возможность предпринимателям представить продукцию или услуги самого разного назначения. Среди них, например, ресурс «Pulset» (<http://www.pulset.ru/>) – относительно молодая выставка. Несмотря на большое количество бесплатно зарегистрированных на сайте компаний, свыше 160 тыс., число виртуальных выставочных стендов исчисляется пока лишь десятком. На стендах представлена справочная и контактная информация о компаниях, а также помещены фотографии товаров, их краткое описание и цена. Другой подобный портал – «Рос-Экспо» (<http://www.ros-expo.com/>).

Здесь относительно легко пройти процедуру регистрации и обзавестись собственным стендом. На виртуальной выставке представлены такие разделы, как «Промышленное оборудование», «Бытовая техника и связь», «Мягкая мебель, витражи, дизайн штор» и некоторые другие. Число участников составляет около 2000, хотя стоит отметить, что содержание некоторых стендов наполнено лишь справочными и контактными сведениями.

Одной из наиболее эффективных форм презентации товаров и услуг различных компаний является виртуальный выставочный стенд (ВВС). Он представляет собой, во-первых, информационный буклет и рекламную площадку, содержащую подробную информацию о компании, доступную широкой аудитории через Интернет, т. е. совмещает в себе функции объемного презентационного издания и полноценной площадки для проведения рекламных кампаний; во-вторых, неограниченное рекламное время.

На ВВС предприятий можно ознакомиться с основными направлениями деятельности предприятий, предлагаемыми ими услугами и продукцией, прайс-листами, показателями их деловой активности и контактными сведениями, а также получить различную дополнительную графическую и текстовую информацию.

Рекламный потенциал информации, размещаемой на ВВС, многократно усиливается благодаря тому, что стенды размещаются на различных тематических виртуальных выставках. В этом главное отличие ВВС от обычных сайтов. Но важно понимать, что стенд не является заменой интернет-сайта. Можно считать, они начинают работать в паре: опыт показывает, что посещение сайтов компании резко возрастает после начала работы ВВС.

Виртуальные выставки позволяют одновременно размещать необходимые данные о продукции, а также сообщать подробные комментарии своих специалистов, аудио- и видеоматериалы, баннеры и ссылки своих партнеров и иные актуальные сведения. Они предоставляют возможность оперативно корректировать информацию о продукции и услугах компании, расширяют круг партнеров, инвесторов и клиентов не только в России, но и за рубежом. Таким образом, в современной социокультурной ситуации виртуальные выставки позволяют посетителям получить подробную информацию о продукции и услугах непосредственно на рабочем месте, и, хотя выставки виртуальные, выгоды реальные.

Торгово-промышленная палата (ТПП) Российской Федерации с декабря 2005 г. осуществляет проект «Виртуальные выставки ТПП России», целью которого является продвижение предпринимателей, а также предлагаемых ими товаров и ус-

луг на новые рынки. Целесообразность реализации данного проекта определяется ситуацией, сложившейся в России с продвижением на рынки продукции и услуг малого и среднего бизнеса.

«Виртуальные выставки ТПП России» – многофункциональный информационный ресурс, позволяющий широкому кругу пользователей повысить эффективность рекламных мероприятий по продвижению своих товаров и услуг, расширить круг клиентов и партнеров. Ресурс предусматривает размещение на виртуальных выставочных стендах расширенной информации на русском и английском языках о российских и зарубежных предприятиях и организациях, их товарах и услугах, коммерческих предложениях, новейших достижениях и успехах, а также графических и видеоматериалов.

Проект «Виртуальные выставки ТПП России» позволяет предприятиям малого и среднего бизнеса избежать значительных финансовых расходов на продвижение своей продукции и услуг по вышеуказанным направлениям и обеспечивает его участникам доведение до всех пользователей сети Интернет расширенной текстовой и графической информации о своих предприятиях и производимой ими продукции и услугах, новых проектах, коммерческих предложениях и другой информации.

На сегодняшний день участниками «Виртуальных выставок ТПП России» стали уже свыше 1500 российских и зарубежных компаний. В каждом крупном городе России имеются выставочные комплексы, в которых проводятся регулярные коммерческие выставки, как специализированные (например, сельскохозяйственного оборудования или посвященные строительству), так и общего характера. Надо сказать, что участие в такой выставке требует больших хлопот и затрат. Нужно вложить немалые средства в аренду площади в павильоне, в подготовку и дизайн стенда, в транспортировку товара. Участие в выставке – важный и значимый момент в жизни компании, мобилирующий всех ее сотрудников.

Появление Интернета позволило решить многие проблемы человечества и облегчило ему выполнение самых разнообразных задач. В частности, на помощь предпринимателям в последние годы пришли виртуальные ярмарки и выставки. Они требуют несравненно меньших вложений – как финансовых, так и прочих: сил, времени, человеческих ресурсов. Появляется возможность представить на выставку свой товар или услугу за несколько минут, не выходя из офиса. Но помогают ли такие выставки достичь желаемого результата? Судите сами. Время проведения виртуальной выставки не ограничено. Виртуальный стенд (минисайт, представляющий вашу компанию) доступен для потенциальных клиентов и партнеров днем и

ночью, и не в течение недели или двух, а постоянно. Сайт данной виртуальной выставки, в отличие от сайта любой другой компании в Интернете, объединяет целую группу тематически одинаковых предприятий и широко известен посетителям в сети Интернет. Пространственные ограничения стираются – из любой точки страны на стенд постоянно заходят люди, которые, возможно, никогда не попали бы в выставочный павильон в Москве или в другом городе России. При этом появляется возможность существенной экономии на рекламе, а адрес сайта становится известен широкому кругу пользователей.

На сегодняшний день на просторах сети Интернет можно встретить немало качественных ресурсов, представляющих собой такие виртуальные выставки. Условно их можно разделить на специализированные, региональные и глобальные.

Начнем с региональных. Их организаторами часто бывают торговые палаты того или иного региона в сотрудничестве с местными компаниями. Примером такого сайта является ресурс «Виртуальные выставки Самарской области» (<http://expo.samcon.ru/vista.html>). Специфика сайта в том, что на нем представлены выставки не столько товаров, сколько услуг: консалтинг, туризм, образование, доставка корреспонденции и так далее. Другой пример региональной выставки – сайт «Виртуальная выставка малых предприятий Чувашии» (<http://www.expo.tppchr.ru/>). Интересен сайт «Виртуальная выставка малых предприятий г. Москвы» (<http://www.mp.mbm.ru/>). Используя конструктор и систему администрирования, даже неопытный пользователь может стать участником этой виртуальной выставки, создав свой стенд на ней – минисайт своего предприятия. На этом ресурсе размещены также интернет-представительства победителей, призеров и финалистов конкурса предприятий и организаций малого бизнеса Москвы «Московский предприниматель».

Специализированные виртуальные выставки посвящены тематике какой-либо одной конкретной отрасли. Например, оригинально оформленный компактный сайт «Виртуальной выставки энергоэффективных технологий, материалов и услуг» (<http://www.energy-exhibition.com/>). Проект создан по заданию Министерства образования и науки РФ, которое обеспечивает методическое и организационное сопровождение выставки. Кликая мышью на флеш-анимированные изображения «павильонов», попадаешь в различные разделы, где сектора показаны на рисунке-схеме и дублируются на меню слева. Здесь представлены такие павильоны, как газоснабжение, теплоснабжение, возобновляемые источники энергии, и так далее. От энергоснабжения к совершенно другой области – образованию – переносит нас сайт «Виртуальная выставка достижений в области образования» (<http://www.fair.sssu.ru/>). Но ресурс, к со-

жалению, неудобен для использования. Есть небольшие проблемы с интерфейсом – в частности, меню расположено справа, что иногда затрудняет поиск. Желая ознакомиться с достижениями тщательно ищут разделы сайта: их нет. Нажав на ссылку «Инструкция по работе», пользователь получает возможность скачать файл, где предлагается процедура регистрации для размещения собственных материалов, что неудобно. На наш взгляд, ресурс нуждается в существенной доработке.

Еще один портал – «Торгово-выставочный комплекс Ru-Expo» (<http://www.ru-expo.ru/>). Здесь, наряду со стендом, вы можете получить в сопровождение и интернет-магазин. Пожалуй, из уже рассмотренных ресурсов у этого сайта наиболее понятный интерфейс. Горизонтальное меню сразу вводит в курс дела, показывая, кому адресован раздел: посетителям, экспонентам или организаторам, а также чему он посвящен. Рубрикатор товаров выведен на главную страницу, так что пользователю сразу предлагается поиск по товарам или по фирмам. С главной страницы вы можете легко попасть на любую из выставок с многочисленными разделами и виртуальными выставочными залами, хотя для получения подробной информации о продукции приходится иногда проделать относительно большой путь.

Однако из всех исследованных нами виртуальных выставок в сетях Интернета России и стран СНГ наиболее содержательным и всеобъемлющим, по нашей оценке, является ресурс «Виртуальные выставки ТПП России» (<http://www.ruschamber.com>) – профессионально разработанный, солидный и авторитетный проект, который максимально соответствует целям виртуальных выставок – реклама и продвижение бизнеса с помощью интернет-технологий. Это портал, созданный ТПП РФ на базе Сети обмена деловой информацией ТПП РФ, объединяющей свыше 270 сайтов, включая сайты территориальных торгово-промышленных палат России, загранпредставительств ТПП РФ, зарубежных партнеров ТПП РФ, организаций системы ТПП РФ и объединений предпринимателей-членов ТПП РФ.

Одним из основных преимуществ данного ресурса по сравнению с другими его виртуальными аналогами являются высокие показатели рейтинга ресурса в глобальных поисковых системах (Google, Яндекс и др.), наивысшие показатели по посещаемости и значительно более низкие тарифы на участие в выставке, что делает его доступным для многих деловых людей.

Популярность данного ресурса в предпринимательских кругах подтверждается неуклонным ростом числа его участников (уже свыше 2000 – наиболее многочисленный из числа виртуальных выставок) и партнеров проекта (более 50 партнеров в различных субъектах РФ, в основном территори-

альные ТПП, имеющие хорошую потенциальную базу). Удобный интерфейс позволяет без труда найти нужное предприятие как по географическому признаку, так и по тематическим разделам. Имеется англоязычная версия проекта. Виртуальные стенды отличаются оригинальным и стильным дизайном, возможна реализация индивидуальных решений. На стендах участников этих выставок представлены материалы и информация, достаточно полно отражающие характер деятельности организации, ее достижения, описание продукции и услуг, цены и т. п. Участникам предоставляется право опубликования своих новостей, а также предложений коммерческого и инвестиционного характера.

«Виртуальные выставки ТПП России» охватывают по своей тематике практически все отрасли народного хозяйства и социальной сферы. Помимо тематических выставок там же представлены специализированные выставки ТПП РФ, которые пропагандируют успехи российских предприятий в различных областях.

Выделяя основные преимущества участия в виртуальных выставках, можно отметить существенные вложения немалых средств и ресурсов в подготовительный этап, учитывая такие характеристики, как большой зал, специализированная выставка, арендная плата за место, необходимость печати презентационных материалов и наличия грамотного стендиста – всё это отнюдь не дешево. Зато отдача от выставки оправдывает ожидания. Но не всегда. Раз на раз не приходится. Угадать порой непросто: одна выставка приносит новые деловые контакты – партнёров и клиентов, да и просто множество нужных знакомств, другая – лишь денежные траты.

Что же в них такого, что позволяет им конкурировать с реальными выставками, а порой и превосходить их?

Попробуем сделать экскурс в психологию посетителя обычной, не виртуальной выставки. Основных типажей всего два. Первые спешат за зрелищами, вторые – за деловыми контактами. К большому сожалению, первых, которые приходят на выставку просто из праздного интереса, почти всегда большинство. Но их ценность часто сомнительна. Гораздо важнее установить контакт со вторым типом посетителей – людьми, которые идут на выставку ради налаживания новых контактов, поиска продукции, услуг или новых партнёров.

Попробуем поставить себя на место таких целевых посетителей. Для них посещение выставки не самоцель, а всего лишь способ ознакомиться со свежими предложениями и наладить нужные контакты. Если бы была возможность не посещать выставки, а сразу получить нужный результат, то они бы предпочли именно его, а не посещение реальной выставки. И они его предпочитают – это ВВС!

Преимущества теперь очевидны, не правда ли? Для посетителей ВВС это возможность максимально комфортно ознакомиться с товарами или услугами. При этом никуда не надо ходить, не надо ничего искать – вся информация в максимально удобном виде. Часто в таких случаях говорят: «Как на ладони», точнее сказать: «Как на столе». Именно благодаря этому факту эффективность ВВС столь высока, ведь большинство их посетителей именно целевые, из той группы, которую можно назвать «вторым типом посетителей».

Получается, что век реальных выставок подходит к концу? Не совсем так. Единственный недостаток виртуальных выставок заключается в том, что предметы с виртуального стенда нельзя потрогать. Но чаще всего это не страшно. Подумайте, как обычно составляется впечатление об экспозиции на обычной выставке. Чаще всего по проспектам и буклетам с учётом оформления стенда. А ведь то же самое вы получаете и в случае выставки виртуальной!

УДК 37.016:004

М. А. Джичоная

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена вопросам использования компьютерных технологий при обучении студентов иностранному языку. Рассматриваются различные механизмы регулирования культурных процессов. Раскрываются некоторые вопросы информатизации обучения в контексте особенностей постиндустриальной цивилизации.

The article is devoted to the problem of using computer telecommunications in the process of teaching a foreign language. Various mechanisms of regulation of cultural process are analyzed. Some issues of informatizing educational process in the context of postindustrial civilization are revealed.

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, компьютерные телекоммуникации, социокультурная коммуникация, социокультурные регулятивы, информационная культура, информатизация, культурное пространство, обучение студентов иностранным языкам.

Keywords: information society, information technologies, computer telecommunications, sociocultural communication, sociocultural regulatives, information culture, information, cultural space, foreign language training.

В современной научной литературе отмечается, что постиндустриальная цивилизация представляет собой информационное общество, для которого характерно «полное удовлетворение информационных потребностей населения при завершении единой информационной среды, определяющей новую культуру как общества в целом, так и каждого человека в отдельности в XXI веке» [1].

Обобщение всех известных нам определений понятия «информационные технологии» позволяет подразумевать под информационными технологиями совокупность методов и средств сбора, организации, хранения, обработки, представления и передачи информации на базе микропроцессорной техники, которая позволяет расширить кругозор человека, увеличивает его возможности в области регулирования социальных и технических процессов.

Процесс обучения иностранному языку предполагает взаимодействие двух сторон: обучающего и обучаемого.

Положительной стороной новых информационных технологий в области обучения ИЯ является возможность:

– осуществить быструю передачу информации, ее обработку и хранение;

- обеспечить изучение ИЯ в индивидуальном темпе;
- выстроить обучение ИЯ с учетом типов восприятия учащихся;
- повысить самостоятельность и ответственность учащихся;
- побудить учащихся к самообразованию;
- ввести в обучение ИЯ межкультурный компонент;
- сделать обучение ИЯ творческим, эмоциональным, привнести в учебный процесс элемент импровизации.

Новые информационные технологии приобретают иное звучание в контексте преподавания иностранных языков. При этом речь идет о качестве новых средств обучения, которые способны создать многочисленные возможности для мотивированной, дифференцированной и творческой учебной деятельности в неязыковом вузе.

Компьютерные телекоммуникации отличаются от телекоммуникаций тем, что, наряду с передачей информации, они обеспечивают прием, обработку и хранение с помощью компьютерных телекоммуникаций. Но при этом следует заметить, что прием и передача происходит с помощью компьютера как синхронная и асинхронная связь. В первом случае происходит прием и передача информации с компьютера на компьютер, а во втором – накопление сообщений и передача их через промежуточную ЭВМ.

Особенно видны достоинства телекоммуникационной основы обучения иностранному языку, если обратиться к возможностям Интернета и его сервисным средствам.

С внедрением компьютерных телекоммуникаций развивается новая культура обучения, которая, по мнению отечественных и зарубежных ученых, построена на идее обучения в течение всей жизни, а активность и конструктивность способствуют самоуправлению и кооперации.

Большие возможности открывает активная работа с использованием компьютерных телекоммуникаций для выражения индивидуальной самореализации, она является особой формой учебы, ориентированной на конкретные проекты и конечный результат.

Компьютерные телекоммуникации должны использоваться, в первую очередь, не для усвоения информации – их надлежит интегрировать в кооперативные методы обучения и использовать для коммуникации, что в принципе изменяет традиционное содержание предмета и способствует созданию нового учебного культурного пространства.

Отличаясь высокой степенью интерактивности, компьютерные телекоммуникации создают уникальную учебную среду, используемую для решения различных познавательных задач (информационных, культуроведческих и др.). Отличительной осо-

бенностью данной среды является то, что она пригодна как для массового, так и для индивидуального обучения и самообучения. Как средство коммуникации с функцией e-mail она предоставляет возможность устанавливать контакты со студентами других вузов, а также с другими организациями для достижения определенной коммуникативной цели. Можно обмениваться результатами, опытом, не покидая классную комнату, и устанавливать контакт с партнерами. Таким образом, создается комплексная учебная среда, которую можно обозначить как учебное культурное пространство.

Для оптимального функционирования культурных процессов настоящего времени важны и актуальны задачи формирования эффективных механизмов социокультурной регуляции, в том числе и основанных на реализации коммуникационных практик. Регулятивная функция имманентно присуща социокультурной коммуникации, так как любое коммуникативное действие подразумевает процесс воздействия. В то же время регуляция также всегда коммуникативна, ибо без социального воздействия ее осуществление невозможно. Все известные социуму механизмы регулирования культурных процессов (религия, политика, идеология, СМИ и т. п.), стремящиеся распространить свои единообразные требования на социум, проявляют свою регулятивную функцию через процессы коммуникации (распространение информации, ее трансформация и т. п.). Таким образом, именно социокультурная коммуникация «продвигает» процесс регуляции, являясь её центральным инструментом.

Предметное поле лингвистики чрезвычайно широко, а в XX в. исследования языка становятся отправной точкой для разнообразных междисциплинарных гуманитарных исследований.

Эксперты выделяют организационные модели взаимодействия обучающихся со средствами информационных технологий, а именно: классно-урочную модель, проектно-групповую модель, модель индивидуально-групповой деятельности, модель индивидуальной деятельности.

В контексте использования компьютерных телекоммуникаций большое значение имеют техническая компетенция и компетенция получения знаний. В отечественной науке подчеркивается необходимость развития критического мышления, которое зарубежные ученые обозначают как компетенцию нахождения собственного решения.

Чтобы научить человека мыслить самостоятельно, необходимо сместить приоритеты в обучении в пользу подготовки человека к самообразованию. При такой организации образования грамотность перерастает в культуру, становится формой освоения действительности, что приводит к выделению такого понятия, как «информационная культура».

Информационный этап общественного развития также относится к постиндустриальному, его нельзя

рассматривать в качестве модели построения общества, поскольку он охватывает лишь те аспекты, которые связаны с накоплением и обменом информацией, не затрагивая в явном виде вопросы социального устройства, общественных и личностных ориентиров и ценностей взаимодействия с окружающей средой. Информационное общество является наиболее близкой перспективой, а в определенных отношениях даже реальностью. Кроме того, «информационность» оказывается условным элементом всех современных моделей общественного развития. Эти аргументы служат основанием для более детального рассмотрения информационного этапа в развитии общества.

Понятие «информационное общество» введено Д. Бенком, Е. Масудой, О. Тоффлером и другими учеными для описания гипотетического общества будущего (игнорируя при этом его противоречия сегодняшнего дня).

Человечество стремительно вступает в принципиально новую для него информационную эпоху, которая характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, выступающей в качестве системообразующего фактора, активно влияющего на состояние и развитие всех областей жизнедеятельности человека.

Современная картина мира без привлечения общенаучной категории «информация» оказывается односторонней и неполной. Поэтому информатизация образования сегодня является обязательным условием создания интеллектуальной базы грядущего информационного общества.

Информатизация – это системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью средств информатики с целью создания информационного общества и на этой основе – дальнейшего продолжения прогресса цивилизации. Ее цель состоит в глобальной рационализации интеллектуальной деятельности за счет использования новых информационных технологий, радикальном повышении эффективности и качества подготовки специалистов с новым типом мышления, соответствующим требованиям постиндустриального общества формированию новой информационной культуры.

Информационные характеристики языка как универсального информационного ресурса и, в свою очередь, науки о нем – лингвистики, определяют ее особую роль в развитии информационных технологий.

Информационные ресурсы в области лингвистики формировались на протяжении тысячелетий, обеспечивая функционирование лингвистической информации в обществе. Созданные в различные исторические периоды, они практически не устаревают и органично сочетаются с современными информационными продуктами.

Современная информационная инфраструктура лингвистики включает в себе различные информационные центры и характеризуются постоянным расширением круга организаций, участвующих в создании, хранении и распространении информационных ресурсов – за счет национальных обществ, культурных центров, творческих союзов и ассоциаций, негосударственных учебных заведений и т. д.

Специфика лингвистического знания наиболее ярко проявляется в разнообразных формах справочных изданий, среди которых выделяются лингвистические словари, атласы и лексические карточки. Однако до сих пор не существует специальных каналов получения достаточной информации об их содержании, формах и пользовательских возможностях. В первую очередь это относится к электронным словарям и лексическим карточкам.

Адекватная задаче обучения иностранным языкам, компьютерная среда должна быть мультимедийной, т. е. включать в себя возможности интерактивного объединения различных видов информации в едином компьютерном продукте.

В традиционном процессе обучения необходимые лингвистические понятия даны в комплексе общих и специальных лингвистических дисциплин, которые составляют, наряду с литературоведческими дисциплинами, предмет изучения филологического курса. Основу этих учебных курсов, их логический и смысловой стержень составляют знания об уровнях иностранного языка – их фонетическом, фонологическом, морфемном, морфологическом, лексическом, синтаксическом, фразеологическом, семантическом взаимодействии и взаимозависимости.

Компьютерные сети (КС), появившиеся в 60-х гг., на сегодняшний день буквально видоизменили совместную учебную деятельность и общение людей между собой: достаточно отметить, что Интернет – объединение КС охватывает десятки миллионов пользователей во всем мире. Поэтому неудивительно, что деятельность человека в локальных и глобальных КС активно исследуется как зарубежными, так и отечественными педагогами и психологами.

Являясь, по сути, новым орудием, компьютерные средства выводят общение между студентами на качественно новый уровень. Продолжая линию развития орудий психической деятельности как средства преодоления ограниченности физических и психических ресурсов человека, его зависимости от соотношений и свойств внешнего материального мира, КС существенно преобразуют параметры коммуникативной сферы субъекта деятельности.

Возрастает психологическая компактность коммуникативного времени и пространства. Несущие для содержания общения обстоятельства (например, время передачи сообщений и удален-

ность партнеров), играющие важную роль при обычном общении, в ходе КС отступают на второй план по сравнению с существенными обстоятельствами – общностью интересов и целей партнеров, их коммуникативной и личностной совместимостью [2].

Важным психологическим эффектом КС является феномен коммуникативной доступности партнеров. Повышение активности, большая защищенность партнеров ведут к усилению психологически существенных компонентов коммуникации – мотивационных, личностных, эмоциональных. Человек реализует истинные, недемонстрируемые (защитные) паттерны, полнее раскрывается, находит способы удовлетворения более глубоких личностных потребностей.

Применение компьютерных технологий существенным образом изменяет строение и динамику деятельности студента. Компьютерные технологии представляют собой качественно новый уровень опосредствования деятельности, обуславливающий всесторонние и глубокие изменения самой деятельности.

При использовании компьютерных телекоммуникаций необходима психологическая готовность студентов, то есть снятие психологических барьеров в использовании новых информационных технологий; языковая готовность, которая предполагает степень практического владения иностранным языком для получения информации; коммуникативная готовность для чтения текстов с охватом общего содержания и взаимодействия с представителями другой культуры.

Учебное культурное пространство можно рассматривать как среду, создаваемую совокупностью всех ресурсов компьютерных телекоммуникаций, которая включает в себя информационную культуру обучающихся и формирует медийную, когнитивную, конструктивную и интерактивную компетенции.

Примечания

1. Советов Б. Я. Информационные технологии в образовании и общество XXI века. 1998. С. 47.

2. Арестова О. Н., Бабанин А. Н., Войскунский А. Е. Социопсихологическая служба в компьютерных сетях // Проблемы информатизации. 1992. № 4.

УДК 130.2

Ю. В. Наумов

МАКРОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС В НАСЛЕДИИ Ф. НИЦШЕ И В. СОЛОВЬЕВА*

В публикациях как ученых, занимающихся наследием В. Соловьева, так и исследованиях, посвященных творчеству Ф. Ницше, были попытки объединить столь разных мыслителей, выбирая для этого самый прихотливый контекст. Автор попытался взглянуть на философию обоих в культурологическом аспекте, акцентируя внимание на религиозных идеях их работ.

In the publications devoted to V. Solovyov and F. Nietzsche there were attempts to bring together such different philosophers by studying their heritage within the most intricate contexts. The author made an attempt to observe F. Nietzsche's and V. Solovyov's philosophy through the cultural aspect, focusing on religious ideas in their works.

Ключевые слова: макрокультурный кризис, Ф. Ницше, В. Соловьев, культурологический аспект.

Keywords: macrocultural crisis, F. Nietzsche, V. Solovyov, cultural aspect

«Ереси, порожденные современной цивилизацией, совсем иные, чем ереси первых веков христианства, – это не теологические ереси, это ереси самой жизни. Эти ереси свидетельствуют о том, что есть неотложные вопросы, на которые необходимо ответить изнутри христианства».

Н. А. Бердяев¹

I

В науке принято считать, что параллельные прямые не пересекаются. Мы полагаем, что в культуре Нового времени они не просто пересеклись, но и образовали могучую кучу геометрических тел. Рассмотрим, как эти тела ведут себя в эпоху кризиса. Главное достижение философии кризисного времени – преодоление системного философствования, в выходе из его конструкций к предметным разработкам. И Соловьев, и Ницше создали свои системы, но никто не призывал следовать им. К тому же в случае с наследием Ницше и Соловьевым их дальнейшая рецепция значительно искажала многие аспекты их творчества.

* ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме НИР: «Герменевтические исследования макрокультурного кризиса и антикризисного потенциала русской словесной культуры».

Вначале следует сказать о базовых принципах исследования макрокультурного кризиса, которые мы выдвигаем как априорные. Во-первых, о том, что позволяет охарактеризовать исследуемую проблему как «*макрокультурный кризис*» и, во-вторых, – о глубинных корнях и предпосылках этого явления.

Как *макрокультурный* кризис идентифицируется нами в связи с утверждением единого мирового культурного пространства, которое состоялось в эпоху Нового времени [1]. Новоевропейская культура, понимаемая в широком смысле как деятельность человека по возделыванию окружающего его мира и себя самого есть культура кризисологическая. Она, иногда весьма странным образом, соединяет в себе крайне противоречивые тенденции и направления. За бурным ростом естественнонаучного знания, связанными с ним географическими открытиями, крутыми поворотами социально-политической и церковной жизни стоит одна выразительная черта декаданса – упадок устоявшегося духовного бытия общества и, вслед за этим, понижение общего нравственного идеала. Поэтому макрокультурный кризис имеет ясно очерченный религиозный вектор.

Макрокультурному масштабу соответствует длительная история предпосылок, которые ведут свое начало с Древнего Египта, Вавилона и, конечно, античности. Средневековый потенциал духовного оскудения выразился в схоластике, латентно подготовившей классическую философию и давшей ей богатый, растущий с античности, терминологический и методологический аппарат. Однако именно Новое время стало окончательным разрывом с христианскими корнями культуры. Оно предложило массу вариантов развития человечества без религии вообще или в ее причудливых, более или менее удаленных от догматов, *религиозных трансформациях*.

Культурный кризис, как и любой кризис вообще, считаем мы, как правило, не способен быть долговременным. Тем более неправомерно наделять это понятие онтологическими атрибутами и характеризовать его как макрокультурный, глобальный. И действительно, в истории культуры мы видим лишь вспышки кризиса, которые могли привести либо к войне, либо к революции, могли спровоцировать смену религиозно-философской мировоззренческой парадигмы или – шире, закат цивилизации и рождение новой. Однако кризис культуры Нового времени знаменателен именно тем, что он не способен по самим своим предпосылкам и «достижениям» разрешиться благополучно и «родить» нечто подлинно новое.

Процеируя вышеизложенное на всю область новоевропейской культуры, следует сказать, что, судя по всему, именно с этого времени кризис поража́л самые различные области жизнедеятель-

ности человека, имея своим итогом не благополучное разрешение, а другой, следующий за ним кризис. Так, один кризис, трансформируясь в другой, создавал цепь взаимосвязанных проблемных явлений, которые можно объединить термином *макрокультурный кризис*. Таким образом, употребление этой дефиниции видится нам не просто закономерным и обоснованным, но и необходимым.

II

Актуализация проблем культурного кризиса является важнейшей задачей современной культурологии. По силе и значимости для нашей цивилизации культурный кризис эпохи Нового времени, особо ярко проявившийся в конце XIX – начале XX в., является стержневым как с философско-мировоззренческих, так и с социально-экономических позиций. Кризис этот носит глобальный характер и имеет религиозные, духовные истоки. Однако артикуляция предпосылок и поступенного развития культурного кризиса Нового времени до сих пор не нашла своего отражения и, главное, культурно-философского осмысления в научных трудах современности.

Мы постарались, минуя конкретные изменения в жизни личности и общества с начала Нового времени, подняться до метафизического осмысления этой эпохи. Для этого нами были избраны два великих мыслителя – Фридрих Ницше и Владимир Соловьев. Каждый по-своему они, созидая свои труды в конце XIX в., стали первооткрывателями новых путей в истории философии и культуры.

В этических взглядах и Ницше, и Соловьеву свойственны отрицание утилитаристских и прагматических тенденций Нового времени и опора на трансформированные классические моральные категории долга и совести. Однако Ницше призывает порвать отношения с миром слабых, которые лишь готовят приход сверхчеловека. Он декларирует победу сильных, которую, по его мнению, оправдывает история человеческого развития. В связи с этим добить слабых является не только морально оправданным, но даже должным. Нужно помнить, что мыслитель призывал отказаться от морали потому, что то, что от нее осталось, вызывало у него чувство отторжения и неприязни. Имморализм утверждался им ради высшей морали.

Соловьев тоже выдвигал свои этические категории (стыд, жалость, благоговение) и строил свою этическую систему, находя неудовлетворительными христианские церковные ценности. Оба мыслителя были убеждены в несостоятельности современного им европейского человека с его эгоистическими устремлениями, поиском личного благополучия и комфорта. Обоими выход из гуманистического тупика виделся в возврате к религиозным корням нравственности [2].

Религиозные воззрения Ницше и Соловьева похожи своей утопичностью [3]. Общим исходная

христианская картина мира представляется устаревшей и в корне не касающейся внутренних глубин существования человека. Для Ницше христианство исказило весь ход европейской истории вообще и умертвило жизненные токи каждого христианина в частности. «Я называю христианство единым великим проклятием, – писал немецкий мыслитель, – единой великой внутренней порчей, единым великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, – я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества»². «Бог вырождается в противоречие с самой жизнью, – считает А. Р. Геворкян, – вместо того чтобы ее просветлять и быть вечным ее утверждением. Бог объявляет войну жизни, природе, воле к жизни. Бог является клеветой на «посюстороннее», для всякой лжи о «потустороннем». Бог обожествляет, освящает Собой волю к «ничто»³. Христианин и вправду должен умереть для греха в таинстве Крещения, но и родиться в новую благодатную жизнь со Христом в церкви. Ницше заменяет христианский идеал смирения и любви варварским стремлением к мировому господству сверхлюдей. Соловьев также считает христианство в виде разделенных историй конфессий искажением Евангельской Истины. Он стремится к оправданию христианства с позиций науки и философии, привнося в него различные, иногда даже оккультные положения. «Теперь, – утверждает Соловьев, – когда разрушено христианство в его ложной форме, пришло время восстановить истинное. Предстоит задача: ввести вечное содержание христианства в новую, соответствующую ему, то есть разумную, безусловно, форму. Для этого нужно воспользоваться всем, что выработано за последние века умом человеческим: нужно усвоить себе всеобщие результаты научного развития, нужно изучить всю философию»⁴.

Мы видим, что обоих мыслителей объединяет неудовлетворенность историческим христианством. Ницше предлагает революционный путь отрицания и вычеркивания христианства из жизни человека. Соловьев же уверен в необходимости эволюционного развития этой религии. Однако в поздний период творчества в его «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» мыслителем будет представлен более пессимистичный взгляд на неизбежное объединение католичества, протестантизма и православия во время воцарения антихриста [4].

Нельзя не отметить и то, что Ницше и Соловьев стали своего рода пророками глобальных политических катаклизмов XX в.: Ницше – национализма-фашизма, Соловьев – социализма-коммунизма. Автор убежден в том, что ни тот, ни другой мыслитель не являются катализаторами озвученных политических антигуманных режимов. Они

скорее предугадали и описали возможные катастрофы, усмотрев гибельный путь народов Европы. По нашему мнению, секуляризация и деградация религиозного сознания привели народы Германии и России к разным, но, по сути, все же к очень похожему поискам спасения и счастья в имманентной земной действительности: здесь и сейчас [5].

Автор, также сознавая перегибы преобразовательных намерений Соловьева, отдает должное многим метким замечаниям мыслителя. Трудно не согласиться с серьезным духовным кризисом России рубежа XIX–XX вв., который во многом связан с православием и церковностью. Однако нам представляется тактически ошибочным сам вектор *религиозной трансформации*, сформулированный идеологом всеединства. Зная историю церкви, трудно представить, что Соловьев ее не знал, – ее догматические споры, трагическое разделение, раскол русского православия после никоновской реформы, можно ли надеяться на объединение христианских конфессий да еще под началом Римского Престола? Но у Соловьева есть и другие мысли о воссоединении церковей, которое все же чается православным сердцем. Это девиз всеединства. Девиз потому, что каждый понимал и тогда и сейчас утопичность этой концепции. Но, как нам кажется, русская мысль не создала более глубокой и целостной картины возрождения духовной жизни общества, чем идея всеединства. Сила этой идеи во всеохватности и полицемантичности. В связи с тем, что всеединство, по Соловьеву, реализуется в первую очередь в религиозно-духовной сфере человеческого существования, эта философия предлагает ключ к решению фундаментальных проблем макрокультурного кризиса, так как исток и камень преткновения этого культурно-исторического явления расположен как раз в области религиозной жизни.

По нашему мнению, черпать интеллектуальные и духовные благодатные силы для преодоления религиозного кризиса следует все же не в немецкой классической философии и не в оккультной каббалистической литературе, а в неистощимом роднике «живой воды» Святоотеческой традиции. Мысль о применении в жизнь иерархических принципов учения Иоанна Лествичника или доктрины паламитского синтеза, к сожалению, не была близка духу концепции всеединства. Только личное обращение к Евангельской проповеди и творениям Святых Отцов способно актуализировать борьбу с глубинным духом нигилизма в каждом человеке. Задача же Церкви и ее членов, будь среди них и философы, делать максимально открытым пространство Благой вести. Идея всеединства в этом смысле является одной из самых плодотворных.

Следует сказать несколько слов о ницшеанской идее смерти Бога. Для немецкого мыслителя Бог не мертв, а умер [6]. Он умер в сердцах людей,

которые задушили росток благодати, образ Божий, данный каждому человеку. Масса этих обезбоженных сердец не только претендует на тотальную политико-экономическую власть в обществе, но и заявляет права на души, еще не до конца выхолощенные прагматикой и гедонизмом макрокультурного кризиса Нового и Новейшего времени. Одним словом, Ницше скорее утверждал экзистенциальную смерть Бога в душе, а не онтологическую смерть Всевышнего во вселенной, как иногда это трактуется постструктуралистами.

У философов кардинально расходятся пути выхода из кризисной ситуации. Соловьев, в отличие от Ницше, в целом опирался на христианскую веру, православную догматику и русскую культуру. Верным было бы оценить его философские искания как модернистские, с желанием поверить богословие философией, церковность – социализмом, изменить монархический строй на теократию. Но даже с привнесением в православный дискурс софиологии и мистики Соловьев удерживает главную магистраль христианства – Личность Христа, тогда как Ницше в течение всей жизни отдалялся от христианства все больше и больше и своим «Антихристом» навсегда сжег мосты для двусмысленного толкования своих идей. Соловьев, напротив, в своих «Трех разговорах» вернулся в «объятия Отца» насколько позволяло ему его философское кредо «всеединства» и умер членом православной церкви.

Концепты Ницше – «воля к власти», «переоценка всех ценностей», «вечное возвращение», «сверхчеловек» – представляют феномен нигилизма. Воля к власти как сущностная характеристика человека после своего осмысления закономерно нуждается в переоценке ценностей. Она стремится к автолегитимации, не признавая ничего вне сущего вообще (а сущее поглощено энергией воли к власти). В силу своей неизбывности и всеохватности, воля к власти должна преодолевать самое себя, становясь тем самым вечным становлением, возвращением. Сверхчеловек – реальное воплощение воли к власти – довершает аксиологическую революцию, пребывая в круговороте вечного возвращения [7]. Следовательно, нигилизм в своей финальной стадии будет эпохой сверхчеловека. Стоит ли говорить, что «старые» европейские христианские ценности будут в такой ситуации отвергнуты? Для христианства это время станет «последним», а сверхчеловек – античеловеком и антихристом.

Интересным представляется двойственное понимание антихриста-сверхчеловека у Ницше и Соловьева и своеобразное дополняющее друг друга объединение этих позиций. Он и сверхчеловек Ницше, обладающий всеми талантами земного бытия, сильный, самоуверенный, непоколебимый в том, что он считает истинным, идущий напролом к поставленной цели. Для такого человека подошло бы

определение М. Горького: «Человек – это звучит гордо». Но это и антихрист Соловьева, пораженный внутренней ржавчиной самолюбия, считающий себя вправе вершить судьбы всего мира, новый цезарь, самый справедливый и добросердечный филантроп, не терпящий непослушания и недоверия, напитанный токами всемогущества и тайного порока.

Мы убеждены в пагубности воспевания сверхчеловека как идеала и кумира, понимая, однако, неизбежность именно такого развития человеческого общества в направлении все возрастающей роли власти, техники и экономики. Иного пути у социума нет. Нет потому, что, соборно и демонстративно отправляясь по противоположной – христианской – тропе, мы были бы сразу стерты с лица земли как помеха в достижении всеобщего блага и глобалистской гармонии. В связи с этим золотой серединой является умелое использование благ и достижений современной цивилизации, руководствуясь духом христианской любви и смирения.

Концепция сверхчеловека ведет и к глобальной антропологической катастрофе. Ввиду того, что сверхчеловек является сгустком энергии воления, воли к власти с ее абсолютным характером и предельным стремлением к осуществлению, он не терпит себе подобного. Ведь невозможно представить себе клоны с одинаковой вершиной обладания властью. А значит, формирование сверхчеловеков в своей завершающей стадии приведет к фатальному столкновению и непримиримой жесточайшей борьбе их друг с другом. В конце же этой коллизии должен остаться один истинный сверхчеловек, одержавший победу над более слабыми, то есть достойными истребления и уничтожения. Но думается, что благоденствие его не будет продолжительным, так как он рано или поздно осознает свою несостоятельность к дальнейшему превосхождению самого себя в стремлении к наивысшему типу сверхчеловека. Сама бесконечность воления воли к власти не может вписаться в рамки стационарного понимания сверхчеловека, и поэтому он должен либо окончательно потерять какие-либо черты того, что мы называем homo sapiens, либо самоуничтожиться.

Таким образом, мы видим, что концепция бесконечного преумножения воли к власти заходит в метафизический тупик самопожирания или абсолютной трансформации в другую субстанцию. В связи с этим спасением становится мысль Ницше о вечном возвращении, разрывающая порочный круг самовозрастания воления, возвращающая его на те же пути. Однако с точки зрения логики это не решает главного противоречия: а именно как с помощью вечного возвращения воля к власти может оставаться вечно самопреодолевающей и превосходящей самое себя?

III

Нужно сказать, что автор в целом солидарен с пониманием выхода из макрокультурного кризиса эпохи Нового времени в энергийном дискурсе (С. С. Хоружий) [8]. Правильным представляется выбранный вектор движения. Однако эта концепция амбивалентна и для христианства и для восточных религий. К тому же такая идеологическая, если так можно выразиться, расплывчатость открывает широкий путь разнообразным псевдонаучным и квазирелигиозным манипуляциям типа астрологии и теософии Блаватской и Рерихов. В этом смысле опыт пути Соловьева – в преодолении системного философствования, в выходе из его конструкций к предметным разработкам, в иной способ философствования. Однако Серебряный век, превозносимый Соловьева, принялся строить философские системы и софиологические учения. Он оказался наследником худшего, а не лучшего в его опыте, следуя за ним в том, от чего сам философ отказался.

Дискуссия об энергетизме в науке представляет, безусловно, ряд совсем иных ответов на многие давние вопросы [9]. И идеи Соловьева и Ницше также нуждаются в энергийной интерпретации. Многие сказанные мыслителями окажутся глубокими и весьма актуальными прозрениями, если определить фундаментальную сущностную черту их философии как энергия.

Попробуем сопоставить две концепции: «всеединства» Соловьева и «воли к власти» Ницше. Мысль о всеединстве провоцирует как образы христианского единения человечества, добра, блага, истины и красоты в конкретном общечеловеческом, богочеловеческом их воплощении, так и картины конформистских и эклектических тоталитарных издержек. Возьмем мысль Соловьева в ее оптимистическом варианте. Она будет отвечать евангельским задачам сплочения и соборности. В свою очередь, ницшеанская идея самопреодолевающей воли к власти, стремящейся к воплощению в сверхчеловеке, напротив, в точке своего наивысшего напряжения, в момент истины, представляет собой единственного все время пытающегося превзойти самого себя, прыгнуть выше головы, сверхчеловека. Иначе говоря, сверхчеловек должен потерять все черты человека или сломаться и самоуничтожиться.

Таким образом, энергия всеединства как создающего начала противостоит энергии воли к власти как деструктивной основы. Западно-европейская культурфилософская мысль и история в целом представляют эту дихотомию. В христианстве добрые силы, поддерживающие существование всей вселенной и человека, борются с силами зла, которые исходят от дьявола. А полем борьбы, по словам Святых Отцов, являются сердца людей, в символическом духовном понимании «сердца».

Постоянная напряженная работа по искоренению зла и стяжанию Св. Духа – призвание человечества и смысл его бытия.

Именно поэтому метафизика всеединства Соловьева интеллектуально честно и философично обосновывает мысль объединения человечества для исполнения христианской заповеди любви и победы над злом. Это позволяет опираться на нее не только культурфилософскому гнозису, но и теологии в поисках пути объединения современного человечества. Мысли Ницше и весь его жизненный путь являются примером колоссального труда поэтической рефлексии над антропологическим кризисом его времени. Нигилизм как довлеющий рок европейской цивилизации представлялся ему в квазирелигиозном образе «смерти Бога». Однако ее мыслитель определял в смысле смерти Бога в душе человека как духовного существа, движимого христианской аксиологией. Ницше сам, видимо, мыслил внутри нигилистических энергий, однако его никак нельзя упрекнуть в философском примитивизме и безвкусице. Он всегда мыслил на острие.

Авторская гипотеза состоит в том, что мы представляем Ницше и Соловьева в *диалектическом единстве религиозной трансформации* [10].

Генезис описываемого макрокультурного кризиса эпохи Нового времени имеет глубинные религиозные корни. Ницше и Соловьев, каждый со своей стороны, критикуя христианство как религию и как культурно-исторический феномен, являются своим творчеством *диалектикой религиозной трансформации*. Ницше представляет радикальное революционное крыло религиозной трансформации, Соловьев – либеральное эволюционное. Мыслителями объявляется тактический возврат к религиозно-мистическим истокам философии. И Ницше и Соловьевым *трансформируется* наличное христианство. Ницше проводит последовательную критику католичества и протестантизма, приведшую его в «Антихристе» к абсолютному разрыву с христианством. Соловьев фактически пишет о модернизации православия [11], стремясь «оправдать веру отцов» современным научным знанием, привнести в жизнь церкви исторически и сотериологически чуждые ей идеи. К концу жизни философ постепенно отошел от многих своих убеждений, касающихся изменения вероучительной и церковной стороны жизни. Однако даже в «Трех разговорах» им недвусмысленно еще раз проводится протоэкуменическая мысль об объединении трех основных христианских конфессий – православной, католической и протестантской – перед лицом завоевавшего мир антихриста.

Ницше есть антитезис по отношению к европейской философской мысли, начинающейся, по мнению мыслителя, с Сократа, а также многовековой христианской культуре, тогда как Соловьев – тезис. Он утверждал положительное в облике

Сократа и всей истории философии и признавал огромное положительное значение христианства в мире, пусть и отводя место его критике и переосмыслению. Это *диалектическое единство* – синтез – резонно будет назвать *религиозной трансформацией*, так как решающее значение в стремлении к преобразованию у обоих было отведено именно религии.

Религиозная трансформация – это определение, характеризующее христианство. Оно не только констатирует фундаментальные сдвиги в догматике и жизни верующего, но и подчеркивает принципиальную незавершенность этого процесса. К тому же, оперируя этим термином, мы абстрагируемся от оценочных суждений, неуместных в культурологическом исследовании. Выделяя Ницше и Соловьева в проблемное поле религиозной трансформации, мы выносим за скобки критику их творчества как со стороны ортодоксальных позиций, так и со стороны внерелигиозной классической философии, к которой стоит присоединить и пласт позитивистской мысли, включая XX в.

Ограничиваясь рамками христианства, мы можем констатировать, что на протяжении двух тысячелетий оно видоизменилось весьма значительно. Это говорит о том, что Церковь есть мистический организм, способный к творческому преобразованию. Масса ересей эпохи Вселенских соборов стала катализатором догматических споров и дискуссий, вследствие которых сформировался, ставший жизненно необходимым, корпус ортодоксов. Определения Святых Отцов очертили границу, за которой истинная вера и благочестивая христианская жизнь становятся невозможными. В этом смысле время гонений и догматических споров является самым плодотворным для Церкви.

Подводя итог, следует сказать следующее. Макрокультурный кризис, охвативший Европу в Новое время, достиг своего апогея на рубеже XIX–XX вв. Если исходить из признания высших основ бытия в сфере нематериальной, духовной, мы видим, как человек, отходя от религиозных корней, неминуемо попадает в сети нигилизма и бессмысленности.

Утверждение христианского начала в жизни европейских государств дало миру сонмы святых, своеобразную культуру, выдающиеся произведения искусства и мн. др. Однако имплицитно борьба двух непримиримых начал – язычески-нигилистического и христиански-соборного – велась даже в эпоху Средних веков, которую иногда представляют в идиллическом свете общехристианского благоденствия. А это было далеко не так. Языческое мировоззрение и образ жизни были нормальными явлениями, а христианство, не везде, конечно, служило декоративным оформлением, что существовало и на Руси.

Как и тогда, христианская жизнь скорее исключение, чем правило. Она требует смерти для

мира и всего, что с ним связывает, а связывает с ним фактически все. Тело, включая пласты сознательного, бессознательного и индивидуально-психического бытия, чувственную сферу, общественные и семейные обязанности и многое другое, влечет человека в мир, заставляет искать конформистские альтернативы между горным и дольным.

Поэтому весь период существования христианства и особенно во время новоевропейской истории эта, да и некоторые другие религии, претерпевали значительные изменения. В этом смысле преобразовательные стремления в области религии у Ницше и Соловьева не выходят из этого порочного круга религиозного трансформирования. Религиозно-философский ренессанс XX в. стоял и на Соловьеве, и на Ницше, себя возводил в русской философии к Соловьеву, в немецкой – к Ницше, создал соответственно культ Соловьева и культ Ницше. Но любой культ нуждается в деконструкции. Опыт двух мыслителей, их уроки – в неудаче учений, в их неадекватности существу изначально мистического опыта. Опыт пути одного и другого – в преодолении системного философствования, в выходе из его конструкций в иной способ философствования. Однако XX в., превознося Ницше и Соловьева, принялся строить философские системы «любви к дальнему» и софиологические учения. В дальнейшем мысль русской диаспоры сумела найти новую почву: вместо системных метафизических построений здесь – углубление в православный опыт, возобновление живой связи с его патристическими истоками, отсюда – новое современное прочтение аутентичной духовной и интеллектуальной традиции православия. Став известным под несколько условными именами неопатристики и неопаламизма, выйдя в широкий общеправославный и общехристианский контекст, это русло религиозной мысли продолжает активную жизнь и сегодня.

Примечания

1. Всесторонний анализ проблем культуры Нового времени можно найти на страницах двухтомника: Глобальный кризис: метакультурные исследования: м-лы междунар. науч. симпозиума «Глобальный культурный кризис Нового времени и русская словесность» памяти Андрея Тарковского: в 2 т. Шуя: ГОУ ВПО «ШГПУ», 2006. Т. 1. 283 с., Т. 2. 360 с. См. также: *Океанский В. П.* Апокалипсис присутствия // Собрание сочинений в сфере экстремальной антропологии: в пяти проблемных частях. Иваново; Шуя: «Ив-киносервис», 2004. 379 с. *Океанский В. П.* Культурогония обвала: кризис современного мира и русская метафизическая лирика XIX века // Культура: тексты и контексты: м-лы четвертой ежегод. науч. конф. студентов, аспирантов и преподавателей. Иваново, 2002. *Океанский В. П., Океанская Ж.* От Хомякова до Булгакова. Книга очерков кризисологической метафизики. Шуя, 2007.

2. Этику Ф. Ницше подробно анализируют: Шестов Л. И. Добро в учении гр. Толстого и Ницше //

- Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 207–307; Франк С. А. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему»: Сочинения. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 5–80; Немировская Л. З. Ницше: мораль «по ту сторону добра и зла». М.: Знание, 1991. 64 с. Этику В. Соловьева исследуют: Васильев В. А. Добро и добродетель в нравственной философии В. С. Соловьева // Социально-гуманитарное знание. 2003. № 6. С. 254–269; Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 449–506; Лосский Н. О. История русской философии / пер. с англ. М.: Сов. писатель, 1991. С. 92–154; Назаров В. Н. Богочеловеческие начала нравственной философии В. С. Соловьева // Россия и Вселенская Церковь. В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества / под ред. В. Поруса. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2004. С. 72–79.
3. Суковатая В. А. Утопические мотивы в философии всеединства Владимира Соловьева // Россия и Вселенская Церковь. В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества / под ред. В. Поруса. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2004. С. 126–141.
4. См.: Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. А. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
5. О косвенном влиянии на социализм и коммунизм В. Соловьева писали многие. См., напр.: Алиева А. Л. Вопросы нравственности и права в религиозной философии Вл. Соловьева // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1999. № 5. С. 84; Назаров В. Н. Богочеловеческие начала нравственной философии В. С. Соловьева // Россия и Вселенская Церковь. В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества / под ред. В. Поруса. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2004. С. 77. Влияние Ницше на фашизм, по нашему мнению, наиболее конструктивно проанализировано в работе Сандвос: Сандвос Э. Гитлер и Ницше. Куоттинген, 1969; Интересный и во многом нетрадиционный взгляд на итальянский и немецкий фашизм представляет книга Ю. Эволь: Эвола Ю. Критика фашизма: взгляд справа / пер. с исп. В. В. Ванюшкиной. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 269–423; О смешении ницшеанства и фашизма пишет и Л. З. Немировская: Немировская Л. З. Ницше: мораль «по ту сторону добра и зла». М.: Знание, 1991. 64 с.
6. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 662.
7. См.: Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 66–68.
8. С. С. Хоружий обосновывает синергичную концепцию в целом ряде трудов. А именно: После перерыва. Пути русской философии. СПб.: «Алетейя», 1994. 447 с.; Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 26–57; Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 52–63; Проблема личности в православии: мистика исихазма и метафизика всеединства // Здесь и теперь. 1991. № 1.
9. С. С. Хоружим создана целая научно-исследовательская лаборатория по проблемам исихазма и энергетизма «Междисциплинарные исследования мистико-аскетической (исихастской) традиции Право-славия» (Институт Человека РАН, Математический Институт им. В. А. Стеклова РАН). Среди прочего им написаны следующие работы по этой проблематике: Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М., 1991; Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия: науч. сб. / под ред. С. С. Хоружего. М., 1995; К феноменологии аскезы. М., 1998; Философия и аскеза. Нью-Йорк, 1999; О старом и новом. СПб., 2000. См. также: [Электронный ресурс: <http://horuju.chat.ru>].
10. Стоит отметить, что о религиозной трансформации прямо или косвенно было сказано в социологии XX века в трудах Т. Лукмана, П. Бергера и Т. Парсонса. См. напр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. Нашими же задачами является осмысление религиозной трансформации в культурно-философском аспекте и закрепление за этим словосочетанием терминологического статуса.
11. См.: Комаров Ю. С. Концепция «Всеединства» общества и личности в философии Вл. Соловьева // Общество и личность в православной философии. Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 95–135.

¹ Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 498–499.

² Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 692.

³ Геворкян А. Р. Принцип ценностного полагания воли как выход к новой онтологической проблематике // Философские науки. 2001. № 4. С. 97.

⁴ Соловьев В. С. Письма. СПб., 1911. Т. 3. С. 89.

УДК 130.2=511.132

М. Б. Мелехина

**«ЗЫРЯНСКИЙ ТЕКСТ» К. Ф. ЖАКОВА:
ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

В статье в научный оборот вводится концепт «зырянский текст» как текст провинциальной культуры. Он рассматривается как код, трансформирующий имеющиеся сообщения в новую систему значений. Репрезентация образа коми культуры в «зырянском тексте» К. Ф. Жакова формируется в контексте интеллектуально-художественного творчества начала XX в.

In the article the concept of “zyrianian text” is introduced as a text pertaining to rural culture. This text is being considered as a code which transforms existing messages into a new system of meanings. Representation of Komi culture’s image in K. F. Zhakov’s “zyrianian text” is formed in the intellectually-artistic context at the beginning of the 20th century.

Ключевые слова: К. Ф. Жаков, зырянский текст, репрезентация, коми культура, русский символизм.

Keywords: K. F. Zhakov, zyrianian text, representation, Komi culture, Russian symbolism.

Понятие текста – одно из наиболее частотных не только в лингвистике, но в целом в гуманитарном знании начиная со второй половины XX в. В настоящее время диапазон междисциплинарных исследований, посвященный тексту, значительно расширен за счет активного включения в названную проблематику относительно новой подтемы – «провинциального» или «локального» текста как текста культуры. В контексте разработки последней были оформлены такие концепты как, например, «вятский текст» [1] или «пермский текст» [2] русской провинциальной культуры. Концептуализация «зырянского текста» как текста культуры, в свою очередь, стала возможной на основании аналогии с научными публикациями соответствующего исследовательского направления.

Концепт «зырянский текст» фиксирует два методологически значимых для данной работы понятия: «зыряне» и «текст культуры». Зыряне – этноним народа коми, появившийся в официальном употреблении в XVI в. как наименование части северных коми, в основном вычегодских, а в начале только сясьских. В XVIII–XIX вв. зырянами стали называть всех северных коми, проживающих на территории современной Республики Коми, кроме ижемцев [3]. Несмотря на то что непосредственно этноним зыряне считается устаревшим, он употребляется в научной литературе в сочетании с эндоэтнонимом – коми, т. е. как коми-зыряне, в отличие от коми-пермяков.

Текст культуры, не являясь элементарным сообщением, подразумевает наличие не только адресанта и адресата, но, в равной мере, и культурный контекст. «Слово – это драма, в которой участвуют три персонажа», – пишет М. М. Бахтин. В формировании смыслов текста, помимо автора и слушателя, он включает тех, «чьи голоса звучат в предназначенном автором слове» [4]. «Зырянский текст» как текст культуры, находясь в процессе перманентного формо-, а следовательно, и смыслообразования, является продуктом коллективного творчества. «Коллективность» подразумевает как целокупный вклад когда-либо писавших о зырянах, значимое место среди которых занимает самородок – зырянин Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926), так и самих зырян, оформивших в духовной и материальной культуре объект, по поводу которого рефлексировали отдельные авторы. Как отметила И. Е. Фадеева, «Жаков предпринял уникальную в своем роде попытку создания аутентичного текста культуры», совместив в писательской позиции «и позицию наблюдателя культуры, и позицию ее носителя» [5, 254]. «Предназначенным» словом в «зырянском тексте» являются многочисленные культурные коды, сформировавшие интеллектуальное поле культуры времени создания «текста» каждым отдельным автором. А в качестве адресата в первую очередь нужно рассматривать российскую гуманитарную интеллигенцию. Таким образом, «зырянский текст», не будучи простой суммой культурных артефактов, формируется как многоголосная субстанция и, вследствие этого, представляет собой неисследимую множественность смыслов.

Источниками, на основании которых возможна репрезентация смыслов «зырянского текста» Жакова, являются, в первую очередь, его литературное наследие – как проза (автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни»; реалистические рассказы, новеллы), так и поэзия (эпическая поэма «Биармия», стихотворный цикл «Песни и думы Пама-Бурморты»); во-вторых, этнографические исследования, посвященные коми-зырянам («Этнологический очерк зырян»); и, в-третьих, собственная философская концепция (лимитизм). Источником, генерирующим главные темы и смыслы «зырянского текста», выступает автобиография мыслителя «Сквозь строй жизни». Подчеркнем, «текст» Жакова формируется в процессе интертекстуального взаимодействия его авторских произведений – художественных и научных, и в целом интеллектуально-художественного творчества начала XX в.

Формообразующая тема «текста» – «зырянская» – для русского читателя была представлена задолго до появления работ Жакова. Несмотря на то что упоминания о предках зырян встречаются в древнерусских источниках, в XIX в. русский журналист и философ Н. И. Надеждин в очерке «На-

родная поэзия и зырян» писал: «Странно, если вы не слышали никогда имени зырян. А они так усердно стараются доказывать нам свое существование...» [6] Зырянский край, значительно удаленный от столицы, предстал, по мнению писателя-народника А. В. Круглова, «terra incognita» для читающей публики девятнадцатого века [7]. Благодаря работам Жакова, была существенно сокращена не только информационная дистанция между инородческой окраиной России и столичной гуманитарной интеллигенцией. Жаков, будучи этническим коми-зыряннином, сохраняя сформировавшийся в русской литературе устойчивый образ своего народа, обогатил его. Канву «зырянского текста» составляет узнаваемый набор клише, наработанных литературой, искусством и публицистикой начала двадцатого века в контексте культуры модерна. Символистские темы и образы («сказка», «солнечная тема» и др.) выступают в качестве интертекста, оплодотворяющего художественные поиски Жакова.

Представители культуры модерна оказывают пристальное внимание народно-поэтическим формам, сказке и мифу. Жаков активно демонстрирует свой исследовательский интерес в том же направлении. Вся проза автора, составными частями которой являются реалии повседневной жизни коми-зырян и сказочно-романтические картины, опирается на фольклорные традиции, и не только народа коми, но и на фольклор народов мира. Отмечая в автобиографии, что «этнография моя превратилась в художественные мифы» [8], задачу одного из своих этнографических исследований он формулирует в рассказе «Корткерос»: «Ищу дух мира, как проявился он здесь в Корткеросе» [9].

Созданный Жаковым образ Зырянского края населяется сказочными персонажами: парни-перевозчики напоминают ему «двух леших из одной сказки, которые дрались из-за драчун-дубинки, скатерть-самобранки и шапки-невидимки» [10]; лес как бы оживает и «гигантами-богатырями» – соснами и березами, ольхой, рябинами – «нежными девами, шелестящими ситцевыми платьями» [11]. Жаков изображает реальность в атмосфере постоянного соприсутствия в ней сказочного, причем положительная соотносимость в большинстве случаев материализуется там, где он повествует о коми-зырянской культуре, о своем детстве, проведенном в Зырянском крае. Отрицательными характеристиками наделяется все, связанное с разрушающим традиционный народный быт началом, например, Холуницкий завод ассоциирован с «железным чудовищем» [12], «царством железа», где только и остается, что «глотать чугунную пыль» [13].

Мифологизация реализуется не только вследствие «заселения» времени и пространства сказочными персонажами, но и посредством закрепления за ними определенных метафор. В произведе-

ниях Жакова, и в частности в его автобиографии, можно встретить неоднократные эпитеты, связанные с «золотом», «светом», «зарей», употребляющиеся для художественной характеристики и явлений природы, и событий жизни, связанных с детством и юностью автора: «...пролетели светозарные дни, промчались счастливые месяцы, и годы прошли, и жизнь в Эжеле стала для меня недоступной сказкою» [14]; «О юность моя, куда ты улетела, нигде не слышу твоего аромата, нигде не вижу твоих светлых цветов. [...] Расплескал я золотое вино из полного своего бокала» [15].

Все, что связано с родиной, приобретает для К. Жакова черты «утраченного рая», где все было «божественно», «волшебное», «сказочно» и «царственно». С одной стороны, метафора «золотое» в мировоззренческой системе коми-зырян, воплощенной в устном народном творчестве, определяет все названные таким образом предметы и явления как идеал красоты, величия, добра и царственности. Идеальный образ человека в коми фольклоре описывается в светлых, прозрачных, теплых красках; а хроматический код дублируется металлическим: положительным качествам соответствуют металлы – золото и серебро, отрицательным – железо. С другой стороны, идеализация естественности и старины в повествовании Жакова вписывается в общую романтическую тенденцию отечественного искусства начала XX в. поисков воплощения национальной самобытности как ее частное проявление.

Одной из характерных черт культуры модерна явилась окрашенность в национальные цвета своей страны. Интерес к «национальному» вообще и к своему в частности в отечественной художественной традиции демонстрировал прежде всего глубинную тему всего российского гуманитарного дискурса, а именно вопрос о национально-культурной идентичности. При этом в идентификационные процессы начала двадцатого столетия были вовлечены не только этнические русские, но и другие народы многонациональной России, что наглядно демонстрирует «зырянский текст» Жакова. Один из самых ярких «русских европейцев» начала XX в., художественный критик С. К. Маковский, писал о том, что «сказка создала современных “национальных” художников», для которых «древняя, допетровская Русь – как сон волшебный» [16]. Пространством «золотой», «светозарной», «солнечной» и «огнистой» сказки является в целом и «зырянский текст» Жакова, позиционируя его самого как «национального» художника слова.

Аутентичность культуры как сложно организованной системной целостности невозможна при отсутствии единства интегрирующих и дифференцирующих культуру факторов (внутреннего и внешнего ее бытия) – бытия-для-Себя и бытия-для-Другого. По мысли М. М. Бахтина, все внешнее в человеке, например его тело, переживается им са-

мим изнутри «лишь в виде разрозненных обрывков, фрагментов, болтающихся на струне внутреннего самоощущения» [17], «собрать себя в сколько-нибудь законченное внешнее целое сам человек не может, переживая жизнь в категории своего я» [18]. Человек испытывает абсолютную эстетическую нужду в Другом, «в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность». По аналогии можно рассуждать и относительно текста культуры. Научные и художественные труды Жакова, как Другого, посвященные коми-зырянской культуре, создают образ этой культуры как целостной личности. Они не являются ни ее «зеркальным отражением», ни фотографией, поскольку зеркало отражает только внешнее, наружность [19], а фотография, «хотя и более чисто, чем зеркальное отражение, но оно случайно, искусственно принято и не выражает нашей существенной эмоционально-волевой установки в событии бытия» [20]. Жаков писал «портрет» родной культуры, в котором имманентно присутствовал «избыток» его авторского «видения», «почка», откуда развевался «цветок завершающей формы» [21]. Художник Жаков, будучи этническим коми-зыряншином, увидел родную культуру с тех ценностных позиций, с каких она видит самое себя. Затем, снова вернувшись на позиции Другого – автора, используя культурный инструментарий российского интеллектуально-художественного творчества, создал внутреннему бытию-для-Себя коми-зырянской культуры завершающее его окружение, т. е. написал «текст». Бытие-для-Себя – это эмпирический мир, этнографические реалии коми-зырянской культуры, воссозданные в «тексте» Жакова. Бытие-для-Другого – это развернутые историософские смыслы о месте, роли и предназначении коми-зырянской культуры, запускающие процессы актуализации ее самосознания.

Исследуя проблему поисков русской национальной идентичности, Б. Гройс пишет, что русская мысль, «не будучи в состоянии предъявить ничего действительно экзотичного и гетерогенного по сравнению с западной культурой», искала механизм защиты от растворения в ее более динамичной среде. Этим механизмом стала самоинтерпретация России, представлявшая ее как «место реализации, или материализации дискурсов об Ином» [22]. Образ русской культуры как «Иной» по отношению к западной создан в первой теоретической попытке, поставившей вопрос о национальной и всемирно-исторической роли России – в историософии П. Я. Чаадаева, получаая впоследствии развитие у славянофилов и западников. Таковой русская культура предстает и в русской философии начала XX в. Репрезентация образа коми культуры в «зырянском тексте» Жакова также формируется с помощью апроприации дискурса об «Ином»,

по модели, ранее представленной в трудах русских мыслителей.

Историософия Жакова представлена в рассуждениях о «новых» и «старых», «юных» и «умирающих» народах. Автор пишет: «О юность народов – ты нам нужна, чтобы освежить нашу стареющую душу!.. Европейцы! Храните новые народы, чтобы самим не погрузиться прежде времени в тину мещанства или не умереть от скуки мировой» [23]. Зыряне кажутся Жакову «более юными, чем малороссы или русские» [24], они – «дети Пармы» [25], «первобытные дети» [26]. Для Жакова контакты коми культуры с динамичной культурой современности должны закончиться тем же, чем, по мысли А. И. Герцена, закончится встреча и столкновение двух миров – русского и западного, «одного, идущего из леса в историю, другого – из истории в гроб» [27]. Поскольку Жаков утверждает, что дети являются лучшим человечеством, «чем все прошлое: ибо мир раскрывает ценности свои в детях» [28], становится очевидным, что он создает образ культуры коми-зырян, используя аффирмативные тона.

Идеалом для Жакова, существующим в настоящем, культурой, сумевшей совместить древний уклад жизни и новые открытия науки и высокой техники, является культура Японии. Японская речь и внешний облик восточного народа напоминает Жакову язык и наружность зырян. Вероятно, что в попытке найти общие черты, сходство между двумя непохожими культурами, и, тем не менее, по своему «Иными», он акцентирует потенциальную возможность родной культуры противостоять агрессивным влияниям цивилизации, как это успешно делает Япония, которая «не умела поддаться кричащей суетливости надменного не по заслугам Запада» [29]. Критически описанные в «Этнологическом очерке зырян» реалии современной жизни народа заставляют Жакова искать черты идеала зырян, как «юного народа», в прошлом – в мировой истории и в своем собственном детстве. Такой перенос Жаков называет «великой минутой сочетания времен» [30], когда «старость слилась с детством» [31]. Таким образом, Жаков предстает, как и славянофилы, ретроспективным националистом, создает «ретроспективную утопию» [32]. Жаков непосредственно сам является частью этой утопии, поскольку его временное движение от «сказочного», «светлозарного» детства к разочарованиям зрелого возраста накладывается на пространственное перемещение с Запада на Восток – путешествие в страну своего идеала, страну «восходящего солнца» – Японию.

Размышления о месте, роли и смысле существования «первобытных» народов в истории коррелируют с созданным авторским образом. В романе «Сквозь строй жизни» Жаков позиционирует себя «Иным», маргиналом, квинтэссенцией это-

го является найденная формулировка – «между двух стульев» [33], характеризующая одну из жизненных ситуаций. Свое срединное положение он артикулирует на протяжении всего повествования. Называя себя «лесным человеком», он видит себя «Иным» по отношению к «стоглавой гидре лжекультуры» [34], к «злым веяниям Европы» [35]. Жаков противопоставляет себя «средним людям, несущим котомку филистерства» [36]. Критике мещанства как сословия и как определенной психологии и морали Жаков посвящает немало строк. Сюда относятся и картины кулачных боев с мещанами времени учебы автора в Тотемской семинарии, образы интеллигентствующих в Череповце, в Вологде, в Вятке, а также рассуждения об опасности распространения мещанства как идеи [37].

Жаков признает, что стал «Иным» также и по отношению к своей родной культуре, поскольку «переболел всеми культурными болезнями» [38]: «отдал себя почетолюбию, адскому самолюбию, дьявольскому честолюбию» [39]. Тем не менее источником его физических и душевных сил на протяжении всей жизни является то, что связывает с коми-зырянской культурой. Физические силы автор приобрел, обливаясь в сарае отца осенью и летом холодной водой, а также регулярно укрепляя свои мускулы гириями – тем самым он «бессознательно готовился» «к великой борьбе с тяжелой жизнью» [40]. Душевные силы, утешение и вдохновение Жаков черпает в общении с «великим рассказчиком» Каликаритто (Каролидо). Жаков пишет: «Твои слова напомнят мне шум великих сосен на белых холмах, таинственный шепот сумрачных елей, [...] жизнь здоровую, вольную простых людей на севере далеком» [41]. Вероятно, что появляющиеся в дальнейшем повествовании мудрый «старик» [42] («старик-сказочник» [43]) и отец автора Фалалей [44] – это составляющие образа все того же Каликаритто. Он представляет собой архетип коллективного бессознательного, персонификацию скрытых в хаотичности «культурной» жизни автора животворящих потенциалов коми-зырянской культуры. А ведь именно недостающая цивилизованному миру для полноценного развития «любовь к живому», по мысли Жакова, «и есть единственная цель воспитания человечества», «та отдаленная точка, в которой должны пересекаться все лучи человеческих помышлений» [45].

Жаков рассказывает: «Раз спросили меня друзья: “Гараморт, что открыл ты в жизни значительного?” – Самого себя, – ответил я им. – Я открыл самого себя, любезные мои, открыл, познал и изобразил» [46]. Дополняя ответ Жакова, заметим, что не только самого себя, но и культуру коми-зырян открыл, познал и изобразил прежде всего как Автор. Моделируя свой образ как «Иного» и одновременно генетически принадлежа зырянской куль-

туре, Жаков наделяет образ этой культуры чертами «инаковости».

Как пишут современные авторы, в представлениях об «особом пути» (а в нашем случае об «Ином») проявляются ощущение кризиса идентичности и ориентация на больший учет национально-исторических особенностей опыта данной культуры. Вместе с тем концепт «особого пути» является важным симптомом поисков новой идентичности [47]. Транспонирование данных рассуждений на коми культуру открывает в «зырянском тексте» Жакова скрытые смыслы. Коми как единая нация в начале XX века не существовала, представляя собой этноареальные группы, следовательно, на первом месте находилось групповое этническое самосознание. Коми национально-культурная идентичность, являясь основой коми национального самосознания, находилась в процессе формирования.

Примечания

1. Оситова Н. В. Вятский провинциальный текст в культурном контексте: <http://studnauka.narod.ru/nvo.html>.
2. Абашев В. Пермь как текст. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
3. Жеребцов А. Н. Зыряне // Республика Коми: энциклопедия: в 3 т. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. С. 466.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 317.
5. Фадеева И. Е. Опыт аутентичности (о прозе К. Жакова) // Духовная культура финно-угорских народов России: всерос. науч. конф. к 80-летию А. К. Микушева. 1–3 ноября 2006 г., Сыктывкар. Сыктывкар: ООО Изд-во «Кола», 2007. С. 254.
6. Надеждин Н. И. Народная поэзия у зырян // В делях Севера: Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. С. 65.
7. Круглов А. В. Лесные люди // В делях Севера: Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. С. 184.
8. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 94.
9. Жаков К. Ф. Под шум северного ветра: рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 229.
10. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 38.
11. Там же. С. 67.
12. Там же. С. 111.
13. Там же. С. 114.
14. Там же. С. 31.
15. Там же. С. 189.
16. Маковский С. К. Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999. С. 142–143.
17. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 30.
18. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 37.
19. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 34.
20. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 36.
21. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 27.
22. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 59.
23. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 204.

24. Жаков К. Ф. Под шум северного ветра: рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 340.

25. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 57.

26. Там же. С. 39.

27. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. М.: АН СССР, 1959. С. 168.

28. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. С. 220.

29. Там же. С. 361.

30. Там же. С. 221.

31. Там же. С. 203.

32. Гершезон М. О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление (главы из книги) // П. Я. Чаадаев: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч., указ. А. А. Ермичева и А. А. Златопольской. СПб.: Русский христианский гуманитарный университет (РХГИ), 1998. С. 283.

33. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 196.

34. Там же. С. 152.

35. Там же. С. 39

36. Там же. С. 282.

37. Там же. С. 150.

38. Там же. С. 33.

39. Там же. С. 247.

40. Там же. С. 259.

41. Там же. С. 22.

42. Там же. С. 154, 199–201.

43. Там же. С. 373.

44. Там же. С. 301.

45. Там же. С. 330.

46. Там же. С. 322.

47. Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 60.

УДК 930.85(4-15+470)

О. В. Киреева

ИСТОКИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

Статья посвящена актуальному вопросу истории культуры – генезису древнерусской и средневековой европейской городской культуры с точки зрения ее административно-правовой, социально-экономической, религиозно-нравственной и эстетической основы. Проведен сравнительный анализ городской культуры Западной Европы и Древней Руси.

The article is devoted to an important problem of the history of culture – to the genesis of the Old Russian and Medieval European urban culture from the point of view of its administrative, socio-economic, religious and moral, aesthetic basis. There is also carried out a comparative analysis of the urban culture of Western Europe and Old Rus.

Ключевые слова: древнерусский город, средневековый европейский город, городская культура, правовая культура, старейшина, князь, княжеская культура, социально-экономическая основа городской культуры.

Keywords: old Russian town, medieval European town, urban culture, legal culture, patriarch, prince, the prince's court culture, socio-economic basis of urban culture.

Прежде чем обратиться к рассмотрению генезиса древнерусской и западноевропейской городской культуры, необходимо определить, что подразумевается под данными культурными явлениями.

Городская культура представляет собой *духовный опыт горожан, проживающих внутри или близ городских стен, отраженный во всех аспектах их деятельности* (авт. О. В. Киреева): 1) административно-правовой опыт; 2) социально-экономический опыт; 3) религиозно-нравственный опыт; 4) эстетический опыт. Так, например, в древнерусской городской среде этот опыт основан на следующих признаках, позволяющих выделить древнерусский город как новое культурное явление: оседлый вид хозяйствования в культуре, огражденность, наличие религиозного центра внутри городского пространства, имущественное расслоение, распад родовой общины, создание общества неродственных людей, а также необходимость урегулирования отношений между ними (создание права, единого языка, единой письменности, единых денежных отношений), необходимость в унификации взглядов и миропонимания (в этом отношении христианство выступит как городская религия), активная внешняя торговля и др.

Сравнивать европейские средневековые и древнерусские города мы будем по предложенной ранее модели городской культуры, которая, на наш

взгляд, позволяет выделить наиболее важные составляющие культуры городов, а именно административно-правовой опыт, социально-экономический опыт, религиозно-нравственный опыт, эстетический опыт.

Административно-правовую основу городской культуры составляет политическая модель городского пространства, организация управления городом (исходя из функционального предназначения города), а также свод писанных и изустных норм и правил поведения, действующих в данном городском обществе. На основе этих составляющих делается вывод о тех аспектах городской культуры как духовного опыта людей, которые, пронизывая все слои городского населения, являются организующим началом социокультурного пространства города.

Европейский средневековый город XII в. – это крепость, защищаемая вооруженными горожанами. «Эти горожане сами облагают себя податями, назначают своих должностных лиц, судят, наказывают, собираются для обсуждения своих дел; в этих собраниях принимают участие все городские жители», – так описывает городское устройство Ф. Гизо [3]. По его словам, они имеют также свою милицию и ведут войну со своими сеньорами. Собрания горожан Европы отчасти напоминают вече городов Древней Руси.

Если говорить о различиях европейской и древнерусской административно-правовой городской системы, то нужно отметить, что те исторические явления европейских городов (феодалная система, бюргерство, гильдии и др.), которые отличают их от жизни городов Древней Руси, обусловлены, в первую очередь, разными условиями зарождения. Так, например, в Древней Руси не было такой плотности населения, как в Европе, и, соответственно, такого количества военных столкновений между племенами. Основная масса восточнославянских племен была родственна между собой по языку и имела также торгово-политические контакты. К тому же в процессе славянского переселения на территорию Восточно-Европейской равнины общинно-племенной строй разрушался, порою роды разбивались, кто-то ушел вперед раньше, кто-то отстал позади и, таким образом, у славянина сложилось представление о том, что где-то в другом селе или городе живет его родич. Формировалась национальная идентичность, представление о единстве славянских племен, что немало способствовало консолидации земель и городов Древней Руси. В «маленькой» Европе шла ожесточенная борьба между племенами за расширение границ своих территорий, отсюда интенсивный темп оборонительных действий, в частности создание укрепленных поселений как форпостов территорий и символов того, что данная земля уже «занята». П. А. Сапронов также отмечает немногочис-

ленность древнерусских городов и их жителей, а кроме того, редкость городских поселений на Руси по сравнению с западными городами. По его подсчетам, Киев XIII в. насчитывал около 40 тыс. человек, Новгород – 20 тыс., в то время как в Лондоне и Милане проживало около ста тысяч, а в Венеции – 150 тыс. Сопоставляя культуру Европы и Руси, исследователь говорит, что «нельзя не отметить, что плотность населения в несколько человек на квадратный километр создает совсем иной баланс между культурой и природой по сравнению с плотностью в десятки человек на квадратный километр. В первом случае природы будет несоизмеримо “больше”, чем культуры» [6].

В административно-правовом отношении военная активизация европейских племен обусловила выдвижение к власти военного сословия, повысилась роль военной аристократии: конунгов, королей, князей и т. д., которые силой овладели правом собственности на землю. На Руси же миграция была относительно мирного характера: на Восточно-Европейской равнине славяне соседствовали с охотничье-животноводческими племенами – финно-уграми – на севере и востоке (отношения славян с ними носили торговый характер), а также со скотоводческими тюркоязычными племенами на юге, где нередко возникали конфликты. Таким образом, укрепленных поселений у восточных славян, из которых впоследствии выросли города, было немного, в отличие от племен Западной Европы.

Обширная территория расселения славян способствовала сохранению общинных традиций, в том числе и политического устройства, и в городской среде. Роль князя на Руси начинает меняться после прихода варягов, а также функция князя коренным образом меняется после татаро-монгольского ига и влияния скотоводческой культуры, когда княжеская власть перенимает на себя новые функции. На Руси становится ощутимым влияние взаимодействия с военизированной по своей природе культурой татаро-монголов, обладающей четкой иерархией общества и жесткой дисциплиной (в скотоводческих культурах это было связано с необходимостью захвата новых территорий). Таким образом, влияние ига на политическую систему Древней Руси оказало воздействие и на функции княжеской власти, за князьями закрепляется право собственности на города и примыкающие к ним посады, что существенным образом меняет функцию русских городов и административно-правовые основы городской культуры. Впервые можно говорить о понятии «централизованная власть» в полном смысле этого слова только в Московском царстве. В данном положении заключается существенное отличие административно-правовой культуры Западной Европы и Руси: Русь длительное время была наследницей общинных традиций

управления и не знала монархии, т. е. единовластия в европейском понимании.

Древнейший памятник народного изустного творчества, берущий свое начало в Древней Руси, – былины – доносят до нас такое представление древних поселян о вечевых собраниях и старейшинах, которые управляли городами:

1) А тут и мужики угличи

С ним, со царем, заздорили,

Не пушают его во Углич град,

И не сказывают про того удала добра молодца:

Что-де у нас нет такого и не бывало.

Старики тут вместе сходилися,

Они думали думу единую... [1]

Былина о Сауле Леванидовиче

2) Он подьхал-то под славный под Чернигов град,

Выходили мужички да тут черниговски

И отворяли-то ворота во Чернигов град,

Ай зовут его в Чернигов воеводою [1].

Былина о Илье Муромце

Данные былины говорят о верховном руководстве городом старейшин, которые были ответственны за принятие важнейших в городской жизни решений. Они же решали, кому доверить управление городом. Княжеская культура в период становления городов Древней Руси претерпевает значительные изменения: из народных избранников, порождения общинно-племенной культуры они превращаются в чужеродный элемент (особенно на восприятии княжеской культуры сказывается появление варягов в княжеской среде):

Не будем мы стоять за стольный град Киев,

Да не будем мы беречь князя Владимира

Да еще с Опраксой королевичной:

У него ведь есть много да князей бояр,

Кормит их и поит да и жалует,

Ничего нам нет от князя от Владимира [1].

Монолог богатырей из былины

«Илья Муромец и Калин царь»

Отношение к князю четко прослеживается в этом эпизоде. Беспрекословного подчинения князю нет, воины преследуют свои цели. Основным доводом при этом служит то, что князь их вовремя не одарил, не задобрил. Неудобного князя на Руси могли убить (как это часто происходило в Новгороде) либо изгнать из города.

Из сопоставления европейской и древнерусской городской административной культуры можно также вывести тот факт, что власть в городах Европы и Древней Руси имела различные основания. В Европе в силу различных условий главенствующую роль приобрела королевская власть – военная аристократия, которая обладала правом собственности на завоеванную землю, сооружала укрепленные поселения и облагала налогами жителей городов и сельской округи. И хотя в результате борьбы с сеньориальной властью некоторые наиболее крупные и богатые города получают самоуправле-

ние и право самим собирать налоги с тем, чтобы потом их отдавать в королевскую казну, даже такая форма самоуправления (мэр и городской совет) лишь отдаленно соотносима с городским управлением Киевской Руси. Здесь князья не обладают правом собственности на землю, земельным фондом распоряжается вече во главе со старейшинами и городской знатью. Сходно право на выборы себе князя в крупных городах Европы и Руси, но управители наделены разными полномочиями. Горожане Древней Руси, как уже было сказано ранее, не знали монархической власти в полном смысле этого слова вплоть до образования Московского царства. Отсюда и различное отношение горожан к городским властям на Руси и в Европе.

Обратимся теперь к *социально-экономической* сравнительной *характеристике* городов Европы и Руси, то есть особенностей экономического устройства и социальной структуры городского пространства.

Для понимания истоков европейской городской культуры необходимо рассмотреть ту почву, на которой она выросла, т. е. социально-экономическую основу средневековых городов Европы. И, в первую очередь, когда мы разбираем культуру того периода, нужно осознавать, что основу жизни людей составляло земледелие и соответственно землевладение, а также торговля внутренняя и внешняя, активно развивающаяся и обогащающая культуру.

Чрезвычайно значительная земельная собственность в средневековых городах Европы находилась в руках политических или землевладельческих властей могущественных городов или отдельных знатных землевладельцев-горожан.

Что касается городского общества Европы, то города притягивали к себе людей своими свободами и привилегиями. Вследствие этого европейские города стремительно росли. Сюда тянула также возможность укрыться в церкви (особенно низшие слои населения и иногда богатые изгнанники). По мнению Ф. Гизо, эти изгнанники сильно повлияли на развитие городов и их обогащение. В X в. характерным является также стремление горожан к защите от феодалов, которые облагали их всевозможными налогами и всячески притесняли в правах. Как результат в XI–XII вв. происходит относительное освобождение городских общин от угнетений феодалов, особенно эффективен этот процесс был в наиболее крупных и богатых городах, которые могли «купить» себе самостоятельность. Освобождение горожан положило начало новому процессу формирования особого класса – *буржуазии*.

Городская община включала в себя всех жителей города, созывалась колоколом на собрания, на которых решала вопрос избрания должностных лиц и другие вопросы. В этом отношении можно соотнести собрание горожан Европы с вечевой системой Древней Руси.

Однако существенным отличием европейских городов является наличие разветвленной структуры городской общины, включающей деление людей по профессиональному и другим признакам. В отличие от сельских общин, где бытовала сплоченность по родовому принципу, в городах общинно-родовые связи разрываются, образуются новые объединения на основе общих трудовых и духовных интересов. В X–XI вв. торговые гильдии уже объединяли купцов, верхушку ремесленников, частных собственников и т. д. С XI в. купеческие гильдии распространились по всей Европе. В 1161 г. Возникает крупнейшее торговое объединение Северной Европы – Ганзейский союз. Он возник после заключения под эгидой Генриха Льва мира между немцами и жителями Готланда. А к концу XIII в. влияние Ганзы распространилось от Фландрии и Англии до Северной Руси. Ганзейские купцы жили в Брюгге, Лондоне, Стокгольме, Новгороде, Риге и других крупных городах Европы. А это свидетельствует о расширении не только экономических связей Европы, но и культурного пространства и культурных связей между городами.

Объединения создавались не только в торговой среде, каждый горожан входил в какое-либо объединение: гильдию, цех, братство (воинское, духовное, соседское и т. д.). Гильдии и цехи имели монополию на свои виды деятельности, не допускали т. н. «чужаков»; их привилегии были закреплены за ними властями. Большинство городских объединений имели свой устав, представляющий собой регламентацию трудового и общественного поведения, а также фиксировал социальные гарантии в различных непредвиденных ситуациях: материальную помощь, моральную поддержку и др. По подобию торговых и ремесленных объединений возникали союзы медиков, учителей, юристов, художников и даже низших слоев населения. Возникали также братства по интересам: духовные, приходские, соседские, воинские и т. д. Все разного общества также образовывали иерархическую структуру городского общества. Так, каждый горожанин, как правило, входил в профессиональное объединение и общность по интересам.

Таким образом, круг общения людей расширялся за счет вхождения в ту или иную структуру, создавалось общество не родственных между собой людей, рождающее новые формы культуры, причем цехи, гильдии и другие объединения – это своеобразное городское продолжение родоплеменных традиций, а именно сплоченности коллектива, доверия внутри него, взаимопомощи, отстаивания своих интересов сообща. Но так как в городе человек отрывается от традиций сельской общины, он включается в мир городской культуры, его «социальность», адаптируясь к городской среде, приобретает новые формы (в виде профес-

сиональных сообществ и объединений по интересам). А. А. Сванидзе так характеризует культурные последствия включения человека в городское сообщество: «Так создавался особый круг общения, очень важный для выработки профессионального и личностного самосознания горожан, их политической и личной независимости, общественного авторитета, не полученных по наследству, но заработанных в результате личных усилий» [4].

В период образования городов туда тянулись не только жители прилегающей территории, но и торговцы, ремесленники, воины из других племен. Так происходило, во всяком случае, при образовании новых городов, когда привилегиями в город привлекались переселенцы; в меньшей степени при преобразовании старых поселений в городские общины. Таким образом, в городскую общину Европы, так же, как и Руси, проникал чужеродный элемент. Это, безусловно, обогащало городскую культуру и вело к т. н. «культуротворчеству» как результату смешения культур, а также к появления новых форм объединения людей.

Сравнивая городское социально-экономическое устройство России и Европы, А. А. Сванидзе пишет: «Города в России не прошли через коммунальные движения, до отмены крепостного права знали лишь ограниченное самоуправление. В городах в Средние века были только купеческие объединения, но не сложились цехи и прочие самостоятельные автономные малые группы, которые на Западе составили заметную черту средневековой цивилизации и впоследствии вошли в основы гражданского общества. Званием “посадские люди” не гордились, тогда, как бюргеры были полны достоинства... в России были во многом иные, нежели в Западной Европе, формы социальной жизни городов, а сами города и мещане занимали иное место в обществе» [4]. На Руси, как было сказано ранее, не было такого масштабного разделения по профессиональным группам и сообществам по интересам, как в Европе. Безусловно, древнерусский город, как и любой другой город, вмещал в себя представителей различных сословий и профессий: воинское сословие (князья, дружина, вои), купцы, ремесленники, зависимое население и т. д. Но ничего напоминающего европейские корпорации либо цехи на Руси не создавалось. Исключением могут служить разве что крупные торговые объединения как, например, Иванское сто в Новгороде, к которому городские власти направляли официальные письма и которое вело международную торговлю. В основном же профессиональные или иные объединения в древнерусских городах не носили официального характера. Городское общество, так же, как и в Европе, было дифференцировано, здесь также ощущается влияние родовых традиций на городскую культуру. Город еще достаточно долго носит аграрный характер, совмещая возникающие

на городской почве новые элементы культуры с традиционными архетипами.

Древнерусские города X–XIII вв. в экономическом отношении – это активно развивающиеся торгово-ремесленные центры с прилегающими сельскохозяйственными угодьями. Наиболее интенсивно развиваются те из них, которые расположены вдоль торговых артерий, на пути следования караванов, т. е. те, где активно развивается производство и торговля. Русь как торговое государство была известна и на Западе, французский эпос так отразил богатство Руси: из Руси шли в Европу русские соболя, русские плащи – «корзна», русские боевые кони, кольчуга, «тонкое лучшее русское золото» и другие товары. «Иносказательное выражение «даже за русское золото» в смысле «ни за что на свете» достаточно отражает представления об экономической силе Киевской Руси. Военная сила Руси воплотилась во французском эпосе в образе богатыря «исполинского роста в четырнадцать футов с прекрасной гривой русских курчавых волос, рыжеватой бородой и лицом в рубцах». Выражение «идти на Русь» означало вообще гибельный поход» [2]. Уже в X в. начался активный приток на Русь в крупнейшие города посольств от таких государств, как Чехия, Польша, Венгрия, Рим и других стран, с которыми Русь поддерживает политические и торговые отношения. Практикуются также матримониальные связи с известнейшими домами Европы: французскими, германскими, скандинавскими, польскими, чешскими и др. Особенную международную известность Русь получает во время правления Ярослава Мудрого. К XII в. относится налаживание торговых связей Новгорода с Ганзой, в частности с готским берегом и немецкими городами; появляются грамоты, которые регулируют отношения между сторонами и регламентируют правила поведения на чужих территориях. Например, грамота от 1189 г. гласит, что новгородский посол может беспрепятственно ходить в немецкую землю и готский берег и наоборот, иначе князь имеет право судить иностранца (если убьют посла – 10 гривен серебра; если побьют купца – 10 гривен, то же, если свяжут, ударят или если побьют жену купца или дочь, если снимут повои с головы женщины и т. д.) [8]. Если поссорятся немец с новгородцем, то ведут их на суд на двор св. Ивана отвечать перед посадником, тысяцким и купцами. Таким образом, торгово-экономические связи с Русью играли немаловажную роль в развитии европейских государств, русские же города же впитывали в себя традиции западных соседей.

Необходимо отметить, что *в основе отличий европейских и древнерусских городов в социально-экономическом отношении лежат два основных фактора*: 1) на Руси не было феодального гнета и соответственно не было такой необходи-

мости в постоянном противодействии королевской власти и борьбе за свои права и привилегии, как в Европе; 2) меньшая численность населения, а также меньшая частота расположения городов на Руси не вызывала такой необходимости в усложнении социально-экономического устройства (создании гильдий, цехов, братств), как в европейских городах.

Сопоставление *религиозно-нравственного и эстетического опыта* городской культуры европейских и древнерусских городов базируется на анализе миропонимания древних горожан, их отношения к себе, другим людям и окружающему их городскому пространству. А также чувственно-эстетический мир горожанина отражен в архитектурном убранстве городов, внутреннем оформлении жилого пространства, в особенностях визуальных репрезентаций повседневной и праздничной городской культуры.

Говоря о культуре средневековой Европы, известный исследователь культуры европейского средневековья Й. Хейзинга писал, что когда мир был на пять веков моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которыми и поныне воспринимает горе и радость душа ребенка. Всякое действие, всякий поступок следовали разработанному и выразительному ритуалу, возвышаясь до прочного и неизменного стиля жизни. Важные события: рождение, брак, смерть благодаря церковным таинствам достигали блеска мистерии. Вещи не столь значительные, такие, как путешествие, работа, деловое или дружеское посещение, также сопровождалось неоднократными благословениями, церемониями, присловьями и обставлялись теми или иными обрядами [7]. Таким образом, европейская городская культура, вобрав в себя как опыт античности, так и традиции родовой общины, представляет собой синтез культурных компонентов прошлых эпох и культуры нового типа – городского, в ее средневековом понимании.

Европа узнала христианство раньше, чем Русь, в силу распространения на ее территории позднеримских традиций. В период VI–IX вв. большая часть язычников в Европе была обращена в христианство, а также это время победы над арианством, когда племена лангобардов, западных готов приняли ортодоксальную веру.

Вначале миссионеры пытались обратить в христианскую религию главу племени, вождя или короля. После того как вождь становился христианином, большая часть его подданных принимало веру вслед за ним. Безусловно, большинство людей имело весьма смутные представления о новой

вере и сохраняло свои старые обычаи, унаследованные от язычества.

И в Европе, и на Руси христианство не столько сопровождает городскую культуру, сколько формирует ее, являя собой функцию адаптации человека к городской среде и урегулирования социальных взаимоотношений. Христианство – это религия смирения (что импонировало властям), это и религия равных, где нет этнических и сословных различий. Духовенство европейских и древнерусских городов получило власть над духовным миром людей. Так, например, на Руси князья устанавливали налоги в пользу церкви, т. н. десятину, священнослужителям же отводилась роль нравственного «цензора» верующих. Так, например, «Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» устанавливает десятину и говорит о суде Божьем за различные прегрешения, такие, как распутство, неурядицы между мужем и женой, волхование, церковные кражи, осквернение креста, ввод животных в церковь, молитва в местах языческих культов и т. д. [8]. Эти дела имели право судить только епископы и церковь. Князь Ярослав установил штрафы за такого рода прегрешения. Одним словом, несмотря на то, что еще до крещения Руси в городах были верующие христиане, религия распространялась сверху. Европа, как уже говорилось ранее, знала христианство раньше Руси, однако и там, хоть распространение христианства и носило масштабный характер, однако синтез языческого и христианского миропонимания еще много столетий составлял сущность городской культуры. Различие между религиозной культурой европейских и древнерусских городов мотивировано еще и тем, что обратиться в христианство густонаселенную Европу с «большими» городами и сеньориальной зависимостью горожан было гораздо легче, чем разбросанные далеко друг от друга, малозаселенные древнерусские города и посады.

Языческие суеверия, повседневная и праздничная обрядность сопровождала жизнь горожан Европы и Руси всех сословий, переплетаясь с нравственными догмами христианства. Религиозная жизнь городов была также представлена не только монастырями. Так, например, в европейских городах XI–XII вв. широко распространяются каноники, отсоединившиеся от монашества. «Для регулярных каноников высшей нравственной ценностью их отношения к миру являлась Caritas – любовь, питавшая, среди прочего, и мистическое богословие многих соборных школ Западной Европы. Любовь трактовалась как жертвенная, наставляющая сила, идущая от высшей любви к Богу и обращенная к ближнему» [4].

Что касается символического пространства европейских и древнерусских городов и чувственно-эстетического опыта горожан, то здесь следует отметить всестороннее влияние (особенно на ран-

них этапах средневековья) традиций родоплеменного села, а также смешения языческого и христианского мироощущения. Одним из первых символов этого смешения в древнерусской архитектуре становится Десятинная церковь в Киеве, а также особым отражением новых христианских эстетических воззрений является архитектура таких шедевров древнерусского зодчества, как Софийские соборы Новгорода, Киева, Полоцка и др. «Эта строгая иерархическая система представляет своего рода модель божественного космоса, очищенного от всего случайного» [10] – это одна из существующих характеристик Софии Киевской [5]. В архитектуре Софийского собора Новгорода идея выражена «более аскетично» и «более функционально».

Практически все городские постройки средневековья несли функцию не только обеспечения жизненного комфорта, но и разграничения своих жителей по сословной принадлежности. Недаром такую популярность получает роскошь не только в одежде, но и в убранстве домов, фасадов и т. д.

Сопоставляя архитектурное пространство различных городов, Л. А. Якобсон пишет, что «в своих наиболее существенных чертах зодчество разных стран проходило... одни и те же основные этапы... Однако в каждой стране архитектурно-художественные проблемы решались по-своему в совершенно разных формах, что исключает определяющую роль влияний» [9].

Итак, в результате сопоставления культуры европейских средневековых и древнерусских городов можно сделать вывод, что, во-первых, несмотря на разные пути развития основы европейских средневековых культур и древнерусской культуры, берущие начало в индоевропейской древности, дают предпосылки для выделения не только особенностей этих культур по административно-правовым, социально-экономическим, религиозно-нравственным и эстетическим компонентам культуры, но и их единого базисного начала. Оно обусловлено историческим родством рассматриваемых культур. Однако в результате локализации культур в различных природно-климатических условиях, особого исторического пути развития городских культур Европы и Руси, межкультурных коммуникаций можно говорить о специфических особенностях каждой из этих культур: 1) частота городских поселений и количество городских жителей в Европе и удаленно расположенные, малозаселенные города Руси; 2) феодальная система в Европе и власть народных старейшин (вече) и князя, назначаемого народом, на Руси; 3) мощные объединения городских сословий и широкая дифференциация общества в европейских городах и отсутствие четкого деления на классы в древнерусском городском сообществе; 4) религиозная власть, главенство Римской католической церкви, широ-

кое распространение христианских воззрений среди европейских горожан и длительное бытование двуверия в восточнославянской среде; 5) сочетание в эстетическом опыте горожан традиций античности, родоплеменной культуры и христианского миропонимания Европы и синтез традиций общинной культуры и привнесенных из византийской, скандинавской, тюркской и других культур, адаптированных к древнерусской среде и т. д.

Примечания

1. Былины / под ред. В. И. Чичерова. М., 1957.
2. Воронин Н. Н., Тиханова М. А. Пути развития русской культуры X–XIII вв. // История культуры Древней Руси. Т. 2. Домонгольский период. М., 1951.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск, 2005.
4. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999.
5. Махлина С. Т. Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб., 2008.
6. Сафронов П. А. Русская культура IX–XX вв. Опыт осмысления. СПб.: Паритет, 2005.
7. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2002.
8. Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
9. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л., 1987.
10. Махлина С. Т. Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб., 2008. С. 71.

УДК 793.3

С. В. Орлова

ТАНЕЦ С ВЕЩЬЮ (ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО)

В статье рассматривается вопрос использования вещей и бытовых предметов в хореографии, их роль и функции в процессе формообразования современных хореографических произведений; предпринимается попытка проанализировать соотношение традиционных и новаторских тенденций, техник и композиционных приемов, которые помогают балетмейстерам с помощью вещей создавать в танце художественный образ.

The article is devoted to the problem of using domestic things (household items) in choreography. The author examines their role and functions in forming modern choreographic compositions. On the material of some modern choreographers' compositions the author tries to analyse a correlation of traditional and innovative tendencies which help ballet masters to create artistic images using domestic things.

Ключевые слова: вещь, бытовой предмет, хореография, художественный образ.

Keywords: household item, domestic thing, choreography, image.

Использование в хореографическом искусстве предметов домашнего обихода, мебели и бытовой техники считается в наши дни признаками современной новаторской сценической постановки. Само по себе это явление имеет традиции как в народной художественной культуре, так и профессиональном театре. Это обстоятельство требует внимательного исследования отношений традиций и новаторства в вопросе о применении образа вещи в танце.

Любое явление художественной культуры – перекрещение различных истин, и прежде всего отклик на современность. Художник, создающий произведение искусства, не может обойти вниманием накопленный до него опыт, по-своему не переосмыслить достижения других мастеров. Но не менее важно для художника органичное чувство современности, его внешних проявлений и внутренних импульсов. Как отмечал доктор искусствоведения В. В. Ванслов в статье «Традиции и новаторство в балете», «синтез прошлого с настоящим дает разным видам художественной культуры почву для благодатного развития, “точек роста” и выхода из тупиковых творческих ситуаций» [1, 167].

Хореография в данном вопросе не является исключением. Сегодня и, по-видимому, в каждый период истории хореографии анализ этого вопроса особенно важен, поскольку хореографическое искусство переживает глубокий кризис, который

проявляется в неспособности прежних композиционных форм построения спектакля выразить реалии современной жизни. Поэтому хореографы-практики ведут активные поиски выхода из этой ситуации. Однако следует констатировать, что попытки описать и дать детальный анализ их практического, постановочного опыта весьма редки и скорее являются побочными в отношении описания сложившейся ситуации.

Отдавая себе отчет, что тема включения вещи в танец весьма многогранна, мы попытаемся выделить и осветить некоторые композиционные приемы такого явления современной хореографии, как использование в танце повседневных предметов и вещей, а также попытаемся выяснить, на каком опыте современные хореографы выстраивают инновационные техники.

Содержание и тема

В современных хореографических постановках главный акцент делается на не сюжетный стержень, а все больше смещается в сторону формы произведения и средств ее выражения. Этот вопрос мы рассмотрим ниже. Но если попытаться выделить наиболее популярную тему хореографических постановок сегодняшнего дня, то она является отражением внутреннего мира рядового современника, «человека из толпы», его субъективных переживаний и страстей по поводу испытываемых противоречий, выявления мира фантазий, снов и иллюзий, куда он убегает от реальности.

Это «тренд» есть продолжение идей экспрессионизма и школы немецкого выразительного танца, виднейшей представительницей которой являлась Пина Бауш, которую часто называют Достоевским современного танца. В ее лучшем спектакле «Кафе Мюллер» 1978 г. на сцене громоздятся горы наваленных стульев, и женщины пытаются существовать в этом пространстве, где, казалось бы, нет даже воздуха. Представители школы немецкого экспрессивного танца темы подсознательной жизни выражали в брутальной пластике, резких изломанных линиях, неэстетичных формах, напряженных, трагических эмоциональных тонах. Предметы и вещи всегда подчеркивали схожесть сценической ситуации с действительностью.

Тема грез и фантазий человека, его бегства от реальности интересовала хореографов и эпохи романтического балета. Но создаваемый ими иллюзорный мир, в противоположность, был прекрасным. В нем были воздушные замки, идеальные женщины в легких одеждах, которые парят над землей. Именно поиски выразительных средств для создания на сцене идеального мира сформировали эстетику классического балета – устремленность ввысь, танец на пальцах, парящие прыжки, воздушность поз, абстрактность движений. Употребление вещей и предметов в фантастических сценах, которые относились к реальному миру или

только намекали на связь с ним, было недопустимо. Однако вещи активно вовлекались в танцевальные сцены, которые показывали действительность, что подчеркивало контраст между этим миром и миром фантазий. В книге В. В. Ванслова находим: «В балете “Жизель” Ж. Перро, Ж. Коралли в редакции М. И. Петипа девушки крестьянки, вернувшиеся с работы, танцуют с корзинами, заполненными виноградом, мать Жизели, предлагая герцогу и его дочери отдохнуть с дороги, указывает на стоящие у стола табуреты, затем выносит им бутажорные бокалы и кувшин с вином» [1, 103].

Практика хореографов сегодняшнего дня показывает, что, создавая образ многозначного внутреннего мира человека, многие из них прибегают к приему синтеза двух миров. Мир действительный и иллюзорный взаимопроникают друг в друга и создают для персонажа иные условия существования. Новаторским в этом плане можно считать то, что предметы и вещи реального человеческого быта, находясь на сцене, создают картину, вполне напоминающую действительность (жилую комнату, ванную, улицу, кафе), но в атмосфере внешне схожей с реальностью существует ирреальность. В балете Ирины Брежневой «Кукумбер» декорация комнаты – и жилище человека, и обиталище его мыслей, где персонаж передвигает вещи по своим надобностям, а его мысли одновременно манипулируют ими по своим соображениям, например, героиня, входя в комнату, оставляет тапочки в одном порядке, а ирреальные персонажи расставляют их в другом порядке. Ситуация может быть согласованной или конфликтной, но однозначно неразрешимой.

Форма современного спектакля: от синкретизма до multimedia

Хореографы откликаются в своих постановках на сложность и многозначность сегодняшней жизни. Это понимание ситуации сложившегося кризиса приводит их к поиску новых форм построения как небольшого хореографического номера, так и хореографического спектакля. Форма становится для балетмейстеров самодовлеющей; она конструируется в форме механизма, в котором хореография часто используется как вспомогательное средство.

Преднамеренное усложнение структуры произведения происходит за счет нарастания в нем культурно-стилистических слоев. Современный хореографический спектакль является синтезом различных видов искусства (музыка, пластика и танец, декламация, изобразительное искусство, киноискусство) и представляет собой синкретическое действие, в котором все составляющие элементы существуют на равных правах. Подобная форма представления, бесспорно, напоминает своей структурой традиции архаичных обрядов.

В древних обрядовых действиях песня, ее текст и музыка, танец, пантомима, манипуляции с пред-

метами были взаимосвязаны друг с другом и выражали целостность человека с окружающим миром и взаимодействии с ним. Синкретизм практически делает невозможным разграничение субъективного и объективного, наблюдаемого и воображаемого, домысливаемого, отсюда особая многозначность и духовная напряженность обряда, его способность магически воздействовать на людей.

Различные элементы обряда, которые впоследствии обособились в самостоятельные виды искусства, потому что имели отличные от других способы отражения действительности, в обрядовом действии подчинялись единым задачам магического действия. При этом функции, которые возлагались на каждый выразительный элемент, условно можно было разделить. «Музыка, ритмически организовывала обряд, словесный текст был драматургической основой, танец обеспечивал обряд движением и пространственной динамикой, вещи являлись зримым выражением магического начала» [2, 151].

Огромные смысловые и композиционные возможности структуры древнего синкретичного представления, по-видимому, всегда привлекали балетмейстеров в переломные моменты истории хореографического искусства. Наряду с тем, что современные хореографы достаточно часто выбирают для своего творчества форму синкретических спектаклей, подобные попытки (какими бы новаторскими они не казались сегодня) уже предпринимались хореографами «модернистами» в начале XX в., когда классический балетный театр также испытывал кризис формы и содержания спектакля. В результате возникает альтернатива или новая сценическая танцевальная культура – танец модерн.

Как отмечает Е. Я. Суриц в книге «Балет и танец в Америке», «хореографы – “модернисты” начала XX в. Рут Сен-Денис, Тед Шоун, вдохновленные идеей существования человека в некоей промежуточной сфере между телесным и духовным, с детальной точностью воспроизводили в танце восточные ритуалы и христианские церковные службы» [3, 54]. Марта Грэхем, пытаясь постигнуть осознанные и потаенные причины и следствия поступков человека, много экспериментировала именно в области создания новой формы танцевально-пластического представления. В ее представлениях соединялись элементы оперы, фарса, народного балагана, в спектаклях участвовали животные, артисты танцевали на полу, залитом водой, засыпанном торфом.

К концу XX – началу XXI в. тенденция соединения в хореографическом спектакле всевозможных достижений не только из области театрального искусства, но и спорта, телевидения, компьютерной, видео-, световой, звуковой техники только усилилась. Новая форма «мультимедийного» представления выражает тенденцию времени, а

именно вариативности существования. Она также способствует ломке стереотипов восприятия действительности и поэтому позволяет хореографам создавать произведения с множеством смысловых пластов, а зрителям дает свободу восприятия и творческого переосмысления увиденного.

Вещи в общей структуре синтетического представления имеют далеко не последнее значение, они становятся действующим лицом, наравне с артистами, и несут на себе нагрузку художественной образности, композиционного стержня, выразителя идей. В балете Иржи Киллиана «История солдата» скрипка для солдата является частью его души, напоминанием о доме, лекарством от всех бед, она также интересует и черта. Он предлагает солдату сделку: за скрипку – все золото мира, что является драматургическим стержнем всего спектакля.

Синтезированную форму спектакля, в которой соединяются действительное и вымышленное, а также уравнивается в правах все выразительные средства, можно считать имеющей глубокие корни в традиционной народной культуре. Однако средства и приемы формообразования современных спектаклей нельзя причислить к традиционным, многие из них зародились в XX в. в разнообразных видах искусства и были заимствованы и трансформированы, приспособлены для хореографии. Далее попытаемся рассмотреть некоторые из них и определить значение для хореографии.

Прием эклектики

Пытаясь достичь новой художественности в спектаклях, хореографы обратились к приемам механического объединения несовместимых в традиционном понимании движений, звуков, композиционных построений. Прием эклектики, заимствованный хореографией из авангардных течений изобразительного искусства XX в. и обусловленный тенденциями современной социальной жизни (многомерность жизни политической, общественной, культурной, религиозной, множественность идей и концепций, существующих одновременно, взаимопроникновение различных национальных культур, к тому же быстрое и всеобщее распространение новых идей средствами массовой информации), помог хореографам при создании спектаклей со сложной структурой и множеством культурно-стилистических слоев.

С одной стороны, в современной хореографии приемы эклектики присутствуют в самой танцевальной пластике, которая вбирает в себя элементы танцевального искусства Востока, ритмопластику американских индейцев, спортивно-танцевальную технику народов Африки. Кроме интернациональной танцевальной пластики используются элементы медитации, йоги, скульптурной фактурности, бытовых жестов и движений, пластической импровизации.

С другой стороны, приемы эклектического соединения участвуют в формообразовании хореографического спектакля. В процессе поиска новых приемов создания хореографического действия балетмейстеры обращаются к выразительным средствам, техникам и приемам других видов искусств. Новаторство заключается не в адаптации традиционных методик других видов искусства, цирка и даже спорта в хореографии, а их присутствию в хореографическом произведении, так сказать, в «чистом виде», которое иногда производит чувство настоящего шока. Например, самые простые фокусы (неожиданное появление и исчезновение в руках танцора мелких предметов) или несложные элементы воздушной гимнастики (зависание и качание на канатах, трапециях в балете Евгения Панфилова «Сюрреалистическая сказка времен гражданской войны») для хореографии эффектны и новаторски.

Особое место в современных постановках занимает всевозможная видеоаппаратура (телевизоры, проекторы, видеокамеры, слайды) и ее использование как утилитарное, так и концептуальное. Морис Бежар так комментирует постановку своего спектакля «Дон Жуан»: «Чтобы подчеркнуть, что мой спектакль не ностальгический знак поклонения перед испанским золотым веком, но выражение сегодняшних убеждений, сегодняшних нерешенных вопросов, я привлек кино. Мне виделось два экрана, слева и справа, и еще один, подвешенный посередине сцены, фильмы должны расширять или комментировать действие» [4, 131].

И если раньше показ житейских действий человека на сцене считался дурным тоном и даже если художник без него не мог обойтись, ему придавались черты условности, некой возвышенности. В постановках хореографов сегодняшнего дня артисты на сцене едят, пьют настоящие продукты и напитки, курят сигареты, натурально моются, бреются, переодеваются, делают прически, используя при этом бытовые вещи и предметы. В спектакле хореографа Татьяны Багановой «Свадебка», построенному по мотивам русского свадебного обряда, в одной из сцен девушки моют невесту, стоящую в тазу, а затем обливают ее водой из кувшина.

Все это свидетельствует о стирании границ стилей, правил, норм, которое происходит в первую очередь в общественной жизни.

Прием коллажности и клиповости

Другой формообразующий прием клипа или коллажа является откликом на общую тенденцию ускорения ритма жизни, сокращения времени на все жизненные процессы, и в том числе на общение с «прекрасным». Скоротечность потребления информации как бы на лету, на бегу приводит к тому, что сознанию современного человека достаточно полуслова, полунамека, чтобы он воспринял информацию и начал ее осмысливать, а затем и дей-

ствовать, от современного произведения требуется информация, выдаваемая в предельно сжатых формах. Поэтому во временных и пространственно-временных видах искусства и телевидение как никогда стала цениться лаконичность, а в некоторых случаях и незаконченность, картинки-наброски, которые не связываются принципом логики или хронологии стали, основными приемами формообразования спектакля.

Коллаж, ставший предшественником клипа, появился в изобразительном искусстве эпохи модернизма как особая техника создания картин путем наклеивания фрагментов газет, цветной бумаги, отделочных материалов, кусков проволоки, веревок, дерева, пластмассы. Далее важную роль в этом сыграли комиксы со своей структурой множества картинок, культура музыкальных клипов, череда картинок, создающих некоторое настроение, и, наконец, мощная индустрия рекламы, где выдача информации сжимается до предела.

Хореография не является исключением. В танце с вещами в современных произведениях трудно найти логику в манипуляциях танцовщика с предметами, в сущности, это делать и не надо. Танец с предметом предстает как цепь сменяющих друг друга картинок, эпизодов, которые намекают на различные ситуации, обстоятельства, моменты. Зритель сам выхватывает ту информацию, которая сейчас трогает его, интересует его на сегодняшний момент. В балете Евгения Панфилова «Мужики и бабы» есть женский танец с подушками. Быстроменяющиеся картинки раскрывают тайные желания девушек, и подушки создают образы дома, ограды, пряника, беременности, ребенка.

Ценность произведений, построенных по принципам клиповости или коллажности, заключается в том, что, просматривая их в последующие разы, для зрителя открывается возможность вычленивать для себя совершенно иные событийные пласты. Такие произведения можно смотреть неограниченное количество раз, при этом всегда будет возникать чувство открытия и новизны.

Прием деконструкции

(выявление внутренней структуры)

Современные деятели искусств все больше в своем творчестве обращаются к идее, что целое – это множество несовместимых друг с другом частей. Разбор целого на части и их пристальное изучение – еще один прием хореографов, который мы также относим к инновациям.

Вся эстетика классического балетного театра была основана на демонстрации легкости и воздушности танца, поэтому считалось необходимым скрывание мышечных усилий при исполнении балетных па, пошив костюмов из тонких и легких тканей, создание специального бутафорного реквизита и атрибутов танца (более легкого по весу и стилизованного под эстетику костюма), маскиров-

ка механизмов, которые приводят в движение декорации, создают сценические эффекты.

Эстетика современного театра не просто демонстрирует способы создания того или иного элемента спектакля, как он устроен внутри, как он приводится в рабочее состояние, но и использует это как композиционный прием. Например, в балете Ирины Бржевневой «Минус версия» танец с видеокамерой, которая присоединена к проектору, получается зритель, одновременно видит танец традиционно со своего места из зала и видит его внутри так, как его видит танцор. К наиболее популярным в хореографии можно отнести следующие действия: вырезание из ткани деталей и прилаживание этих частей к костюму, вырывание из бумаги фигурок или просто разрывание ее в клочья, вспарывание подушек и вынимание наружу перьев и пуха, высыпание содержимого сумок, корзин, банок на сцену, извлечение вещей из упаковки (бумаги, коробок, футляров).

Хореографы в своих постановках используют громоздкие, тяжелые и неудобные для танцора бытовые вещи (предметы мебели), однако они хорошо соответствуют приземленной, силовой эстетике танца и приближенным к бытовым костюмам исполнителей. Зачастую во время танцевального действия артисты всевозможными способами складывают и раскладывают диваны, раскладушки, стулья, открывают и закрывают дверцы, выдвигают ящики столов, шкафов, достают их содержимое. В книге «Ролан Пети» В. Чистякова пишет: «Хореографическое решение спектакля «Юноша и смерть» было тесно связано с декорациями Жоржа Вакевича». «Сцена представляла собой ателье художника, расположенное в мансарде. Мастерская была загромождена железной кроватью, столом, стульями, плитой, умывальником, гипсовыми слепками, холстами, рамами, угломерами, расставленными и разбросанными в беспорядке» [5, 36]. Впоследствии все вещи вовлекались танцорами в буйное действие, создающее образ разрушения и хаоса.

В основе данного приема отчасти лежит тенденция современной художественной практики, стирание граней между результатом творческого процесса (собственно готовым произведением искусства) и актом его творения. Процесс творения зачастую превалирует над самим результатом, например в «хепенингах», «перформансах». Хореографический спектакль как сценическое действие все же отличается организованностью и плановостью, но показ действия творения, моменты импровизации, расчленения часто используются хореографами как выразительный прием. В спектакле Мориса Бежара «Хепенинг вокруг Скарлатти» молодая танцовщица, обернутая с ног до головы лейкопластырем, на протяжении всей оперы красила ногти, слепой с белой тростью сидел перед светящимся телеэкраном, «статисты в костюмах

лакеев переносили с места на место стопки тарелок и по окончании каждой из арий роняли их со страшным грохотом» [4, 128].

Символичность

Символы – это одна из древнейших форм отражения действительности в художественной культуре, некий связующий компонент его смыслового пространства. Через символы передается накопленный духовный опыт жизни человека в природе и социуме. Условный язык символа основывается на формах ассоциативного восприятия видимого и невидимого мира.

Предметы быта употреблялись как символические предметы уже в древних ритуальных танцах. Бытовая вещь или предмет по принципу «соответствия и подобия» выступал в танце как зримый образ смысла обряда или ритуала. Э. А. Королева в своей книге «Ранние формы танца» отмечает: «Широко распространенны среди земледельческих племен танцы с ритуальными чашами. Об их ритуальном значении свидетельствуют сохранившиеся внутри них следы огня. Очевидно, они использовались в обрядах, связанных с культом Солнца. Но сосуды на антропоморфных подставках были, по всей видимости, одновременно связанными с заклинанием дождя. На некоторых из них изображены женские груди, что ведет нас к архаическому ряду понятий: великое женское божество – молоко – дождь (небесная вода)» [2, 166]. Аграрная направленность древнего производства закреплялась за вещами, атрибутами обрядовых танцев символическое значение плодородия во всех его проявлениях (плодородие земли, домашних животных, деторождение).

Символом прародителей являлись разнообразными каменные, тряпичные, деревянные куклы и статуэтки животных. В книге В. Я. Проппа находим: «В память умершего члена семьи делали деревянного болвана или куклу, которые считались вместилищем для души покойного. Изображение это кормили всем тем, что ели сами, и вообще ухаживали за ним, как за живым, и тогда умерший, инкарнированный в этой кукле, будет оказывать помощь» [6, 285].

Система взглядов на символическое предназначение предметов быта в обрядовых действиях усложнялась на протяжении веков. Дело в том, что магическое значение атрибута не только передавалось из поколения в поколение, но и приобретало много новых значений, не отрицая полностью старых. Например, один из распространенных предметов славянских обрядов, а на сегодняшний день популярный атрибут танцев – полотенце являлось оберегом, выступало знаком принадлежности к определенной семейно-родовой общине, осмыслялось как предмет, воплощавший души предков, прародителей, внимательно наблюдавших за жизнью живых. Полотенце было важнейшим атрибутом сва-

дебного, родильного, погребально-поминального ритуалов.

Символика вещей в хореографии носит характерные черты исторических эпох, национальных культур, социальных групп, например, символические понятия русских соответствуют символическим системам общеевропейских цивилизаций. Существуют общепринятые значения, понятные широкому кругу людей, и другие – понятные только посвященным, например, символика балета понятна профессионалам и любителям этого вида искусства. Любые изменения в жизни человеческого общества влияют на изменение символических смыслов. В контексте современности прежние символы приобретают новые смыслы.

В современном хореографическом искусстве новые символические значения, которые присваиваются бытовым предметам, заимствуются из национального наследия других культур (живой интерес к культурам Дальнего Востока и Азии), из сохранившихся знаний древних или исчезнувших цивилизаций, из фантастической литературы. Доминирование темы ирреального в современных балетных спектаклях привело к тому, что символические значения вещей не всегда отвечают основному принципу «соответствия и подобия».

Вышеизложенное подтверждает мысль автора, что танец с вещами является обязательной частью современного спектакля. Вещи участвуют в процессе создания новой формы хореографического произведения, которая способна выразить идеи современной жизни. Форма современного произведения – явление сложное и многозначное, в котором наряду с традиционными средствами выразительности (например, такими, как танцевальные движения, музыка, драматургия, изобразительное искусство) возникают и доминируют новые свето-видеоаудиоприспособления, телевидение. В танце с вещами хореографы также активно заимствуют и усваивают авангардный опыт других видов художественной деятельности. Традиционные и новаторские приемы всецело подчинены идее формообразования спектакля, которая главенствует в современном хореографическом искусстве.

Примечания

1. Ванслов В. В. Статьи о балете. Л.: «Музыка» 1980. С. 192.
2. Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишинев: «Штиинца», 1977. С. 216.
3. Суриц Е. Я. Балет и танец в Америке: очерки истории. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 392.
4. Бежар М. Мгновение в жизни другого: мемуары / пер. с фр Л. З. Зониной. М.: В/О «Союзтеатр» СТА СССР, 1989. С. 238.
5. Чистякова В. В. Ролан Пети. Л.: Искусство, 1977. С. 168, 12 л. ил. (Сер. «Мастера зарубежного театра и кино»).

6. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов. М.: «Лабиринт», 1998. С. 512.

УДК 008.001В544

Е. Б. Витель

МАССОВАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ИСТОКИ ГЕДОНИЗМА

В статье исследуется развитие гедонической функции, характеризующей современную массовую музыкальную культуру, которая автором рассматривается как заключительный период развертывания антропоцентрического типа художественной культуры.

The article analyses the development of hedonic function which characterizes modern mass musical culture regarded by the author as the final period of evolution of anthropocentric kind of artistic culture.

Ключевые слова: массовая музыкальная культура, гедонизм, антропоцентризм.

Keywords: mass musical culture, hedonism, anthropocentrism.

Массовая музыкальная культура в настоящее время составляет предмет исследования одновременно нескольких научных направлений: эстетики, культурологии, социологии, психологии искусства, искусствоведения, музыковедения. С позиции культурологии актуальным представляется выявление генетических корней ведущей функции массовой музыки, позволяющее получить ответ на вопрос, что собой представляет данный феномен в контексте разворачивания антропоцентрической культурной парадигмы, и в результате прояснить причины ее видимой звуковой «агрессии».

Отметим, что в последнее пятидесятилетие сложился стереотип в оценке популярной музыки как псевдокультуры и в понимании ее как низкого жанра, противоположного высокой классике. Однако кажется неправомерным размещать на одной плоскости для аксиологического сравнения современную развлекательную музыку и классическую (именно потому, что последняя является до-современной), а также рассматривать гедонизм в популярной современной музыке как взявшийся ниоткуда и не имеющий своих генетических корней в музыке прошлых эпох.

Ведущая функция современной музыкальной популярной культуры – гедонизм вызревал постепенно в недрах массового воспринимающего сознания. В античную эпоху музыка понималась как возможность материализации человеческого представления об идеале, растворенного в античном

© Витель Е. Б., 2009

космосе, как средство «возделывания» человека, поэтому функция музыки сводилась к воспитанию, но такому, которое при достижении идеала мыслилось как благо и предполагало удовольствие (Эпикур).

В эпоху средневековья культовая музыка, являясь одним из атрибутов церковного служения, требовала от воспринимающей стороны духовной чистоты и святости, ее присвоение сопрягалось с совершенствованием человеком своей духовной сущности. Неприятие гедонизма выражалось в безэмоциональности, аскетичности и отрешенности музыки, в насыщенности религиозной символикой, исключающей всякую искусственность.

Теоретическое осмысление гедонизма содержится в эстетике Возрождения. Подобно тому, как эпикурецы связывали наслаждение с достижением счастья и блаженства, авторы трактатов по истории и теории музыки – Иоанн де Грохео, Глареан, Франсиско Салинас, Джозеффо Царлино связывали значение музыкального искусства с пользой, а в последней находили удовольствие. «...Дух угнетенный и вялый, – писал Царлино, – восстанавливается воздушными дуновениями и звуками, и песнями, которые для него являются подходящими лекарствами, а душа, заключенная в нашей телесной темнице, утешается путем высоких и божественных таинств святого богословия. Такую-то пользу приносит нам музыка» [1, с. 609–610]. Глареан называл музыку «матерью наслаждения». С конца XV в. художественное творчество превратилось в «изящное украшение двора», в наслаждение, которое уже рассматривается не как следствие достижения блага, а как собственно благо. Эту мысль настойчиво проводит Валла в трактате «Об истинном и ложном благе»: «Наслаждение – это благо, к которому повсюду стремятся и которое заключается в удовольствии души и тела; почти как определил его Эпикур. Греки называют это благо “гедонэ”». Далее Валла цитирует Цицерона, который в это греческое слово вкладывал уже несколько иной смысл: «радость в душе от сладостного возбуждения и удовольствие тела» [2, с. 82]. Через удовольствие и наслаждение определяется ценностный показатель других полезных человеку вещей. «Красота помещается среди благ, ибо услаждает глаза», – пишет Валла (Там же).

Возрожденческая идея «свободного искусства» начала воплощаться в музыке *ars nova* (Тrecento), что выразилось в возникновении произведений светского содержания (Иоанн Флорентийский, Гирарделло, Казелла, Якопо Болонский и др.). В Quattrocento необычайную популярность приобретает бытовая песенно-танцевальная музыка – баллата (танцевальная песня), фроттола («песнь толпы»), вилланелла (крестьянская песня), мадригал, французская *chanson*. Понятно, что в противоположность церковной полифонической музыке ее

восприятие, равно как и исполнение, не предполагало «духовного делания». Искусство стало пониматься как средство сохранения здорового тела, освобождения его от душевных и телесных невзгод (К. Раймонди).

В Новое время начался закономерный с точки зрения культурогенеза процесс выделения из целостной области музыкального художественного творчества штудий профессионального музыкального искусства, а вместе с ним развитие исполнительства и профессиональных композиторских школ. Распространение светских жанров, развитие инструментальной и жанрово-бытовой музыки способствовало рождению слушательской аудитории и оформлению ее эстетических вкусов и запросов. Если результатом воздействия «свободного искусства» на человека должно явиться наслаждение (Паоло Верджерио), то понятно, что эстетические потребности массового слушателя основывались на ожидании удовольствия, что выдвигало требование создания музыки понятной и доступной большинству. Поэтому развитие жанров инструментальной музыки в XVIII в., особенно крупных циклических форм (сонаты, концерта, симфонии), впервые вызвало идею демократизации искусства как реакцию воспринимающего сознания на усложнение содержания музыки. Действительно, суть сонатного аллегро – формообразующего конструкта сонатно-симфонического цикла – заключалась в изложении логики преодоления пары противоречивых образов: их экспозиции, развитии и ликвидации противоречия. Форма четырехчастной симфонии репрезентировала развернутую концепцию, в которой изначально заданный контраст (конфликт) двух образов через жанровый синтез находил исчерпывающее объяснение. Понятно, что интерпретация содержания циклического произведения, представляющего философское эссе, выраженное языком музыки, зависела от уровня подготовленности аудитории и требовала от воспринимающей стороны немалого интеллектуального напряжения. Результатом «проделанной работы» могло явиться ожидаемое удовольствие от соприкосновения с содержанием произведения (в полном соответствии с идеей *artes liberales*), однако массовый слушатель в качестве целенаправленного «делания» избирал узнавание известных ему образов песенно-танцевальной музыки, в результате чего эта «радость узнавания» идентифицировалась с получением удовольствия.

Очевидное несовпадение авторского и воспринимающего художественного сознания выразилось в различном понимании идеи демократизации музыки: художественное сознание акцентировало значение народно-национальных корней в музыке в рамках «серьезных» жанров – симфонии, оперы, концерта и др. (позже с этим связано появление песенной симфонии, песенной оперы), в то время

как массовая слушательская аудитория ожидала повышение «гедонистического градуса» – музыки отдыха и удовольствия, не предполагающей интеллектуального напряжения в процессе освоения крупных форм.

Музыкальная практика романтической эпохи освобождается от прошлых «больших» целей – совершенствования человека, поиска идеала и стремления к достижению абсолютных ценностей. Поэтика собственного «я», любовные страдания переживающей личности становятся в центре внимания романтического типа художественного мировосприятия. В начале XIX в. в столицах европейских государств становятся модными места общественных развлечений, оформляемые песенно-танцевальной музыкой, развитие получает домашнее музицирование, в музыкальных салонах быстро распространяется танцевальная бытовая музыка, в частности вальс, музыкально-театральная музыка обогащается новым жанром оперетты. Популярность приобретают композиторы, обращаясь к легкой, развлекательной музыке: Й. Ланнер, Штраус-отец, Штраус-сын. Необычайно востребованными в эту эпоху оказались жанры вокальной и инструментальной миниатюры, отвечающие эстетическим запросам европейского общества (Шуман, Шуберт, Шопен). Известно, что Шопен после опыта сочинения произведений крупной формы (Вариаций В-Dur для фортепиано с оркестром op. 2, Сонаты c-moll op. 4, Рондо op. 5, Концерта фа минор, Большой фантазии на польские темы op. 13) обращается к бытовым жанрам – полонезу, вальсу, мазурке.

Эстетизация удовольствия стала одним из объектов критики противников романтизма. П. Сорокин видит причину кризиса европейской культуры в том, что из идеационального типа культуры она перешла в чувственный и снизошла до уровня чистого развлечения и «производства ценностей товарных». Говоря о чувственном искусстве, Сорокин пишет: «Его цель – доставить чувственное тонкое наслаждение: расслабление, возбуждение усталых нервов, развлечение, увеселение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетичным, чувственным, постоянно ищущим нечто новое. Оно отмечено возбуждающей наготой и сладострастием. Оно свободно от религии, морали и других ценностей, а его стиль – «искусство ради искусства» [3, с. 437]. Искусство для удовольствия быстро нашло своего массового слушателя. При этом вопрос о пользе его воздействия на человека оставался для множества творцов этой культуры делом вторым. «Кого сейчас, кроме маленькой кучки старомодных чудаков, интересует искусство, которое не расслабляет, как цирк, как внимание очаровательной девушки, как стакан вина или хорошая еда?!» – писал П. Сорокин [4, с. 451]. Не случайно Р. Вагнер поднял

вопрос о роли искусства в жизни человека («Искусство и революция»), обращая внимание на опасность преобладания в музыке гедонистической функции и выступая против эстетической продукции в угоду вкусам. «Я существую не для того, чтобы зарабатывать, но чтобы творить», – писал композитор, видевший в гедонизме не только снижение значения искусства, но и причину разобщенности общества.

История музыкальной культуры показывает, как постепенно гедонистическая функция выдвигается вперед: в античной эстетике «гедонэ» фиксируется как естественное присутствие в структуре творческого акта, как результат движения к идеалу в процессе творческой (мусической) деятельности. В средневековье гедонизм признается как бесполезная для человека субстанция и на этом основании исключается. Эстетика Возрождения превращает гедонизм в самодостаточную функцию искусства, дает толчок к возникновению профессионального искусства. Новое время порождает реципиента восприятия и репродуцируемую им идею демократизации музыки, а в романтизме гедонистическая функция становится смыслом творческой (музыкальной) деятельности. Развитие гедонистической функции в XX в. из маргинального в прошлом свойства художественной деятельности «разрешилось» десакрализацией искусства (на примере популярной музыки) и превращением его в обиходный товар.

Содержание и форма эстрадной музыки оказываются детерминированными эстетическими вкусами слушательской аудитории. При этом массовый слушатель выступает в роли заказчика, предопределяя направленность творческого процесса композитора, «привязывая» его к уровню собственной музыкальной и общей культуры. С этим связано преобладание песенного жанра и куплетной (куплетно-вариационной) формы, предельно упрощенной гармонической мажоро-минорной основы; регулярно-акцентной метрики, акцентной «ударной» ритмики, периодичной структуры. Эту совокупную «несущую конструкцию» популярной музыки слушатель идентифицирует как «свою», то есть понятную, доступную и легко воспроизводимую. Композитор обязан следовать вкусу слушательской массы, поскольку выполняет не собственно художественную функцию (как творец нового), а изготавливает новый продукт. Специфика отношений композитора со своим слушателем выражается в том, что слушатель обладает большей свободой, чем автор, а также в том, что воспринимающее сознание подчиняет себе творческое. Дело не в том, что автор песенной музыкальной продукции не может встать на революционный путь разрушения лада и тональности, как эти сделали в начале века Шёнберг, Берг, Веберн, а в том, что музыка, требующая напряжения интеллектуальных сил, духовного «делания», потеряет массового слу-

шателя (а вместе с тем перестанет быть прекрасной).

Рассматривая генезис гедонистической функции под углом зрения системной методологии, отметим, что явление, при котором «система проходит новые состояния, подобные, но не тождественные тем, которые она проходила раньше» [5, с. 33], вполне закономерен. Согласно теории циклически-волнового развития, причиной самодвижения объектов является наличие пары противоположных полюсов «+» и «-», которые в ходе саморазвития постепенно меняются местами и противоречие объекта «А» переходит в себе противоположное [6, с. 5].

Поскольку гедонизм связан с искусством, являясь его функцией, то сравним понимание функции искусства в начале волны (в античности) и в конце (XX в.). В античности понимание гедонизма сводимо к тезису: искусство, которое полезно для человека, есть в то же время искусство прекрасное, и в таком виде оно доставляет удовольствие; тезис потребителей современной музыкальной культуры звучит так: искусство, которое доставляет удовольствие, ценно и прекрасно. Прекрасное как цель превратилось в результат, и наоборот: гедонизм из второго плана (следствия) переведен в первый (цель). Налицо смена полюсов движения, переворачивание «волны» единого цикла. Исходная цель художественной деятельности заключалась в облагораживании человека средствами прекрасного, что предполагало приращение, новообразование личности. Современная массовая культура, в противоположность этому, сама управляет художественным процессом, выбирает для себя предложенное, ранжируя произведения искусства и определяя его ценности. Воспринимающее сознание подчиняет себе сознание творческое, а потребление культуры выливается исключительно в удовлетворение гедонистической потребности. В легкодоступном, а значит, профанном искусстве отмирает сама возможность интеллектуального приращения. Означает ли это гибель искусства? Думается, что завершение цикла свидетельствует о конце только одного типа культуры – антропоцентрического. В глубинах антропоцентризма как протест против культуры, взрастившей гедонизм, и как начало новой волны родилась и открыто предстает (в форме элитарного искусства) принципиально иная культура – концептуальная, не отражающая объективный мир, а творящая новую художественную реальность средствами искусства.

Примечания

1. Царлино Дж. Установление гармонии // Эстетика Ренессанса: антология: в 2. т. Т. 2. / сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М., 1981.

2. Валла Л. Об истинном и ложном благе // Эстетика Ренессанса: антология: в 2. т. Т. 1. / сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М., 1981.

3. Соколин П. А. Человек. Цивилизация. Общество, 1992.

4. Там же.

5. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. 2004.

6. Соколов Ю. Н. Теория цикла // Циклические процессы в природе и обществе: м-лы Первой междунар. конф. / под ред. В. Д. Чурсина. Ставрополь, 1993. С. 5–18.

УДК 793:316.77

Д. Г. Букланс

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИГРЫ КВН

Работа посвящена коммуникативным аспектам игры КВН, ранее не рассматриваемым в литературе. Проводится анализ функционирования в игре КВН структурных элементов коммуникативного процесса, прослеживается специфика различных уровней коммуникации, формирующаяся в рамках игровой модели КВН.

The work is dedicated to the communicative aspects of the game KVN which have never been examined before. The author analyses functioning of the communicative process structural elements in the game, examines the specific character of different communicative levels which are formed within the game model of KVN.

Ключевые слова: КВН, коммуникация, сцена, пространство, аудитория, информация, роль, адресат, телезритель, канал, сообщение.

Keywords: KVN, communication, stage, space, audience, information, part, addressee, TV viewer, channel, message.

Феномен игры КВН, вызывающей на современном этапе не только практический, но уже и научный интерес, исследователи рассматривают с различных точек зрения: как элемент культурно-исторического процесса (С. Янишевский [9], К. Маласаев [3]), как элемент педагогического процесса (А. Захарченко [1]), как игровые технологии (М. Марфин, А. Чивурин [4]). Помимо этого игра КВН формирует коммуникативное пространство, поддающееся классификации и изучению с точки зрения теории коммуникации. Между тем в обозначенном аспекте данная проблема не становилась предметом научного исследования.

Особое коммуникативное пространство, формирующееся в рамках игровой модели КВН, включает несколько составляющих разного масштаба.

Первый уровень – пространство сценическое, непосредственная территория реализации игры. Чаще всего основное действие происходит на аван-

сцене, что позволяет максимально сократить расстояние от актеров до зрителей и тем самым усилить энергетическое взаимодействие, одновременно укрупняя объект визуализации. В связи с этим КВН не требует большого сценического пространства, за исключением тех редких массовых элементов шоу, когда к отдельному эпизоду игры привлекается большое количество актеров-статистов или танцоров. Для КВНа характерно сознательное ограничение сценического пространства с помощью ширмы, которая может находиться в глубине сцены или на авансцене. Считается, что команда, выступающая без ширмы, обладает большей энергетикой и профессионализмом, умением держать зал, поскольку не нуждается в искусственном ограничении пространства. И напротив, неопытная, нехаризматичная команда может «не выдержать» энергетику большой сцены и «потеряться» на ней. На сцене происходит постоянная перекрестная коммуникация между всеми участниками действия, включая актеров, игроков и ведущих.

Второй уровень КВН-пространства – т. н. закулисы. В качестве коммуникаторов выступают актеры и их помощники (выполняющие роли суфлера, гримера, костюмера, звукооператора, осветителя, администратора, отвечающего за реквизит, микрофоны и т. д.). Это производственный уровень коммуникаций, который не должен быть замечен зрителями, иначе создается впечатление ошибки, низкого качества шоу (исключение одно: если это используется как намеренный юмористический прием).

Третий уровень КВН-пространства – зрительный зал. Его непосредственная функция, совпадающая с функцией зала в театральных постановках, музыкальных и других концертах, – реакция на действие, в случае игры КВН – реакция смехом, выражающая одобрение и понимание. На этом важном и достаточно сложном уровне происходит несколько коммуникационных процессов: взаимодействуют актеры и зрители, выражающие ответную реакцию; ведущий и зрители; ведущий и члены жюри – главным образом в момент выставления оценок и обсуждения; иногда зрители становятся активными участниками действия, включенными в него игроками (к таким приемам обращались в разное время команды «Новые армяне», БГУ, НГУ и др.). В реализации такого приема используется два варианта: либо актеры спускаются в зал и общаются со зрителями, либо вызывают их на сцену для исполнения какой-либо роли. В первом случае для зрителя это может быть неожиданностью, во втором возможны заранее осужденные договоренности.

Четвертый уровень – экранные коммуникации телезрителей, разбеденных пространственно и, в большинстве случаев, отстоящих во времени от факта проведения игры (исключение – прямой

эфир, широко распространенный в 60–70-е гг., периодически использовавшийся в 80–90-е гг. и исключенный из практики в последние годы).

Первый и второй из рассмотренных уровней являются формами реализации межличностных коммуникаций, поскольку представляют собой непосредственное общение немногочисленной и замкнутой группы профессионалов. Третий и четвертый уровни ориентированы на массовое восприятие информации и в телевизионной версии используют опосредованные каналы коммуникации. Обе составляющие в результате формируют комплексное коммуникативное пространство игры.

Ориентируясь на классификацию элементов коммуникации, представленную в работах А. Б. Зверинцева «Коммуникационный менеджмент» [2] и Г. Г. Почепцова «Теория и практика коммуникации» [6], проследим, как они реализуются в сфере КВН.

Характеристики массовой коммуникации (в первую очередь проявляющиеся в телевизионном КВНе):

- опосредованность общения с помощью технических средств (телевидение – для трансляции игр, интернет – для информирования, обсуждения и также трансляции);
- общение больших социальных групп (масштаб игры международный, где действуют скорее не территориальные, а языковые ограничения: КВН – русскоязычная игра);
- организованный, институциональный характер общения (в качестве проработанных механизмов назовем следующие: подготовка и проведение конкретной игры; организация телетрансляции; работа с болельщиками и группами поддержки; деятельность региональной или международной Лиги КВН, как правило, являющейся юридическим лицом; наконец, деятельность Международного Союза КВН, объединяющего все остальные уровни);
- отсутствие непосредственной связи между коммуникатором и аудиторией в процессе общения (всегда реализуется в телевизионной форме);
- повышенная требовательность к соблюдению принятых норм общения (к ним относятся: направленность на получение смеховой реакции зрителей; обязательное присутствие жюри, выслушивание их мнений и принятие выставленных оценок; установление запретов на пошлые и «черные» шутки, на плагиат – этот запрет специально зафиксирован в указе президента Международного Союза КВН [5]);
- коллективный характер коммуникатора и его публичная индивидуальность (основной коммуникатор в КВН – это команда, также в качестве авторитетного коммуникатора выступает ведущий);
- массовость, публичность, социальная актуальность и периодичность сообщений (КВН работает с массовой аудиторией, включающей и игроков, и болельщиков; основным принципом комму-

никации является публичность действий и дальнейшего обсуждения; тематическая связь шуток и игр с наиболее актуальными социальными явлениями; периодичность контактов определяет график сезона каждой лиги);

– массовая, стихийная, анонимная, разрозненная аудитория (хотя и считается, что зрительская аудитория КВН достаточно сформирована, поскольку основана на общем увлечении, массовость, анонимность и разрозненность являются, тем не менее, существенными характеристиками аудитории).

Характеристики межличностной коммуникации (реализуемые в первую очередь во внеэфирном КВНе):

– непосредственный контакт в общении (команда и ведущий на сцене – зрители в зале);

– общение в основном отдельных индивидов (общение между участниками команды; между ведущим и командой, ведущим и зрителями; в некоторых случаях – между игроками и отдельными зрителями);

– наличие непосредственной обратной связи между общающимися в процессе коммуникативного акта (смеховая реакция зрителей как высокая оценка юмора, отсутствие реакции – как низкая оценка; баллы, выставляемые членами жюри и определяющие место команды в конкретной игре и дальнейшую турнирную судьбу);

– переменная смена направленности информации и коммуникативных ролей (явные коммуникативные роли в процессе игры выполняют игроки, ведущий, члены жюри – попеременно и иногда одновременно; зрители, как правило, остаются в статусе получателей информации);

– реципиент – отдельный конкретный человек (здесь необходим комментарий: зритель в зале, получающий непосредственное общение, воспринимается как часть зрительской массы; напротив, телезритель является индивидуально реагирующим реципиентом, несмотря на то, что сумма телезрителей трансляции игры несоизмеримо больше, чем аудитории конкретного зала).

Таким образом, в системообразующих формах игры КВН реализуются в равной степени характеристики и массовой, и межличностной коммуникации. В целом необходимо отметить преобладание качеств массовой коммуникации.

Рассмотрим далее базовые элементы коммуникативного процесса и особенности их функционирования в игре КВН.

1. Источник (отправитель, адресант) информации, основная функция – генерация и передача информации, необходимые условия успешности – авторитетность для получателя информации и умение сформулировать информацию в соответствии с целями коммуникации.

В игре КВН в качестве источника юмора выступает автор (создатель) шуток и сценария, незави-

симо от количества создателей (автор или авторский коллектив) и их персонификации (известен автор аудитории или нет).

Для зрителей источником юмора чаще всего становится не автор, а исполнитель или рассказчик. В сценической форме это может быть актер, произносящий шутку или играющий соответствующую роль, созданную автором. В бытовой форме это человек, пересказывающий уже известную комическую ситуацию дальнейшей аудитории. Обязательное условие – функционирование этой категории – отсутствие факта авторства комического содержания (иначе рассказчик переходит в разряд авторов). В строгом смысле исполнитель является транслятором, каналом, посредством которого продукт юмора (шутка или игровая ситуация) становится доступен аудитории при условии непосредственного общения, несмотря на то, что с точки зрения воспринимающих рассказчик является адресантом, первоисточником.

2. Сообщение (собственно информация). Выражается в вербальной и невербальной форме.

В КВНе единицей сообщения является шутка, на основе которой формируются тематические номера (музыкальные, театральные, литературные), текстовые блоки, конкурсы (в число основных, варьируемых в разных играх конкурсов, входят «приветствие», «разминка», «музыкальный конкурс», «домашнее задание», «фристайл», «биатлон», «СТЭМ», капитанский конкурс). У постоянных зрителей есть достаточно четкое представление о том, юмор какой формы будет предложен в том или ином конкурсе, и зрительская реакция, а также оценки жюри, могут зависеть не только от качества юмора, но и от соблюдения рамок и правил конкурса.

3. Кодировка сообщения (набор операций, производимых с передаваемой информацией для обеспечения ее максимальной доступности получателю). К кодирующим инструментам относятся выбор стиля, семантики, лексики, система знаков и кодов, понятных получателю, который производит декодировку сообщения. Правильное кодирование, без помех и шумов, обеспечивает соответствующее декодирование, свободное от сбоев и искажения информации.

В КВНе кодирующие функции выполняют следующие факторы: специфика национального языка, его выразительно-образительные возможности (например, в русском словесном юморе для создания комического эффекта активно используются каламбуры, созвучия, многозначность слов и т. д.); сиюминутная социальная, политическая, культурная ситуация, способная стать предметом юмора в силу своей актуальности; апелляции к широко известным, не зависящим от конъюнктуры именам, фактам, художественным произведениям; «модные» в данный период в молодежной

субкультуре жесты, фразы, темы и т. д. Соответственно, декодируя сообщение, аудитория должна опираться на собственное знание всех компонентов и использовать их для восприятия текстов и игры.

4. Канал (средства передачи информации). В опосредованных формах коммуникации используются СМИ, рекламные носители, в непосредственных – вербальное и невербальное общение.

В качестве коммуникационного канала КВН выступает телевидение (для телезрителей), Интернет (для пользователей), сцена и зрительный зал (для находящихся в нем), непосредственное общение (для «бытового» юмора).

5. Получатель (адресат). Может быть отдельным человеком или группой лиц, объединенных или не объединенных общим пространством и временем.

В качестве адресата выступает слушатель, зритель – в индивидуальном варианте, и аудитория, зал – в коллективном.

6. Обратная связь (реакция получателя на общение). Успешность всего процесса коммуникации, при важности каждого из его этапов, определяется именно наличием и качеством обратной связи, т. е. пониманием получателем переданной ему информации и его оценкой.

Подчеркнем принципиальную разницу восприятия КВНовского юмора зрителями, находящимися на игре в зале, и телезрителями. Для первого типа восприятия характерен эффект массы, толпы, в которой ответная реакция индивида на сценические действия на сценические действия попадает в эмоциональное поле реакции зала, для второго – индивидуальная интеллектуальная работа.

Если шутка не понята телезрителем, обратиться за объяснением не к кому.

Таким образом, КВН четко реализует все обязательные для коммуникативного процесса элементы и этапы, обеспечивая постоянную устойчивую связь между меняющимися адресантами и еще более меняющейся аудиторией получателей информации. В целом коммуникативное пространство игры КВН представляет собой сложный комплекс каналов общения, условий, правил, участников, элементов, которые на протяжении почти полувека позволяют игре быть востребованной и популярной и среди зрителей разных поколений и стран, и среди непосредственных активных участников игрового процесса.

Примечания

1. *Захарченко А. Е.* Организация досуговой деятельности учащейся молодежи в условиях влияния массовой культуры: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2008.
2. *Зверинцев А. Б.* Коммуникационный менеджмент: рабочая книга менеджера PR. СПб., 1997.
3. *Маласаев К. А.* Смеховая культура города в историко-культурном контексте: СТЭМ и КВН города Томска (вторая половина XX – начало XXI века): рукопись дипломного исследования. Томск, 2004.
4. *Марфин М.* Что такое КВН. М., 2002.
5. Официальный сайт Международного Союза КВН: www.amik.ru.
6. *Почепцов Г. Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998.
7. *Татарина Г. Н.* Управление общественными отношениями: учебник для вузов. СПб., 2004.
8. *Шарков Ф. И.* Теория коммуникаций. М., 2004.
9. *Янишевский С. А.* КВН как социокультурное явление: генезис, история развития, современное состояние: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНОШКИН Артем Александрович – аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. 614600, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29а.

E-mail: sirartemcamelot@rambler.ru

БОГДАНОВА Лейла Альбертовна – аспирант кафедры культурологии и философии Казанского государственного университета культуры и искусств. 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, д. 3.

E-mail: leila-bogdanova@mail.ru

БОРОЗИНЕЦ Григорий Ленфридович – кандидат философских наук, доцент, директор Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии. 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Юбилейная, д. 14.

E-mail: ubmuh@online.ru

БУКЛАНС Дмитрий Григорьевич – директор Областного дворца молодежи. 610002, г. Киров, Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ВИТЕЛЬ Елена Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и теории музыки Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 156001, г. Кострома, ул. Первого мая, д. 14.

E-mail: dacapo2008@yandex.ru

ВИТЯЗЕВ Александр Клавдиевич – кандидат социологических наук, начальник научного отдела Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии. 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, д. 3.

E-mail: ubmuh@online.ru

ГРИГОРЬЕВА Наталья Игоревна – аспирант кафедры философии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. К. Минина, д. 31а.

E-mail: Natalia_85@bk.ru

ДЖИЧОНАЯ Магда Алексеевна – зам. декана факультета «Народное художественное творчество» Института танца Государственной академии славянской культуры, доцент кафедры декоративно-прикладного творчества и народных промыслов. Москва, ул. Героев Панфиловцев, 39, кор. 2.

E-mail: magda-79@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО Игорь Валерьевич – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета – УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: uskino@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО Лиана Инсафовна – аспирант кафедры культурологии и философии Казанского государственного университета культуры и искусства, старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин Набережночелнинского филиала Института экономики управления и права (г. Казань). 423822, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, просп. Набережночелнинский, д. 31.

E-mail: Liana.Chelny@Mail.ru

ЕМШАНОВ Александр Леонидович – кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

КИРЕЕВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры теоретической и прикладной культурологии Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7.

E-mail: gra-olgakireeva@mail.ru

КОРЖАВИН Павел Борисович – аспирант кафедры теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры. г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39, кор. 2.
E-mail: korzhavinpb@mail.ru

ЛАЗУТИНА Татьяна Владимировна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.
E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

МАСЛОВ Вадим Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (НГТУ). 603600, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.
E-mail: filosof6@ntnu.nnov.ru

МАХИЯНОВА Алина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.
E-mail: kgeu@kgeu.ru

МЕЛЕХИНА Марина Борисовна – аспирант кафедры культурологии Коми государственного педагогического института. 167610, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.
E-mail: melehinamb@mail.ru

МИХАЙЛОВА Татьяна Леонидовна – кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 603600, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.
E-mail: socavm@rambler.ru

МУРАВЬЕВ Виктор Викторович – кандидат философских наук, доцент, директор Института мировой культуры, иностранных языков, г. Сыктывкар. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7.
E-mail: muravyev@online.ru

МУРУГОВА Вера Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Казанского государственного финансово-экономического института. 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 4.
E-mail: jmalygina@mail.ru,

НАУМОВ Юрий Викторович – аспирант кафедры культурологии и литературы Шуйского государственного педагогического университета. 155600, г. Шуя Ивановской обл., ул. Кооперативная, д. 24.
E-mail: Naymoff@yandex.ru

НЕНАШЕВ Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, Красноармейская, д. 26.
E-mail: mnenashev@inbox.ru

НИФОНТОВ Сергей Анатольевич – аспирант кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета. 620219 г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/ Народной воли, д. 62/45.
E-mail: molodost-ural@yandex.ru

ОЖОГИНА Юлия Валентиновна – аспирант кафедры философии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. К. Минина, д. 31а.
E-mail: julia9966@yandex.ru

ОРЛОВА Светлана Вениаминовна – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермского государственного института искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.
E-mail: vitaminka119@rambler.ru

ПАНАСЕНКО Карина Евгеньевна – кандидат психологических наук, докторант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

E-mail: karinapanasenko@rambler.ru

ПАТЫРБАЕВА Ксения Вадимовна – ассистент кафедры философии экономического факультета, заместитель директора Центра современных технологий обучения Регионального института непрерывного образования Пермского государственного университета; преподаватель кафедры финансов и кредита, кафедры экономики и управления Пермского института экономики и финансов. 614600, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: philosmatem@mail.ru

ПОПОВ Андрей Александрович – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета – УПИ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: intergidravlika@inbox.ru

ПРОХОРОВА Марина Вячеславовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель факультета коммуникативных технологий кафедры методологии, истории, философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 603600, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.

E-mail: filosof6@nntu.nnov.ru

РУЖА Виталий Андреевич – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета – УПИ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», заместитель начальника учебного военного центра УГТУ-УПИ по внеучебной работе. 620002, г. Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: v.ruzha@mail.ru

СИТНИКОВА Елена Игоревна – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ, ст. преподаватель кафедры иностранных и латинского языков Кировской государственной медицинской академии. 610002, г. Киров, Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

СОКОЛОВ Андрей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре социологии Петрозаводского государственного университета. 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33.

E-mail: rovenko@psu.karelia.ru

СЫРОМЯТНИКОВ Олег Иванович – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры философии Пермского филиала Нижегородской академии МВД. 614038, Пермский край, г. Пермь, ул. Веденеева, д. 100.

E-mail: pani_perm@list.ru

ТЕСЛЕНКО Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета – УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. 620002, Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: iv_k@mail.ru

ТУРКУЛЕЦ Светлана Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения. 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85.

E-mail: karinapanasenko@rambler.ru

ХАБИБУЛИНА Лилия Фэатовна – преподаватель Набережночелнинского педагогического колледжа. 420059, Казань, Оренбургский тракт, д. 3.

E-mail: lilia-fiat@mail.ru

ЦЕЛЕПИДИС Наталья Викторовна – заместитель декана факультета хореографии Института танца Государственной академии славянской культуры. Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39, кор. 2.
E-mail: tselepidis@mail.ru

ШАФИГУЛЛИНА Юлия Викторовна – соискатель кафедры философии и социологии Казанского государственного финансово-экономического института, ст. преподаватель кафедры филологии Академии управления ТИСБИ. 420012, Казань, ул. Бутлерова, д. 4.
E-mail: otvet1512@mail.ru

ШЕТУЛОВА Елена Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 603600, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.
E-mail: filosof6@nntu.nnov.ru

ШИХОВА Елена Павловна – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета, г. Екатеринбург. 620049, Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.
E-mail: shihovka@mail.ru

ШУМИЛОВ Владимир Константинович – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары. 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский просп., д. 15.
E-mail: toe_rza@mail.ru

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

1) представить в редакцию

- а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
- б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
- в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);

2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС).

В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Ср.: напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурья А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.

2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

3. *Кутепов В. И., Виноградова А. Г.* Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. *Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А.* Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Специальность
3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
4. Полное название кафедры, вуза
5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail

• Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.

• Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.

• Доктанты и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в **одном** письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
Редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ»,
направление «Философия и социология; культурология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 3(4)

Подписано в печать 25.08.2009 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 1000. Заказ № 1267.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674